

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ВЫСШАЯ

ТАЙНА, РАДИ СОХРАНЕНИЯ КОТОРОЙ
МОЖНО ПОЙТИ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

НА УБИЙСТВО

ДНЕВНИК СЛУЖАНОК

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ **AMAZON.COM**

Annotation

Тайна, ради сохранения которой можно пойти на убийство.

Кит Дарлинг – служанка, которая любит совать нос в жизнь своих богатых клиентов. Это было безобидным хобби до того дня, когда Кит узнает страшную тайну пары, которая ждет своего первенца. Их репутация под угрозой. Они готовы на все, чтобы Кит унесла эту тайну с собой в могилу.

Мэллори ван Альст вызывают на место происшествия в роскошный дом на побережье. Она видит следы жестокого кровавого нападения. Почти нет шансов, что жертва жива. Но тела нет, хозяева и их горничная исчезли, а единственный свидетель – пожилая соседка, которая проснулась ночью от криков. Она последняя, кто видел Кит Дарлинг живой.

Лорет Энн Уайт – лауреат премий «Выбор литературных обозревателей» *Romantic Times*, «Национальный выбор читателей», «Лучшее произведение в жанре саспенс» и участник финала издательского конкурса *Bookseller's Best*.

В прошлом – журналистка и редактор СМИ, работала в Южной Африке и Канаде, но сейчас живет вместе с семьей на острове, недалеко от западного побережья Канады.

Когда Лорет не трудится над очередной книгой, она катается на лыжах, на велосипеде, уходит в радиальные походы вместе со своим псом (известным под кличкой Черный Зверь) или плавает в океане. Она называет это частью своей работы, потому что именно в такие моменты ее посещают блестящие идеи и сюжеты для новых книг.

-
- [Лорет Энн Уайт](#)
 -
 -
 -
 - [Как все закончилось](#)
 - [Безмолвные свидетели](#)
 - [Дневник](#)

- Женщина в окне
- Мэл
- Дейзи
- Дейзи
- Мэл
- Дневник
- Джон
- Дневник
- Мэл
- Дневник
- Джон
- Человек с фотоаппаратом
- Мэл
- Дневник
- Дейзи
- Дневник
- Дейзи
- Дейзи
- Мэл
- Дневник
- Джон
- Человек с фотоаппаратом
- Мэл
- Джон
- Дневник
- Дейзи
- Джон
- Мэл
- Дневник
- Мэл
- Дневник
- Дейзи
- Дейзи
- Мэл
- Дейзи
- Мэл
- Дейзи

- [Дейзи](#)
- [Мэл](#)
- [Джон](#)
- [Мэл](#)
- [Джон](#)
- [Человек с фотоаппаратом](#)
- [Дневник](#)
- [Мэл](#)
- [Дейзи](#)
- [Мэл](#)
- [Джон](#)
- [Мэл](#)
- [Джон](#)
- [Мэл](#)
- [Дейзи](#)
- [Дейзи](#)
- [Дневник](#)
- [Дейзи](#)
- [Мэл](#)
- [Джон](#)
- [Джон](#)
- [Джон](#)
- [Мэл](#)
- [Мэл](#)
- [Последствия](#)
- [Дневник](#)
- [Мэл](#)
- [Мэл](#)
- [Мэл](#)
- [Мэл](#)
- [Дневник](#)
- [Мэл](#)
- [Как все начиналось](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Лорет Энн Уайт

Дневник служанки

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Марлин и Сиду
Спасибо, что терпели меня и Хадсона все это
безумное пожароопасное лето.
Люблю вас обоих*

Как все закончилось

Ей казалось – она балансирует между сном и бодрствованием, плавно переходя из одного состояния в другое. Но нет, это был не сон... Внезапно она поняла, что не спит, что лежит вовсе не в своей постели и что ей грозит опасность... Паника жарко вспыхнула в груди, мешая дышать. Где она?!

Она попыталась сглотнуть, но в горле пересохло. Во рту стоял какой-то странный привкус. Что это может быть?.. Догадка пронзила, как удар электрического тока. Кровь. Это – кровь... Она вздрогнула, дыхание сделалось неглубоким и частым. В страхе она попыталась повернуть голову, но у нее ничего не получилось. Лицо закрывала грубая влажная ткань, руки были притянуты к бокам веревками. Она в ловушке. Она – в плену...

Только сейчас она ощутила боль, острую, невыносимую боль. Болело все. Ломило плечи. Ныли ребра. Тянуло в животе и саднило в промежности. Боль пульсировала в висках и затылке, а в крови бушевал адреналиновый шторм. Она открыла глаза, но ничего не увидела. Может, она ослепла? Новый приступ паники вонзился в мозг словно осколок стекла. Она хотела закричать, но звук получился глухой, почти неслышимый.

Где я?.. Что со мной?..

Нужно сосредоточиться. Нельзя паниковать, это опасно. Думай, думай... Вспоминай.

Но в голове по-прежнему стоял густой, плотный туман. Усилием воли она попыталась разогнать его вязкую пелену. Если зрение подводит, что скажут остальные чувства? Что она чувствует? Холод? Ступням очень холодно. Почему? Она попробовала пошевелить пальцами ног и ощутила воздух. Она босиком? Нет, боса только одна нога, другая обута.

Что еще?.. Кажется, она ранена. Тяжело ранена. Так, во всяком случае, ей подумалось. В затуманенный мозг медленно просочилось воспоминание: она кого-то отталкивает, пытается отбиваться, кто-то кричит, хватается ее, прижимает к земле. На нее напали – сейчас она это понимает. Напали, повалили, скрутили... Теперь она во

что-то завернута – в штору? одеяло? ковер? – и ее куда-то везут. Она ощущала, как ее подбрасывает на ухабах, чувствовала мелкую дрожь поверхности под собой. Может, это работает какой-то двигатель? Да, точно – она слышала шум мотора. Она в машине? Да, ее везут в легковом автомобиле. Она лежит на заднем сиденье. С переднего сиденья доносятся голоса. Интонации напряженные, резкие... Кто-то спорит, настаивает, сердится... Сквозь голоса пробивается негромкая музыка – в машине работает радио. Ее куда-то везут.

Прошло немного времени, и она начала различать слова:

– Бросить в укромном месте... Сама виновата... Весь вечер напрашивалась... Он не виноват...

Ее разум снова соскользнул в темноту, но у нее уже не осталось сил бороться...

Безмолвные свидетели

31 октября 2019 г. Четверг

Канун Дня Всех Святых, на часах – без трех минут полночь. Над водой ползет плотный туман, с затянутого облаками неба сыплется мелкий дождь. Он оседает на крышу серебристого «мерседеса майбах», который сворачивает с шоссе на раскисшую грунтовку, ведущую к заброшенному зернохранилищу. Капли дождя сверкают в свете фар, лучи света упираются в основания ржавых силосов^[1]. Вот седан переваливает через ржавые рельсы и ползет дальше по ухабистой дороге, тянущейся параллельно берегу. Наконец машина останавливается в глубокой тени под мостом, который проходит над заливом, соединяя Ванкувер с Северным берегом. Фары гаснут. В темноте сквозь туман мерцают далекие городские огни.

В «мерседесе» сидят двое. В уютном и теплом, отделанном натуральной кожей салоне они чувствуют себя очень комфортно. По мосту над их головами потоком мчатся автомобили, но до них доносится лишь приглушенный гул и ритмичный лязг конструкций, когда очередная машина проезжает по металлическим стыкам.

Мужчине и женщине в «мерседесе» некогда любоваться тем, как кружится у старого причала черная, как чернила, приливная волна. Они здесь для другого, и их желание почти достигло своего пика. Эта маленькая игра началась утром, во время делового завтрака, когда ее затянутая в чулок нога легко коснулась под столом его лодыжки. Обсуждение юридических вопросов с представителями городского управления шло своим чередом, но желание уже вспыхнуло жарким пламенем, и его не смогли остудить ни последовавший за этим разговор о подробностях судебного иска на высшем уровне, ни официальный обед. Быстрый поцелуй в мужской уборной лишь подлил масла в костер похоти. И он, и она знали, чем все закончится. Быстрое, яростное соитие в машине, припаркованной в каком-нибудь безлюдном местечке. Дело даже не в сексе, а в предвкушении. Вот их главный наркотик. Риск. Опасность разоблачения добавляет остроты

ощущениям, ведь они оба семейные люди и к тому же занимают в городе весьма высокое положение. Он – член законодательной ассамблеи, она – один из известнейших в городе адвокатов. Кроме того, у обоих есть дети.

Они всегда выбирают подобные места. Индустриальные руины. Сырые, покинутые, безлюдные, исчерченные граффити, заваленные мусором. Внушающие отвращение и в то же время обладающие своеобразной, болезненной привлекательностью. Это было их «пунктиком» – незаконная любовь на фоне убогих декораций городской скверны. Контраст собственного богатства, известности, образования и возможностей с одной стороны и разрушающихся построек – с другой добавлял остроты их связи. Встречи в подобной обстановке делали их интрижку похожей на фильм в стиле «нуар», придавая плотскому наслаждению нечто почти изысканное.

Женщина сбрасывает туфли от «Сен-Лоран», рывком распускает узел красного галстука мужчины, нащупывает молнию на его брюках. Он торопливо расстегивает перламутровые пуговицы на ее блузке, задирает юбку, нетерпеливо рвет дорогие колготки. Перебравшись через «торпеду», женщина садится на него верхом, и он, закрыв глаза, негромко стонет от наслаждения. Внезапно она застывает. В тумане вспыхивают автомобильные фары – две пары автомобильных фар. Они приближаются. Их лучи пробивают в тумане длинные тоннели. Два автомобиля один за другим едут к заброшенным силосам, поворачивают, движутся к железнодорожной колее.

– Там кто-то... – говорит женщина шепотом.

Мужчина не слышит. Его глаза по-прежнему закрыты, он стонет и выгибается на сиденье, пытаясь заставить ее двигаться в одном ритме с ним, но женщина хватается партнера за руку и сжимает, призывая его замереть. Ее сердце бешено стучит.

– Две машины! – снова шепчет она. – Они едут сюда!

Мужчина открывает глаза, поворачивает голову к окну и резко выпрямляется на сиденье. Тыльной стороной ладони он протирает запотевшее стекло. Молча, почти не шевелясь, оба следят в окно пассажирской дверцы за тем, как фары неизвестных машин пересекают рельсы и медленно движутся вдоль кромки причала.

– Черт! – произносит мужчина негромко. – Это частный участок, предназначенный под реконструкцию. Здесь не должно быть

посторонних, особенно в этот час.

– Наверное, это подростки, празднуют Хеллоуин, – шепчет женщина. – Или наркотики кто-то покупает.

Машины подъезжают ближе. Передний автомобиль меньше, чем тот, который движется следом, но туман, дождь и темнота мешают как следует рассмотреть их цвет и марку. Кроме того, обе машины подсвечены призрачным сиянием города на другой стороне залива, поэтому мужчине и женщине в «мерседесе» они кажутся размытыми, темными силуэтами. Впрочем, меньший автомобиль – хэтчбек – может быть желтым или бежевым, думает женщина. Вторая машина – серый или темно-синий седан.

На повороте дороги свет фар обеих автомобилей падает на волнующуюся черную воду, и та блестит, словно жидкий металл.

– Они едут прямо сюда! – говорит женщина.

– Нам некуда деваться, отсюда нет другого выезда, – отвечает мужчина. – Может, они нас не заметят...

Неизвестные автомобили уже совсем рядом.

– Что за черт!.. – Женщина быстро пересаживается обратно на водительское сиденье, подтягивает повыше порванные колготки и пытается найти и надеть туфли. Мужчина застегивает молнию на брюках.

– Погоди, кажется, они остановились, – говорит мужчина, и оба снова замирают неподвижно. Дверца хэтчбека со стороны водителя открывается, и из салона появляется высокая фигура. На дверцу нанесен какой-то логотип. Тем временем из седана выбирается второй человек: он полнее и ниже ростом. Их плащи блестят от дождя, лица скрыты капюшонами. Фары они не гасят. Моторы обеих машин продолжают работать, и выхлопные газы стелются над землей белесым облаком.

Туман густеет, закручивается вокруг двух фигур, которые открывают заднюю дверцу седана и вытаскивают из салона что-то громоздкое, похожее на свернутый в трубку ковер. Ковер падает на землю, и становится ясно, что весит он порядочно.

– Что они делают? – шепотом спрашивает женщина.

– В ковре что-то есть, – отвечает мужчина. – Что-то тяжелое.

Оба думают об одном и том же, но ни он, ни она не осмеливаются высказать свои мысли вслух.

Тем временем неизвестные волоком тащат свою ношу к краю заброшенного причала. Там они несколькими пинками сбрасывают ковер в воду. Всплеск. Ковер ненадолго исчезает из вида, но потом снова появляется – светлым пятном он, кружась, плывет к мосту, куда тащит его приливное течение. Ковер погружается все глубже и наконец опять исчезает под водой.

Женщина нервно сглатывает.

В салоне «мерседеса» становится очень холодно.

Мужчина, похоже, вовсе перестал дышать.

Оба смертельно напуганы увиденным. Страх пронизывает их до костей.

Высокий человек в плаще торопливо возвращается к хэтчбеку. Просунувшись в салон со стороны водителя, он наклоняется под рулевое колесо и что-то делает. Минуту спустя хэтчбек начинает двигаться к воде, хотя за рулем никого нет.

– Боже мой! Они заблокировали педаль газа! Нужно убираться отсюда поскорее! – Женщина тянется к ключу зажигания.

– Нет! – мужчина перехватывает ее руку. – Не двигайся, пока они не уедут! Они могут убить нас, мы же все видели.

В ужасе оба глядят на хэтчбек, который как раз доехал до края причала. На несколько мгновений машина как будто замерла на краю, потом качнулась вперед и рухнула в воду. Ее осветили фонари с моста, и женщина увидела, что машина выкрашена в желтый. Узнала она и марку – «субару кросстрек». Точно такую же машину они с мужем подарили сыну на восемнадцатилетие. Логотип на дверце тоже показался ей знакомым – она определенно видела его раньше, но где, при каких обстоятельствах, вспомнить не может. Вода смыкается над машиной, со дна поднимаются пузыри. Ключья слабо фосфоресцирующей пены дрейфуют по течению к мосту, но быстро исчезают. Ни на причале, ни на поверхности залива не видно никаких следов того, что здесь что-то сбросили в воду. Только мелкие волны пляшут у подпорной стенки, плывет туман да моросит дождь.

Двое неизвестных возвращаются к седану. Высокий садится за руль, низкорослый толстяк – на переднее пассажирское сиденье. Хлопают дверцы, и седан рвет с места, расплескивая колесами жидкую грязь. У железнодорожной колеи он притормаживает, полыхнув

задними огнями, потом поворачивает к заброшенным силосам и исчезает в тумане.

Пассажиры «мерседеса» молчат, парализованные страхом. Оба знают, что должны позвонить в Службу спасения.

Но звонить они не будут.

Они не расскажут об увиденном ни одной живой душе, ведь, если станет известно, что они были здесь, под мостом, на территории заброшенного зернохранилища в столь поздний (или ранний: пятница уже наступила) час, оба потеряют все.

Дневник

Ты только начни, сказала мне мой психотерапевт. Записывай все, что придет в голову, пусть даже это будет просто поток сознания, подробности какого-то совершенно ординарного события или того, что случилось с тобой в тот или другой день. Если будет трудно, попытайся понять, что тебя беспокоит, и пиши только об этом. Хотя бы об одной вещи, но пиши... Пиши о чем-то приятном. Пиши о том, что тебя злит, раздражает, пугает... Пиши о вещах, о которых ты никогда никому не расскажешь. И каждый раз, когда тебя посетит озарение, догадка, спроси себя – почему. Почему ты подумала так, а не эдак? Чего стоит тебе прощание с конкретной иллюзией? Спроси себя – почему, а потом запиши. Пиши до тех пор, пока тебе не захочется кричать, пока даже смотреть на написанное тебе станет невмозможным, или до тех пор, пока тебе не откроется что-то новое, доселе неизвестное. Тогда сделай перерыв. Подвигайся. Бегай, гуляй, плавай, танцуй, катайся на велосипеде. Делай это, пока тебя снова не потянет писать. Главное – начать, просто начать. Не усложняй, старайся выражать свои мысли предельно просто, и я обещаю – со временем дело пойдет само.

Ну вот, мой дорогой Дневник – мой эрзац-психотерапевт, я начинаю. Меня зовут Кит, Кит Дарлинг. Мне тридцать четыре года. Не замужем. Веганка. Люблю животных и подкармливаю птиц.

Работаю уборщицей.

Моя страсть – любительский театр.

Моя суперсила – быть невидимой.

Да, это именно так. Это мой, если можно так выразиться, волшебный дар. Невидимая, я хожу по чужим домам, сметаю прах чужих жизней, привожу в порядок чужие микровселенные, чтобы при взгляде со стороны они выглядели совершенными. Я мою, чищу, полирую и в то же время – тщательно рассматриваю и анализирую всю информацию, которую только можно найти в домах и квартирах состоятельных и успешных. Я трогаю, обнюхиваю, завидую... иногда даже надеваю на себя чужую одежду или украшения. И вот что я узнала: совершенство – обман. Иллюзия. Тщательно выстроенный, но

ложный нарратив, который вводит в заблуждение поверхностного наблюдателя. Образцовая семья, обитающая в роскошном доме по соседству – семья, которую вы вроде как хорошо знаете, – на самом деле совсем не такая, какой выглядит. У каждого члена этой семьи есть свои недостатки, пороки, секреты. Иногда – мрачные, даже ужасные секреты. И, как ни странно, именно я, уборщица, человек, который выносит мусор и отмывает грязь, имею доступ к самым сокровенным тайнам этих домов. Возможно, это потому, что меня считают тупой. Услужливой. Недостойной внимания. Просто приходящая прислуга – что с меня взять?

На самом деле я не только мою посуду и таскаю по всем комнатам мощный пылесос. Я собираю информацию. Вынюхиваю. Сую нос в чужие дела.

Это и есть моя основная проблема. Я поражена патологическим любопытством.

Ну а что? Разве не все мы чувствуем приятное возбуждение и даже удовольствие, когда видим что-то, не предназначенное для наших глаз? А тот, кто говорит, что выше этого, нагло врет. Мы все листаем соцсети, выискивая сообщения о крушении поезда или страшной автоаварии. И если находим такое сообщение, да еще и со снимками очевидцев, мы не в силах от него оторваться. Мы кликаем по ссылкам, которые обещают показать нам голливудскую звезду в чересчур откровенном купальнике, звезду без макияжа, звезду, затеявшую скандал в «Старбаксе». Стоя в очереди в универмаге, мы тянемся к таблоиду, который обещает поведать свежие подробности об интрижке британского принца.

Я занимаюсь тем же самым, только на другом, более высоком уровне. И благодаря этому моя жизнь проходит не так уж и скучно.

У меня даже разработана специальная методика, которая позволяет мне заниматься моими исследованиями и не попадаться. Приходя в чужой дом или квартиру, я выставляю на часах таймер и начинаю уборку. Я делаю свою работу достаточно быстро, чтобы у меня осталось время заглянуть в ящики комода, в стенной шкаф, в пыльный сундук на чердаке или просто в хозяйскую спальню.

Я знаю, где искать. Без особого труда я нахожу секреты, которые обитатели дома хранят даже друг от друга: жена от мужа, отец от дочери, сын от матери. Я вижу маленькие голубые

таблетки. Шприц. Мятные леденцы и сигаретные окурки, спрятанные в треснувшем цветочном горшке в дальнем углу садового сарая. Початую бутылку текилы под бельем в ящике в комнате подростка. Ссылки на порносайты в компьютере главы семьи. Тщательно запрятанную записку от недавнего любовника жены. Письмо из комиссии по условно-досрочному освобождению. Использованный тест на беременность, засунутый в мусорное ведро, которое я должна вынести.

Я вижу этих людей насквозь.

Я знаю обитателей этих домов как облупленных.

А вот меня они не видят. Не замечают.

Не знают.

Доведись мне столкнуться с кем-то из них на улице или в магазине, они вряд ли узнают меня – девушку, которая незримо присутствует в их жизнях. У меня нет имени и примет. Я – невидимка.

И меня это вполне устраивает. Я вовсе не хочу, чтобы меня заметили.

Во всяком случае – они.

У моей психотерапевтики есть какие-то теории, объясняющие мое желание оставаться невидимой. Когда я сказала ей, что в чужих домах чувствую себя привидением, бесплотным духом, она спросила, всегда ли я была такой. Я не знала, что ответить, поэтому промолчала. Ее вопрос, впрочем, заставил меня задуматься. Однако после нескольких сеансов, на которых мы так и не сумели докопаться до сути моей «невидимости», она предложила мне вести дневник.

Мой терапевт, похоже, считает, что, изливая душу безопасным страницам дневника, в который никто никогда не заглянет, я сумею погрузиться достаточно глубоко в собственное бессознательное, которое весьма эффективно скрывает некоторые вещи от моего сознания (и даже от подсознания). Она совершенно недвусмысленно дала мне понять, что ни при каких условиях не станет настаивать, чтобы я познакомила ее со своими записями. Но я могу это сделать, если захочу сама.

– Только если смотреть на что-то достаточно долго и под правильным углом, Кит, – сказала она мне, – только тогда начинает проявляться подлинное изображение. Но для начала нужно найти

что-то, на что ты будешь смотреть. Возможно, этим чем-то станут написанные твоей рукой слова. И даже если они покажутся тебе банальными или чересчур пресными, несообразными, стыдными или даже пугающими – не важно!.. Именно из текста, из массива слов вырастет твоя подлинная история. Главное, постарайся обойтись без самоцензуры, – предупредила она, – пока не разглядишь картину целиком, не поймешь, какая часть истории реальна, а какой следует пренебречь.

Еще она говорила, что весь процесс напоминает рассмотрение двойственной картинки, двусмысленной фигуры – ну знаешь, как то самое изображение юной девушки, которая превращается в старуху, если перевернуть картинку вверх ногами. Как только это произойдет, наблюдатель уже не может не видеть лица старухи, оно там есть, и от этого никуда не деться. Оптическая иллюзия, построенная на смене перспективы.

Откровенно говоря, я очень сомневаюсь, что из юнгианских подвалов моей души может каким-то чудесным образом подняться на поверхность и вылиться на страницы дневника что-нибудь дельное, но... В общем, я начала писать тебе, мой дорогой Дневник. И кое-что о себе я уже сообщила. Да, я уборщица, вкалываю в клининговой компании и очень люблю совать нос в чужие дела. Возможно, даже слишком люблю. Да, я готова признать, что моя страсть в чем-то сродни наркомании. Я просто не в силах удержаться. А хуже всего то, что раз от раза моя зависимость только крепнет, заставляя меня рисковать все больше, а это может плохо кончиться. Именно поэтому я и решила обратиться к психотерапевту. Как говорит моя врач, в этом заключается мой запрос.

– А ты не боишься, – спросил меня недавно мой лучший друг Бун, – что однажды зайдешь слишком далеко и выкопаешь что-то такое, чего уже не сможешь развидеть? Если ты вдруг наткнешься на тайну, которую кто-то очень хотел скрыть, тебя могут ждать серьезные неприятности. Многие люди, особенно богатые люди, пойдут на все, лишь бы защитить себя и свои семьи, – добавил он. – Даже на убийство.

Я похолодела от страха. Такой поворот как-то не приходил мне в голову.

– Ты должна быть очень осторожна, – добавил Бун. – У богатых есть власть. Возможности, о которых ты можешь даже не догадываться.

Еще он сказал, что я все чаще перехожу границы, что я стала беспечной, а это рано или поздно приведет к тому, что меня схватят с поличным. По его словам, мне нужно меньше рисковать и быть начеку.

Сначала я подумала, что Бун драматизирует, потому что... потому что Бун есть Бун. Меньше всего мне хотелось, чтобы он мешал мне получать удовольствие. И тогда я сказала, что люди, которые действительно хотят что-то скрыть, не стали бы приглашать к себе в дом посторонних.

Но теперь я в этом далеко не уверена...

Женщина в окне

31 октября 2019 г. Четверг

Бьюла Браун сидела в инвалидном кресле напротив широкого углового окна своей комнаты наверху. Сквозь разрыв в облаках проглянуло бледное утреннее солнце, и его лучи упали на лицо старой женщины. Они совершенно не грели, но солнышко есть солнышко. В мрачном, сыром и дождливым климате северо-западного тихоокеанского побережья каждое появление солнца было настоящим подарком – особенно сейчас, в сезон осенних дождей. Кроме того, Бьюла не знала наверняка, сколько еще раз ей суждено увидеть солнце. До следующей осени она точно не доживет.

Ее колени прикрывал клетчатый шерстяной плед. Рядом на маленьком столике стояла тарелочка печенья с лимонным кремом; в руках она держала фарфоровую чашку чая с молоком. Не раз Бьюла молча удивлялась, как у нее хватает сил удерживать чашку ровно и не проливать ее содержимое на себя. Рак стремительно сокращал ее жизнь, но для ее возраста руки у нее были достаточно крепкими и почти не тряслись. К счастью, до них болезнь пока не добралась.

Бьюла предпочитала угловое окно другим по нескольким причинам. Во-первых, именно в него попадали первые лучи утреннего солнца, если оно вообще снисходило до того, чтобы показаться из-за облаков. Во-вторых, из этого окна были видны и принадлежащий соседям «Стеклянный дом», и залив, над которым поднималась грациозная зеленая арка моста «Лайонс Гейт», соединявшего Северный берег и Стэнли-парк с Ванкувером. Несмотря на ранний час, движение по мосту было уже довольно плотным. Люди во множестве спешили на работу, даже не подозревая, что пройдет совсем немного времени, и они точно так же будут сидеть в кресле-каталке и ждать смерти. Если, конечно, ничто не прикончит их раньше.

Пожалуй, погибнуть в автоаварии или быть жестоко убитой было бы даже предпочтительнее. Да, это будет больно, зато быстро... Так размышляла Бьюла, прихлебывая чай. Чай был едва теплым. Его

приготовила приходившая по утрам сиделка – приготовила и оставила в термосе рядом с кроватью. Кстати, как она правильно называется – сиделка или няня? В последнее время так трудно разобраться во всяких терминах! Болтушка Кэти, ее патронажная медсестра из паллиативного отделения, сказала Бьюле, что сиделка имеет право недолюбливать больного, за которым ухаживает, так как она «просто сидит», а вот няня – с подопечным «нянчится».

Бьюла взяла с тарелки печенье и обмакнула в чай. Она думала о своем сыне Хортоне, который жил в ее доме на первом этаже. К матери он переехал якобы для того, чтобы заботиться о ней, но Бьюла знала: на самом деле он просто хочет заполучить после ее смерти дом. Недвижимость на побережье сильно подорожала за последнее время. Значит, Хортон не «няня», а «сиделка»... Или, того хуже, «социальный работник». Иногда Бьюле даже приходила в голову мысль: а не пытается ли сын каким-то образом приблизить ее смерть? Судя по тому, что она о нем знала, это было не исключено. Хортон был самым большим ее разочарованием в жизни.

Она откусила кусок размокшего печенья и задумалась о том, как поступит Хортон с семейным сервизом, когда ее не станет.

Медленно жуя печенье, Бьюла бросила взгляд на залив Беррард и на скучившиеся там танкеры, ожидающие разрешения войти в порт. Потом ее внимание привлекло промелькнувшее на периферии зрения цветное пятно. Повернув голову, она увидела небольшой желтый «субару кросстрек» с голубым логотипом на дверце. Автомобиль свернул на подъездную дорожку «Стеклянного дома», и Бьюла улыбнулась, почувствовав, как у нее поднимается настроение. Это приехала уборщица. Старушка посмотрела на часы. И снова вовремя, даже на минутку не опоздала, подумала она с невольным уважением. Да, в наше время не так-то легко найти ответственную помощницу по дому.

Бьюла отставила чашку и, вооружившись мощным биноклем, предназначенным для наблюдения за птицами, направила окуляры на соседний дом – чудовищное порождение современной архитектуры, состоявшее, казалось, из одних окон с добавлением капельки металла и бетона. Внутри не было никакого движения – хозяева, наверное, еще спят.

Приходящие и уходящие соседи, люди, прогуливавшие вдоль волнолома своих собак, и спортсмены, катавшиеся по заливу на своих парусных лодочках, были единственным развлечением Бьюлы, ее ежедневным реалити-шоу. В последнее время она даже стала записывать все их перемещения, чтобы доказать себе: все, что она помнит, имело место в действительности. Хортон постоянно твердил ей, что память ее подводит, утверждал, что она просто выдумывает многие вещи и события и что ее воображение, подпитываемое мрачными скандинавскими и британскими детективными шоу, переходит всякие границы. Действительно, «Вера» была ее любимым криминальным сериалом. «Шетланд» тоже неплох, но, быть может, ей просто нравится игра Джимми Переса. А есть еще «Валландер»... Она просто обожала несчастного душку Валландера!..

С трудом двигая скрюченными артритными пальцами, Бьюла попыталась навести бинокль на резкость. Бинокль был сравнительно новым, и она еще не полностью с ним освоилась. Ага, есть!.. Бьюла навела бинокль на хрупкую блондинку с двумя пучками, похожими на уши, – она как раз вылезала из маленькой желтой машинки.

«Ну, привет, крошка!..» – подумала Бьюла, мысленно копируя манеру своей любимой Веры. С помощью нового бинокля она наблюдала за уборщицей опытным взглядом полицейского, не упуская ни одной детали.

Уборщица была в форменной рабочей одежде: в розовой, как жвачка, рубашке-поло, практичном синем комбинезоне на лямках и белых спортивных туфлях с оранжевой полосой с каждой стороны. Черная бархотка на шее. Светлые волосы зачесаны наверх, два чуть растрепавшихся пучка торчат по сторонам головы, действительно напоминая кошачьи уши.

Из багажника уборщица достала пылесос «Дайсон», потом посмотрела наверх, на окно Бьюлы, улыбнулась и помахала рукой.

Губы Бьюлы чуть дрогнули в улыбке. Подняв скрюченную, в старческих пятнах руку, она помахала в ответ так дружелюбно, как только смогла. В течение нескольких мгновений они смотрели друг на друга, потом уборщица коротко кивнула и продолжила доставать из багажника инструменты и средства для уборки, которые в несколько приемов перенесла в «Стекланный дом».

– Доброе утро, Бьюла! – В комнату, чуть не приплясывая, ворвалась патронажная сестра с огромной сумкой лекарств и других медицинских принадлежностей. – Ну, как мы себя сегодня чувствуем? Как мы спали?.. – продолжала трещать медсестра, маяча где-то сзади, так что Бьюла не могла ее видеть.

– Я спала одна, – пробормотала Бьюла, стараясь развернуть кресло так, чтобы увидеть медсестру. Господи! Опять на ней этот кошмарный велосипедный костюм!

Сестра положила шлем и сумку на медицинскую кровать Бьюлы и принялась доставать приборы для контроля изношенного сердца пациентки и уровня кислорода в ее крови.

– Простите, что вы сказали? – переспросила сестра.

– Я сказала – я здесь одна. Никаких «мы»... И я уже давно сплю одна.

Медсестра хихикнула и зажала кончик пальца Бьюлы между губками пульсоксиметра. Сняв показания, она бросила взгляд на свой секундомер.

– Вы используете кислородный компрессор, когда спите?

– Нет.

– Напрасно. Он поможет вам повысить содержание кислорода в крови, а кислород – это энергия. Как ваши боли?

Остаток четверга прошел как обычно и был совершенно неотличим от долгой череды предыдущих дней. Прием лекарств по расписанию, визит сиделки, которая ее искупала, приготовила обед и заварила новый термос чая. Снова лекарства. Другая патронажная сестра и глубокая, без сновидений, дрема или, точнее, отключка, вызванная опиумсодержащими болеутоляющими. Третья сиделка, которая приготовила ужин. Новая порция мощных успокоительных на ночь. Они, впрочем, помогали плохо, поэтому Бьюла вынуждена была приподнять изголовье своей койки, чтобы легче дышалось.

Было уже довольно поздно, когда она все же сумела забыться тяжелым, наркотическим сном, но он продолжался недолго. Что-то словно толкнуло ее, и она резко открыла глаза. Ее ночная рубашка и простыни были мокрыми от пота. Снаружи шел дождь. Бьюла неподвижно лежала в темноте, прислушиваясь к стуку дождевых капель по подоконнику и вздохам и пыхтению кислородного компрессора в углу.

Что же ее разбудило?

Крик.

Бьюла была уверена, что слышала ужасный крик.

Женский крик. Именно он ее разбудил.

Ее старое сердце учащенно забилося. Бьюла знала, что не ошиблась. Крупные красные цифры на ее электронных часах с радио показывали 23:21.

Еще несколько минут Бьюла напряженно прислушивалась, надеясь уловить еще какие-то звуки. Ей хотелось убедиться, что крик ей не приснился. Хортон наверняка сказал бы, что она все вообразила, но – нет: Бьюла услышала, как стукнула деревянная садовая калитка по соседству, потом хлопнула дверца автомобиля. Напрягая все силы, она села на кровати и выдернула из носа пластиковую трубку. Задыхаясь и постанывая от боли, Бьюла нашарила в темноте инвалидное кресло и подтащила к кровати. Нажимая на кнопки электрического привода, она опустила кровать и перебралась на сиденье. Вряд ли этот трюк удался бы ей днем, но сейчас она испытывала прилив возбуждения, которое помогало ей справляться с трудной работой. Бьюле так хотелось увидеть, что происходит снаружи!.. Обливаясь потом, она подъехала к угловому окну и уставилась на соседний двор. Как раз в этот момент там сработал датчик движения и на подъездной дорожке вспыхнули фонари. Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы глаза Бьюлы приспособились к свету, а мозг охватил всю картину.

В том, что она видела, было что-то глубоко неправильное. Абсолютно неправильное. Она была уверена – произошло что-то ужасное.

Не мешкая ни секунды, Бьюла подкатилась обратно к кровати. Борясь с головокружением, она нашарила на ночном столике мобильный телефон и трясущимися пальцами набрала 911.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Детектив Мэллори ван Альст остановила свой автомобиль без опознавательных знаков перед дорожным заграждением. Опустив стекло, она предъявила полицейскому в форме служебное удостоверение.

– Доброе утро, сержант, – приветствовал ее полицейский, записывая фамилию Мэл в блокнот. – Удачи вам... Там, похоже, настоящая мясорубка.

С этими словами он сдвинул заграждение в сторону, и Мэл поехала дальше по улице, застроенной дорожными особняками, обращенными фасадами к океану. Перед одним из таких особняков, напомиавшим шкатулку из стекла, она увидела патрульные машины полицейского участка Западного Ванкувера с включенными мигалками. Возле машин совещались о чем-то несколько полицейских. В дальнем конце дороги уже собралась группа зевак, которых не пугал даже холодный ветер, раздувавший их волосы и плащи.

Мэл припарковалась позади фургона криминалистической лаборатории. Заглушив двигатель, она еще раз оглядела дом и участок в окно машины.

Обособняк представлял собой один из ультрамодерновых «шедевров» архитектуры и состоял, казалось, сплошь из окон. Словно угловатый, сверкающий всеми своими стеклянными гранями феникс, он, несомненно, вырос из руин того, что, вероятно, было когда-то уютным коттеджем с уникальным внешним обликом, но, к сожалению, недостаточно старым, чтобы оказаться под защитой программы по охране архитектурного наследия. На столбе при повороте на подъездную дорожку была укреплена новенькая бронзовая табличка-указатель, на которой большими буквами значилось название особняка – «Нортвью». Подъездная дорожка была ограждена желтой полицейской лентой, которая выгибалась и трещала на ветру. Эксперты в белых комбинезонах и бахилах перемещались по размеченному

пластиковыми табличками маршруту между домом и лабораторным фургоном. На заднем плане сверкала вода залива Беррард.

Напарник Мэл по имени Бенуа Салуму ждал у поворота. Он стоял совершенно неподвижно, производя крайне внушительное впечатление. В нем было не меньше семи футов роста, черная кожа блестела, словно твердое полированное дерево, и Мэл подумала, что он похож на статую, которую специально поставили здесь, чтобы охранять место преступления. Впрочем, в то, что здесь произошло преступление, поверить было трудно – в том числе и потому, что утро выдалось на редкость ясным, безоблачным и ветреным.

Одним глотком прикончив остывший кофе, Мэл отстегнула ремень безопасности и взяла с пассажирского сиденья сумку через плечо. В сумке лежали запасные перчатки, упаковка бахил, цифровой фотоаппарат, небольшая бутылочка с водой и другие мелочи, которые могли потребоваться при осмотре места преступления. Выбравшись из салона, Мэл замерла, сделав глубокий вдох. Так она сосредотачивалась. Настраивалась. Собиралась с мыслями. Подобная пауза была ей необходима – после тридцати с лишним лет службы в полиции Мэл с каждым разом становилось все труднее отсеять посторонние эмоции и сконцентрироваться. Похоже, даже полицейский способен выдержать лишь ограниченное количество несправедливости, порока и бессмысленных смертей.

– Привет, – поздоровалась она, подходя к напарнику. – Сегодня ты раньше меня. Неужто ребенок наконец-то дал тебе выспаться?

Бенуа кривовато ухмыльнулся.

– Когда это произойдет, ты узнаешь об этом первая, клянусь! Нет, не в этом дело... Просто сегодня с малышом сидела Сэди, благослови Господь ее душу. Кто бы знал, как я скучаю по тем временам, когда ночью можно было спокойно поспать!

– Скажу тебе как специалист: о покое можешь забыть, – сказала Мэл, натягивая поверх обуви пластиковые бахилы. – Младенцы вырастают и становятся подростками, а затем – взрослыми, так что... В общем, готовься. – Она выпрямилась. – Ну, что тут у нас?

– Следы борьбы. Много крови. Тела нет.

Мэл приподняла бровь.

– Нет тела? Ладно, бывает... Фотографы закончили?

– Да, но в доме еще работают несколько экспертов. Я взял показания у патрульных, которые первыми прибыли по вызову. Они сейчас дежурят в конце улицы, так что если у нас появятся дополнительные вопросы... – Голос у него был глубоким, звучным и размеренным, говорил Бенуа с заметным акцентом. Его родными языками были суахили и французский. Не канадский французский, а конголезский – тот, на котором говорили в его родной Демократической Республике Конго, бывшей бельгийской колонии.

– Кто позвонил в Службу спасения?

– Соседка вон из того дома... – Бенуа показал на большой красивый особняк в традиционном стиле. Его кирпичные стены были густо оплетены плющом, листья которого уже окрашивались в красный и оранжевый. – Ее зовут Бьюла Браун, восемьдесят девять лет. Она позвонила по 911 незадолго до полуночи. Миссис Браун занимает верхний этаж и никуда не выходит. Она на паллиативном уходе и коротает дни – и, похоже, ночи тоже, – наблюдая за соседями. За последние полгода она звонила по 911 пять раз, но все вызовы оказались ложными.

Мэл нахмурилась.

– Ненадежный свидетель?

– Думаю, мы это выясним. А пока взгляни вот на это... – Бенуа подвел ее к крыльцу и показал на гладкую бетонную площадку перед дверью. На площадке в луже дождевой воды валялся букет увядших цветов – белые орхидеи, лилии, хризантемы и гипсофилы. Между цветками белел небольшой прямоугольный конверт. Рядом лежала расплюснутая коробка для пирога с прозрачным окошком на крышке. Сам пирог – по-видимому, с ягодами – тоже был раздавлен: из коробки медленно сочился густой пурпурный сок. На крышке Мэл разглядела логотип в виде математического символа « π » и надпись: «Бистро Пи». Пирог. Ха!

– Когда патрульные это увидели, они поняли, что на этот раз вызов не был ложным, – сказал Бенуа. – К тому же, когда они подъехали, входная дверь была распахнута настежь. На первом этаже горел весь свет, стеклянные раздвижные двери в глубине дома тоже были открыты.

Мэл подняла голову, рассматривая парадную дверь, представлявшую собой окантованную деревом толстую стеклянную

панель.

– Никаких следов взлома или насильственного вторжения. В доме точно никого не было?

– Никого. Только следы борьбы и пятна крови.

– Известно, кто владелец дома?

Бенуа заглянул в свой блокнот.

– Некие Ванесса и Харуто Норт. Отсюда, наверное, и название «Нортвью». В гараже две машины: красный «лексус» с откидным верхом и серебристая «тесла родстер», обе зарегистрированы на Нортов. Местонахождение хозяев установить пока не удалось. Их мобильные телефоны также не отвечают.

Мэл опустила на корточки, чтобы получше разглядеть букет и пирог. Вооружившись фотоаппаратом, она сделала несколько снимков, затем рукой в перчатке извлекла из переплетения стеблей гипсофила мокрый бумажный конвертик. Внутри оказалась белая карточка, на которой темными чернилами, расплывшимися по влажной бумаге, от руки было написано:

Вот и конец нашей свободе.

Удачи тебе, подруга, это был тот еще аттракцион!

Спасибо за поддержку.

Дейзи.

X

С обратной стороны карточки она увидела логотип: «Цветы Би».

– Та-ак... – Мэл выпрямилась. У нее было очень плохое предчувствие. Она попыталась представить себе человека – Дейзи? – который стоит на пороге с цветами в одной руке и коробкой в другой, а из дома ей навстречу выходит... кто? Убийца?.. Что-то происходит, пирог и букет падают на бетонную площадку. Что настигло эту Дейзи? Шок?.. Страх?.. Или инфаркт миокарда?..

Мэл задумчиво провела пальцем в перчатке по дверному косяку. Да, на насильственное вторжение определенно ничто не указывало. Ладно, нужно посмотреть, что в комнатах...

Она шагнула через порог в дом и тут же почувствовала, как владевшее ею плохое предчувствие обострилось.

Дейзи

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

– Нет, не так! Чуть левее, к окну!.. Вот так, хорошо. Только поставьте его чуть наискось, – велела Дейзи Риттенберг, обращаясь к двум мускулистым парням в тюрбанах, которые, повинаясь ее указаниям, двигали из стороны в сторону элегантный кожаный диван. Дейзи обставляла для просмотра роскошный пентхаус, но взятую напрокат мебель привезли с опозданием. На часах было уже без четверти шесть, и она чувствовала себя голодной и усталой. Она положила руки на ноющую поясницу, пытаясь хоть как-то уравновесить выпирающий живот. Дейзи была на тридцать четвертой неделе беременности. Роды ожидалась первого декабря, но ей казалось, что этот день не наступит никогда. Дополнительные фунты, которые она набрала (и которые не имели отношения к весу ребенка), бесконечно ее раздражали. Платье, которое натянулось и на животе, и на заду, казалось слишком тесным, лодыжки постоянно отекали, лицо стало одутловатым, ноги болели. Ее волосы, которые еще недавно были такими упругими и легкими, висели сальными прядями, а некогда безупречная кожа покрылась уродливыми пятнами, да еще и на подбородке красовался здоровенный прыщ.

Сейчас, впрочем, Дейзи постаралась справиться с раздражением и сосредоточиться на работе. Одним из достоинств выставленного на продажу пентхауса был великолепный вид на океан, и она попыталась подчеркнуть это, особым образом расставив мебель. Риелторская фирма «Уэнтворт холдингз» оценила квартиру в 6,7 миллиона американских долларов, но даже так продать ее удастся достаточно быстро – еще и очередь из покупателей выстроится.

Фирму «Уэнтворт холдингз» основала мать Дейзи – Аннабель Уэнтворт – еще до того, как Дейзи появилась на свет. И Аннабель по-прежнему оставалась у руля. Разумеется, она вполне могла позволить себе не работать, но работала, потому что ей это нравилось. Была и

еще одна причина: Аннабель обожала контролировать все и вся. Мать Дейзи принадлежала к сливкам риелторского сообщества Ванкувера и обслуживала только самых состоятельных клиентов, которые продавали и покупали роскошную недвижимость в городе и его окрестностях. Свою фирму Аннабель Уэнтворт создала, когда ей было всего двадцать семь. Хорошим подспорьем стало для нее, разумеется, и состояние семьи Уэнтворт, за наследника которого – Лабдена Уэнтворта – она вышла замуж. Сам Лабден к тому времени был основателем корпорации «Терра Уэст», которая строила и обслуживала многочисленные лыжные курорты по всей Северной Америке, а также в Японии и в некоторых странах Европы (число принадлежащих корпорации курортов в Старом Свете в последние годы постоянно росло). Сейчас на «Терру Уэст» работал и муж Дейзи Джон – олимпийский чемпион по горным лыжам, который на Играх 2002 года в Солт-Лейк-Сити завоевал сразу две золотые медали.

До сих пор Дейзи еще никогда не приходилось обставлять предназначенные к продаже помещения, хотя раньше она занималась дизайном интерьеров и даже управляла небольшой специализированной компанией в Сильвер Аспенз в Колорадо, однако после того, как в июле они с Джоном вернулись домой, в Канаду, она решила, что до родов будет помогать матери.

– Так хорошо? – прервал ход мыслей Дейзи голос грузчика с большими черными усами, и она чуть заметно вздрогнула. Да, в последнее время она стала совсем уж рассеянной. Никак не может сосредоточиться на чем-нибудь одном. Дурацкие гормоны!

– Да, все отлично. Спасибо, парни. Теперь осталось поднять и установить кофейный столик, и на этом закончим.

Грузчики вышли к лифту, чтобы спуститься с двадцать шестого этажа на первый, где остался их доставочный грузовичок, а Дейзи посмотрела на часы. Нет, до ужина она точно не доживет. Крошечный человечек, поселившийся у нее в животе, захватил полный контроль над ее телом и мыслями, чего она никак не ожидала. Он был как вирус, как маленький паразит, а она была просто носителем. И этот паразит очень быстро превратил ее в несчастное, страдающее существо, которое было совсем не похоже на ту Дейзи, которую она помнила.

Дейзи резко качнула головой. Нет, она не должна так думать. Она *хочет* этого ребенка. Он изменит все не только для нее, но и для

Джона. Именно из-за ребенка они вернулись домой. Из-за ребенка и из-за обещания Лабдена повысить Джона, найти ему новое, престижное место в структуре корпорации. Да, этот ребенок нужен им обоим. Да и самой Дейзи хотелось быть поближе к отцу с матерью, когда ее сын появится на свет. Главное, чтобы все прошло благополучно, и тогда... тогда они смогут забыть о неприятностях, которые случились с ними в Колорадо. Ладно, по пути домой она купит себе пиццу побольше... Или что-нибудь китайское на вынос.

– Ну, привет, Дейзи.

Дейзи подпрыгнула, чувствуя, как мгновенно участился пульс. Круто обернувшись, она оказалась лицом к лицу с высокой черноволосой женщиной, которая только что вошла в пентхаус. Несмотря на высоченные каблуки, двигалась она на удивление легко и непринужденно. Это была хозяйка квартиры.

Женщина бросила автомобильные ключи на мраморный кухонный островок и вопросительно посмотрела на Дейзи.

Дейзи старалась взять себя в руки, но слова «Ну, привет, Дейзи!» набатом отдавались у нее в ушах. Точно такие же слова она получала в странных, автоматически удаляющихся текстовых сообщениях, которые стали приходить ей с тех пор, как они с Джоном перебрались в Ванкувер.

Ну, привет, Дейзи!

Добро пожаловать домой, Дейзи.

Давненько не виделись, Дейзи.

Я знаю, кто ты такая, Дейзи.

Сообщения поступали по «Вотсапу» и через сутки исчезали. Все – с незнакомых номеров. Она пыталась их заблокировать, но сообщения продолжали приходить.

Пока Дейзи пыталась перевести дух, хозяйка пентхауса рассеянно оторвала три ягодки от виноградной кисти, которая лежала в вазе на кухонном островке. Совсем недавно Дейзи и так, и эдак вертела эту вазу, стараясь выбрать наиболее выгодный ракурс. Пройдя на середину жилого пространства, хозяйка отправила одну ягоду в рот и, медленно

повернувшись кругом, окинула критическим взглядом мебель и картины, которые повесила Дейзи. Короткая стрижка пикси, узкое породистое лицо, изящные черты, гладкая светлая кожа, большие, темные, блестящие глаза... хозяйка была полной противоположностью Дейзи – *нынешней* Дейзи. А еще она была стройной, как модель с подиума. Швабра, подумала Дейзи с неприязнью. Сушая швабра!

Женщина аккуратно отправила в рот вторую ягоду, стараясь не смазать красную помаду.

– Прошу извинить меня за опоздание. Совещание немного затянулось, и я... – Она вдруг замолчала. Ее взгляд устремился на картину над камином. Вновь повернувшись к Дейзи, хозяйка сказала: – Вы уверены, что это подходит для...

– Обставлять дом для просмотра и для проживания – не одно и то же! – отрезала Дейзи. Должно быть, ее голос прозвучал достаточно резко, потому что брови хозяйки поползли вверх, и Дейзи вновь пришлось сражаться с раздражением и неприязнью к женщине-швабре. В конце концов, перед ней клиентка ее матери, а репутация в торговле недвижимостью – это все. И даже больше, чем все. Нет, порочить доброе имя Аннабель Уэнтворт сейчас никак нельзя.

Глубоко и медленно вдохнув, Дейзи объяснила:

– В данном случае наша задача – подчеркнуть пространство, привлечь внимание к уникальным архитектурным деталям этой квартиры. Вместе с тем нельзя и переусердствовать: потенциальный покупатель должен иметь возможность в полной мере оценить великолепную панораму, которая открывается из окон. Каждый клиент, едва только переступив порог, должен – вне зависимости от его вкусов – обратить внимание именно на вид из окна и представить себя жильцом этого роскошного пентхауса. Такова наша цель.

Хозяйка квартиры закинула в рот третью ягоду.

– Что ж, я вполне доверяю Аннабель. У нее хорошие отзывы. Во всяком случае, она умеет добиваться результатов, так что... – Женщина не договорила и, медленно жуя, окинула взглядом туго натянутое на животе Дейзи платье и удобные мягкие кроссовки, которые та купила в универмаге по дороге сюда. Дешевые, белые с оранжевыми полосами по бокам – обычный ширпотреб, – они не нравились ей самой, но она опаздывала, а от туфель, которые Дейзи надела перед выездом,

мучительно болели и ее распухшие ноги, и поясница. Честно говоря, замена себя оправдала.

– Я на восьмом месяце, – сказала Дейзи в свою защиту и тут же возненавидела себя за эти слова. Какого черта она оправдывается? Ну и идиотка! Можно подумать, она обязана объяснять этой снобке, что в ее положении на первое место выходит удобство.

– Понятно... – Хозяйка повернулась к Дейзи спиной и сделала вид, будто любуется видом из окна.

Кровь бросилась Дейзи в лицо. Она ожидала как минимум дежурного «Примите мои поздравления!». Дейзи подошла к вазе на кухонном острове и поправила виноградную кисть, стараясь замаскировать нанесенный ей ущерб.

«Мне не *нужно* работать! На доход от моего трастового фонда я могла бы трижды купить твой гребаный пентхаус и несколько не обеднеть!»

Но вместо этого она спросила:

– А у вас есть дети?

Хозяйка мрачно хохотнула.

Дейзи повернулась.

– Ну да, конечно... Глупый вопрос.

– Что вы хотите сказать?

– Каждый, кто увидит этот пентхаус, сразу поймет, что ни один ребенок к нему и на пушечный выстрел не приближался.

Глаза хозяйки чуть заметно сузились.

– Мы с мужем еще до свадьбы решили, что у нас не будет детей. Это наш сознательный выбор. Мы не хотим приводить детей в этот мир.

– Значит, у него это не первый брак?

Хозяйка моргнула.

– Простите?..

– Ваш муж сделал себе вазэктомию, угадала? Чик-чик? Скорее всего, у него есть дети от первого брака. Вероятно, уже взрослые.

Хозяйка широко открыла рот.

«В точку!» – подумала Дейзи и добавила самым приятным голосом:

– Везет же мужчинам. А нам с вами приходится постоянно помнить о том, что наши биологические часики все тикают и тикают.

И даже если ваш муж вдруг передумает и сделает обратную операцию, для вас может быть уже слишком поздно. – Она потянулась к своей сумочке. – В общем, мне было *очень* приятно помочь вам привести это место в товарный вид. Некоторым квартирам это, знаете ли, просто *необходимо*. Кстати, сейчас грузчики принесут кофейный столик. Вы уж покажите им, куда его поставить, а то мне уже пора. Я и так опаздываю.

И, переваливаясь на распухших ногах, Дейзи направилась к выходу. Сердце тяжело стучало, но она была очень довольна. Дейзи Уэнтворт Риттенберг только что вернула себе часть своего бывшего очарования. Юная, задиристая, популярная у парней Дейзи, какой она была в школе, все еще жила где-то глубоко под слоем накопленного жира, среди бушующих в крови гормонов. Привлекательная и богатая, когда-то она могла осадить кого угодно, и, похоже, этот талант по-прежнему при ней. Да, в глубине души она все еще оставалась той дерзкой школьницей, которая сумела заарканить знаменитого чемпиона и секс-идола Джона Риттенберга, уведя его буквально из-под носа у сотен вешавшихся на него поклонниц.

Слегка пошатываясь, но продолжая торжествовать, Дейзи вошла в лифт и победно ткнула в кнопку первого этажа. Она и забыла, как это приятно – не отступить, отстояв свою позицию, а потом еще и нанести точный ответный удар.

Октябрьский воздух был свеж и прохладен, и Дейзи с наслаждением вдохнула полной грудью. Но когда она приблизилась к своему «БМВ», припаркованному чуть дальше по улице, сердце у нее екнуло: под дворник был засунут небольшой белый конверт. Трясущимися руками Дейзи потянулась к нему, открыла и достала листок бумаги, на котором было написано:

Я слежу за тобой, @Дейзи_День_За_Днем.
Я знаю, кто ты такая.
Тик-так, часики!..

Дейзи

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

По дороге домой Дейзи сжимала руль так крепко, что костяшки у нее на пальцах побелели. В горле у нее стоял комок, а давление подскочило.

«Успокойся, Дейзи. Стресс вреден для ребенка. Ты должна успокоиться. Дыши глубже, Дейзи. Сосредоточься», – твердила она сама себе.

Записка, которую она достала из конверта, лежала на пассажирском сиденье.

Дейзи понимала: тот, кто ее преследует, стал наглее. Почувствовал свою безнаказанность. Тик-так, часики?.. Это что – намек на бомбу с часовым механизмом? На то, что скоро что-то должно *взорваться*?

Автор записки явно знает ее ник в Инстаграме^[2]– @Дейзи_День_За_Днем, – а значит, и о ее жизни он знает *очень* много: знает, что она ждет мальчика, что она и Джон недавно переехали из Колорадо в Ванкувер, что Джона скоро назначат на должность административного директора суперсовременного горнолыжного курорта, который вот-вот достроят в окрестностях всемирно известного Уистлера^[3]. Он даже знает, какая у нее машина!

Выезжая на мост Беррард, Дейзи ломала голову, пытаясь вспомнить, обмолвилась ли она в соцсетях хоть словом о том, что сегодня собирается оформлять квартиру для просмотра по такому-то адресу. Нет, точно нет. Как же тогда автор записки узнал, где искать ее машину? Может быть, за ней следят?.. Что ж, *эту* проблему можно решить хотя бы частично. Она больше не будет работать, тем более что подготавливать к продаже чужие пентхаусы ей было противно. Мама... мама поймет, должна понять. Да и Джон будет рад. Он с самого начала был против того, чтобы жена работала. Джон говорил, что для нее это в любом случае неподобающее занятие, пусть она лучше сидит дома и

заботится о будущем ребенке. А когда он появится на свет, она, скорее всего, тоже не будет работать, а останется домохозяйкой и матерью.

В салоне «БМВ» стало душно. Движение на мосту то и дело замирало, а потом машины снова начинали медленно ползти вперед. На другой стороне залива Дейзи мельком заметила вершины гор Норт-Шор, вид которых заставил ее мысленно вернуться к тем временам, когда она и Джон учились в школе. Они оба выросли на Северном берегу, на лесистых склонах хребта Норт-Шор, и учились кататься на лыжах на горе Граус. Познакомились они в старшей школе, в одиннадцатом классе начали встречаться. Ах, какие шикарные вечеринки они тогда устраивали!..

При мысли об этом Дейзи ощутила беспокойство. В те времена они позволяли себе вещи отнюдь не безобидные. К сожалению, тогда никто не сказал Дейзи, что много лет спустя их школьные проделки будут казаться ей глупыми и безрассудными. Никто не предупредил ее, что настанет время, и воспоминания о них будут возвращаться в самый неподходящий момент – как, например, сейчас, заставляя ее думать: «Нет, этого не могло быть! Я просто *не могла* участвовать в чем-то подобном!»

Дейзи крепче стиснула руль. Похоже, возвращение в Канаду не принесло ей ожидаемого успокоения.

«Мы были глупыми, – думала она. – Почти детьми. И мы слишком много пили. Подростки постоянно делают всякие глупости. Неумение противостоят давлению сверстников. Дурной пример. Стадный инстинкт. Смешай в равных пропорциях первое, второе и третье, и на выходе получишь что-то мрачное, жуткое, дикое».

Дейзи так глубоко задумалась о прошлом, что, вернувшись домой, с удивлением обнаружила пиццу, которую купила по дороге. Отпереть входную дверь одной рукой (в другой она, словно жонглер, удерживала сумочку и картонную коробку с горячей пиццей) было нелегко, но она справилась. Войдя в прихожую, Дейзи первым делом отключила охранную систему. В доме было безупречно чисто и пахло свежестью. Из прихожей была видна гостиная и задняя дверь дома, ведущая в уютный сад на заднем дворе. Сад всегда ее успокаивал, так произошло и сейчас. Дейзи с облегчением выдохнула, сбросила с ног уродливые кроссовки и босиком прошлепала с пиццей на кухню. Там она открыла коробку, достала огромный кусок, откусила раз, другой и застонала от

наслаждения. Не переставая жевать, Дейзи стащила с себя тесное платье и поднялась наверх, чтобы переодеться в спортивные штаны и растянутую футболку.

Снова спустившись в кухню, Дейзи поставила чайник и доела пиццу, откусывая от нее огромные куски, словно ненасытная Сестра Сатаны из одноименного ужастика. Жадно жуя, она снова подумала, что это все из-за маленького паразита – он только и делает, что пожирает ее изнутри, управляя ее инстинктами и желаниями. Чтобы прогнать эту мысль, Дейзи снова пришлось сделать над собой усилие. Она понятия не имела, откуда у нее в голове появляются подобные образы. В последнее время она просто сама не своя.

Заливая кипятком чайный пакетик (травяной настой, никакого кофеина), Дейзи заметила записку, которую Джон оставил на кухонной столешнице рядом с ее последним УЗИ-исследованием. Дейзи поднесла записку к глазам.

«Не забудь! Сегодня в 18:30 я ужинаю в пабе с Генри».

В последнее время он все чаще писал ей подобные записки – по его словам, она стала жутко забывчивой. Генри Клей, с которым Джон собирался встретиться, был старейшим членом совета директоров «Терры Уэст». Он пригласил Джона в паб, чтобы в неформальной обстановке «обсудить кое-какие рабочие вопросы», и Дейзи задумалась, не связано ли это с неожиданной отставкой отца. Две недели назад Лабден Уэнтворт пережил легкий сердечный приступ, который, однако, не на шутку его напугал. Врачи предложили ему изменить образ жизни, и Лабден, немного подумав, огорошил родных и коллег объявлением о немедленном уходе из совета директоров корпорации. Он заявил, что ему хочется прожить остаток своих дней в покое и комфорте.

Когда Дейзи, отложив записку, выуживала из чашки чайный пакетик, ее внимание привлекло какое-то движение за окном. Резко повернувшись, она уставилась на густые кусты в дальнем конце сада. Поднявшийся ветер качал ветви, трепал пожелтевшую листву... В саду никого не было, но Дейзи почти не сомневалась, что видела за деревьями, отделявшими участок от узкой дороги за оградой, человека в черной одежде. Оставив чай на столе, она встала и медленно

подошла к раздвижной стеклянной двери. Придерживая живот одной рукой, Дейзи внимательно всмотрелась в сад. Еще один порыв ветра пронесся над деревьями, и из ветвей вылетело несколько ворон, которые поднялись в темнеющее осеннее небо и растаяли в нем. Вороны? Может быть, она увидела ворону и приняла ее за человека? Да, скорее всего, так и было...

Но как Дейзи себя ни успокаивала, она не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают.

Нет, не просто наблюдают.

Следят.

Резким движением она опустила жалюзи. Надо позвонить Джону. Да, она знает, что он занят, но ей просто необходимо услышать его голос.

Его или любого другого человека.

Но после нескольких гудков телефон Джона переключился на голосовую почту. Дейзи попробовала еще раз. То же самое. Борясь с раздражением, она подумала, что в пабе, наверное, довольно шумно и Джон просто не слышит звонка. Объяснение вполне правдоподобное, и все-таки оно несколько не ослабило ее желания с кем-нибудь пообщаться, поэтому Дейзи набрала сообщение своей новой подруге Ванессе.

Как насчет пообедать завтра в «Пи»?

Завтра пятница, один из двух дней, когда приезжает уборщица. В эти дни Дейзи всегда старалась куда-нибудь уйти. Она терпеть не могла присутствовать при уборке – это пробуждало в ней чувство вины, хотя, казалось бы... Она вообще-то платит за уборку хорошие деньги и к тому же обеспечивает людей работой. И все же Дейзи предпочитала уезжать или уходить из дома, чтобы потом вернуться в сверкающие чистотой комнаты, в которых потрудились домашние феи – так ее мать называла сотрудников клининговой службы, когда Дейзи была маленькой. Домашние феи.

Телефон пискнул. Пришел ответ от Ванессы:

Отличная идея. Во сколько?

Дейзи быстро напечатала:

В полдень будет не слишком рано? В последнее время мне постоянно хочется есть.

Ответное сообщение пришло почти мгновенно:

И не говори. В полдень у нас с Харуто дела. Давай попозже? В 2?

Дейзи улыбнулась. Обед в два часа – для нее это было слишком поздно. Она умерет с голода раньше. Впрочем, ничто не мешает ей перекусить во сколько захочется... Встречаться с Ванессой ей очень нравилось – у них было много общих тем для разговоров. Ванесса тоже была в положении, и ее ребенок должен был появиться на свет на неделю позже, чем ребенок Дейзи. Поговорить с тем, кто тебя понимает, – что может быть приятнее? Кроме того, Ванесса никогда никого не порицала и не осуждала. Дейзи терпеть не могла людей, которые заявляли, что ей-де негоже жаловаться, поскольку она принадлежит к привилегированному классу и должна быть благодарна за все те блага, которыми пользуется. Сама Дейзи считала, что на самом деле все в жизни относительно, и очень злилась на тех, кто не в состоянии этого понять. Ванесса была другой. К тому же она и ее муж Харуто тоже были достаточно состоятельными – во всяком случае, жили они в одном из дизайнерских особняков на противоположном берегу залива, в сверкающем доме из стекла, построенном по последнему писку архитектурной моды. Кроме того, на их участке был роскошный панорамный бассейн, за который не жалко было и умереть.

С Ванессой Дейзи познакомилась на курсах йоги для будущих матерей. Занятия проходили совсем недалеко от их с Джоном дома, и поначалу она удивилась, как это Ванессу занесло на их берег, но подруга объяснила, что ее муж как раз сейчас работает именно в этом районе.

Годится. До встречи.

Отправив Ванессе сообщение, Дейзи почувствовала себя гораздо спокойнее. Держа в руке кружку с травяным чаем, она поднялась, наполнила ванну и забралась с книгой в густую душистую пену. Час спустя Дейзи уже лежала в постели все с тем же романом, но больше

дремала, чем читала. Когда ей наконец пришло в голову посмотреть на часы, она увидела, что они показывают уже половину одиннадцатого ночи.

Дейзи резко села. Джон ведь давно должен быть дома!

Потянувшись к телефону, она позвонила мужу, но звонок снова переключился на голосовую почту, и Дейзи встревожилась не на шутку. Откинувшись обратно на подушки, она думала:

«Что, если он выпил лишнего и попал в аварию? Что, если он сейчас в больнице?»

Выждав около получаса, она позвонила снова, но опять попала на автоответчик. Только теперь ей пришло в голову, что после паба Джон мог пойти куда-то еще. В клуб, в бар или вроде того... От этой мысли Дейзи разнервничалась еще сильнее.

Она позвонила еще несколько раз, и в конце концов Джон взял трубку. Услышав его голос, Дейзи почувствовала, как по телу волной прокатилось облегчение.

– Привет, дорогой, – осторожно начала она. – У тебя все в порядке? Я беспокоилась.

– Все в порядке... – На заднем плане Дейзи слышала шум. Музыка. Женский голос. – Подожди секундочку, я найду местечко потише. – В трубке Дейзи снова услышала женский голос, потом все внезапно стихло, словно Джон прижал телефон к телу.

– Джон? Ты где?..

Несколько секунд спустя она снова услышала его голос. Слегка откашлявшись, Джон сказал:

– Прости, любимая, надо было тебе позвонить, но... Как только Генри ушел, в паб приехали несколько парней с работы. Мы обсуждали новый курорт... С ними как раз был эксперт по вопросам охраны окружающей среды, и я решил, что было бы неплохо установить с ним дружеские отношения. Они пока здесь, так что я, наверное, задержусь еще немного. Ты не против? Если надо, я мигом вернусь, ты только скажи, и...

– Нет, я... Все в порядке, Джон. – Дейзи сглотнула застрявший в горле комочек. Она вдруг почувствовала себя одинокой и несчастной. – Что сказал Генри? Чего он от тебя хотел?

Последовала короткая пауза.

– Он... он сообщил мне кое-что интересное. Завтра я все тебе расскажу, хорошо?

Беспокойство Дейзи снова усилилось, а вместе с ним в душе шевельнулись какие-то смутные пока подозрения. Ей казалось – что-то назревает. Что-то неприятное. *Тик-так, часики!*.. Она покосилась на опущенные жалюзи, на мечущиеся за ними тени деревьев. Ветер усилился, похоже, будет настоящий шторм.

– Дейзи, ты там? Все в порядке?

– Д-да... Все хорошо. – Она хотела рассказать ему о подsunутой под дворник записке, но решила пока промолчать. – До встречи.

– Спокойной ночи, любимая. Я постараюсь не слишком задерживаться, но ты все равно меня не жди. Тебе нужно больше отдыхать.

Они попрощались, и Дейзи как раз собиралась дать отбой, когда снова услышала в трубке тот же женский голос. На этот раз ей удалось разобрать несколько слов: «Джон... рано... Спасибо... приятный вечер».

Дейзи рухнула на подушку, прижимая телефон к животу. Глядя в потолок, она пыталась убедить себя в том, что это просто пустяк. Она знала, что паб находится на первом этаже популярного отеля рядом со зданием, в котором работал Джон. И, конечно, в этот час там много посетителей, а женский голос мог принадлежать кому угодно... Даже официантке.

Тут Дейзи представила, как официантка наклоняется над столиком Джона, улыбается ему, а он таращится на ее грудь, которая виднеется в вырезе блузки. Нет, нет, не может этого быть, сказала она себе. Скорее всего, это какая-то посторонняя женщина, которая прошла со своим спутником по вестибюлю отеля мимо Джона, пока он разговаривал по телефону. Она не допустит, чтобы подозрения снова выбили ее из колеи, не допустит паранойи. Достаточно того, что ей уже мерещатся тени за деревьями. Да, в Колорадо они с Джоном стали жертвами спятившей сталкерши, но это не означает, что то же самое повторится и здесь.

А если все-таки?..

Что, если женщина из Колорадо не вняла предупреждению суда и последовала за ними в Ванкувер?

«Все будет хорошо. О той психованной давно позаботились. Она больше не доставит нам неприятностей».

Дейзи уже погружалась в зыбкое безвременье на границе сна и бодрствования, когда в ее ушах снова зазвучал голос женщины из телефона, только на этот раз пробелы заполнились сами собой: «Пока, Джон... Завтра мне рано вставать. Спасибо за приятный вечер».

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Солнечный свет заливал «Стеклянный дом» со всех сторон, и Мэл невольно заморгала – настолько ярким он казался в этих сверкающих интерьерах.

Нижний этаж занимала одна большая комната. Белые мраморные полы, белые стены, белая мебель, зеркала и кое-где яркие всполохи абстрактных полотен.

– Когда приехали патрульные, шторы были подняты, как сейчас, или... – спросила она, глядя, как эксперт-дактилоскопист посыпает специальной пудрой перевернутый стеклянный столик в поисках отпечатков. Еще несколько криминалистов курсировали вверх и вниз по лестнице, ведущей на второй этаж. Несмотря на постоянное движение и приглушенные разговоры, внутри дома царили сверхъестественное спокойствие и почти торжественное, подавляющее ощущение пустоты и безжизненности.

– Эти окна выходят на океан, – ответил Бенуа. – И на них нет штор.

Мэл удивленно покосилась на него.

– Шутишь? Люди живут в стеклянном ящике и не могут никак отгородиться от окружающего мира? По-моему, это...

– ... Эксгибиционизм, – закончил напарник. – Совершенно согласен. Живешь как в аквариуме.

– Я имела в виду – не каждый человек согласится добровольно поставить себя в столь *уязвимое* положение, – мягко пояснила Мэл.

Бенуа подбородком показал на стеклянные двери, которые вели к вписанному в окружающий сад панорамному бассейну.

– Капли крови и следы волочения ведут в ту сторону. Цепочка смазанных кровавых пятен тянется вдоль бассейна к калитке, которая выходит на улицу. Основные события, по-видимому, происходили наверху, в одной из спален. Может, лучше начать оттуда?

– Нет, сначала осмотрим все внизу, – покачала головой Мэл. – Спальня никуда от нас не убежит.

Сержант ван Альст всегда предпочитала осматривать место преступления от периферии к центру, двигаясь как бы по спирали. Это помогало ей сохранять непредвзятость, не позволяя делать поспешные выводы. Только составив общее представление о происшедшем, она переходила к деталям, порой возвращаясь на место преступления по нескольку раз.

Мэл сделала несколько шагов вперед по отполированному мраморному полу, стараясь не наступать на оставленные экспертами отметки. Бенуа следовал в точности за ней, чтобы не оставить на месте преступления посторонних следов.

Белый кожаный диван у дальней стены был забрызган кровью. Кровавые капли и потеки виднелись и на мраморном полу. Разбитые бокалы для вина и мартини вместе с уцелевшим таблером из толстого стекла валялись рядом с опрокинутым кофейным столиком в луже, от которой шел сильный запах вина и виски. Среди осколков лежал пульт от телевизора. Оливки и маринованная луковичка откатились к двери. В хрустальной пепельнице на боковом диванном столике Мэл увидела трубку для курения марихуаны из зеленого стекла, выглядевшую как настоящее произведение искусства.

– Знаешь, что говорят о людях, которые живут в стеклянных домах? – спросил Бенуа.

– Что им нельзя кидать камни?

– Что им нельзя напиваться *вдребезги*.

Мэл хмыкнула и наклонилась, чтобы получше рассмотреть пятна крови на диване, потом сфотографировала их с нескольких точек.

– Судя по рисунку, это экспираторный брызг^[4] – капли крови вылетели изо рта, – сказала она. – А вот эти крупные капли и размазанный след на полу...

– Похоже на артериальное кровотечение.

Она кивнула.

– Вот, и тут тоже...

Бенуа приблизился к забрызганной кровью стене.

– Здесь следы борьбы, – сказал он. – Может быть, все началось здесь, – Бенуа показал на диван. – Три бокала. Три человека сидели и выпивали вместе. Потом заспорили... ну и сцепились. Один человек

поднимается, за ним остальные. Вот здесь жертву ударили о стену. Если жертва стояла вот здесь, то... то это брызги крови от удара головой о стену. Смотри, они как раз на высоте среднего человеческого роста.

Мэл подошла к нему сзади, посмотрела.

– А может, все-таки удар тупым тяжелым предметом? Если, скажем, была рассечена кожа, это объясняет распределение капель вот здесь...

Бенуа кивнул.

– Удар тупым предметом... или острым. Вроде ножа. Дальше жертва сползает по стене и движется в эту сторону... – Он показал карандашом направление. – Судя по форме капель на полу, их источник находился на небольшой высоте. Вот здесь жертва оперлась о подлокотник кресла, возможно, чтобы подняться, но получила еще одну рану. Ты говоришь, капли крови вылетели изо рта вместе с потоком воздуха? Похоже... Жертва закашлялась, потом поползла прочь.

– Но куда? – спросила Мэл. – Куда поползла жертва? И где тело?

Бенуа присел на корточки и прищурился.

– Смотри, вот здесь на полу крови нет. Я думаю, здесь лежало что-то, что помешало ей попасть на мрамор.

– Ковер, – тихо сказала Мэл. – Здесь был ковер. Прямо под кофейным столиком.

– Отсюда и следы волочения, – согласился напарник. – Жертву вытащили из комнаты на ковре.

Сделав еще несколько снимков дивана, Мэл заметила, что в глубокой щели между подушками что-то блестит. Она сфотографировала щель с близкого расстояния, потом отодвинула подушку и рукой в перчатке извлекла оттуда небольшой золотой кулон. Осмотрев его как следует, Мэл присвистнула.

– Золотая капля со здоровенным бриллиантом в центре, – сказала она. – Цепочка порвана. – Подозвав эксперта, она передала ему находку, а сама медленно двинулась к раздвижным дверям, внимательно изучая следы на полу.

Мэл вышла на площадку у бассейна. Ветер морщил поверхность воды, за бассейном сверкал отраженными огнями залив Беррард. По

площадке на четвереньках ползал один из криминалистов, который собирал какие-то образцы. Заслышав ее шаги, он поднял голову.

– Здесь тоже следы крови, – сказал он. – Что-то вытащили из комнаты, протащили по площадке за угол дома, потом через калитку и на улицу. Калитка была открыта. На дороге следы крови обрываются: похоже, там была припаркована машина.

– И тело, если это уже было тело, погрузили в салон или багажник, – закончила Мэл.

– Пока мы не нашли ничего, что противоречило бы этому предположению.

Внимание Мэл привлекло какое-то движение в доме по соседству. Она подняла голову и увидела в окне второго этажа пожилую женщину, которая внимательно следила за происходящим. На коленях у нее лежал клетчатый плед. Увидев, что ее заметили, она слегка помахала рукой. Немного поколебавшись, Мэл тоже подняла руку в знак приветствия и помахала в ответ, чувствуя себя довольно неловко. Обычно она не махала свидетелям.

– Наверное, это она, – тихо сказала Мэл подошедшему Бенуа. – Женщина, которая позвонила в Службу спасения. Я бы с ума сошла, если бы знала, что за мной постоянно следит какая-то старуха. Со второго этажа ей наверняка видно не только то, что происходит возле бассейна, но и в доме... по крайней мере, в гостиной первого этажа.

Бенуа проследил за ее взглядом.

– Значит, зайдём к ней, как только закончим здесь.

Они вернулись в дом и подошли к барной стойке. На ней стоял шейкер для martinis, ведро с растаявшим льдом, серебристая бутылка водки «Бельведер», бутылка четырнадцатилетнего бочкового виски «Балвени Карибиан», миска с оливками и поднос с подсушенными ломтиками сыра разных сортов. Подняв голову, Мэл некоторое время разглядывала висящую на стене за стойкой фотографию в рамке. На фотографии были запечатлены мужчина и женщина лет тридцати пяти. Женщина, позировавшая фотографу с непринужденностью модели «Вог», была поразительно красивой светлокожей брюнеткой. Длинные волнистые волосы, тонкая талия, комбинезон из кремового шелка, босоножки на абсурдно высоком каблуке. Из-за этих каблуков стоявший рядом мужчина был чуть ниже ее ростом. Смуглая кожа и раскосые глаза выдавали его азиатское происхождение. Пара стояла на

фоне бирюзового бассейна, мужчина с видом собственника обнимал свою спутницу за талию. Оба держались уверенно, и было заметно, что им хорошо вместе. Выглядели они состоятельными, хотя нарядиться и сфотографироваться на фоне отельного бассейна мог кто угодно. На заднем плане – за бассейном – Мэл разглядела пальмы, каскады орхидей и какое-то здание в колониальном стиле с белыми колоннами и плетеной мебелью на выложенной черно-белой плиткой веранде.

– Харуто и Ванесса Норт? – предположила Мэл, фотографируя снимок. – Если судить по растительности и ротанговой мебели, то снято, скорее всего, где-то в Азии.

Бенуа двинулся в кухню, и Мэл пошла за ним. Кухня выглядела очень солидно: массивная белая мебель, сверкающая нержавеющей сталь, стекло. Нигде ни пятнышка, ни крошки. Никаких следов того, что кухней недавно пользовались. Бенуа заглянул в холодильник.

– Ничего, если не считать бутылки розового, – сообщил он, захлопывая дверцу. – И в посудомоечной машине тоже пусто. Можно подумать, этот дом специально обставили для рекламной фотосессии. Стоп, а это что?.. Ну-ка, взгляни. – Бенуа показал на подставку для ножей. – Одного не хватает. – Он встретился взглядом с напарницей. – Не хватает одного большого ножа.

Чувствуя нарастающее напряжение, оба детектива поднялись по лестнице на второй этаж, старательно обходя пометки и маркеры, отмечавшие капли крови на ступеньках. Смазанные следы крови виднелись и на перилах. Навстречу полицейским спустился один из криминалистов, кивнувший в знак приветствия.

Верхняя площадка лестницы была застелена светлым кремовым ковром, на котором были хорошо видны кровавые отпечатки обуви, ведущие из спальни. Когда детективы вошли в комнату, Мэл остолбенела. На несколько мгновений дыхание занялось у нее в груди, а перед глазами потемнело. Нет, она не была новичком, и ей уже не раз приходилось бывать на местах кровавых преступлений, но открывшаяся ей картина превосходила все, что Мэл видела раньше.

Спальня напоминала абстрактное полотно, выполненное брызгами крови по девственно-белой обстановке комнаты. Выглядело это почти красиво. Созвездия алых точек и кровавые потеки пятнали стены, потолок, зеркало, абажуры настольных ламп, ковер. В самом

центре огромной двуспальной кровати, на смятых шелковых простынях темнело целое озеро крови.

По спине Мэл пробежал холодок. Судорожно сглотнув, она сделала шаг вперед на негнущихся ногах.

– Ну и ну! – выдохнула она чуть слышно.

Двое экспертов собирали образцы с нефритовой статуэтки, стоявшей на полу рядом с кроватью. Услышав голос Мэл, оба подняли головы.

– Что-что?.. – переспросили они чуть ли не хором.

– Как насчет тела? – ван Альст постаралась взять себя в руки.

– Пока ничего, – сказала одна из криминалистов – молодая, миловидная, чуть полноватая женщина. Выглядела она как-то очень по-домашнему уютно, и Мэл подумала, что в эту обстановку женщина вписывается плохо. – Но я совершенно уверена, что жертва вряд ли ушла отсюда на своих двоих. Потерять столько крови – это вам не баран чихнул.

– Статуэтка – орудие преступления? – деловито спросил Бенуа.

– Возможно, – ответил второй эксперт. – На одном из выступов мы нашли кровь и образцы волос – тонких, светлых, темных у корней. На простынях обнаружены другие волосы – более длинные и темные. – Он поднялся с пола. – А вот там мы нашли еще кое-что любопытное. Взгляните...

Мэл и Бенуа обогнули кровать. На ковре валялась на боку одна кроссовка – белая, с декоративной оранжевой полоской. В кроссовке застрял поношенный окровавленный носок.

Мэл нахмурилась.

– Кроссовка только одна? – спросила она. – Второй нет?

Эксперт пожал плечами:

– Пока не нашли.

Наклонившись, Мэл сфотографировала кроссовку, потом стала внимательно ее рассматривать.

– Практичная, недорогая женская модель, – сказала она. – Предназначена скорее для повседневного ношения, чем для занятий спортом. – Подняв кроссовку, Мэл заглянула внутрь. – Седьмой размер.

– В таком месте, – заметил Бенуа, – рассчитываешь найти скорее супердорогие профессиональные кроссовки, чем это барахло.

Мэл прикусила щеку изнутри.

– Да, – согласилась она, – эта штука сюда правда не вписывается. Возможно, кроссовка слетела с ноги жертвы вместе с носком, когда ее тащили к лестнице. Надо провести анализ ДНК и установить, совпадает ли кровь на носке с другими образцами. – Она поглядела на двуспальную кровать, на измятое белье. Рядом с изголовьем на туалетном столике стояла еще одна фотография той же пары, что и внизу. На этом снимке супруги Норт были одеты словно для какого-то торжества и выглядели очень элегантно и дорого.

Ее мысли вернулись к бокалам в луже спиртного внизу. К раздавленному пирогу и цветам. Тела нет. Хозяев дома тоже нет, но в гараже по-прежнему стоят две дорогие машины. Та-ак...

Выпрямившись, Мэл двинулась к гардеробной, открыла двери и включила свет. Комната оказалась довольно большой – не меньше, чем домашний кабинет мужа Мэл. Войдя внутрь, детективы увидели, что вдоль правой стены висит женская одежда, а вдоль левой – мужская. Костюмы, блузки, юбки, кофты были тщательно выглажены и аккуратно расправлены; некоторые предметы были в чехлах. У дальней стены были устроены полки, на которых разместились целая коллекция дорогой фирменной обуви, как мужской, так и женской.

Выбрав туфли на шпильках, Мэл перевернула их подошвой вверх.

– Размер восемь с половиной, – констатировала она.

Бенуа проверил другую пару, потом еще одну.

– Все женские туфли размера восемь с половиной или девять, – сказал он. – Мужская обувь десятого размера.

– Женщина на фото внизу выглядит довольно высокой, – сказала Мэл. – Такая запросто может носить девятый размер. Мужчина рядом с ней – азиат. У него вполне может быть десятый размер – мужской, разумеется...

– Но размер кроссовки рядом с кроватью – седьмой женский, – заметил Бенуа.

– Вот я и говорю, что она определенно не вписывается в картину, – задумчиво проговорила Мэл, еще раз окидывая взглядом набитую дизайнерской одеждой гардеробную.

– Если кроссовка принадлежит не миссис Норт с фотографии, значит, это обувь жертвы, – уверенно сказал Бенуа.

– Не исключено. – Мэл посмотрела напарнику в глаза. – Но где же тело? И где хозяйева?

– И кто такая, черт побери, эта Дейзи?.. – добавил Бенуа.

– Сержант! – донесся снизу чей-то крик. – Мы нашли нож!

Дневник

Возможно, патологическое любопытство действительно является для меня «запросом», как выражается моя психоаналитик, однако на данном этапе ее интересуют причины, вызвавшие мою странную зависимость. Благодаря тому, что я стала вести дневник, мне удалось нащупать два (пока только два) события, которые, возможно, обострили мой недуг и вынудили меня действовать более рискованно, подвергая себя вполне реальной опасности. Так вышло, что эти события, сыгравшие роль пускового механизма, произошли в один и тот же день, что в десятки раз усилило их влияние на мою жизнь. Просто поразительно, как мы порой не замечаем вещей, которые буквально бросаются в глаза.

Сейчас я расскажу об этом дне. Точнее, дорогой Дневник, постараюсь воспроизвести его как можно точнее, во всех подробностях, шаг за шагом, минута за минутой.

Итак...

В то утро мы с Буном встали очень рано, чтобы перед работой успеть зайти в парк Лайтхаус. Утро выдалось сырое, холодное, моросит дождь, дует резкий ветер. Мы бредем по тропе под деревьями, спотыкаясь о корни, под ногами чавкает размокшая грязь. По обеим сторонам возвышаются огромные мокрые ели, между древними стволами которых, словно призраки, витают клочья тумана. Ветви елей нависают над тропой, и кажется, что деревья, как часовые, пристально наблюдают за нами: прикрывают, защищают и в то же время – следят, чтобы мы не сошли с тропы.

За спиной у меня небольшой рюкзачок. В нем лежит цилиндрическая биоразлагаемая урна из бамбукового волокна. В урне – прах моей матери. Человеческий прах – на удивление тяжелая штука.

Моя мать умерла ровно год назад, день в день. Мамина болезнь перевернула для меня все с ног на голову. Даже после ее смерти моя жизнь так и не вернулась на круги своя. Сейчас я ищу подходящее место, чтобы развеять по ветру то, что осталось от мамы, но ее голос продолжает звучать у меня в ушах.

«Мы так надеялись на тебя, Катарина! Ты была лучшей в классе по математике, физике, химии. Ты выиграла конкурс эссе. Ты была в почетном списке учеников. Ты могла бы добиться всего, стать кем угодно, а кем ты стала? Прислугой, которая убирает грязь за другими!»

«Ты тоже убирала за другими, мама. Я пошла по твоим стопам».

«Твой отец и я – мы были иммигрантами, Катарина. Мы переехали сюда ради тебя, мы работали не покладая рук, чтобы ты могла сама выбрать дорогу в жизни. Мы боролись ради тебя. Да, я убиралась в домах и номерах гостиниц, но я делала это ради тебя. Мы отдавали тебе все – силы, время, здоровье... И посмотри, как ты с нами поступила!»

А потом мама заболела.

Тяжело заболела.

Я пыталась помочь. Пыталась сделать так, чтобы ей хотя бы не стало хуже. Я возила ее к врачам, на разные исследования, на анализы крови. Мы проводили целые дни в специализированных центрах, где ей делали химиотерапию, но все оказалось напрасно.

В конце концов маму поместили в хоспис. Там она и умерла. Через восемь месяцев после того, как ей поставили тот страшный диагноз. Честно говоря, я не думала, что ее смерть станет для меня таким потрясением или что мне будет так сильно не хватать ее жалоб и упреков. Может, сейчас, на Небесах, она бранит моего отца и грозит ему толстым пальцем с загрубевшей от тяжелой работы кожей. Словно наяву я слышу ее голос с сильным украинским акцентом, от которого она так и не избавилась: «Ах, Паша, только посмотри на нашу дочь! Ей уже тридцать, а она по-прежнему убирает чужие дома за гроши!..»

– Может быть, здесь? – предлагает Бун, заглушая голос матери у меня в голове.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он показывает. Дождь капает с козырька моей бейсболки. Капает с печально поникших темных еловых лап. Кажется, дождь капает и в моем сердце.

– Какой крутой склон! – отвечаю я, заглядывая вниз с края утеса (из предосторожности я держусь за рукав куртки Буна). – И камни вдоль края, похоже, очень скользкие! Мне бы не хотелось сорваться с

обрыва и полететь в воду вместе с ее прахом – маму бы это очень позабавило.

Бун смеется. У него довольно необычный смех. Стоит услышать его однажды, и вы узнаете его где угодно и когда угодно. Когда Бун чем-то напуган или встревожен, его смех становится похож на пронзительный крик цапли. Бун редко нервничает, но, если это случается, он издает высокие, отрывистые, булькающие звуки. Когда я их слышу, мне всегда хочется улыбнуться, но других – я знаю – его манера смеяться сильно раздражает.

– Ты говоришь так, словно она до сих пор за тобой следит, – говорит он.

– Она всегда за мной следит, потому что она у меня в голове.

– Вот видишь! – говорит Бун. – Проблема не в ней – в тебе!.. На самом деле твоя мать всегда была ни при чем. Она – воплощенный голос твоей совести, вот ты и называешь своего внутреннего судью «мамой».

– Только не начинай, ладно? – Мне хватает того вздора, который говорит мне на сеансах моя психоаналитичка. Я делаю несколько шагов от края, потом резко поворачиваюсь к Буну. Чуть подавшись вперед, я смотрю на него в упор, и он от удивления замирает на месте, а потом начинает пятиться. Я чуть прищуриваюсь. Сейчас мой взгляд и моя поза выражают предельное напряжение, готовность атаковать, и его улыбка гаснет. Лицо Буна стремительно бледнеет, и он делает еще один шаг назад – к опасным и скользким камням на краю обрыва.

– Что... что с тобой, Кит?

– Может, она уже внутри тебя, Бун? – Мой вытянутый вперед палец почти упирается ему в нос. – Ты там, мама?.. – Я делаю несколько шагов, наступая на него. – Вселилась в Буна? Овладела его телом?!

– Хватит! Прекрати!

– Ага-а! Испугался! – Я хлопаю себя по бедру.

– Вот и нет. А ты... Тебе давно пора вырасти.

– Ну вот, теперь ты заговорил точь-в-точь как мой папа.

– Хотел бы я знать, когда ты в последний раз слышала своего отца. Он умер... когда?.. лет десять назад?.. Ты всегда говорила, что после этого вы с матерью остались совсем одни.

Пожав плечами, я снова поворачиваюсь и иду дальше по извилистой тропе, которая тянется над водой вдоль обрыва. Далеко внизу волны набегают на берег, плещутся, шепчут, шепелявят. Бун шагает следом, чавкая башимаками по жидкой грязи. Ногами я задеваю мелкие камни, они откатываются в сторону и со стуком летят с обрыва вниз. Бун прав... и не прав. Я действительно услышала голос своего отца, который донесся ко мне из прошлого. В одно мгновение этот голос вернул меня в те времена, когда мне было шестнадцать. «Тебе пора повзростеть, Катарина. Повзростеть и понять, что такое ответственность. А ты только и делаешь, что врешь. Постоянно врешь. Это отвратительно, Катарина. Ты опозорила свою семью. Ты стала иллюхой, и... Как нам теперь смотреть людям в глаза?!»

Я ускоряю шаг. Быстрее. Еще быстрее.

У меня в ушах раздается голос матери. Она спорит с отцом.

«Оставь ее в покое!»

Мое сердце наполняется скорбью. К глазам подступают слезы. Мне кажется, я не выдержу. Зря прожитые жизни. Упущенные возможности. Я подвела родителей. Я подвела себя. Сейчас я рада, что идет дождь – бесконечный, моросящий дождь, похожий на туман, который так хорошо скрывает соленую влагу у меня на щеках.

Я спотыкаюсь о торчащий из земли корень, но мне удается сохранить равновесие и не упасть. Выпрямляясь, я поднимаю взгляд и вижу чуть дальше по тропе обращенную к металлически-серому простору океана деревянную скамейку, которая привинчена болтами к большой плоской каменной глыбе на краю утеса.

– Здесь, – говорю я, оборачиваясь к Буну. – Лучше не придумаешь.

– Мне кажется, это место уже занято, Кит. Смотри, там, на скамье, – мемориальная табличка. Тот, кто поставил ее здесь, хотел иметь возможность без помех оплакивать своих близких. Наверное, ему пришлось даже заплатить...

– Не говори глупости! Эта скамейка – самое обыкновенное пожертвование в честь умершего родственника – типа увековечить его память и все такое... Никто сюда не ходит. К тому же будет только символично, если я и мама – микроорганизмы, бактерии, которые годами убирали и перерабатывали оставленный богатеями мусор, – воспользуемся скамьей, которую поставил тут какой-то

богач. Мы всю жизнь одевались в секонд-хенде, носили одежду с чужого плеча, так что чужая скамейка нам в самый раз. – Я смотрю на него. – В конце концов, эта скала и этот парк никому не принадлежат! Это общественный парк, он – для всех, а значит, и для меня тоже. Эти люди просто оплатили установку скамьи, чтобы...

– Что с тобой, Кит?! Что ты заводишься? Я же пошутил!

Но он отлично знает, что со мной. Мне не по силам сделать то, что я хочу. То, что я должна. И это меня просто бесит.

Я пытаюсь взять себя в руки.

– Ладно, извини, – говорю я. – Давай поскорее покончим со всем этим...

– О'кей, – отвечает Бун. – Давай.

Я скидываю со спины рюкзачок, достаю урну и... застываю. Я не могу. Просто не могу!..

И поэтому мы с Буном садимся на «мемориальную» скамейку и несколько минут просто сидим, не обращая внимания на дождь и туман. Я крепко сжимаю в руках биоразлагаемый бамбуковый цилиндр. Я не в силах расстаться с мамой.

Столько лет... Столько лет я думала, что прекрасно обойдусь без ее упреков и наставлений, но теперь...

Я провожу по гладкой бамбуковой урне кончиками пальцев. Представитель похоронного агентства говорил, что после того, как я развею мамин пепел по ветру, я могу закопать урну где угодно, может, даже посадить на этом месте дерево, и в течение года растительное волокно полностью разложится, превратится в плодородную почву.

Туман сгущается. С тяжелых еловых лап срываются уже не отдельные капли, а тоненькие струйки дождевой воды. Издалека доносится шум большого города, в который вплетается вой сирен.

– Мы должны сделать это, – негромко и мягко говорит Бун. Он всегда так добр ко мне. – Надо, Кит... Тебе пора на работу, да и мне тоже.

Бун работает декоратором на студии «Холливуд Норт». Сейчас там снимают второй сезон телесериала о коронере, и работы у него выше крыши. А я сегодня как раз еду к новым клиентам, и под курткой на мне надета рабочая форма уборщиц из клининговой фирмы «Помощь Холли». Нельзя опаздывать на работу в первый же день (да

и в любой другой тоже), и все-таки я не могу сдвинуться с места. Я как будто приросла к этой дурацкой скамейке, а бамбуковая урна приросла к моим ладоням. Я. Не. Могу.

По моим щекам текут слезы. Это именно слезы, а не дождь, потому что я чувствую, какие они горячие. Мои плечи вздрагивают.

Мамин прах стоял у меня на каминной полке ровно год. Целый год я не могла найти в себе силы, чтобы развеять его в каком-нибудь подходящем месте. Казалось, мне было необходимо, чтобы мама продолжала осыпать меня упреками даже с того света. «Ты убираешь мусор за другими, а свою жизнь привести в порядок не можешь. Ты неспособна даже избавиться от праха своей любимой мамочки, которая бросила рідну неньку Україну ради того, чтобы у тебя была нормальная жизнь. Никогда, никогда ты не могла довести ни одно дело до конца, Катарина! Ты и школу бросила, хотя мы скопили достаточно денег, чтобы ты могла учиться в университете. Эти твои постоянные вечеринки! Алкоголь! Пьяные компании! Разве так себя ведут девушки, которые хотят чего-то добиться?»

Бун обнимает меня за плечи. Он ничего не говорит, но я все равно чувствую его поддержку. Бун рядом, и мне этого достаточно. Есть столько разных видов любви, и наша с Буном уникальна. Ничего физического. Просто он мой лучший друг. И я готова сделать для него все что угодно. Не сомневаюсь, что и он сделает все для меня. Наша дружба... она крепче, чем кровное родство.

– Знаешь, что она сказала мне перед смертью? – тихо спрашиваю я.

Бун криво улыбается из-под козырька мокрой бейсболки.

– Дай угадаю... – Он на секунду задумывается, потом начинает говорить, искусно копируя мамин украинский акцент: – «Ты, Катарина, могла бы кой-чего добиться в жизни!..»

Я против воли захлебываюсь смехом.

– Нет, не угадал!.. Она сказала вот что... – Я делаю небольшую паузу, чтобы как можно точнее передать мамин голос. Еще несколько мгновений, и в моих ушах начинает как будто звучать магнитопись нашего последнего разговора в палате хосписа:

«Я хочу выбраться отсюда, Катарина. Помоги-ка мне встать, живо!»

«Но, мама, ты очень слаба. Ты упадешь! Хочешь, я позову сестру, и мы...»

«Нет, нет! Ради бога, Катарина! Я должна убраться отсюда!»

«Нет-нет, мама, пожалуйста, не надо! Не делай этого! Давай я помогу тебе лечь обратно».

«Не трогай меня! Убери руки! Пресвятая Богородица, Господи Иисусе Христе, 911, полиция – да помогите же мне кто-нибудь! Уберите от меня эту девчонку! Отпусти меня, Катарина! Отпусти, или я тебя лягну, как осел не лягал. Клянусь – я это сделаю!»

Бун смотрит на меня, и его губы изгибаются в улыбке.

– «Как осел не лягал»? – переспрашивает он.

Я фыркаю, вытираю нос тыльной стороной ладони, киваю.

– Что это за выражение? Я думал, «лягание осла» это что-то из йоги, но...

– Скорее всего, это просто самый сильный удар, какой мама могла придумать. Когда лошади лягаются, они могут и убить.

– А ослы? Они вообще лягаются?

– Понятия не имею.

– Может, на ферме, где росла твоя мама, кого-то лягнул осел?

– Понятия не имею, – повторяю я. – Я думаю, на пороге смерти у нее просто помутилось сознание. Плюс разные лекарства... Смерть не происходит сразу. У нее тоже есть этапы. Ну, как стадии беременности... И на каждом этапе – целый букет симптомов, их все уже изучили и описали.

– Наверное, именно для этого и нужны доулы^[5], – глубокомысленно замечает Бун. – Что прийти в этот мир, что уйти из него не так-то просто. Ведь и приход человека в мир, и уход из него весьма болезненны. И просто-напросто страшно.

– Да.

Он молчит, а потом вдруг говорит:

– Я думаю, ослы лягаются еще похуже лошадей.

– Может быть. – Я тоже молчу, потом добавляю: – Ей сделали какие-то уколы, а через несколько часов она умерла.

«Умерла, не приходя в сознание», – мысленно уточняю я и вдруг чувствую, что мне жизненно необходимо как можно скорее избавиться от праха, пустить его по ветру, сбросить со скалы. Так моя мама будет нигде и одновременно везде.

– Ладно, я готова.

Я встаю, вытаскиваю бамбуковый итырек, который удерживает крышку, открываю урну и, подняв ее повыше, переворачиваю вверх дном. Слежавшийся пепел вырывается из урны плотным комком, но ветер подхватывает его и сносит вниз и в сторону. На фоне серого тумана туча пепла кажется серебристо-белой. Новый порыв ветра – и она взмывает выше, становясь похожей на миниатюрный атомный гриб. Ветер несет пепел над нашими головами, несет к обрыву, рассеивает в небе над лесом и над океаном. Да, теперь мама действительно везде! Я начинаю смеяться и никак не могу остановиться. Мама была бы в восторге. Она всегда любила свободу, и теперь, когда ее жизненный цикл завершился, мама снова вернулась во Вселенную.

Я с облегчением вздыхаю. Кажется, мне удалось наконец разорвать ту тягостную связь с матерью, которая мешала мне быть собой. И одновременно я чувствую себя одинокой и потерянной. Жизнь – это безбрежный океан, плыть по которому мне теперь придется самой.

И с этим ничего не поделаешь.

Мы возвращаемся к нашим машинам. Рюкзак у меня на спине кажется невесомым. В нем нет ничего, кроме пустой биоразлагаемой урны.

На стоянке я замечаю ярко-голубой автомобиль. Это «тесла родстер». Он припаркован в дальнем конце стоянки, словно его владельцы хотели оказаться как можно дальше от дешевой коричневой «хонды» Буна и моего служебного «кросстрека».

– Ну-ка постой!.. – говорю я.

Он замечает блеск в моих глазах и широко улыбается. Бун знает, в чем дело. В эту игру мы играем довольно давно. Впрочем, это не совсем игра. Возможно, это наш способ выразить протест против мира, где правят богатство и ложь. Но мы-то знаем, что вещи никогда не бывают такими, какими кажутся.

Не говоря друг другу ни слова, мы направляемся к «тесле», внутренне готовясь играть, импровизировать. Вот мы с самым непринужденным видом опираемся о капот машины, и Бун обнимает меня за плечи, а я гляжу на него снизу вверх, старательно изображая обожание. Одновременно я поднимаю свой телефон и делаю несколько

снимков. Ах, если бы вы только знали, как много можно выразить с помощью поз, мимики, выражения глаз! Можно выглядеть уверенным, беспечным, богатым. Именно таких людей – людей, которые считают, будто им принадлежит весь мир, – мы с Буном и играем перед объективом. Так мы смеемся над ними – над теми, кто действительно в это верит и лишь поэтому считает себя вправе унижать и эксплуатировать других.

Мы переглядываемся, меняем позу, и я делаю еще несколько снимков. Снимки получаются довольно натуральными, и я, смеясь, посылаю Буну воздушный поцелуй, а он запрокидывает голову и хохочет.

Очень быстро я делаю еще пару фото.

Потом Бун садится в свою помятую «хонду» и едет на съемочную площадку в Бернаби (который в сериале изображает Бостон), а я забираюсь в «субару» с логотипом «Помощь Холли» на дверце, где лежат на заднем сиденье щетки, швабры, чистящие принадлежности и пылесос «Дайсон». Пока двигатель прогревается, а туман на лобовом стекле тает, я быстро просматриваю фотографии, выбирая из них лучшую. Потом я открываю свой Инстаграм-аккаунт @лисицаиворона (и лисы, и вороны те еще хитрюги, к тому же я питаю слабость к врановым), загружаю снимок и снабжаю его хештегами #яимойсладкий; #ранняяпрогулкадозавтрака; #личнаяжизнь; #западноепобережье; #тесласупер; #вашеследующеепутешествие. Готово!

Наконец я откладываю телефон и еду к новым клиентам.

Встраиваясь в поток машин на шоссе, я негромко подпеваю радиоприемнику. У меня отличное настроение, и я понятия не имею, что очень скоро моя жизнь круто изменится.

Вот так, дорогой Дневник... Я обещала рассказать о двух – целых двух! – событиях, выпавших на один и тот же день: во-первых, я наконец-то рассталась с маминим прахом, а во-вторых, начала работать на новых клиентов, которые жили в доме под названием «Розовый коттедж».

Джон

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

Джон Риттенберг сидел с Генри Клеем в пабе «Охотник и пес». Паб был оформлен в брутальном стиле: стены отделаны массивными деревянными панелями, табуреты и стулья обтянуты темной кожей, свет приглушен, на столах стоят винтажные лампы с зелеными абажурами. Именно сюда член совета директоров корпорации «Терра Уэст» седовласый Генри Дж. Клей пригласил Джона выпить и закусить, что в его представлении означало очень дорогое виски и стейк из вагю^[6].

Сидя напротив Джона, Генри агрессивно орудовал ножом с деревянной ручкой. В полумраке кабинки он напоминал притаившуюся жабу, которая собирается проглотить комара. Лежащее перед ним на тарелке мясо было почти фиолетовым – Генри, как всегда, взял мясо с кровью. Вот он подцепил на вилку очередной кусок, но его рука замерла на полпути ко рту. Кивком показав на нетронутый стейк на тарелке Джона, Генри спросил:

– Что не ешь?

Несколько мгновений Джон разглядывал кровь, которая, сочась из стейка на тарелке Генри, понемногу пропитывала картофельное пюре. Никакого аппетита у него не было. Сначала ему нужно было переварить то, что он только что услышал.

– Давай, действуй, сынок! Это лучшее мясо, какое только можно достать в наших краях. – Генри потянулся к бокалу с четырнадцатилетним «Бальвени» и запил стейк большим глотком.

– То есть претендентов на это место двое? – уточнил Джон. – Ты уверен? – Новость, которую сообщил Генри, по-прежнему казалась ему вздором.

Генри рассмеялся, сделал еще один добрый глоток виски и знаком приказал миловидной официантке в блузе с глубоким вырезом повторить. Промокнув уголки губ льняной салфеткой, он сказал:

– Если бы Лабден не отправился в отставку так скоропостижно, повышение было бы у тебя в кармане. Да ты и сам это знаешь!

– Но?..

– Но ситуация изменилась, Джонни. Лабден выпустил вожжи из рук. Уступил место молодым. Я – последний из стариков в совете.

Джон почувствовал, как его желудок заполняется кипящей кислотой.

«Это место должно было быть моим! Лабден обещал, что именно я стану административным директором нового курорта, как только будет закончено строительство. Черт побери, я столько лет горбатился на корпорацию, вкладывал в эту работу всю душу. «Терра Уэст» немало заработала, эксплуатируя мое имя, мою известность, мое олимпийское золото. Да я женат на дочери основателя корпорации, чтоб его!»

– Откровенно говоря, даже Лабден понимал, что пришло время перемен. Крутых перемен. Интуиция и умение мыслить на несколько ходов вперед значат в нашем бизнесе многое, если не все. «Терра Уэст» должна производить впечатление корпорации, которая умеет подстраиваться под общественное мнение.

– Кто он? Этот мой конкурент?

Генри прищурился.

– А тебе не приходило в голову, что это может быть не «он», а «она»?

– Ну и кто *она*?

Его собеседник снова рассмеялся.

– Это *он*, и ты его видел. Он был на презентации на прошлой неделе. Парень буквально на днях прилетел из Церматта^[7]. Новый человек в головном офисе...

– Ахмед Вахид? Парень из Северной *Африки*?! – Джон был потрясен. Он действительно встречался с этим человеком на прошлой неделе. – Да что этот Вахид может знать об управлении горнолыжными курортами?

– Вообще-то немало. Может, Вахид и родился в Северной Африке, но еще ребенком он объехал с родителями всю Европу. Его отец был дипломатом. Вахид учился кататься на лыжах в Италии и Австрии. Он говорит на пяти языках, включая арабский. В свое время он окончил Школу делового администрирования в Гренобле, а там, сам знаешь,

учат современному подходу к управлению бизнесом. Вахид поднялся с самого низа, прошел от Кицбюхеля и Валь-д'Изера до Шамони... Говорят еще, он первоклассный сноубордист.

– *Сноубордист?! –* Черт. – Поэтому его перевели в головной офис? Скажи честно, его уже давно готовили на мое место? Еще когда Лабден был у руля? Потому что... Ведь так и было, верно? Мой собственный тесть, который обещал мне это место и под этим предлогом вынудил нас с Дейзи вернуться в Ванкувер, – это он откопал где-то в Северной Африке этого молодца?

Генри откинулся на спинку кресла и задумчиво раскрутил виски в бокале. По его лицу скользнули янтарные блики.

– Это не интуиция, это... проституция! – выпалил Джон и, схватив свой бокал, осушил его одним глотком. Виски обожгло горло, и он поморщился. – Гребаная политкорректность! Мое место отдают цветному только потому, что он цветной, и все это прекрасно понимают. Такое кадровое решение не имеет никакого отношения к опыту, к заслугам, к... к тому, насколько человек вообще способен занимать высокий руководящий пост.

Официантка, сверкая улыбкой, принесла напитки. Лицо у нее было свежее, сияющее. Когда она наклонилась над столом, чтобы забрать пустые бокалы, Джон уловил исходящий от ее кожи запах мыла и разглядел у нее на запястье маленькую татуировку – он вдруг почувствовал себя очень старым. Не таким старым, как Генри, но все же... На него навалилась невероятная усталость, а душа наполнилась досадой – так чувствует себя игрок, которому выпала скверная карта.

Как только официантка ушла, Джон схватил бокал и поднес к губам. Запрокинув голову, чтобы сделать глоток, он вдруг заметил краем глаза какую-то женщину, которая сидела у дальнего конца барной стойки и смотрела на него.

Брюнетка. Белоснежная кожа. Длинные, густые волнистые волосы. Их глаза встретились, и Джон почувствовал, будто по его спине пробежал электрический ток. Женщина выдержала его взгляд, и на несколько мгновений между ними установилась необъяснимая связь, природу которой Джон затруднялся назвать. На эти несколько секунд заполненный посетителями зал перестал существовать, а музыка оркестра на эстраде превратилась в протяжный стон, словно кто-то пустил пластинку с меньшей скоростью. Джон и сам едва не

застонал. Женщина была прекрасна, и она явно им заинтересовалась. Как в былые времена, когда он был олимпийским чемпионом, богом скоростного спуска, королем слалома, золотым жеребцом, которому подвластно все и вся. Но женщина отвернулась, связь оборвалась, а Джона отбросило обратно в реальность, и только его сердце стучало чаще обычного, а в груди поселились неясное томление и тоска.

Он не сразу заметил, что Генри пристально за ним наблюдает.

Слегка откашлявшись, Джон проглотил виски и посмотрел своему собеседнику в лицо. Сейчас ему больше всего хотелось вырваться из оков собственного тела, освободить тот скрытый огонь, ту буйную энергию, которую ему было так трудно сдерживать. Вот бы еще раз испытать то волнение и восторг, которые охватывали его, когда, вырвавшись из стартовых ворот, он стремительно мчался по трассе, вздымая облака снежной пыли и подставляя лицо бешеному ветру. Вот бы еще раз пережить то, что он чувствовал, когда, поднявшись на верхнюю ступень пьедестала, вздымал над головой сжатый кулак. Снова первый! Золотой Мальчик. Берг-Бомба. «ДжонДжон! ДжонДжон!» – скандировала его имя толпа. Самые красивые девчонки были готовы на все, лишь бы оказаться с ним рядом, а теперь он заперт в тюрьме невыносимо скучного брака. Он живет в скучном доме под названием «Розовый коттедж», и его жена ждет ребенка. Пройдет совсем немного времени, и он станет отцом, и тогда на него обрушатся новые обязанности. Как он с ними справится? Собственный отец Джона вот не сумел. Он вырвался из цепей брака, оставив Джона и его мать одних. Правда, он регулярно присылал деньги из Европы, где трахал молоденьких моделей, но мать Джона этого удара не вынесла. Она стала искать утешения в бутылке и бесконечной чередой партнеров. В конце концов это ее и убило. «Мой отец убил мою мать», – думал Джон все эти годы. С отцом он не общался. Тот позвонил ему один-единственный раз, когда сын выиграл олимпийское золото. Видимо, ему просто захотелось сказать всему миру: «Поглядите-ка на моего парня!»

– Послушай, – сказал Генри, – я тебя понимаю... Ты считал, что это место принадлежит тебе по праву...

– Именно поэтому мы и вернулись в Канаду, – перебил Джон и поднял руку, давая знак официантке принести еще виски. – Именно поэтому мы с Дейзи и приехали из Колорадо в Ванкувер. Именно

поэтому я столько лет и вкалывал на «Терру Уэст» на курорте в Японии. Я считал, что это подготовка к следующему шагу.

– Времена изменились, Джонни-бой.

Джон откинулся на спинку дивана. Официантка принесла виски и забрала у него тарелку с почти нетронутым мясом. Что скажет Дейзи? Что скажут – и что подумают – все остальные? Получить такой щелчок по носу, да еще и публично, – такого унижения Джон не переживал никогда. А ведь он уже почти заказал новые визитные карточки!.. Дело было, конечно, не в карточках. Дело было в том, что, если бы не обещание Лабдена, он бы и не подумал возвращаться в эту дыру. Но он вернулся, и теперь ему не оставляют выбора.

Джон поднял голову. Генри пристально смотрел на него, и в глазах старика мерцало что-то хитрое и одновременно злобное.

– Ты... ты смотришь на меня так, будто что-то еще можно исправить, – сказал Джон.

– Исправить можно все что угодно, парень.

Джон облизнул губы. Брюнетка за барной стойкой снова смотрела на него. Встретившись с ним взглядом, она быстро отвернулась. Черные волосы взлетели, наполовину скрыв ее лицо, и Джон почувствовал, что внутри как будто провернулся какой-то маховик. Как будто что-то закончилось. Или, наоборот, только начиналось.

Генри подался вперед. Тон его голоса изменился.

– Вот что я тебе скажу, Джонни... Никогда не позволяй другим решать, что ты можешь получить, а что – нет. Конечно, ты намного моложе меня, как говорится – другое поколение, но это ничего не меняет. Я тебя знаю. И знаю очень хорошо. – Он немного помолчал, словно давая собеседнику осмыслить свои слова, и Джон подумал, уж не намекает ли Генри на темные тайны его прошлого. – Такие парни, как мы с тобой, – продолжал Генри, – образуют закрытый клуб, хочешь ты того или нет. Мы единомышленники, партнеры, товарищи – называй как хочешь. И сейчас против нас идет война. Против нас, стариков и тех, кто вступил в зрелый возраст. Причина этому одна – мы родились белыми, родились в те времена, когда нас с пеленок учили быть мужчинами. Поэтому нам и необходимо держаться друг за друга – особенно теперь, когда в моду вошла этакая политкорректность. Цвет кожи стал важнее, чем опыт. Какого черта?! – Он приподнял свой бокал и, оттопырив указательный палец, ткнул им

в сторону Джона. – Ты должен взять то, что принадлежит тебе, парень. Борись за это.

Генри замолчал, но его глаза продолжали сверлить Джона, казалось, проникая в самую душу.

– Ты пригласил меня сюда только для того, чтобы высказаться?

– Я пригласил тебя, чтобы предупредить. Чтобы этот удар не стал для тебя неожиданностью. – Генри наклонился еще ближе, и Джон почувствовал исходивший от него запах виски и кровавого стейка. – Мне бы хотелось, чтобы это место досталось тебе, но при голосовании мое предложение провалили. Именно поэтому я и решил, что должен дать тебе возможность ударить на опережение. Когда-то ты умел бороться, ДжонДжон! И грязная игра никогда тебя не пугала. Ты никому не позволял подрезать тебе поджилки. Что ты сделал, когда все говорили, мол, тебе не взять золото на Олимпийских играх? Ты пошел и доказал им, что тебе это по плечу. Ты привез домой не одну, а две медали. Или с тех пор Берг-Бомба потерял хватку?

Джон стиснул зубы. В груди нарастали напряжение и ярость.

Генри выпрямился.

– Слабые места есть у всех. По ним и нужно бить. – Он пристально посмотрел Джону в глаза. – У каждого есть слабости, пороки, у каждого есть *прошлое*. Каждый совершал ошибки. – Он выдержал паузу. – Особенно это касается молодых – таких, как Ахмед Вахид. Найди *его* слабое место. – С этими словами Генри придвинул к Джону небольшой картонный прямоугольник.

Джон взял визитку в руки. Никакого логотипа или товарного знака на ней не было – только набранное строгим шрифтом название «Частные расследования Престопа» и номера телефонов.

Зазвонил его мобильник, все это время лежавший на столе. Дейзи. Отвечать Джон не стал, и вызов переключился на голосовую почту. Как, как сказать жене, что ее отец предал его, предал их обоих?.. Он чувствовал себя обманутым. Ему показали лакомый кусочек, а когда он потянулся за ним – сунули под самый нос кукиш.

Джон повертел карточку в руках.

– Что это?

– Это телефон человека, который специализируется на подобных вещах. Он бывший коп и прекрасно знает свое дело. Когда позвонишь, спроси Джейка. Скажешь ему, что ты от меня. Ну, пока, ДжонДжон...

Генри Клей поднялся и ушел. Джон продолжал рассматривать карточку, а женщина за стойкой – его, теперь уже не таясь. Женщина за стойкой наблюдала за ним открыто, но ему было все равно или почти все равно. Джон Риттенберг чувствовал, что сидит на бомбе с часовым механизмом.

И обратный отсчет уже начался.

Дневник

Развевая по ветру прах мамы, я поехала в «Розовый коттедж», где жили мои новые клиенты. Адрес я знала, а дорогу мне помог найти GPS-навигатор. На пассажирском сиденье рядом со мной лежала пустая бамбуковая урна. К крышке прилипло несколько серых крупинок. Пепел. Прах моей матери. Каким-то образом ее частица все-таки осталась со мной вопреки всем моим усилиям.

«Розовый коттедж» находится в Пойнт-Грей – элитном поселке к востоку от города, рядом с университетом. Побережье там очень живописное, а пляжи просто супер. В этом районе живет немало до неприличия богатых людей, дома которых я убираю.

Пересекая мост Беррард, я вижу вдали горы Норт-Шор и думаю о «Стеклянном доме», стоящем на противоположном берегу. Там я тоже убираю, и довольно давно. Коттедж принадлежит чете Норт – ее зовут Ванесса, его – Харуто. Их соседка, старая Бьюла Браун, прикованная к инвалидному креслу, любит сидеть возле окна на втором этаже и разглядывать окрестности в бинокль. Может, в этот самый момент она смотрит на мост и даже видит мой желтенький автомобильчик, но, конечно, не догадывается, что это я.

Когда я сворачиваю с шоссе на дорогу, ведущую к «Розовому коттеджу», настроение у меня улучшается. Я люблю новых клиентов и сейчас вся в предвкушении. Это как первое свидание – не знаешь, чего ожидать, но надеешься на приятный сюрприз. Новый дом – как подарок на Рождество, как шкатулка с секретом. Новый дом полон подсказок, которые помогут мне проникнуть в тайны его жильцов. Что расскажет мне о своих владельцах «Розовый коттедж»? И как долго эти секреты будут меня интриговать и манить? Сумею ли я разгадать эти тайны достаточно быстро? Есть ли у этих людей аккаунты в социальных сетях, которые можно мониторить с телефона? Или, может, они покажутся мне достаточно занятыми, чтобы следить за ними лично? Интересно, испытывает ли то же, что и я, какой-нибудь детектив, которого вызвали на место кровавого преступления?

Остановившись на подъездной дорожке, я выключаю двигатель и некоторое время разглядываю дом. «Розовый коттедж» совсем не коттедж. Может, когда-то он им и был, но теперь дом полностью обновлен и перестроен в стиле, который я определила бы как «модерн Западного побережья». Много стекла, некрашеное дерево, на пологой крыше – солнечные батареи, которые как будто с гордостью заявляют: «Я забочусь об окружающей среде!» На свежесуложенной дернине лужайки красуется табличка с надписью «Пассивная технология солнечного обогрева» – и мне хочется спросить: зачем? Что и кому хотели доказать хозяева, оставив здесь этот знак? Может, они – супербогачи с комплексом вины, который и заставляет их кричать на весь свет: «Мне не все равно! Я забочусь о климате! И о природе! И о нацменьшинствах! И о бедных!»

Ну ладно, это потом, решаю я и достаю телефон, на который Холли должна была переслать мое рабочее расписание. Клиенты хотят, чтобы я убиралась у них дважды в неделю. Капитальная уборка по понедельникам, после выходных, и легкая – по пятницам.

Дома, похоже, никого нет. Я выхожу из машины и нажимаю на звонок у входной двери – для страховки. Однажды я вошла без предупреждения и наткнулась на клиентов, которые занимались сексом. Наступать на те же грабли мне не хочется.

На звонок никто не отвечает, и я действую в соответствии с инструкцией, которую Холли тоже прислала мне на телефон. Из почтового ящика я достаю ключ, отпираю входную дверь, иду к панели охранной сигнализации и ввожу код.

После этого я замираю на месте, оглядывая, оценивая обстановку. В интерьере преобладают прямые линии и светлые тона, которые нарушают яркие пятна картин и фотографии на стенах и нарочито грубая кладка камина. Оттуда, где я стою, видна стеклянная задняя дверь, а за ней – пышный сад. Я еще раз оглядываюсь по сторонам и чувствую растущее возбуждение. Это дает о себе знать мое болезненное любопытство, моя зависимость. В кровь выплескиваются лошадиные дозы дофамина, адреналина, серотонина, и я наслаждаюсь этим изысканным гормональным коктейлем. Он – превосходное лекарство от печали, которую я испытывала утром. Возбуждение защищает меня от настоящих чувств и глубоких мыслей.

Да здравствует моя зависимость!

Я переносу из машины в прихожую пылесос и прочие принадлежности моего ремесла, переобуваюсь, вешаю на крючок дождевик, надеваю через голову фартук и начинаю обход, как всегда держа в голове, что в доме могут оказаться скрытые камеры для наблюдения за домашним животным или для слежки за нерадивой няней или горничной. Если такие камеры есть, мне придется быть особенно осторожной, чтобы удовлетворить свое любопытство. Впрочем, я достаточно хорошо знаю, как мне следует вести себя в подобном случае.

Сначала кухня.

Она выдержана в черно-белой гамме. Специальный холодильник для вина. Кофемашина премиум-класса. В раковину свалена оставшаяся после завтрака посуда: тарелки в крошках от тостов и потеках желтков, грязные кофейные кружки, недоеденный грейпфрут. На краю столешницы лежит какая-то бумага, и я направляюсь к ней. При ближайшем рассмотрении бумаг оказывается две. Одна из них – обычная записка-напоминание о какой-то встрече, а вот вторая... Это распечатка результатов ультразвукового исследования. Я беру ее в руки и чувствую, будто меня ударили ногой в живот. Но почему? Я не знаю. Тот факт, что в «Розовом коттедже» живет ожидающая ребенка супружеская пара, которая к тому же достаточно богата, чтобы позволить себе пользоваться услугами клининговой службы дважды в неделю, не должен меня удивлять. В этом нет ничего такого, и все-таки в груди у меня ноет и болит.

Я внимательно разглядываю черно-белый снимок плода и чувствую, как мое настроение неуклонно ухудшается, поэтому я как можно скорее откладываю бумагу и возвращаюсь в гостиную. Здесь мое внимание привлекает прозрачная раздвижная дверь, за которой виднеется ухоженный сад. Вдоль забора в глубине сада тянется аккуратно подстриженная живая изгородь и растет несколько деревьев. За оградой, похоже, проходит улица или дорога.

Я оборачиваюсь и вижу две огромные фотографии в рамках, которые висят на стене по обеим сторонам камина.

Я застываю, точно в меня ударила молния.

Я не могу пошевелиться.

Я не могу даже думать.

В голове у меня раздается пронзительный вопль. И он становится все громче. Как будто песчаная буря скрежещет по оконным стеклам моего разума, как будто воют и скребутся баньши, стараясь пробраться внутрь. Мои ступни приросли к полу. Сердце стучит как сумасшедшее. Сейчас я потеряю сознание.

Мое тело паникует, а разум еще ничего не понял.

Моя психоаналитичка говорила мне, когда мы обсуждали травму и ее последствия, что человеческое тело реагирует, даже когда мозг отказывает. Иногда человек не может вспомнить травмирующее событие, не говоря уже о том, чтобы рассказать о нем, поскольку сознание надежно блокирует все, что связано с этим переживанием. Такой человек пытается вести себя так, будто ничего необычного и страшного с ним не произошло, но его тело все помнит. Она привела такой пример: одна женщина попала в ужасную аварию, несколько человек погибли страшной смертью прямо у нее на глазах. Вполне естественно, что женщина старалась не вспоминать о случившемся. Вместо этого она пыталась, как говорится, «жить дальше», и какое-то время это у нее получалось. Ей даже стало казаться, что теперь с ней все в порядке, но прошли месяцы или годы, и эта женщина случайно оказалась на том самом месте, где та авария произошла. И этого оказалось достаточно, чтобы в ее теле сработала химическая мина замедленного действия. Ожила нейронная память, а в кровь хлынули гормоны, которые отвечают за базовую эволюционную реакцию «бей-беги-замри». А поскольку женщина так и не создала для себя внятный нарратив, который помог бы ей справиться с последствиями травмы, в ее мозгу произошло что-то вроде короткого замыкания.

Вот и меня сейчас тоже «замкнуло». Так мое тело отреагировало на фотографии, которые я увидела на стене возле камина. Огромные, семь футов на четыре, они занимают здесь господствующее положение. На одном из снимков запечатлен горнолыжник в шлеме и очках, больше похожий на победоносного средневекового воина. Его мускулистое тело затянато в лайкру, могучие ноги напоминают поршни чудовищного механизма. Лыжник мчится по трассе, а мне кажется – он летит прямо на меня, изогнувшись под невероятным углом, чтобы не зацепить слаломные ворота. На другой фотографии он уже внизу – тормозит в облаке

поднятых лыжами снежинок, и его рука с изломанной лыжной палкой поднята над головой в победном жесте.

Я пытаюсь сглотнуть. Пытаюсь дышать.

Это он.

Нужно успокоиться. Я твержу себе: «Эти фотографии вовсе не значат, что ты в его доме и что на результатах УЗИ, которые ты нашла в кухне, именно его ребенок». «Розовый коттедж» может принадлежать кому угодно, например – какому-то коллекционеру, который купил эти фотографии на аукционе. Может, владельцы дома – просто фанаты скоростного спуска.

Обливаясь потом, я озираюсь по сторонам. На книжном шкафу стоят несколько фотографий поменьше, и я бросаюсь к ним. Свадебное фото. Помолвка. Счастливые молодожены на фоне египетских пирамид, львов, слонов, океанов, джунглей, горных вершин. На всех фотографиях запечатлены одни и те же лица, которые с годами почти не меняются.

Это он.

Джон Риттенберг.

И его жена Дейзи.

Он вернулся.

Он здесь, в моем городе, Ванкувер – мой город, стал моим!

Но ведь он уехал... Уехал давно!

И тем не менее я здесь, в его доме. Меня наняли, чтобы убирать за ним грязь.

Я вздрагиваю и резко поворачиваюсь к кухне. УЗИ на столе. У Джона Риттенберга будет ребенок.

Скоро.

Мои пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Ногти глубоко впиваются в ладони, но я не чувствую боли. Меня трясет. Перед глазами все расплывается. Столько лет... Столько лет я трудилась не покладая рук, пытаюсь построить новую жизнь, в которой у меня будут друзья, будет покой... Возможно, даже немножечко счастья. И вот в одну секунду я вернулась к самому началу, словно всех этих лет и не бывало.

Меня начинает тошнить. Застигнутая врасплох, я со всех ног бегу в ванную и едва успеваю поднять крышку унитаза. Стоя на

колених, я обнимаю его холодную белую чашу, пока мои внутренности рвут жестокие спазмы.

Сначала прах матери. Теперь это...

Два события.

Именно они запустили внутри меня этот необратимый процесс...

Вот так, дорогой Дневник, я совершила тот самый прорыв в неизвестное. Или, наоборот, в то, что я хорошо знала, но старалась забыть. Теперь все изменится. Я – в доме Джона Риттенберга, и у меня есть ключ.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Мэл и Бенуа постучали в парадную дверь дома Бьюлы Браун.

Нож, пропавший из кухни «Стеклянного дома», был найден на дне бассейна. Его отправили в лабораторию вместе с другими уликами. Мэл поручила местным патрульным обойти соседей – ей очень хотелось найти еще одного свидетеля. Ее группа в участке уже начала поиски Харуто и Ванессы Норт. На вторую половину дня Мэл назначила совещание с участием всех занятых в расследовании детективов, на котором они постараются выяснить, с чем имеют дело.

Ну а пока Бенуа снова постучал, на этот раз – громче и настойчивей. Стены по обеим сторонам от двери густо поросли плющом, поэтому казалось, будто она ведет в какую-то темную и мрачную пещеру. Никакого сравнения со зданием по соседству, насквозь пронизанным светом.

Наконец дверь приоткрылась.

– Что вам? – хмуро спросил у детективов мужчина с бледным круглым лицом. Мэл заметила, что он продолжает держаться за ручку двери, словно готовясь в любую секунду захлопнуть ее прямо перед их носом.

– Сержант Мэллори ван Альст, – представилась Мэл. – А это мой напарник, капрал Бенуа Салуму.

Оба детектива предъявили удостоверения.

– Мы по поводу звонка в Службу спасения, который был сделан миссис Бьюлой Браун, проживающей по этому адресу. Нам необходимо с ней поговорить.

– Поговорить с мамой? Да с тех пор, как ей прописали опиаты, она набирает 911 минимум раз в месяц. У нее рак. Терминальная стадия. Маме уже много лет, не удивительно, что ей иногда что-то... мерещится. Странные звуки в доме. Посторонние в саду. Люди с фонариками, которые бродят в кустах по ночам. Подозрительные типы, которые следят за нами из лодок на канале. Местное отделение

полиции присылает патрульных, и мне приходится просыпаться и объяснять им... ситуацию. Они, ясное дело, тут все проверяют, у вас ведь не принято верить на слово тем, кто открывает дверь и утверждает, что все в порядке, – и каждый раз ничего. Ну, может, какая кошка или енот роются в обедках, или бродяга ищет алюминиевые банки и бутылки в мусорном контейнере...

Все это мужчина произнес, ни на шаг не отходя от двери и прижимая ее к себе, словно хотел помешать Мэл заглянуть в дом.

– Как вас зовут, сэр? – спросила она, сохраняя на лице нейтральное выражение.

– Хортон. Хортон Браун. Это мой дом. Точнее, мамин, но я сейчас живу с ней.

– Можем мы войти? Мне сообщили, что миссис Бьюла Браун прикована к инвалидной коляске и никуда не выходит из своей комнаты на втором этаже.

Хортон тяжело вздохнул и отступил в сторону, пропуская детективов в прихожую. Мэл быстро переглянулась с Бенуа. Тот слегка кивнул и повернулся к мужчине.

– К вам у меня тоже есть пара вопросов, мистер Браун. Поговорим в гостиной, пока сержант ван Альст поднимется к вашей матери?

Хортон недовольно хрюкнул, но повел Бенуа в гостиную, обставленную мягкой мебелью с узором в виде огромных роз, похожих на растрепанные капустные кочаны. На спинках дивана и кресел красовались старомодные, вязанные крючком салфетки. Да, несомненно, эта мебель принадлежала матери Хортона. Из кухни появилась заросшая мальтийская болонка и, громко цокая по деревянному полу когтями, направилась следом за мужчинами.

Мэллори тем временем поднялась по лестнице на второй этаж. Интересно, спросила она себя, как часто Бьюла Браун спускается вниз и спускается ли вообще. Небольшое окно над верхней площадкой выходило на океан. Дверь комнаты была приоткрыта.

– Миссис Браун?.. – Мэл постучала. – Меня зовут сержант ван Альст, Мэллори ван Альст. Я хотела бы задать вам несколько вопросов по поводу вашего звонка в Службу спасения.

– Входите, сержант, – раздался в ответ слабый скрипучий голос.

Мэл зашла. Комната на втором этаже была довольно просторной. В ней стояли электрическая медицинская кровать, кислородный

компрессор, инвалидное кресло, удобный на вид диван и несколько кресел, такие обычно называют «креслами для чтения». В углу Мэл увидела еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела в ванную комнату, а у дальней стены была оборудована небольшая кухонная зона. Фасадные окна выходили на океан. Из большого углового окна прекрасно просматривался соседний дом с бассейном и подъездная дорожка. Французские окна сбоку выходили на небольшой балкон. Что ж, подумала Мэл, по крайней мере, старуха может иногда подышать свежим воздухом.

Бьюла Браун скорчилась в старомодном кожаном кресле с высокой спинкой и, положив распухшие ноги на пуфик, глядела на океан. Ее колени были накрыты вязаной шалью. На небольшом круглом столике рядом стояли термос, чашка с остатками чая, ваза с печеньем и большой бинокль.

– Я думала, никто так и не придет, – сказала она.

В ее голосе Мэл почудился легкий британский акцент.

– Они считают – я давно спятила, понимаете? Подойдите ближе, сержант. Вот так, да... Присаживайтесь. Хотите чаю? Только вам придется самой взять чашку из буфета. У меня в термосе еще кое-что осталось. Надеюсь, он еще не совсем остыл.

– Нет, спасибо. Я обойдусь.

– Тогда садитесь. Так приятно поговорить с кем-нибудь, пусть даже и с полицейским.

Мэл осторожно опустилась на кресло.

– Прекрасный вид, – заметила она. Из углового окна был хорошо виден бассейн, возле которого все еще возились несколько экспертов в белых одноразовых комбинезонах. В окнах верхнего этажа «Стеклянного дома» тоже было заметно какое-то движение. Перегораживавшая подъездную дорожку желтая полицейская лента выгнулась дугой под напором ветра.

– Да, очень хороший. Две недели назад Хортон купил мне отличный бинокль, теперь я могу разглядеть даже противоположный берег залива. И моряков на танкерах в бухте. Они ведь приплывают сюда со всего мира, представляете? Сегодня я насчитала двенадцать танкеров. Только посмотрите, какие огромные – и все ждут разрешения войти в порт.

Мэл послушно посмотрела. Вода залива сверкала на солнце.

– Признаться, меня больше интересует вид на соседний дом, – сказала она. – И на подъездную дорожку.

Бьюла чуть скривила губы, но ее слезящиеся глаза оживились и заблестели.

– Я слишком стара, чтобы притворяться, будто никогда не смотрела в ту сторону, – сказала она и, подавшись вперед, добавила шепотом: – Только пусть это останется между нами, договорились?.. А с биноклем стало еще интереснее. В очках много не разглядишь.

Мэл улыбнулась.

– Вы, наверное, нечасто выходите?

В лице Бьюлы что-то дрогнуло, и она отвернулась.

– Хортон... – сказала она тихо. – Он желает мне добра. Вот даже бинокль купил.

Мэл достала и открыла блокнот, щелкнула шариковой ручкой.

– Вы сообщили, что слышали громкий крик, миссис Браун. Не могли бы вы рассказать своими словами, что именно вы видели и слышали?

– Зовите меня просто Бьюла, – попросила женщина. – И... Вчера поздно вечером я проснулась в одиннадцать часов и двадцать одну минуту. Точнее, меня что-то разбудило. Некоторое время я просто лежала в постели, пока не услышала это снова. Крик. Женский крик.

Мэл сделала пометку в блокноте.

– Вы уверены насчет времени?

– Да, уверена. Я теперь веду журнал...

– Журнал? – Мэл удивленно вскинула на нее взгляд.

– Журнал или дневник... Я записываю все, что вижу из окна. Все, что происходит в саду. На воде. У соседей. На дорожке вдоль волнолома напротив моего участка. Иногда в заливе встает на якорь какая-нибудь яхта, и я смотрю, как люди на борту пьянствуют или еще что... И все записываю. Во сколько они встали на якорь, в котором часу двинулись дальше. Скольких сапбордеров^[8] я видела и когда. Я начала вести журнал несколько недель назад, потому что Хортон постоянно мне твердил – я, мол, многое забываю или вижу вещи, которых на самом деле нет. Он говорил даже, что я забываю принимать лекарства, и настаивал, чтобы врач прописал мне более сильные препараты. Я испугалась, что Хортон может быть прав и что я действительно принимаю не те таблетки, которые нужно, потому

что... потому что в последнее время мои дни стали слишком уж похожи друг на друга и я не всегда могу сказать точно, что и когда я делала. Поэтому я и начала записывать, что за таблетки принимаю и когда. Имена своих сиделок. Я даже записываю, сколько раз сходила в туалет... – Бьюла хихикнула. – В противном случае они будут пытаться заставить меня сходить еще раз. Да, дорогая моя, старость – это не для слабаков. – Она немного помолчала и добавила: – Это тяжкий труд, иногда я даже спрашиваю себя, а стоит ли оно того...

Мэл почувствовала, как у нее стиснуло грудь.

– Мне очень жаль слышать это, Бьюла.

Старая женщина снова усмехнулась.

– Звонки в Службу спасения приятно разнообразят мое унылое существование.

При этих словах Мэл невольно вернулась к мысли о том, насколько надежной можно считать эту свидетельницу.

– Давайте вернемся к тому, что вы видели...

– Подайте мне, пожалуйста, очки для чтения, – попросила Бьюла и потянулась к тетради, лежавшей на столе рядом с термосом.

Мэл протянула ей очки, Бьюла водрузила их на нос и, раскрыв тетрадь, провела по странице скрюченным пальцем.

– Начну со вчерашнего дня, потому что мне кажется, все это началось вчера – тридцать первого октября – в шесть часов четырнадцать минут пополудни. Канун Дня Всех Святых. Когда я была маленькой, мы Хеллоуин не праздновали. Мы...

– Давайте вернемся к событиям вчерашнего дня. Итак, что произошло в восемнадцать часов четырнадцать минут?

– В «Стеклянный дом» приехали гости. «Стеклянный дом» – так все соседи называют «Нортвью».

Мэл кивнула.

– Что за гости?

– Пара на темно-сером «ауди». В шесть четырнадцать они свернули на подъездную дорожку, а в шесть пятнадцать вышли из машины. Мужчина высокого роста, хорошо сложенный, волосы рыжевато-коричневые. Женщина – брюнетка с длинными волнистыми волосами.

– Превосходно, Бьюла! Не каждый полицейский в нашем участке смог бы заметить столько подробностей.

– Я люблю детективные романы и сериалы, сержант. Я часто смотрю их по Интернету, а чем мне еще заниматься? В основном – британские. Что до книг... сейчас мне трудно читать – зрение подводит, но, когда я была маленькой девочкой и жила в Йоркшире, я буквально зачитывалась детективными романами. – Она печально улыбнулась, и морщины на ее лице стали глубже. – Когда-то я сама хотела написать роман о женщине-детективе, но никак не могла собраться, а потом... Вот еще один урок, сержант: в жизни нужно следовать велению своего сердца. Тот, кто все откладывает на потом, остается ни с чем. Стоит немного замешкаться, и вот уже твоя жизнь подошла к концу и ты стоишь на пороге смерти.

– Что еще вы можете сказать об этой паре? – Мэл постаралась как можно мягче вернуть старую женщину к интересовавшим ее вопросам. Она чувствовала, что ей нужно спешить – в расследовании убийства самыми важными считаются первые сорок восемь часов. Да, успех мог зависеть от показаний единственной свидетельницы, но и слишком торопить Бьюлу не следовало. Мэл понимала, что любое давление на пожилую женщину могло выйти боком.

Бьюла Браун заглянула в свой журнал.

– Мужчине, наверное, было что-то около сорока. Женщина примерно того же возраста или чуть помладше. И еще: она была беременна. Месяцев семь-восемь.

– Беременна? – переспросила Мэл и прищурилась.

– Да. Как Ванесса Норт.

– То есть Ванесса Норт, владелица «Стеклянного дома», тоже в положении?

– Да. И примерно на том же сроке. Во всяком случае, живот уже заметен. В последний раз я видела Ванессу в прошлую пятницу. Кстати, тогда же я впервые увидела и эту брюнетку. Они сидели возле бассейна – у них там было что-то вроде позднего ланча. Да, я совершенно уверена, они обе беременны.

Мэл подумала о следах борьбы, о кровавых лужах, которые она видела в «Стеклянном доме», и почувствовала, как сердце забилось чаще. Им определенно нужно спешить.

– Скажите, Бьюла, пара, которая приехала в гости... У них было что-нибудь с собой?

Бьюла снова заглянула в тетрадь.

– Цветы. У женщины в руках были цветы, в основном – белые. И что-то вроде торта в коробке. Я еще подумала, что Норты, наверное, пригласили их на ужин.

Мэл сделала еще одну пометку в блокноте.

– Хорошо. Что было дальше?

– Не могу вам сказать. Пришла моя сиделка. Я поужинала, потом сиделка меня искупала и уложила в кровать. Должно быть, из-за лекарств я почти сразу отключилась, а когда проснулась... когда я проснулась, то была вся мокрая от пота и очень нервничала. Было темно, шел дождь... Когда я поняла, что меня разбудил крик, я кое-как пересела в кресло и подкатилась к окну. Тогда я и увидела...

– Что вы увидели, Бьюла?

– У Нортов горел свет. Везде. Дом был похож на сверкающую стеклянную шкатулку. Даже подсветка бассейна была включена – такой таинственный, зеленоватый свет... Двери гостиной были распахнуты, несмотря на дождь, и я увидела там перевернутый кофейный столик. А потом я увидела эту пару... Они были в черных дождевиках с капюшонами. Они тащили вдоль бассейна что-то тяжелое, завернутое в ковер. Я знаю, что это был ковер из гостиной, потому что когда сегодня утром посмотрела в бинокль, то увидела, что его там больше нет. Так вот, эти двое вытащили ковер через калитку на улицу. Тут сработал датчик движения, включилось уличное освещение, но рассмотреть подробности было трудно – шел дождь, да и туман был довольно густой.

– Продолжайте, Бьюла. Что было дальше?

– Как я и сказала, ковер, похоже, был очень тяжелым, поэтому им пришлось с ним повозиться, а женщине еще и живот мешал, – но в конце концов они запихали сверток на заднее сиденье машины. Той, которая «ауди», а не другая.

От нетерпения Мэл заерзала на стуле, но сумела взять себя в руки.

– Какая еще *другая*?

– Маленькая желтая машинка, на которой приехала уборщица. «Субару» с логотипом «Помощь Холли» на дверце. Уборщица приехала еще утром, но ее машина все еще стояла на подъездной дорожке, когда приехали двое на «ауди». Я подумала, уборщица, наверное, задержалась, чтобы помочь подавать на стол или привести все в порядок, когда ужин закончится.

– Как вам кажется: кем была беременная женщина, которая тащила ковер? Это была Ванесса Норт или брюнетка из «ауди»?

Бьюла нахмурилась.

– Не могу вам сказать. Я была без очков, да и на ней был широкий плащ с капюшоном. Тогда я решила, что это была брюнетка, потому что она села в «ауди», но после того как вы спросили... Нет, не знаю.

– А уборщица больше не появлялась?

– Нет. После того как ковер погрузили в «ауди», обе машины очень скоро отъехали. Похоже, они сильно спешили, даже на знаке в конце улицы не остановились. Этот знак хорошо видно из моего углового окна. Нет, они даже не подумали остановиться – просто сорвались с места и растворились в темноте и тумане – только шины визжали. Я боялась, что они собьют кого-то из детей, которые в Хеллоуин ходят по домам и выпрашивают угощение, но потом подумала, что в такую поздноту все дети, наверное, уже дома.

– Видели ли вы кого-нибудь в доме *после* этого?

– Нет, не видела, но, возможно, я кого-то не заметила: как раз в это время я собралась звонить в Службу спасения, а телефон лежал на столике возле кровати. Мне пришлось отъехать от окна, чтобы...

– Понятно. Вы можете описать уборщицу?

– На вид ей лет двадцать восемь – тридцать, примерно столько же, сколько правнучке моей двоюродной сестры. Моя сестра умерла в прошлом месяце.

– Сочувствую вашей потере, Бьюла. Может, вы еще вспомните, во что была одета уборщица? Какого цвета у нее волосы?

– Светлые. Она блондинка и весьма симпатичная. Я видела ее лицо в бинокль. Очень, очень приятная девушка. Она машет мне рукой каждый раз, когда видит, что я на нее смотрю. Ну а одета она была в униформу, которую носят сотрудники «Помощи Холли»: синий комбинезон на лямках и розовая рубашка. Да, у нее такая забавная прическа – волосы зачесаны наверх и собраны в два пучка, как уши у кошки. Но ей идет. И еще, она всегда носит на шее бархотку. – Бьюла слегка нахмурилась. – Знаете, может, это из-за прически я решила, что она молодая, хотя... Нет, она всегда была такая бойкая, веселая, как бывают только молодые люди. И походка у нее энергичная. – Бьюла потянулась к чашке с давно остывшим чаем. Рука у нее дрожала, а глаза слезились. Похоже, женщина порядком утомилась.

– А вы, случайно, не заметили, – спросила Мэл как можно мягче, – во что была обута уборщица вчера?

– Заметила. На ней были белые кроссовки с оранжевой полоской. – Бьюла отхлебнула еще глоток чая, потом медленно поставила чашку обратно на блюдце. – Хортон как-то разговаривал с ней через забор сада, – добавила она. – Я видела их в окно. Когда он поднялся ко мне, я спросила, знает ли он, как ее зовут... – Она ненадолго замолчала, и в ее глазах промелькнуло какое-то странное выражение. – Он сказал, что ее зовут Кит.

Дневник

В маленькой ванной комнате на первом этаже «Розового коттеджа» я ополаскиваю лицо холодной водой. Подняв глаза на зеркало, я натываюсь на свой же осуждающий взгляд. Секунда, и я начинаю спорить сама с собой. Все мои внутренние голоса, грубо разбуженные недавним потрясением, наперебой кричат у меня в голове, стараясь высказать свое, стараясь быть услышанными:

«Откажись! Откажись от этих клиентов, пока еще не поздно! Позвони Холли, скажи, что не можешь здесь работать!»

«Ты только подумай, что здесь можно найти! Все секреты и мрачные тайны, которые скрывают Риттенберги! У тебя есть ключ, и ты знаешь, как отключать охранную систему. «Розовый коттедж» в твоём полном распоряжении, детка. Ты можешь заниматься им неделями, пока не выстроишь до конца!»

«Ты серьезно собираешься это сделать? Черта с два, Кит! Даже не думай. Беги отсюда, НЕМЕДЛЕННО!»

«Ты погубишь себя. Стоит перешагнуть черту, и ты уже не сможешь повернуть назад. В тебе всегда это было, Кит, – стремление к саморазрушению, к необратимым поступкам, но на этот раз все очень серьезно. Более чем серьезно».

«Да ладно! Какое еще саморазрушение? Наоборот, будет прикольно. В конце концов, тебе ведь нечасто приходится убираться в доме знаменитого спортсмена».

«А что сказала бы по этому поводу твоя психоаналитичка? Она сказала бы, что тебе необходима помощь. То, что ты собираешься сделать, – ненормально».

«А что такое «нормально»? И кому оно нужно? Я давно подозревала, что так называемую норму сильно переоценивают».

Я слушаю эти голоса и вскоре замечаю, что дерзкая, бесшабашная Кит начинает одерживать верх над Кит Осторожной, Кит Благоразумной. Что ж, да будет так... Я насухо вытираю лицо, выпрямляюсь и делаю медленный, глубокий вдох. Потом я достаю из кармана фартука тюбик неоноворозовой помады. Я всегда держу его

при себе. Это моя боевая раскраска. И моя броня. Наклонившись к зеркалу, я аккуратно обновляю на губах цвет – цвет радости, игры, агрессивной женственности. Причмокнув губами, чтобы помада распределилась равномерно, я снова гляжу в зеркало, оценивая результат. То, что получилось, мне нравится. Миленько, игриво, и в то же время – никакой беззащитности. Интересно, что сказала бы по этому поводу моя психоаналитичка. Напоследок я убираю с лица выбившиеся пряди и забрасываю в рот пластинку коричневой жевательной резинки. Я давно заметила, что жевательные движения помогают мне сосредоточиться и направить адреналин в конструктивное русло.

Смотрю на часы. Времени остается в обрез. Пожалуй, я еще успею наскоро осмотреть дом, после чего придется приниматься за уборку всерьез. Ладно... Я завожу таймер на часах и, стараясь не смотреть на огромные фотопортреты в гостиной, торопливо поднимаюсь наверх. На втором этаже четыре просторных спальни и кабинет. В первых двух спальнях стоят аккуратно заправленные полуторные кровати – наверное, спальни для гостей. Ничего интересного. Другое дело – кабинет. Он, несомненно, принадлежит Джону. Типичная «мужская берлога». На стенах – черно-белые фотографии иззубренных горных вершин. На полках только документальная проза, в основном – воспоминания участников и героев различных экстремальных предприятий: восхождений на недоступные пики, погружений в глубины океана, экспедиций через девственные джунгли и проч. Немало здесь и книжонок из серии «Помоги себе сам» (как стать лучше, сильнее, выносливее, как нарастить мускулы, как заставить людей прислушиваться к тебе), а также руководство по низкоуглеводной и кетогенной^[9] диете. В углу – велотренажер «Пелотон» с огромным монитором и подключением к Интернету (рядом на полу специальные туфли для занятий), а также коврик для йоги и гантели. Все говорит о том, что стареющий олимпийский чемпион обрюзг, отрастил живот и очень из-за этого комплексует. При мысли об этом я испытываю приступ злорадства. Так ему и надо!..

На стеклянном столе стоит моноблок «Ай-Мак» с большим вогнутым экраном. У меня вдруг появляется ощущение, что Дейзи и

Джон Риттенберг живут в этом доме совсем недавно. Все здесь какое-то слишком новое.

Я поворачиваюсь, чтобы выйти из кабинета, но мое внимание внезапно привлекает одна из фотографий. Изображенная на ней вершина хорошо мне знакома. Это та самая гора, у подножия которой я выросла. На ее склоне раскинулся горнолыжный курорт мирового класса, а всего в двух часах езды к югу от него находится городок, куда переехал мой отец, когда администрация курорта предложила ему работу. Папа был «инженером по санитарной профилактике» и трудился на водоочистительной станции, куда поступали канализационные стоки курортного поселка.

Мой мозг заволакивает багровая пелена. Словно наяву я слышу голоса одноклассников, которые наперебой дразнили меня с первого же школьного дня. «Папа Катаринны Говнович работает на говняном заводе! Эй, Катарина Фекалович, как зовут твою собачку? Дворняжка-Фекашка?» Я слышу взрывы издевательского смеха и чувствую в груди старую боль и обиду. Я снова становлюсь прыщавой и толстой, и мои глаза наполняются жгучими слезами. Когда-то давно, когда я возвращалась из школы заплаканная, мама обнимала меня, прижимала к груди и говорила, что на самом деле я красавица.

Господи, как же мне не хватает ее сейчас!

Я поспешно выхожу из кабинета и захлопываю за собой дверь, оставляя глумливых хохочущих богатеньких детей внутри. Тех самых детей, чьи дома убирала моя мама, чьи постели она стелила, чью одежду она стирала и развешивала в гардеробных.

Хозяйская спальня отделана в мягких серых тонах. Дневной свет заливают комнату сквозь большие окна. К спальне примыкает ванная комната и гардеробная. Поглядывая одним глазом на таймер, я захожу в спальню и останавливаюсь, впитывая царящую здесь атмосферу. Мой взгляд падает на огромную двуспальную кровать. Я делаю шаг и склоняюсь над ночным столиком, на котором лежит упаковка салфеток и какая-то книга. Я беру ее в руки и вижу, что это воспоминания популярного режиссера о постановке реалити-шоу о жизни богатых домохозяек. Похоже, на этой стороне спит Дейзи... Мой взгляд устремляется на половину Джона. Вот, значит, где они занимаются сексом, может, и ребенка тоже здесь зачали...

Я словно каменею изнутри. Я чувствую тяжесть в желудке, словно там лежит холодное чугунное ядро.

В моих ушах снова раздается голос моей психоаналитички. Она спрашивает: «Почему, Кит? Почему ты все это чувствуешь? Почему поступаешь так, а не иначе? Попробуй написать почему, и, быть может, в конце концов тебе откроется какая-то новая истина!»

Но сама себе я таких вопросов не задаю. Я прекрасно знаю почему. И истина мне уже открылась. Я словно провалилась в кроличью нору и оказалась в лабиринте извилистых, уходящих в темноту ходов, которые ведут в сводчатые подземные комнаты, уставленные кривыми, как в комнате смеха, зеркалами. И в каждом из них я вижу себя. Мои отражения размножены как в калейдоскопе. Вот одно из них. Я смотрю на него и узнаю толстую, унылую тринадцатилетнюю Катарину Попович. Каким-то образом я ухитрилась забыть о ее существовании, но сейчас она вернулась и стоит передо мной как живая.

А вот это Катарина, которая получала хорошие отметки, но, как только я поворачиваюсь к ней, у меня в ушах начинает шуметь, а Катарина-отличница бросает школу и исчезает в тумане.

Потом я вижу Кит-уборщицу, у которой полным-полно друзей и которая вполне довольна жизнью, потому что ей не надо соответствовать никаким требованиям, Кит, которая умеет становиться невидимой. А еще я вижу Кит, которая вместе со всей любительской труппой выходит на сцену в лучах театральных софитов: она играет, меняет маски, вживается в разные роли. Я вижу Кит летом, когда она импровизирует прямо на улице, увлекая случайных зрителей интерактивным театральным представлением или просто надувая воздушные шарик для детей... Есть и другие Кит и Катарин, но мне никак не удастся рассмотреть их как следует. Они стремительно скользят из одного зеркала в другое, прячутся в темноте подземных коридоров и оттуда следят за мной, манят, шепчут что-то едва уловимое.

В конце концов я прихожу в себя и решительно выбрасываю из головы всех этих Кит и Катарин. У меня есть еще несколько минут, и я иду в ванную комнату. Там я заглядываю во все ящички, обыскиваю все полочки, рассматриваю косметику и лекарства. Я вижу антидепрессанты. Вижу снотворные и тонизирующие средства. В

этом что-то есть, и я непременно сюда вернусь, но позже, а сейчас таймер у меня на руке подает сигнал. Пора приниматься за уборку.

И все же я спешу в последнюю комнату, но, открыв дверь, замираю на пороге.

Это детская.

Я вхожу чуть ли не на цыпочках, провожу ладонью по лакированной деревянной спинке детской кроватки. Внутри лежит мягкая игрушка – маленький медвежонок. Меня заполняет странное чувство. Над кроваткой висит музыкальный мобиль с подвесками в виде цирковых слоников и единорогов, раскрашенных в мягкие пастельные тона. Я заводжу механизм, и они начинают вращаться, вызывая колыбельную, от звуков которой у меня в голове всплывают образы уединенных хижин в темных лесах и заблудившихся Красных Шапочек, которые идут к бабушкам, а встречают волков или кого похуже. Музыка еще звучит, а слоны с единорогами еще танцуют, когда я делаю шаг к высокому пеленальному столику и провожу кончиками пальцев по его крышке.

Эта комната меня душит. Высасывает из меня силы.

Я еще вернусь сюда, но... в другой раз.

Если бы я прочла эти страницы своей психоаналитичке, она наверняка спросила бы, хочу ли – или хотела ли я – иметь детей. Возможно, я бы рассказала ей, что однажды была беременна. И что теперь это больше невозможно. Что в тот самый первый раз моя матка получила серьезные повреждения, осложненные инфекцией. Может, я даже расскажу ей, как все получилось. Может, даже объясню, что эта моя неспособность иметь ребенка погубила мой первый – очень недолгий – брак.

А может, и нет.

Я спускаюсь в кухню и долго рассматриваю УЗИ-сканогамму.

Если сегодня я справлюсь с уборкой достаточно быстро, у меня, возможно, останется несколько минут, чтобы подняться в детскую и сделать селфи с этим снимком в руках на фоне слонов и единорогов.

#сюрприз; #ждемребенка; #яимоймалыш; #мытаксчастливы

Фотографию я выложу в своем аккаунте @лисицаиворона. Неплохая выйдет шутка. Нужно от души выстебать показное

совершенство, с которым я столкнулась в «Розовом коттедже» в первый же день работы.

Эта мысль приводит меня в отличное настроение, я включаю пылесос и приступаю к уборке.

Джон

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

Сгорбившись над столом, Джон сидел в «Охотнике и псе» и вертел в руках оставленную Генри визитную карточку. По правде сказать, он был потрясен. Что-то подобное мог бы испытывать альпинист, которого предал партнер по восхождению. Еще недавно они в одной связке поднимались по отвесной стене, но сейчас страховочная веревка оказалась обрезана, и Джон падал, падал, падал в бездонную пропасть, слыша, как свистит в ушах ветер.

ДжонДжон-ДжонДжон...

Берг-Бомба потерял хватку...

– Сэр?..

Джон вздрогнул и, вскинув голову, растерянно уставился на подошедшую к столику официантку.

– Прошу прощения, я не хотела вам мешать, – извинилась она, ставя перед ним бокал виски на подставке. – Это от женщины за барной стойкой.

Джон посмотрел в направлении бара. Знойная брюнетка все еще была там. Встретив его взгляд, она слегка приподняла свой бокал мартини и улыбнулась.

Немного растерянный, но польщенный, Джон отсалютовал в ответ, потом, немного поколебавшись, сделал приглашающий жест и проговорил одними губами:

– Присоединитесь?

Но незнакомка отрицательно покачала головой, снова улыбнулась и повернулась к нему спиной.

Джон был заинтригован. Сделав глоток из бокала, он некоторое время наблюдал за женщиной, потом поднялся и, лавируя между многочисленными посетителями, направился к стойке. Там он кое-как втиснулся в узкое пространство между брюнеткой и соседним

табуретом, на котором сидел какой-то толстяк, оказавшись почти вплотную к ней.

От брюнетки исходил чарующий запах дорогого парфюма. Музыка заиграла громче – на эстраду вышли музыканты, затянувшие ирландский скрипичный дуэт.

– Благодарю вас, мэ, – сказал Джон.

Ее губы, накрашенные темно-красной помадой, чуть заметно изогнулись. У брюнетки были большие зеленые глаза. Да, вблизи она выглядела не менее привлекательно, чем издалека.

– Вовсе не обязательно было меня благодарить, – ответила женщина.

– С моей стороны было бы невежливо...

– Я вовсе не собиралась... навязываться, – перебила она. – Возможно, я совершила ошибку, простите.

В ее голосе Джону почудился легкий акцент. Настолько легкий, что он затруднялся определить его происхождение. Немецкий? Голландский? Или, может быть, французский? Его любопытство разгоралось все сильнее, и он почувствовал, как где-то глубоко внутри поднимает голову мужской инстинкт. Инстинкт охотника.

– Тогда почему?.. – спросил Джон напрямик. – Я что, был похож на человека, который нуждается в дружеском ободрении?

– А вы нуждаетесь?

Он раздраженно фыркнул.

– Может быть. Не знаю. Да.

Брюнетка усмехнулась, как показалось Джону – смущенно.

– Я на вас так пялилась, что... В общем, мне стало немного неловко. Дело в том, что ваше лицо показалось мне знакомым; я была совершенно уверена, что где-то вас видела, но никак не могла припомнить где, а вы поймали меня за этим занятием... – Она покачала головой. – Нет, я совершенно точно вас где-то видела!.. У вас ведь наверняка такое было. Ну когда случайно сталкиваешься с телевизионной знаменитостью, которая так часто мелькает на экране телевизора, что вы начинаете воспринимать этого человека как близкого друга; чувствуете, что *знаете* его и в то же время нет. А потом меня озарило. Вы – знаменитый горнолыжник, двукратный олимпийский чемпион Джон Риттенберг. – Она улыбнулась и снова приподняла свой бокал, салютуя ему. – Хочу выпить за вас, Берг-

Бомба! Когда-то миллион лет назад я была фанаткой горных лыж. В две тысячи втором я побывала на соревнованиях в Солт-Лейк-Сити и своими глазами видела, как вы завоевали ваше первое золото. До сих пор не могу забыть, в каком восторге я тогда была! А ведь когда двумя годами раньше вы получили травму на Кубке мира, я была в отчаянии. Мы все – все, кто за вас болел, – были уверены, что вы больше никогда не сможете ходить, не говоря уже о том, чтобы кататься на лыжах, но вы не только вернулись в большой спорт, но и выиграли два золота на Олимпиаде... Надеюсь, вы понимаете, почему я на вас так уставилась?.. – Она сделала глоток из бокала, и Джон поймал себя на том, что разглядывает ее губы. – А виски... я просто хотела поблагодарить вас за прекрасное катание, за те минуты восторга, которые вы подарили всем вашим поклонникам.

Джон почувствовал нарастающее возбуждение. Ничего подобного он не испытывал, наверное, с тех пор, когда в двадцать лет выходил на старт. Для этой женщины он – герой. Она *знает* его и гордится своей, пусть и прошлой, причастностью к его спортивным триумфам. И она благодарна ему за все, что он когда-то сделал для своих болельщиков, для своей страны. И вот прошедших лет как не бывало; благодаря этой женщине Джон в один миг оказался внутри магнитного поля огромной напряженности – поля, которое пробудило его примитивные первобытные инстинкты. Он вновь почувствовал себя живым.

И это пьянило почище любого виски.

Брюнетка склонила голову набок, заглянула ему в глаза, и Джону пришлось податься вперед, чтобы расслышать ее слова за музыкой.

– Честно говоря, Джон, – промурлыкала она, – я уже и забыла о существовании Берга-Бомбы, пока не увидела вас. Так проходит мирская слава, Джон...

Джон криво улыбнулся. Она была так близко, что их руки почти соприкасались.

– Звучит как название старой грустной баллады Спрингстина.

– И все же это горькая правда жизни.

– А вы сами катаетесь?

В кармане Джона завибрировал телефон. Опять Дейзи. Разговаривать с женой ему сейчас не хотелось. Она будет снова твердить, как правильно они поступили, вернувшись в Ванкувер, но все ее доводы – ложь. Пустой треп. Теперь он знал это точно и от этого

злился еще больше. Злился в том числе и на Дейзи, а не только на ее отца. Неужели она знала? Могла ли она *не* знать? Она всегда была близка к родителям, особенно к матери, которая вполне могла предупредить, что их возвращение в Канаду может закончиться ничем. Или... Что, если Уэнтворты все это просто придумали? Что, если они хотели, чтобы Дейзи снова очутилась дома, под родительским крылышком, прежде чем ему дадут пинка под зад?

Его сердце забилося чаще, на висках проступила испарина.

– Да.

– Простите, что?..

– Вы спросили, катаюсь ли я, Джон. Да, катаюсь, но довольно посредственно.

– Ах да, конечно. Извините, я отвлекся... Позвольте еще один вопрос: вы местная? Мне показалось, у вас акцент...

– Я родилась в Бельгии, а сейчас живу в Швейцарии. В Штаты и в Канаду я приезжаю по работе.

– И что у вас за работа?

Брюнетка ответила не сразу. Ее оценивающий взгляд скользнул по нему с головы до ног.

– Простите, – быстро сказал Джон. – Я... я даже не знаю, как вас зовут, а уже расспрашиваю о работе.

– Ничего страшного. Меня зовут Миа. Я управляющая банком.

Эти слова произвели на него сильное впечатление. Джон протянул руку.

– Рад познакомиться с вами, Банкир Миа.

Она рассмеялась и пожала протянутую руку. Пальцы у нее были длинными и изящными, кожа – мягкой, прохладной и гладкой, ногти были выкрашены бордовым лаком. Обручального кольца на безымянном пальце не было.

От Мии не укрылся его интерес. Она убрала руку.

– А фамилия у Мии есть?

Она снова заколебалась, и Джон решил не насесть.

– Можете не отвечать, – сказал он. – Пусть будет просто Миа.

И все же теперь ему еще сильнее захотелось узнать как можно больше об этой знойной банкирше, разбудившей в нем зверя, который начал было одомашниваться под давлением лет и комфорта рутины.

– Мне пора. – Миа допила свой коктейль и соскользнула с высокого табурета.

– Не хотите... Может, еще по одной? В кабинке – подальше от сцены, там не так шумно.

Она бросила взгляд на часы, и Джон почувствовал разочарование.

– Я... Хорошо. Только по одной – мне завтра рано вставать.

Вновь воспрянув духом, Джон заказал еще две порции спиртного. Держа бокалы в руках, они перешли в его кабинку, и он подумал, что с Мией ему удивительно легко. Она льстила ему, но так, что лесть не выглядела слишком прямолинейной и не вызывала раздражения. Она обсуждала лыжный спорт и курортную индустрию со знанием дела, и Джон поймал себя на том, что воспринимает ее как родственную душу, а не просто как потенциального сексуального партнера.

В конце концов она все же назвала ему свою фамилию – Райтер. Миа Райтер.

Джон сообщил, что работает в «Терре Уэст».

– Подходящее место для горнолыжника, – рассмеялась она.

Он тоже рассмеялся, потом наклонился ближе.

– Мужчина, с которым вы ужинали, наверное, ваш коллега? – спросила Миа.

– Генри?.. Да. Он давний партнер старины Уэнтворта. Тертый калач.

– Мне показалось, он сообщил вам какие-то не очень приятные известия.

Джон пожал плечами.

– Похоже, на работе у меня появился конкурент. Генри хотел, чтобы я был в курсе.

– И насколько все серьезно?

– Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

Она пристально посмотрела на него, потом сказала:

– Курортный бизнес Лабдена Уэнтворта вырос в крупную международную корпорацию, которая пользуется огромным влиянием в мире. Согласно последним квартальным отчетам, посещаемость курортов в летние месяцы быстро растет. На некоторых курортах, принадлежащих «Терре Уэст», она даже превысила зимнюю.

Джон кивнул.

– Спасибо моде на горные велосипеды.

И снова их взгляды встретились.

– Если верить бизнес-журналам, вы женаты на дочери Лабдена.

Перед мысленным взором Джона возникло лицо Дейзи. Он вспомнил, каким счастливым себя чувствовал, когда держал ее за руку и смотрел на монитор аппарата УЗИ, на котором шевелился их ребенок, их сын. Что, черт побери, он здесь делает? И на кой черт ему сдалась эта банкирша?

Джон украдкой бросил взгляд на часы, и его сердце пропустило удар. Как поздно!

Миа заметила его движение, и в ее лице что-то неуловимо изменилось.

– Простите, я... я не хотела вас задерживать. Да и мне тоже пора. На сегодня хватит, завтра у меня полно дел. – Взяв в руки сумочку, она встала, собираясь выйти из кабинета.

– Спасибо, Миа, – сказал Джон ей вслед. – Мне... мне это было необходимо.

Она остановилась. Обернулась.

– Что именно?

Его телефон снова завибрировал. Джон сунул руку в карман, и Миа вышла из-за стола.

Телефон продолжал разрываться, и Джон почувствовал, как у него в груди скручивается тугая спираль напряжения. Не раздумывая, он крикнул:

– Пойдите, Миа!.. Подождите! Всего секундочку. Мне нужно ответить.

Замешкавшись, Миа все же вернулась за стол, и Джон, с облегчением выдохнув, нажал кнопку ответа.

– Привет, дорогой! – услышал он в трубке голос Дейзи. – У тебя все в порядке? Я беспокоилась.

Джон показал Мие два пальца.

– Пара секунд! – проговорил он одними губами.

– У меня все в порядке, – сказал Джон в трубку. – Погоди-ка, я перейду куда-нибудь, где не так шумно.

Он выскользнул из кабинета. Прижимая телефон к животу, он продрался сквозь толпу клиентов и вышел из паба в вестибюль отеля, где было относительно тихо. Там он снова поднес телефон к уху.

– Прости, любимая, надо было тебе позвонить, но... Как только Генри ушел, в паб приехали несколько парней с работы. Мы обсуждали новый курорт... С ними как раз был эксперт по вопросам охраны окружающей среды, и я решил, что было бы неплохо установить с ним дружеские отношения. Они пока здесь, так что я, наверное, задержусь еще немного. Ты не против? Если надо, я мигом вернусь, ты только скажи и...

– Нет, я... Все в порядке, Джон. Что сказал Генри? Чего он от тебя хотел?

Джон ответил, что все в порядке, пообещал, что расскажет подробности завтра и посоветовал его не дожидаться. Прежде чем он успел дать отбой, в вестибюль вышла Миа.

– Извини, Джон, но завтра мне действительно нужно рано вставать. Спасибо за приятный вечер. – С этими словами она прошла мимо него к выходу. Через несколько мгновений она уже вышла из отеля в темноту осенней ночи.

Джон ринулся следом, на ходу засовывая телефон в карман.

– Миа! – крикнул он.

Она остановилась на тротуаре и вопросительно посмотрела на него. В ее волосах блестел свет уличных фонарей.

Джон вдруг почувствовал себя неловко. Стараясь справиться со смущением, он засунул обе руки глубоко в карманы.

– Я... Спокойной ночи, Миа. И... спасибо.

Еще несколько мгновений они стояли друг напротив друга. Мужчина и женщина. Никто из них не произносил ни слова, но между ними пульсировал мощный поток энергии. Оба словно балансировали на канате, не зная, что выбрать: то ли поддаться желанию и превратить сегодняшнюю случайную встречу в нечто большее, то ли разбежаться. Джон в нерешительности стоял на месте. Тогда Миа, быстро шагнув вперед, привстала на цыпочки и шепнула ему на ухо:

– До свидания, ДжонДжон Риттенберг! Я очень рада наконец-то встретиться с тобой лицом к лицу. Много лет назад я только об этом мечтала. – И, легко поцеловав его в щеку, она повернулась и быстро пошла прочь.

– Черт!.. – пробормотал Джон себе под нос. Застыв на тротуаре точно истукан, он смотрел ей вслед и не мог не оценить, как соблазнительно покачиваются при каждом шаге ее бедра, как

сексуально выглядят ее высокие каблуки, как колышутся при ходьбе волны ее волос. Его возбуждение переросло в эрекцию, он тяжело дышал и обливался потом, несмотря на ночную прохладу.

Миа свернула за угол здания и пропала из виду.

Джон сглотнул. Он понемногу возвращался к реальности, к звукам ночного города, к холодному ветру с океана. Наконец он настолько пришел в себя, что мысленно возблагодарил того бога или богов, которые правят Вселенной, за то, что не позволили ему совершить ужасную ошибку, а потом вернулся в паб. Джон был уверен, что поступил совершенно правильно, не поддавшись похоти. Он даже почувствовал прилив гордости за собственную непоколебимость, но, подойдя к столику, чтобы забрать счет, увидел на нем салфетку со следами темно-красной помады и снова помрачнел. Это что-то вроде парадокса Шрёдингера с кошкой, думал он. Он и хотел, и *не* хотел увидеть Мию Райтер снова.

Салфетку Джон чуть было не сунул в карман, но все-таки передумал и отправился к бару, чтобы расплатиться.

– Леди уже все оплатила, – сказал ему бармен, когда Джон полез в бумажник, чтобы достать кредитную карточку.

Джон вскинул голову.

– Я имел в виду стейки с гарниром и виски, – сказал он.

– Ну да, все уже оплачено.

– *Все?!* – удивленно переспросил Джон. – Вы ничего не путаете?

– Все, – подтвердил бармен.

Джон повернулся было, чтобы уйти, но вдруг остановился.

– Она платила кредиткой? – спросил он. – Может, тогда у вас остался контакт для выставления счета?..

Бармен понимающе усмехнулся.

– Хорошая попытка, приятель, но леди расплатилась наличными.

Человек с фотоаппаратом

Разговаривая с Мией у входа в отель, Джон Риттенберг понятия не имел, что за ним наблюдают из неприметной машины, припаркованной на другой стороне улицы.

Человек в машине поднял фотоаппарат, выставил телеобъектив в открытое окно и отрегулировал фокус, чтобы запечатлеть не только Риттенберга и женщину, но и название отеля над входом.

Щелк-щелк-щелк...

Вот брюнетка шагнула вперед и поцеловала Риттенберга в щеку.

Щелк-щелк-щелк.

Вот она повернулась и пошла вдоль тротуара, двигаясь непринужденно и легко – с тем особым шиком, свойственным многим женщинам, которых можно встретить на улицах Милана или Парижа. Риттенберг с жадностью смотрел ей вслед, и наблюдатель не сдержал улыбки.

Но вместо того, чтобы пойти за женщиной, Джон вернулся в вестибюль отеля.

Наблюдатель сфотографировал и этот момент.

Опуская фотоаппарат, он подумал, что все могло бы кончиться совершенно иначе, если бы Риттенберг все-таки попробовал догнать брюнетку. Сама она, судя по всему, была нисколько не против, но Джон предоставленной ему возможностью почему-то не воспользовался.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Уже близился вечер, когда Мэл и Бенуа встретились в участке с другими членами группы по расследованию особо тяжких преступлений. Кроме них, за столом для совещаний в рабочем зале сидели дознаватели Арнав Патель и Джек Дафф, полицейский координатор Лула Гриффит и делопроизводитель Гэвин Оливер, который занимался всей связанной с расследованием документацией, включая получение ордеров на обыск и задержание. Группа была небольшой, но надежной, к тому же, кроме этих четверых, в распоряжении Мэл находились отдел криминалистических экспертиз, патрульные нескольких городских полицейских участков, аналитики и специалисты технической поддержки. В случае необходимости Мэл могла довольно быстро подключить всех этих людей к расследованию, но на данном этапе этого пока не требовалось.

Будучи руководителем группы, Мэл села во главе стола. Перед ней стоял ноутбук, а за спиной на стене висел большой экран. В зале было жарко, и к тому же кто-то из присутствующих принес пиццу – теперь в воздухе витали удушливые запахи чеснока, копченой колбасы и разогретого сыра, и Мэл не терпелось поскорее закончить совещание и вернуться к «полевой» работе.

– Итак, на данный момент у нас нет прямых доказательств того, что мы имеем дело с убийством, – сказала она. – Но действовать мы будем исходя из предположения, что убийство все-таки имело место. Пробежимся по фактам... – Она нажала клавишу на ноутбуке, и на экране за ее спиной появилось изображение дома Нортгов. – В этом особняке в фешенебельном районе Западный Ванкувер нами обнаружены следы борьбы и большое количество крови. Официальное название особняка – «Нортвью», но среди соседей он известен как «Стекланный дом». Патруль прибыл на место по звонку восьмидесятидевятилетней соседки Бьюлы Браун, которая утверждает, что вчера вечером в 23 часа 21 одну минуту ее разбудил громкий

женский крик. Следует иметь в виду, что миссис Браун находится на паллиативном уходе и принимает опийсодержащие и другие сильнодействующие препараты. Следовательно, ее свидетельские показания нельзя считать стопроцентно надежными, хотя, по словам миссис Браун, из-за проблем с памятью она записывает все события, произошедшие в течение дня.

Мэл нажала другую клавишу. На экране появилась фотография подъездной дорожки и дома Бьюлы.

– Угловое окно комнаты миссис Браун находится на втором этаже ее дома. – Мэл показала окно на снимке. – Из него хорошо просматривается подъездная дорожка «Стеклянного дома». По словам свидетельницы, утром в «Стеклянный дом» приехала уборщица из клининговой компании «Помощь Холли». Свой желтый «субару кросстрек» уборщица припарковала на дорожке вот здесь... – Мэл ткнула ручкой туда, где стояла машина. – На передней дверце «субару» имелся логотип компании...

На экране возникло изображение логотипа.

– Любопытно, – продолжала Мэл, – что, по словам свидетельницы, «субару» все еще стоял на прежнем месте, когда в 18 часов 14 минут позади него припарковался темно-серый «ауди», из которого вышли мужчина лет сорока и женщина чуть помладше. Бьюла Браун утверждает, что женщина – брюнетка с длинными волнистыми волосами – находилась на позднем сроке беременности. Мужчину она описывает как высокого, хорошо сложенного, с рыжевато-коричневыми волосами. Женщина держала в руках букет цветов и коробку с пирогом.

Мэл вывела на экран снимок увядшего букета, лежащего на гранитном крыльце рядом с помятой коробкой, из которой вытекал темный ягодный сок.

– По всей вероятности, женщина уронила цветы и коробку на крыльце. В букет была вложена открытка, подписанная некой Дейзи...

Еще один щелчок клавиши, и на экране появилась увеличенная фотография открытки:

Вот и конец нашей свободе.

Удачи тебе, подруга, это был тот еще аттракцион!

Спасибо за поддержку.

Дейзи.
X

– Обратите внимание: на нижней части открытки имеется логотип «Цветы Би» – цветочного магазина в Пойнт-Грей. Пирог, судя по коробке, был куплен в бистро «Пи» в том же районе.

– Значит, – предположил Арнав, – эта «Дейзи» купила в Пойнт-Грей пирог и букет, а потом в сопровождении мужчины приехала на «ауди» в «Стеклянный дом». Если они прибыли туда в начале седьмого, то, возможно, их пригласили на ужин, а пирог – это десерт. Пара, вероятно, живет в Пойнт-Грей.

– Сразу после совещания мы с Бенуа отправимся туда – зайдём в бистро и цветочный магазин, – сказала Мэл и, двинув мышкой, открыла еще несколько файлов. На экране появились фотографии входной двери и залитой кровью гостиной.

– Никаких следов взлома или насильственного проникновения, – сказала она. – Трупа нет. Дома – никого. Несмотря на холод и дождь, парадная и задняя двери были распахнуты настежь. Внутри – полная иллюминация. Камеры наблюдения были выключены, так что никакими записями о событиях вчерашнего вечера мы не располагаем. – Мэл заглянула в блокнот. – Владельцы «Стеклянного дома» – Харуто и Ванесса Норт. На данный момент их местонахождение остается неизвестным, но в гараже стоят два люксовых автомобиля, зарегистрированных на их имя.

Некоторое время Мэл продолжала рассказывать группе о том, что еще они с Бенуа обнаружили в «Стеклянном доме». Рассказ она сопровождала фотографиями следов волочения, брызг крови на стене, перевернутой мебели, статуэтки со следами крови из спальни, окровавленной кроссовки с носком возле кровати, ножа для разделки мяса из бассейна и кулона с бриллиантом, найденного в щели между диванными подушками.

Наконец на экране появилась фотография блондинки тридцати с небольшим лет.

– Бенуа, продолжишь?

Бенуа чуть подался вперед. Благодаря комплекции выглядел он внушительно, и внимание присутствующих тут же переключилось на него.

– Миссис Браун утверждает, что видела двух человек в плащах, которые тащили какой-то тяжелый предмет, предположительно – свернутый в трубку ковер, пропавший из гостиной первого этажа. Ковер они погрузили на заднее сиденье «ауди», после чего один человек сел за руль. Его сообщник сел в «субару», затем обе машины покинули место происшествия. Миссис Браун утверждает, что предполагаемые преступники очень спешили. Что касается этой женщины... – Бенуа показал на изображение блондинки, – это Кит Дарлинг, уборщица, которая приехала в «Стеклянный дом» утром. Фотографию нам предоставила ее работодательница Холли Магуайр – владелица и директор клининговой фирмы «Помощь Холли».

На несколько секунд детективы замерли, внимательно рассматривая снимок.

Дарлинг была довольно привлекательной женщиной, но ее привлекательность была особой. Озорной, чуть лукавый взгляд из-под длинных накладных ресниц и легкая полуулыбка придавали ей такой вид, будто она втихомолку посмеивалась над чем-то, что известно только ей одной. Губы Дарлинг были подкрашены ярко-розовой помадой, а зачесанные наверх светлые волосы собраны в два небрежных пучка, на шее – черная бархотка.

– Холли Магуайр сообщила, что Кит Дарлинг состоит у нее в штате уже восемь лет и является одной из самых надежных и добросовестных работниц. На протяжении последнего полугодия с небольшим Кит убиралась в «Стеклянном доме» дважды в неделю. Магуайр подтвердила, что Дарлинг водит желтый «субару кросстрек» с логотипом фирмы на передних дверцах. Кроме того, она заявила, что вчера Кит Дарлинг не отметилась в офисе по окончании рабочей смены и не явилась на корпоратив по случаю Хеллоуина...

Бенуа бросил быстрый взгляд на фотографию и продолжил:

– Родственников у Кит Дарлинг нет – во всяком случае, Магуайр о них ничего не известно. В качестве контактного лица на случай чрезвычайных обстоятельств Кит оставила телефон и адрес своего близкого друга Бун-ми Селима. Когда Холли Магуайр ему позвонила, он сказал, что тоже понятия не имеет, где сейчас находится Кит. Поскольку на телефонные звонки она не отвечала, Селим съездил к ней на квартиру, но и там Дарлинг не оказалось. Желтого «субару»

у подъезда также не было, и Селим попытался подать в полицию заявление об исчезновении.

– Похоже, у Кит Дарлинг серьезные проблемы, – заметил Джек.

– И у остальных тоже, – добавила Лула. – Нам до сих пор не удалось обнаружить ни супругов Норт, ни идентифицировать пару, которая приезжала в «Стеклянный дом» на «ауди». А поскольку в деле фигурируют две беременные женщины, нынешнее местонахождение и состояние которых неизвестно, приходится предполагать, что... – Она немного помолчала. – ...Что опасность может угрожать и двум еще не родившимся младенцам.

– Арнав, – обратилась к детективу Мэл, – займись социальными сетями. Нам нужна любая информация по Кит Дарлинг: ее друзья, комментарии, последние передвижения, возможные планы на вчерашнюю ночь и прочее...

Арнав кивнул.

– Уже.

Мэл повернулась к Джеку:

– Что говорят другие свидетели? Может, наши «ауди» и «субару» зафиксировали какие-то камеры?

– Подомовой обход выявил еще одного свидетеля, который около полуночи выгуливал собаку около пересечения проезда, идущего от «Стеклянного дома», и главной дороги, – сказал Джек. – Он видел два автомобиля, подходящие под описание «ауди» и «субару». Как и миссис Браун, свидетель сообщил, что машины не остановились на знаке и что он слышал визг покрышек, когда автомобили сворачивали на Марин-драйв. В настоящее время несколько человек просматривают записи видеокамер, расположенных на этой улице и на мосту. Если машины двигались по Марин-драйв на восток – а свидетель утверждает, что это так, – у нас есть несколько вариантов. Они могли свернуть в жилой район и теперь отсиживаются где-то на Северном берегу. Либо же они доехали по Марин-драйв до района Дип-Коув или свернули на один из мостов через залив и теперь находятся где-то в Центральном Ванкувере.

– Начните с камер на мосту Лайонс-Гейт, – сказал Бенуа. – Если этот «ауди» приехал из Пойнт-Грей, есть вероятность, что туда он и вернулся.

– Или *не* вернулся, – возразил Джек. – Возможно, сначала они отправились в какое-то укромное местечко, чтобы без помех избавиться от «ковра».

– Ладно, – сказала Мэл. – Будем пока действовать на основе того, что у нас есть. В первую очередь необходимо разыскать эти две машины, идентифицировать таинственных гостей и найти Нортон. И еще нужно собрать максимум информации по исчезнувшей Кит Дарлинг. В общем, на сегодня дел хватит. Предлагаю встретиться здесь завтра ровно в шесть утра. Надеюсь, к этому времени эксперты получат хоть какие-то предварительные результаты – нам нужно понимать, с чем мы имеем дело.

Мэл по очереди посмотрела на каждого из членов группы.

– Учитывая обильную кровопотерю и характер следов крови, можно предположить, что жертва либо серьезно ранена, либо... либо нам нужно искать тело. Лула, пошли кого-нибудь проверить приемные покои больниц и морги.

Распределив задания, Мэл посмотрела на часы.

– Ну, по коням. Время уходит.

Дневник

Холли позвонила, когда я заканчивала уборку в «Розовом коттедже». Это словно был знак свыше. Кто-то там, наверху, давал мне последний шанс отказаться от работы на Риттенбергов, пока я не увязла слишком глубоко. Но меня опять «замкнуло». Я не смогла заставить себя попросить Холли освободить меня от этого контракта. А когда Холли поинтересовалась, не смогу ли я отработать несколько дополнительных смен вместо другой уборщицы, которая внезапно заболела, я согласилась – раз уж в ближайшие дни я буду очень занята, у меня просто не хватит ни времени, ни сил, чтобы погуглить Джона и Дейзи Риттенберг и просмотреть их странички в социальных сетях. Дополнительная работа давала мне время одуматься и принять правильное решение. Умная Кит Дарлинг так бы и поступила. Умная Кит Дарлинг прекрасно знала, что поиски в доме Риттенбергов не приведут ни к чему хорошему.

К сожалению, верх взяла другая Кит.

Сегодня я отпахала несколько смен подряд. Сейчас я дома. Конечно, устала, конечно, вымоталась. Но уже через час мне нужно ехать в театр, где наша любительская (и некоммерческая) труппа дает «Три жизни Марии». Я играю Марию. Мы выступаем уже восемь недель, и осталось всего два спектакля. Завтра мы в последний раз выйдем на поклон к зрителям, после чего «Марию» снимут с репертуара – на время или, быть может, навсегда.

Как бы там ни было, мне нужно торопиться, чтобы записать хотя бы самое важное...

Теперь, дорогой Дневник, ты знаешь, в чем суть моей психологической проблемы. Ну а у кого с головой все на сто процентов в порядке? И вообще, раз уж моя психоаналитичка настаивает на том, что мое стремление совать нос в чужие дела носит характер зависимости, то это зависимость «высокофункциональная» – я умею хорошо ее скрывать. Со стороны моя жизнь весьма себе ничего. Мое хобби, нет – моя страсть! – это любительский театр. Импровизация, иммерсивные представления, кукольные представления, пантомима –

все это я просто обожаю. Еще мне нравится наряжаться и ходить с Буном на травести-шоу. Я люблю шик и блеск, люблю яркие костюмы, люблю притворяться кем-то другим. Я могу быть кем угодно и в то же время – никем, уборщицей-невидимкой, которая шарит в ящиках чужого письменного стола. Призраком, который живет в вашем доме.

В театре у нас с Буном много хороших друзей. Мы члены одной любительской труппы, но мы не только вместе выступаем. Мы общаемся, ходим в кафе и регулярно собираемся поиграть в «Подземелья и драконы»^[10], потому что в этой игре тоже нужно исполнять разные роли.

Да, дорогой Дневник, я вижу, на что ты намекаешь. Ты хочешь сказать, что даже моя повседневная, видимая жизнь – «нормальная» часть меня – тесно связана с ролями, масками, вымышленными персонажами. Реальная я – призрак. И эта реальная «я» пишет сейчас эти строки, потому что ее психоаналитичке очень хочется понять, почему ее пациентка так сильно хочет остаться бестелесным духом.

Вот что я тебе скажу, дорогой Дневник... На самом деле я очень горжусь собой. Мне удалось справиться с собой и не пробить Риттенбергов по Интернету. Я не рылась в социальных сетях в поисках их страничек. И благодаря этому у меня все еще есть возможность сказать Холли, что я не смогу убирать в их особняке.

А это значит, что я все еще контролирую ситуацию.

Я смотрю на часы. Так и есть, я опаздываю. Меня ждет Мария – молодая женщина, которой, согласно сценарию, выпадает шанс трижды переиграть одно решающее событие из своей жизни. Каждый раз она выбирает по-другому, и каждый раз течение ее жизни коренным образом меняется. В одной жизни Мария решает не прерывать нежелательную беременность, сохранить ребенка и в конце концов выходит замуж за его отца. Во второй своей жизни она прогоняет любовника, делает аборт и становится влиятельной бизнесвумен. В третьей жизни Мария просто плывет по течению – одинокая мать, ведущая богемное существование. И надо сказать, в каждом из трех вариантов находятся свои плюсы и минусы.

Прежде чем выбежать за дверь, я все же проверяю мой инстаграм-аккаунт @лисицаиворона и отыскиваю последний пост. Это ролик, на котором я стою в детской «Розового коттеджа»

и прижимаю к животу УЗИ-снимок ребенка Дейзи и Джона. Я улыбаюсь, а за моей спиной кружат в хороводе слоны и единороги. Звучит колыбельная, но звук неприятный, дребезжащий, словно саундтрек к фильму ужасов (я добавила фильтр, который сделал ролик одновременно невинным и пугающим). Ну и теги: #ждеммалыша, #жизненныйвыбор, #жизнькоторуюяпредпочла.

Мой пост набрал уже 207 лайков. Людям нравится. Раздел «Комментарии» полон поздравлений, смайликов и сердечек. Я не знаю, что за люди подписались на этот случайный, фейковый аккаунт, но они искренне за меня рады.

Обычно я и сама радуюсь, когда вижу новые лайки.

Но сегодня испытываю только странную сосущую пустоту под ложечкой.

Во мне поселились тоска и страстное желание.

Нет, человек не всегда имеет возможность выбрать, какой будет его дальнейшая жизнь. Иногда этот выбор навязывают нам извне, вопреки нашей воле.

Ну а если впоследствии – скажем, годы спустя – нам все же представится шанс изменить сделанный в прошлом выбор? Как Мариш?..

Ответ очевиден. Сто человек из ста этим шансом воспользуются.

Дейзи

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

Дейзи подняла смартфон повыше, склонила голову набок, улыбнулась и сделала снимок. Изменила позу. Сделала еще пару фотографий, пытаясь найти наиболее выгодный ракурс, чтобы потом выложить снимки в @ДейзиДеньЗаДнем, где она каждый день постила новое селфи. Для очередной фотографии Дейзи постаралась подобрать такой угол съемки, чтобы на заднем плане были видны рыбачившие с волнолома в Стэнли-парке горожане: возле каждого стояло ведро для добычи, длинные лески уходили в воду. Нажимая кнопку на смартфоне, Дейзи задумалась, какими хештегами лучше сопроводить фото: #УтроВСтэнлиПарке, #РыбакиНаВолноломе, #ВыглянулоСолнце или #БудущимМамамНужноГулять?

Дейзи нравилось писать каждое слово в теге с заглавной буквы. Это облегчало чтение с экрана для тех, кто плохо видит или не может разбить тег на отдельные слова и установить между ними связь, – например, для страдающих дислексией или каким-то другим когнитивным расстройством. Так, во всяком случае, ей однажды сказали, и с тех пор Дейзи старалась показать всем, что она человек чуткий и внимательный к окружающим. Что она практикует инклюзивный подход. Уважает другие культуры и так далее, и так далее... Главная цель Дейзи состояла в том, чтобы ее нарратив – история, которую она с таким тщанием день за днем создавала у себя в Инстаграме, – пришелся по душе максимальному количеству подписчиков.

Нет, #РыбакиНаВолноломе не подойдут, решила она, – вон там рыбачит женщина, а рядом с ней еще и ребенок сидит. Может, тогда #РыбацкоеПлемя? Но и этот вариант ей не понравился: большинство рыбаков, насколько она видела, были азиатского происхождения, а слово «племя» подразумевало бы, что она считает их низшей социальной группой. В конце концов Дейзи остановилась на тегах

*#РыбалкаНаВолноломе,
#РедкийСолнечныйДенекНаТихоокеанскомПобережье,
#РадаВернутьсяВМультикультурныйВанкувер,
#БудущимМамамНужныУпражнения и
#КоротаяВремяПередЛанчемВБистро.*

После этого Дейзи сделала еще несколько селфи, стараясь, чтобы в кадр попал ее живот. Сфотографировала она и сверкающие небоскребы, вздымавшиеся над гаванью Коал-Харбор, где садились и взлетали гидросамолеты. Джон работал на верхнем этаже одной из этих стеклянных башен, и она представила себе, как он восседает за своим столом, похожий в лучах солнца на золотого идола, и смотрит на океан, на горнолыжные трассы, проложенные по склонам гор на другом берегу залива. Дейзи захотелось даже сопроводить снимки небоскребов тегами *#КабинетДжона, #ПентхаусНаДБухтой, #ТерраУэст, #ОтдыхНаЛыжах, #ЗамужемЗаОлимпийцем* и *#ДваждыЧемпион*.

Но нет, она этого не сделает. Ни за что. Джону не нравилось ее увлечение Инстаграмом – он считал, что оно может довести до беды. А больше всему ему не нравилось, что Дейзи приобрела в социальных сетях определенную популярность, из-за чего некоторые крупные компании начали присылать ей образцы своих товаров для будущих мам. Например, на прошлой неделе она получила прелестнейший мобиль для детской кроватки с танцующими под музыку слонами и единорогами, а еще за неделю до этого ей прислали обалденно сексуальные легинсы для йоги, пошитые таким образом, чтобы в них помещался выросший живот.

Впрочем, сами легинсы Джону понравились, но стоило Дейзи сказать, что она намерена позировать в них для Инстаграма, настроение мужа сразу переменилось. Он заявил, что получать «подарки» в обмен на рекламу унижительно и что это ниже достоинства его жены.

«Нам не нужны подачки, Дейзи. Во-первых, мы не нищие, а во-вторых, из-за них кому-то может показаться, будто я не способен должным образом позаботиться о тебе. А мне не хочется выглядеть неудачником, который рассчитывает только на то, что ему что-то дадут бесплатно».

Дейзи опустила смартфон, но ее взгляд был по-прежнему прикован к сверкающей многоэтажной башне на берегу, где работал ее муж. В ушах у нее снова зазвучал голос Джона:

«Единственная причина, по которой у тебя так много подписчиков, – я. Ты *моя* жена. И ты совершенно открыто использовала этот факт в те времена, когда у тебя только-только появился Инстаграм. А ведь ты сама знаешь, что это небезопасно! Или тебе мало той шизофренички, которая выслеживала нас в Колорадо?.. Кто угодно может с помощью геолокации определить, где ты находишься в данный момент. И если ты публикуешь свое селфи из ресторана, то к тому моменту, когда тебе подадут заказ, твой сталкер уже может сидеть за соседним столиком».

Дейзи попыталась отделаться от этого воспоминания, но резкие слова Джона ожгли ее, как удар хлыста. Дейзи вспомнила, как вчера вечером муж вернулся домой, повсюду оставляя за собой алкогольный смрад.

В полной темноте Джон тихонько забрался в постель, стараясь не разбудить жену, уверенный, что она давно спит. Но Дейзи не спала. Несколько часов кряду она лежала без света, изо всех сил стараясь убедить себя в том, что женский голос в телефоне ей просто почудился, а если не почудился – что он не имеет никакого отношения к ее мужу. Увы, успокоиться ей никак не удавалось, тем более что она некстати вспомнила: Джон уже давно не пытался заниматься с ней любовью. Ее раздавшееся из-за беременности тело, как она подозревала, больше не кажется ему привлекательным.

Сейчас Дейзи мысленно вернулась к утреннему разговору с мужем. Она помнила его почти дословно.

«Так о чем Генри хотел с тобой поговорить?» – спросила она, наливая Джону кофе.

Его лицо, хмурое и помятое, слегка напряглось, в глазах появилась настороженность, и Дейзи почувствовала легкий укол беспокойства.

«Джон?..»

Он шумно вздохнул, потер лоб. Это все похмелье, подумала она. Обыкновенное похмелье, а остальное она себе придумала.

«Пожалуйста, Джон, поговори со мной. Зачем Генри пригласил тебя в паб?»

«Он хотел поговорить о последнем заседании совета директоров. Там кое-что произошло, и Генри решил, что я должен быть в курсе... – Он отпил кофе и быстро добавил: – Похоже, я не единственный кандидат на должность административного директора нового курорта».

«Что?!»

«У меня объявился конкурент».

«Не понимаю! Что значит – конкурент?»

Джон отставил кружку с кофе, чтобы поправить галстук. Дейзи показалось, она всем телом ощущает напряжение Джона.

«Джон! В чем дело?!»

«Ты знала, да?»

«Знала *что*? О чем ты вообще?»

«О том, что «Терра Уэст» приняла на работу нового перспективного сотрудника. Его уже перевели в штаб-квартиру, а теперь выдвигают на должность административного директора курорта «Клакуш». Неужто ни твой отец, ни твоя мать не упоминали об этом?»

«Конечно нет. Я бы не стала скрывать от тебя что-то настолько важное».

«Не стала бы, да, Дейзи? А вот мне почему-то кажется, что это с самого начала было частью вашего плана. Ты и твои родители просто заманили меня обратно в Ванкувер. Лабден пообещал мне повышение, а ты очень кстати перестала принимать противозачаточные таблетки. Раз-два – и вот я здесь!»

«Да как ты...»

«Ладно, проехали. Извини. Я не хотел».

Дейзи почувствовала, как ее глаза наполняются жгучими слезами.

«А чего ты тогда хотел? Ты мне только и твердил, что хочешь ребенка, семью, хочешь начать все сначала после... после того кошмара! И теперь ты говоришь, что я забеременела специально, чтобы заставить тебя вернуться?!»

Джон поднялся, потом снова сел. Его широкие плечи слегка поникли.

«Извини... – Он с силой потер лицо обеими ладонями. – Вчера... Для меня это было настоящее потрясение. Прости меня, Дейзи, я... я все еще пытаюсь все это осмыслить. – Он поднял голову и посмотрел на нее. – Генри не говорил ничего конкретного, но мне кажется – все уже решено. Повышение получит тот, другой парень».

Дейзи уставилась на мужа. Стены кухни поплыли у нее перед глазами. Нет, не только стены – весь ее мир пошатнулся.

«Кто... О ком ты говоришь? Какой парень?»

«Ахмед Вахид. Он намного моложе меня и не такой опытный, но...»

«Тогда почему «Терра Уэст» решила назначить директором его? Чем ты им не угодил?»

«Чем я им не угодил? Я тебе скажу, Дейзи!.. Вахид – цветной, а я белый. Белый мужчина среднего возраста. Времена изменились, сейчас всем нужна показная инклюзивность. Мое время прошло. Я теперь не у дел. И все из-за этой гребаной политкорректности!»

«Но, Джон, это наверняка не так...»

«Не так? Я выиграл для этой страны две сраных золотых медали. Горные лыжи у меня в крови. Я здесь родился... – Он с силой ткнул пальцем в стол. – Здесь, на склонах гор Норт-Шор, в том же самом городе, где была основана «Терра Уэст»! Я был символом корпорации. Все, кто имел хоть какое-то отношение к горным лыжам, знали и уважали мое имя, и корпорация успешно превращала мою известность в деньги. Мое лицо помогало продавать все что угодно, от пива и зубной пасты до таймшеров и стиля жизни. Корпорация – корпорация твоего отца – делала на мне, на моей популярности сумасшедшие бабки. Меня выжали досуха, и вот теперь кто-то решил, что мне пора на свалку, потому что у меня белая кожа и я не говорю на пяти, сука, языках!»

«Не выражайся в этом доме! – вспыхнула Дейзи. – И не приплетай к этому моих родителей! У папы был сердечный приступ, ему пришлось выйти в отставку... Я уверена, что он не имеет к этому Вахиду никакого отношения. Скорее всего, решение было принято уже после того, как папа отошел от дел».

«Допустим, твой отец действительно ни при чем. – Джон мрачно взглянул на жену. – А знаешь, что это означает? Это означает, что твой отец и, возможно, еще Генри были единственными членами совета

директоров, которые хотели видеть меня на посту директора нового курорта. С чего бы еще все остальные набросились на меня, как только Лабден ушел?» – Он покачал головой.

«А тебе не приходило в голову, что этот Вахид действительно более подходящий кандидат?»

«Ты это серьезно, Дез?»

«Джонни...»

«Я уже сорок лет «Джонни!»»

«Я просто хотела сказать... Сам подумай, пять языков, это очень... впечатляет. А «Терра Уэст» сейчас как раз стремится вырваться в лидеры на мировом рынке, может, поэтому...»

«Вырваться в лидеры?.. Ну да, конечно! Теперь все понятно! За мусульманина им, конечно, дадут дополнительные очки».

От гнева у Дейзи перехватило горло.

«А он мусульманин?»

«Наверное. Скорее всего».

«Вот видишь! Ты судишь о человеке, Джон, а сам почти ничего о нем не знаешь!»

«А ты – ты знаешь?! Господи, Дез, я думал, что хотя бы ты меня поддержишь... Ладно, мне пора». – Он поднялся и направился к выходу.

«Ты что, так и уйдешь?»

«А как? Я опаздываю». – Джон открыл стенной шкаф в прихожей, чтобы достать пиджак.

«А как же завтрак? Я специально встала пораньше, чтобы все для тебя приготовить. Сядь и поешь, ну пожалуйста!»

Джон бросил взгляд на стол, где стояла украшенная зеленью яичница, румяные тосты, мармелад, сок и разрезанный пополам рубиново-красный грейпфрут. Дейзи не поленилась даже нарвать в саду оранжевых и желтых цветов, к которым добавила несколько веточек с еще зелеными листьями.

«Не для меня, а для Инстаграма», – огрызнулся он, засовывая руки в карманы.

«Ты несправедлив, Джон!»

«Давай, скажи, что не сфотографировала все это и не выложила на свою гребаную страницу». – Он схватил свой кожаный кейс.

Дейзи затрясло. Ее переполнял гнев, с которым сражалось острое желание как-то успокоить мужа, утешить его, исправить ситуацию. Пусть у них снова все будет хорошо.

«Я так и знал, – коротко сказал Джон, не дождавшись ее ответа. – Пойди проверь, сколько уже лайков». – Он потянулся к ручке входной двери.

«Хочешь, я поговорю с папой? – крикнула Дейзи ему вслед. – Хочешь, я позвоню ему прямо сейчас? Может, он сумеет как-то помочь...»

Но Джон только пробормотал что-то себе под нос и с силой захлопнул дверь. Дейзи услышала, как на подъездной дорожке заработал мотор «ауди». Джон уехал, а она все смотрела на закрытую дверь, и по щекам у нее катились слезы.

* * *

Солнце, сдвинувшись по небосклону, ослепительно засверкало на верхушке стеклянной башни, и Дейзи, рывком вернувшись в настоящее, с удивлением обнаружила, что на глазах у нее выступили слезы. Она быстро смахнула их рукавом и, посмотрев на часы, почувствовала неожиданное облегчение. Пора было ехать на встречу с Ванессой в их любимое маленькое бистро в Пойнт-Грей. Повернувшись, Дейзи пошла обратно к машине, оставленной у ворот парка. В парк она приехала, чтобы немного прогуляться по берегу моря и сделать несколько упражнений для беременных – ну и, конечно, чтобы исчезнуть из дома на то время, пока там будет работать уборщица. С Ванессой Дейзи встречалась по большей части в те дни, когда уборщица приходила наводить в «Розовом коттедже» порядок.

Пересекая лужайку, Дейзи твердила себе, что на самом деле Джон не хотел ее задеть. В нем говорили обида, уязвленная гордость, стремление защититься. И, разумеется, его тревога по поводу их общего будущего, которое в одночасье стало таким неопределенным. Она знала своего мужа, может, знала его даже слишком хорошо. Дейзи были прекрасно известны самые темные, мрачные уголки его души – души бойца, воина. Эти черты характера когда-то и помогли ему побеждать сильнейших фанатичных спортсменов со всего мира, да

еще в таком опасном и конкурентном виде спорта, как горные лыжи. Будь Джон другим – не было бы побед, не было бы известности. Но сейчас ситуация изменилась, он больше не выступал и, стало быть, не имел возможности выплеснуть внутреннее напряжение в запредельном физическом усилии. Она поговорит с отцом, решила Дейзи, и он обязательно что-нибудь придумает. Вот только Джону она об этом говорить не будет, чтобы не унижить его еще больше. В конце концов, может же жена иметь секреты от мужа!

Но когда Дейзи нажала кнопку на брелоке автомобильных ключей, открывавшем замки ее небольшого «БМВ», ей в голову змеей вползла еще одна, куда более зловещая мысль. Что, если Джон только притворился разгневанным, преувеличил свое разочарование, пытаясь отвлечь ее от того факта, что вчера вечером он встречался с какой-то женщиной?

Дейзи постаралась как можно скорее отбросить эту мысль. Сев за руль, она натянула ремень безопасности на выпирающий живот и включила двигатель. Но, прежде чем тронуться с места, она все же не удержалась от того, чтобы бегло просмотреть свои последние селфи. Выбрав самый удачный снимок, она загрузила его на свою страничку и напечатала теги. Разглядывая опубликованную фотографию, Дейзи довольно улыбнулась: солнце красиво отражалось в бриллиантовом кулоне, который висел у нее на шее чуть ниже впадинки между ключицами. Эту подвеску подарил Дейзи Джон, когда узнал, что она беременна.

Положив телефон на пассажирское сиденье, Дейзи включила передачу.

«Все будет хорошо, Крошка-Горошка. Все будет просто отлично. И с тобой, и с нами. Это все ерунда. Вызовы судьбы делают жизнь только интереснее. Перемены – вот единственное неизменное».

Но не успела Дейзи выехать с парковочного места, как ее телефон пронзительно пискнул. И еще раз. И еще. Похоже, посыпались реакции на ее последний пост. Не удержавшись, Дейзи решила взглянуть на них хоть одним глазком. Видит бог, ей сейчас просто необходим дофаминовый допинг. Лайки, «сердечки», слова одобрения и поддержки...

Схватив телефон, Дейзи пролистала ленту комментариев.

Боже мой, как тебе удастся ТАК выглядеть?

В чем твой секрет, Дез? Колись!

Куртка просто огонь!

Прекрасное фото, спасибо.

Ванкувер ван лав!

Остался месяц с небольшим. Держись! Зачеркиваем дни в календаре вместе с тобой.

Дейзи удовлетворенно вздохнула. Подписчикам понравилось фото. Они одобряют ее образ жизни. Одобряют *ее*. Благодаря всем этим людям она чувствует себя не такой одинокой. Не такой толстой. Не такой уродливой.

Жду не дождусь новых фото с животиком.

Вдруг на экране появился новый комментарий, который заставил Дейзи похолодеть.

Ты всего лишь жена никому не нужного бывшего спортсмена.

Не успела она перевести дух, как появилось еще одно послание:

Я слежу за тобой, @Дейзи_День_За_Днем. Тик-так, часики!..

Сообщение завершалось двумя смайликами: желтое личико, вращающее выпученными глазками, и черная бомба с горящим фитилем, которая взрывалась языками красного пламени.

Телефон снова пискнул.

Надеюсь, твой ребенок сдохнет. УМРИУМРИУМРИ, риттенберговское отродье.

Дейзи непроизвольно закрыла рот ладонью. Она моргнула и без раздумий удалила кошмарные комментарии. Тут же ей в «директ» поступило новое сообщение. Ей было страшно. Дрожащим пальцем она ткнула на иконку.

На экране открылась гифка с изображением куклы Чаки. В руке кукла с окровавленным, изуродованным шрамами лицом держала нож. Рука с ножом ходила вверх и вниз, как будто закалывая жертву.

Гифка сопровождалась текстом:

Чаки знает, кто плохая мамочка.

Чаки знает, что она натворила.

Сдохни, сдохни, сдохни, Крошка-Горошка, сдохни!!!

Дневник

Вчера мы отыграли последний спектакль «Трех жизней...». Больше я не буду Марией, не проживу еще раз три ее жизни. В душе у меня образовалась какая-то странная пустота... Я даже не поехала праздновать с остальными, хотя меня и звали. Пришлось сослаться на плохое самочувствие.

Домой я вернулась одна. Я знаю, Бун будет за меня беспокоиться, и не только потому, что я якобы нездорова. Он беспокоится за меня с того самого дня, когда мы развеяли по ветру мамин прах. Похоже, Бун что-то подозревает, хотя я ничего не рассказывала ему о своих новых клиентах. Он не знает о «Розовом коттедже». Я ни словом об этом не обмолвилась, но в этом-то и проблема: мое молчание красноречивее слов. Обычно мы с Буном ничего друг от друга не скрываем. Но не в этот раз.

И о чем, по-твоему, это говорит, дорогой Дневник?..

Не знаешь?

А я знаю.

Мое патологическое любопытство научило меня одной простой истине: то, что люди предпочитают скрывать от окружающих, говорит о них больше всего остального.

Вчера, когда я заезжала в офис, чтобы получить плату за неделю, я хотела поговорить с Холли, но она была занята, и моя решимость быстро ослабела. В конце концов я ушла, так и не сказав ей ни слова.

И вот сегодня мне снова придется ехать в особняк Риттенбергов. У меня был шанс все изменить, но я им не воспользовалась. Теперь я обречена.

Утром я встала пораньше. Первым делом я полезла в холодильник и выгребла оттуда все объедки, чтобы покормить Страшилу – одноногую ворону, которая прилетает ко мне на балкон. Потом я плюхнулась на диван, сунула в рот фруктовый леденец на палочке и включила свой айпад.

До уборки в «Розовом коттедже» оставалось еще два часа.

Начать я решила с Фейсбука.

Увы, там мне не удалось найти ни Джона, ни Дейзи Риттенберг. Тогда я открыла Инстаграм и вбила в поиск «Дейзи Риттенберг», и знаешь что, дорогой Дневник?.. Оказывается, такое сочетание имени и фамилии довольно редкая штука (не веришь – проверь сам, ха-ха). В общем, в поиске выскочило всего два имени. Первая Дейзи Риттенберг совершенно точно не имела никакого отношения к «Розовому коттеджу». А вот вторая... Мне повезло, что она зарегистрировала страницу на свое настоящее имя, потому что ее ник в Инстаграме — @Дейзи_День_За_Днем.

Продолжая посасывать леденец, я пролистала самые свежие снимки (к ним я вернусь позже) и нашла фото, сделанное в Колорадо. На нем Джон и Дейзи Риттенберг сидят на просторной деревянной веранде за грубоватым (в деревенском стиле) столом для пикника. Это явно высокогорье, на заднем плане видны заснеженные вершины и бездонное голубое небо, какое бывает только в горах. Надпись под фотографией гласит: «Лыжный курорт «Сильвер Аспенз». Джон и Дейзи в солнечных очках и горнолыжных костюмах. Лица покрыты темным загаром. Перед ними на столе стоят бутылки с холодным пивом, на стекле сверкают крошечные капельки.

Я пристально рассматриваю Джона.

На снимке он выглядит злой карикатурой на того блестящего спортсмена, каким он когда-то был. Джон располнел и обрюзг, кожа на лице загубела, а само лицо кажется более круглым, опухшим. В уголках губ залегли глубокие морщины. Глаз не видно – их скрывают солнечные очки.

Я изучаю подпись:

Выходные в горах с любимым. Весенний снег = спуск с ветерком. Весна. Снег на склонах очень «быстрый», хорошо кататься.

*#МаленькиеРадости; #ОтдыхВГорах;
#ЖизньВКолорадо; #ОтдыхДизайнераПоИнтерьеру;
#ЛучшийМаршрутСезона*

На душе у меня становится мрачно, промозгло. Мир вокруг блекнет и тонет в сыром тумане.

Я просматриваю пост за постом и словно возвращаюсь в прошлое на машине времени. Красотка Дейзи делает то, красотка Дейзи делает се... Дейзи на занятиях йогой. Дейзи с подругами. Дегустация вина. Рисовальная вечеринка. Книжный клуб. Шопинг. Ланч в модном ресторане. Новые туфли. Поездка в Денвер. Экскурсия на виноградники. Экзотические блюда. Отдых в самых отдаленных уголках планеты. Индия, Австралия, Непал, сафари в Ботсване, речная прогулка по Нилу.

Глухой гул в ушах становится громче. Я всегда мечтала путешествовать. Мне было лет восемь, когда я наткнулась на научно-популярную программу о парке Серенгети и обитающих там животных. С тех пор я загорелась идеей поехать в Кению, побывать на Галапагосских островах, на Амазонке, в Индонезии. Тогда я думала, что когда-нибудь обязательно туда попаду, объеду вокруг света, побываю в других странах, а не только в Никарагуа, куда я – спасибо Буну – ездила с телевизионной съемочной группой в качестве статистки.

Но о путешествиях я мечтала только до тех пор, пока мне не пришлось бросить школу. Нет, мне все так же хотелось побывать в других странах, но по многим причинам, останавливаться на которых я сейчас не стану, эта моя мечта сделалась недостижимой.

И вот теперь Дейзи, Джон и их еще не родившийся ребенок снова приоткрыли старый пыльный сундук, полный сокровенных желаний, которые я давным-давно туда запрятала. Так, во всяком случае, мне казалось, но теперь я чувствую, как старые мечты оживают. Оживают и, словно древний ил со дна озера, медленно поднимаются к поверхности, а вместе с ними пробуждаются воспоминания и чувства, которые я не хочу испытывать вновь.

Никогда.

Я продолжаю прокручивать посты – все быстрее и быстрее. Я тороплюсь, нервничаю и беспрестанно сосу свой леденец.

*#ЖизньВКолорадо; #НовостиОРебенке;
#НоваяРаботаДжона; #ВозвращениеДомой;
#ВанкуверЖдет; #ПрощальныеВечеринки;
#МыПереезжаем; #НаконецДома; #НовыйДом
#РозовыйКоттедж; #ИСноваЗдравствуйУистлер;
#ВесенняяЛыжня; #СтарыеОхотничьиУгодьяДжона*

Из аккаунта Дейзи я узнаю, что она записалась на йогу для беременных...

#ЙогаВПаркеДляБудущихМам

...И что ей очень нравится бистро «Пи» – вот фотография ягодных пирожных, которые Дейзи там купила, а вот и она сама с одной из своих беременных подруг за обедом в этом самом бистро.

*#ОтличноеНовоеМесто; #ПрекрасноеКафеПоСоседству;
#ПрощайТалия; #ПостоянноГолодная*

Меня мутит.

Я откладываю айпад. Мне необходима передышка. Все это ложь, думаю я. Фальшивка. Человеческая жизнь не может быть настолько совершенной. Это тщательно подготовленная иллюзия. Мираж. Дым и зеркала. Совсем как мой аккаунт @лисицаиворона.

Некоторое время я стараюсь освоиться с этой мыслью.

Потом мне приходит в голову еще одно соображение. Реальность и ее восприятие... Когда ты выбираешь свою Историю – совсем как Мария в нашей пьесе, – ты фактически выбираешь свою жизнь. Мы все являемся – или в конце концов становимся – теми, кем хотим казаться, поэтому выбирать маску, в которой ты покажешься миру, нужно с особой осторожностью.

Я смотрю на часы. У меня есть еще несколько минут, а потом надо будет собираться.

Я открываю браузер и запускаю поиск по словам «Джон Риттенберг», «Колорадо», «Курорт «Сильвер Аспенз». Спустя пару секунд на экране появляется список статей из местных колорадских газет. В более ранних сообщается, что курортом «Сильвер Аспенз», принадлежащим корпорации «Терра Уэст», будет управлять новый административный директор – знаменитый горнолыжник и двукратный олимпийский чемпион Джон Риттенберг. В некоторых из статей цитируются высказывания Джона по поводу современного состояния горнолыжного туризма («популярность этого вида отдыха растет», «отрасль на подъеме» и т. д.). В коротком клипе Джон

рассказывает репортеру о том, что после побед в Солт-Лейк-Сити его именем была названа одна из трасс в Уистлере, где он когда-то тренировался. Именно там, добавляет Джон, находилась база олимпийской команды, поэтому он считает Уистлер своей «родной» горой.

На меня опускается черное удушающее облако.

Я хорошо помню день, когда эта трасса была названа в честь Джона Риттенберга.

Потом я нахожу другие статьи. В них говорится о том, что Джон Риттенберг намерен оставить пост административного директора «Сильвер Аспенз» ради временной работы в головном офисе «Терры Уэст» в Ванкувере. В статье утверждается, что, «по непроверенным данным», руководство корпорации прочит Риттенбергу пост административного директора нового курорта «Клакуш», который строится в горах к северу от Уистлера.

Я продолжаю копать, погружаясь все глубже и глубже в недра Сети, и вдруг – бац! Поисквик выдает новый заголовок, и я застываю, точно парализованная.

Еще одна статья. Опубликована около года назад.

Знаменитый горнолыжник и административный директор популярного лыжного курорта «Сильвер Аспенз» Джон Риттенберг и его жена Дейзи утверждают, что стали жертвами женщины-сталкера, которая фанатично преследовала их обоих на протяжении нескольких месяцев. По их заявлению, полиция задержала женщину тридцати лет, которая до недавнего времени работала танцовщицей и официанткой в местном клубе «Кримсон». Женщина, имя которой не разглашается, в свою очередь официально обвинила Джона Риттенберга в сексуальном насилии, которое привело к беременности. По ее словам, все произошло, когда Джон и несколько его друзей отдыхали в клубе. Полиция задержала подозреваемую, когда та пряталась в кустах под окнами особняка Риттенбергов. По ее словам, Джон разрушил ее жизнь, в результате чего у нее развилась своего рода одержимость. Она также утверждает, что, преследуя супругов Риттенберг, не планировала причинять им физический вред...

Кровь грохочет в ушах. Пульс частит. Я продолжаю прокручивать на экране статьи. В одной из них сказано, что танцовщицу звали Шарлотта Уотерс, но среди друзей она была известна как Чарли. А вот и фотография... Чарли – довольно худая блондинка. Лицо усталое, в глазах – печаль. Я читаю дальше. «Ничего не было!» – заявил Риттенберг».

Эти слова звучат у меня в голове подобно резкому автомобильному сигналу.

«Эта женщина лжет, – сказал друг Джона Риттенберга Том Ганн, который был с ним на вечеринке в клубе «Кримсон». – Обычная вертихвостка из тех, что отираются вокруг знаменитостей. Я не верю, что она беременна, и не поверю, пока мне не предъявят неопровержимые доказательства. Дамочка захотела быстрой наживы, вот и выдумывает невесть что. А может, она вообще просто свихнулась».

Я нахожу еще одну статью.

Полиция подтвердила, что супруги Риттенберг отказались от всех обвинений в адрес женщины, которая якобы преследовала их на протяжении длительного времени. Адвокаты Джона Риттенберга заявили, что Шарлотта Уотерс в свою очередь забрала заявление, в котором обвиняла Джона Риттенберга в сексуальном насилии.

«Я приношу супругам Риттенберг свои извинения, – сообщила она в официальном письменном обращении, представленном ее адвокатом. – Это было недоразумение. Я ошиблась – я не подвергалась сексуальному насилию и не была беременна. Глубоко сожалею, если мои действия причинили супругам Риттенберг какой-то вред».

В отношении Шарлотты Уотерс был также издан судебный приказ, согласно которому ей запрещается приближаться к кому-либо из супругов Риттенберг. Кроме того, Шарлотта Уотерс согласилась пройти курс психотерапии. Адвокат Джона Риттенберга сообщает, что его клиент полностью удовлетворен решением суда и не намерен добиваться компенсации морального ущерба.

«Мы желаем Чарли всего наилучшего и надеемся, что она получит необходимую врачебную помощь», – написал в своем заявлении Джон

Риттенберг. В интервью «Сильвер Аспенз таймс» он также подтвердил, что ему искренне жаль мисс Уотерс. «Просто не представляю, что могло произойти в ее жизни, чтобы она решилась на такое. С другой стороны, она обвинила меня в том, чего я не совершал. Подобные поступки способны разрушить жизни многих людей».

Таймер на моих часах пронзительно сигналил, и я подскакиваю от неожиданности. Я дышу так часто, что у меня кружится голова. Несколько раз я моргаю. У меня такое чувство, словно я подобно кроту только что пробилась на поверхность земли. Я поспешно сохраняю в браузере ссылки на найденные статьи. А вот имя женщины-сталкера я уже сохранила в собственной памяти.

Шарлотта Уотерс. Для друзей – Чарли.

Дейзи

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

В бистро «Пи» Дейзи села за столик у глядевшего на улицу окна. Колени у нее дрожали, руки тряслись. Стул она развернула так, чтобы оказаться спиной к стене и лицом к входной двери: так ей казалось безопаснее. Кроме того, с этого места она могла наблюдать не только за другими посетителями, но и за каждым, кто приблизится к бистро по тротуару.

В ушах у нее звучали предупреждения Джона.

«Ты сама знаешь, что это *опасно...* Любой человек может использовать геолокацию, чтобы определить, где ты находишься в данный конкретный момент. И если ты публикуешь свое селфи из ресторана, то к тому моменту, когда тебе подадут заказ, твой сталкер уже может сидеть за соседним столиком».

Надо было позвонить Джону. Надо было рассказать ему о злобных комментариях к ее фото в Инстаграме. Но она не могла. Не сейчас. Не после того, как она получила гифку с Чаки.

Чаки знает, кто плохая мамочка. Чаки знает, что она натворила.

Нет, об этом она не может ему рассказать. Это был – и есть – ее секрет. Мрачный секрет, который лучше похоронить навсегда. Женам иногда приходится совершать подобные вещи, чтобы их семейная жизнь не пошла под откос.

Кроме того, если она хотя бы упомянет о злобных комментариях, Джон наверняка заставит ее ликвидировать аккаунт, а Дейзи была не в силах отказаться от тех маленьких радостей, на которые был так щедр Инстаграм. Что у нее тогда останется? Что она будет делать без ежедневных заходов на страничку, без лайков, «сердечек» и одобрения? Ей это нужно, нужно, нужно! Без этого она просто не сможет существовать, ее жизнь станет никчемной и одинокой. И пустой. Ну почему, почему она перестала быть похожей на ту Дейзи,

какой она была в школе? Что случилось с той острой на язык, крутой девчонкой? Она пропала бесследно или все же... И Дейзи мысленно вернулась к недавним событиям – она так удачно отбрила ту высокомерную дрянь из пентхауса за 6,7 миллиона. Это было чертовски приятно – Дейзи как будто воткнула суке нож в печень, да еще и провернула...

Колокольчик над входной дверью звякнул, и Дейзи вздрогнула от неожиданности. В зал вошла группа молодых людей – веселых, покрасневшихся, с взъерошенными от ветра волосами, в ярких шарфах. Их очевидная жизнерадостность почему-то расстроила ее – так расстраивают сухие опавшие листья, которые ветер несет по асфальту. Где же Ванесса?.. Дейзи посмотрела на часы. Она уже должна быть здесь!

Внимание Дейзи снова переключилось на других посетителей. Мужчины и женщины оживленно беседовали, жестикулировали, доверительно склонялись друг к другу. Кто-то смеялся, кто-то пил пряный тыквенный латте, кто-то ел овощной суп с душистым свежим хлебом. Какой-то мужчина сидел за столиком в одиночестве и читал газету. Дейзи пристально всмотрелась в его сутулую фигуру и почувствовала, как в душе шевельнулся страх.

«Здесь мне ничего не грозит, – быстро подумала она. – Я не писала в Инстаграме, что собираюсь сегодня в бистро. Или... писала?»

Она достала телефон, открыла страницу и сразу увидела тег: *#КоротаяВремяПередЛанчемВБистро*.

Этого хватило, чтобы она запаниковала. Она сообщила всему Инстаграму, что собирается в бистро. А всем ее подписчикам прекрасно известно, что это за бистро. Конечно же, это «Пи» – она сама много раз писала, как сильно ей здесь нравится. Ну что, допрыгалась? Получай, дура!

Не зная, что предпринять, Дейзи поспешно удалила утреннее селфи.

Колокольчик над входом снова звякнул, и внутрь вместе с порывом прохладного воздуха зашла розовощекая от холода Ванесса. Заметив Дейзи, она широко улыбнулась.

Дейзи почувствовала облегчение, которое пронзило ее словно молния. Ванесса, как и всегда, выглядела безупречно. Ее волосы, каштановые с осветленными прядями медового цвета, были красиво

уложены, платье сидело идеально, чего Дейзи никак не могла сказать о своей специальной одежде для беременных. На ногах у Ванессы были стильные ботинки на низком каблуке, а не купленные второпях дешевые кроссовки. Надо будет пробежаться по магазинам, решила Дейзи, найти какие-нибудь удобные сапожки приличного вида и избавиться наконец от этих уродцев.

– Извини, я немного задержалась, – сказала Ванесса, разматывая шарф и садясь на стул напротив Дейзи. Ее светло-карие глаза искрились весельем, но уже в следующую секунду она озабоченно прищурилась. – Что с тобой, Дез? Как ты себя чувствуешь?.. У тебя такой вид, будто... С ребенком все в порядке? Как прошло УЗИ? Что сказал врач?

Дейзи поправила волосы, борясь с желанием рассказать подруге о своих страхах.

– Все хорошо, – выдавила она наконец и неуверенно улыбнулась, но Ванессу трудно было провести. Ее взгляд остался все таким же острым и внимательным.

– Точно?

Дейзи кивнула.

– Ну ладно... так и быть, поверю. Ты уже сделала заказ?

– Я... я решила дождаться тебя. – Дейзи постаралась незаметно накрыть телефон лежащей на столе салфеткой. Ванесса проследила за ее рукой и снова посмотрела в глаза подруге.

– Я давно хотела попробовать тыквенный суп, – сказала она.

– Я не против, пусть будет суп, – согласилась Дейзи.

Ванесса снова окинула ее внимательным взглядом.

– Ты правда хорошо себя чувствуешь?

– Все нормально! – отрезала Дейзи, но тут же постаралась смягчить свои слова: – Просто я проголодалась, вот и все. – Она через силу усмехнулась. – Если честно, я все время хочу есть. А от голода просто зверею.

Ванесса жестом подозвала официантку. Они сделали заказ, к супу Дейзи попросила стакан воды. Как только официантка отошла, Ванесса подалась вперед и, понизив голос, спросила шепотом:

– Ну, что там у тебя? Выкладывай! Я же вижу – что-то случилось. Что-то с малышом?

Зажав в кулаке бриллиантовый кулон, Дейзи бросила взгляд за окно. Ей хотелось поскорее придумать своему состоянию правдоподобное объяснение, но ничего подходящего в голову не приходило. Под ложечкой у нее засосало еще сильнее, и Дейзи решила, что больше не может сдерживаться.

– Мне кажется, я схожу с ума! – выпалила она, ловя сочувственный взгляд Ванессы. – Постоянные перепады настроения... Я могу быть на седьмом небе от счастья, а через секунду впадаю в самое черное отчаяние. Я нервничаю, раздражаюсь, пугаюсь пустяков... иногда мне даже кажется, что у меня начинается паранойя. Температура скачет как бешеная, и все время хочется есть. Я чувствую себя уродливой, толстой, а кожа... у меня таких прыщей со средней школы не было! – Слезы заволокли ей глаза, размывая лицо Ванессы. – Только посмотри на меня! Я не в силах справиться с собой, не могу даже взять себя в руки... Остается только сидеть здесь и рыдать в голос над тарелкой с овощным супом!

Ванесса мягким движением накрыла ее ладонь своей.

– Все в порядке, Дейзи. Это нормально. Абсолютно нормально.

– Но у тебя же не так! Только посмотри на себя – ты выглядишь...

– Поверь мне, Дейзи, я тоже порой чувствую себя отвратительно. Я даже говорила об этом с моей гинекологиней, и она сказала, что это совершенно естественно. Во время беременности и даже в послеродовой период у многих женщин наблюдается расстройство когнитивных функций. Это так и называется – «мамнезия», – неофициально, конечно. А самые распространенные симптомы как раз забывчивость, нарушения памяти, неспособность сконцентрировать внимание, усиливающаяся рассеянность и даже трудности с чтением и письмом. А еще беременность может провоцировать появление беспричинных страхов и паранойи. Моя гинекологиня порекомендовала кое-какие статьи на эту тему; если хочешь, скину тебе ссылки.

Вернулась официантка, и обе женщины откинулись немного назад, пока та ставила на стол тарелки с супом и стакан с водой. Когда, пожелав им приятного аппетита, официантка удалилась, Ванесса сказала:

– Моя врач говорит, что таким способом женское тело готовится к материнству. Биологические процессы внутри него обеспечивают

будущему ребенку максимальную защиту, заставляя тебя отсекай все, что на данный момент ему не нужно или может повредить. В результате ты начинаешь бояться вещей, которые раньше тебя нисколько не пугали, но это необходимо только для того, чтобы гарантировать безопасность и ребенку, и тебе самой. – Ванесса рассмеялась. – Короче говоря, беременность буквально делает из нормальной женщины безмозглую трусливую стерву.

Дейзи неуверенно улыбнулась и взяла со стола ложку.

– В общем, на твоём месте я бы не особенно переживала. – Ванесса отпила глоток воды из стакана. – Это пройдет. И уже совсем скоро.

– Даже не знаю... – Дейзи рассеянно помешала суп, потом снова подняла голову. – Мне постоянно кажется, что за мной наблюдают, следят... Нет, нет, это не мнительность, – торопливо добавила она, видя, что Ванесса снова пытается возразить. – Я уверена, что так оно и есть!

– Что?!

Ну вот она и сделала это – высказала вслух то, о чем молчала. И теперь у нее не было другого выхода, кроме как идти до конца. Дейзи набрала полную грудь воздуха.

– Да! Кто-то наблюдает за нашим домом с улицы, которая проходит за задним двором. А когда мы позавчера были в парке на йоге, какой-то тип в черном следил за нами с дорожки.

– Я никого не видела.

– Зато я видела! И я уверена, что это был не просто прохожий. Он наблюдал за нами... за мной. А еще я получаю очень странные сообщения – они приходят с неизвестного номера, а потом исчезают. Я даже...

– Исчезают?

На лице Ванессы Дейзи разглядела сомнение.

– Ну знаешь, есть такие сообщения... самоликвидирующиеся. Их можно настроить так, чтобы они удалялись через определенный промежуток времени. А еще сегодня мне в Инстаграм прислали сразу несколько мерзких комментариев с угрозами.

– И что в них говорилось?

– В них говорилось... В общем, тот, кто их отправил, хочет, чтобы мой ребенок умер.

Ванесса побледнела.

– Можешь мне их показать?

– Я... я их стерла. Сразу же. Это получилось рефлекторно, рука сама нажала на нужную кнопку... А потом кто-то прислал мне в личные сообщения жуткую гифку.

– То есть ты не можешь выяснить, с какого аккаунта пришли все эти сообщения?

– Нет, если только этот... человек не пошлет мне что-то еще. Да, я знаю, мне нужно было их сохранить как доказательство... На случай, если я решу обратиться в полицию.

– То есть у тебя *ничего* нет?

– Ничего.

– Постарайся хотя бы вспомнить, что говорилось в этих комментариях.

– Ну, там было сказано, что я – никто, просто жена бывшего чемпиона. А в другом было написано, что за мной следят. Следят за каждым моим шагом.

– Тебе надо зайти в настройки, – сказала Ванесса авторитетным тоном, – и отключить комменты. И закрыть аккаунт для посторонних.

При мысли о том, что ей придется самой отсечь тот поток любви и одобрения, который ее так поддерживал, у Дейзи сжалось сердце.

– Это происходит не только в Сети, – сказала она. – Кто-то подсунул под дворник моей машины записку, в которой ссылался на мой ник в Инстаграме. Это значит, что человек, который шлет мне эти сообщения, здесь, в городе, – он знал, что в тот день я буду обставлять для просмотра квартиру в пентхаусе.

Ванесса испуганно вытаращила глаза.

– Боже мой! – прошептала она. – Тебе нужно сообщить об этом в полицию, Дез!

Дейзи тяжело вздохнула и, отвернувшись, стала смотреть на проходящих за окном людей. Лица, лица, лица, незнакомые, безымянные... И каждое могло принадлежать ее преследователю. У нее было уже больше восьми тысяч подписчиков, а тот, кто слал ей сообщения, мог и не входить в их число.

– С чем я пойду в полицию? Мне нечего им предъявить.

– Но у тебя же осталась эта записка!

Я слежу за тобой, @Дейзи_День_За_Днем.
Я знаю, кто ты такая.

Дейзи вдруг показалось, что ее сейчас вырвет. Меньше всего ей хотелось, чтобы в полиции ее начали расспрашивать о том, чем она могла навлечь на себя подобный интерес со стороны неизвестного лица.

– Послушай, – продолжала Ванесса, – в Интернете полно троллей. И если ты регулярно выходишь в Сеть, рано или поздно найдется кто-то, кому по какой-то причине захочется тебе досадить. Чем больше подписчиков, чем популярнее ты становишься, тем больше вероятность того, что кому-то захочется показать тебе твое место, подрезать тебе крылышки. Так уж устроены люди. И анонимность социальных сетей этому только способствует. Это все равно что «дорожное бешенство»... Человек за рулем может позволить себе самые дикие выходки, на какие никогда бы не отважился, окажись он лицом к лицу со своим оппонентом. А социальные медиа в этом плане еще хуже. – Она зачерпнула ложку оранжевого супа и аккуратно отправила в рот. – Может, тебе лучше удалить аккаунт в Инсте? Или вообще уйти из социальных сетей, у тебя ведь скоро будет ребенок. Многие вообще ничего не постыят о своих детях – из принципа. С точки зрения безопасности это и правда неплохое решение.

– Но это неправильно! – перебила Дейзи. – Я хочу сказать – так быть не должно. В Сети сотни тысяч профилей будущих матерей или матерей с младенцами. Они обсуждают проблемы беременности, трудности послеродового периода, грудное вскармливание, объединяются в группы взаимной поддержки и так далее. Где еще узнать, как лучше оборудовать детскую, поделиться рецептами, поговорить о красивой одежде для малыша, пожаловаться на трудности, выбрать послеродовую диету и упражнения... Я не понимаю, почему материнство должно быть таким трудным, пугающим, опасным. Не понимаю... – Дейзи вдруг осеклась, поняв, что ни за что не откажется от соцсетей. Ни при каких условиях. И ее просто бесит, что какой-то придурок пытается загнать ее в угол. Немного успокоившись, она добавила: – Я не позволю себя запугать. Я не сдамся.

Губы Ванессы изогнулись в улыбке.

– Нет, серьезно, пошли они все к черту! – Дейзи яростно погрузила ложку в густой комковатый суп. *P-раз! P-раз! Рука Чаки с ножом.*

Улыбка Ванессы стала шире.

– Вот это по-нашему! Молодцом, Дез, так держать!

Дейзи кивнула. Сердце ее все еще бешено стучало, а тревога не улеглась, но теперь она твердо верила в свою решимость не отступить.

– А Джону ты что-нибудь рассказывала?

– Нет. Ему вообще не нравится, что я провожу так много времени в киберпространстве. Если я расскажу ему про комментарии, он велит мне удалить аккаунт.

– Ох уж эти мужчины! – Ванесса закатила глаза.

– Вот именно. – Дейзи принялась за суп. Она чувствовала себя намного лучше. Некоторое время они болтали с Ванессой о разных пустяках, подшучивали над другими будущими мамочками, с которыми познакомились на йоге, обсуждали свои любимые бутики и критиковали новый ресторан, открывшийся в центре города. За непринужденными разговорами Дейзи стало казаться, будто все эти ужасы она себе просто навоображала.

– Ну а ты? – спросила она. – Почему тебя нет в соцсетях?

– Когда-то была, – сказала Ванесса, – но примерно год назад я удалила все аккаунты.

– Почему? Подготовка к беременности?

Ванесса глубоко вздохнула, отложила ложку и, аккуратно промокнув губы салфеткой, сказала, тщательно подбирая слова:

– Помнишь, я говорила, что Харуто работает в кибербезопасности? Недавно он подписал новый контракт с фирмой, которая базируется в Сингапуре. Это секретная правительственная работа, и Харуто боялся, что если кто-то наткнется на аккаунт его жены, это может скомпрометировать... его работу. И подвергнуть нас опасности. В общем, я не знаю точно... Как бы там ни было, мы решили, что будет лучше, если я уйду из Сети.

Дейзи приподняла брови. Временно забыв о своих собственных проблемах с инста-троллями, она спросила:

– Подвергнуть вас опасности? Ты имеешь в виду что-то вроде похищения или...

Ванесса неопределенно пожала плечами.

– Значит, твой Харуто работает на разведку или контрразведку?
Этим он занимается?

– Ну... что-то вроде того.

Дейзи почувствовала, как ее распирает любопытство.

– И он потребовал, чтобы ты удалила все свои странички в социальных сетях?

Щеки Ванессы покраснели. Она явно смутилась, и это еще больше разожгло интерес Дейзи.

– Так чем все-таки он занимается, твой Харуто?

Ванесса взмахнула рукой.

– Извини, но я не могу об этом говорить. О господи, ты только посмотри! Я сама не заметила, как съела весь суп. А ты говоришь, это *ты* голодная!.. Как насчет десерта?

Дейзи машинально взглянула на свой суп (в тарелке оставалось ложки две, не больше), но она все еще не наелась, поэтому при упоминании о десерте у нее потекли слюнки. Но еще сильнее было внезапное желание сходить в туалет – и срочно! (Это, кстати, было еще одним неудобством, связанным с беременностью: мочевой пузырь мог заявить о себе совершенно неожиданно, и когда это случалось, Дейзи приходилось вразвалку бежать в ближайшую уборную.) Извинившись, она встала и отправилась в дамскую комнату, а когда вернулась, то увидела, что телефон, который она забыла под салфеткой, лежит экраном вниз на противоположной стороне стола.

Усевшись на свое место, Дейзи испытующе посмотрела на подругу, потом взяла со стола телефон и убрала в сумочку.

– Официантка предложила забрать тарелки, – сказала Ванесса. – Я разрешила – просто не знала, будешь ли ты доедать суп.

«Наверное, это официантка передвинула мой телефон», – подумала Дейзи. Она как раз собиралась предложить Ванессе заказать по куску их любимого пирога, когда за окном появился какой-то мужчина в пальто. Остановившись на тротуаре прямо напротив их столика, он заглянул в стекло, и Ванесса негромко ахнула.

Дейзи повернулась к ней.

– Что? Что случилось?

– Харуто! – прошептала Ванесса, бледнея на глазах.

Поспешно сунув руку в сумочку, она выхватила оттуда бумажник, достала несколько купюр и бросила на стол.

– Я не знала, что уже так поздно... Я... я обещала встретиться с ним на улице после ланча... – С этими словами Ванесса отодвинула стул, собираясь встать, но тут дверь быстро распахнулась, и внутрь вошел плотно сбитый мужчина азиатского происхождения. Оглядевшись по сторонам, он остановил хмурый взгляд на Ванессе. Мужчина был не особенно высок ростом, но крепок и широкоплеч, а его мрачное лицо излучало такую властную уверенность, что казалось, будто все предметы в зале уменьшились в размерах. Все не все, но роскошная, уверенная в себе Ванесса сразу съежилась и потеряла весь свой лоск. Она засуетилась, чуть не уронив сумочку; Дейзи даже показалось, что ее подруга впала в самую настоящую панику.

Мужчина прошагал к их столику, и Ванесса, так и не успевшая полностью подняться, пробормотала, запинаясь:

– Харуто, я... я не ожидала...

– Опять потеряла счет времени, Ванесса, – констатировал Харуто. Голос у него был резкий, а застывшее лицо не выражало никаких эмоций. Дейзи заметила в его речи явный британский акцент.

– Я как раз собиралась уходить... Это моя подруга Дейзи Риттенберг. Я тебе о ней рассказывала. Мы познакомились на йоге. Мы...

Харуто небрежно кивнул Дейзи и схватил Ванессу за руку. Отнюдь не нежно сжимая ее запястье, он едва ли не силой заставил жену подняться.

Дейзи была потрясена.

– Рад был познакомиться с вами, Дейзи, – холодно отчеканил Харуто. – Идем, Ванесса. Нам пора.

Ванесса бросила на Дейзи растерянный и смущенный взгляд.

– Извини, Дез, но я... Мне действительно пора... – Она то ли попыталась хихикнуть, то ли поперхнулась. – Это все моя «мамнезия» – я правда забыла, во сколько должна была встретиться с Харуто. Я...

Не дожидаясь, пока она договорит, Харуто подтолкнул ее к двери, и они вместе вышли в холодный и ветреный день. Дверь за ними захлопнулась, но Дейзи видела в окно, как Харуто за руку тащит жену на другую сторону улицы и дальше по тротуару, над которым нависали ветки желтеющих деревьев.

Дейзи вдруг осознала, что сидит с широко открытым ртом, и поспешила его закрыть.

Поразительно! Ванесса казалась такой уверенной в себе, такой собранной и уравновешенной, такой независимой и хладнокровной, но стоило появиться этому мужчине, и она в один миг превратилась в трепещущую перед супругом домохозяйку.

Рот Дейзи наполнился горечью. Все это ей кое-что напомнило, и она почувствовала, как у нее портится настроение. Да, она сама была чем-то похожа на ту Ванессу, которую муж чуть ли не волоком тащил к двери. Дейзи прекрасно знала, каково это – иметь дело с рассерженным, властным, деспотичным мужем.

Может, подумала она, именно это и случилось с бойкой и самоуверенной старшеклассницей Дейзи Уэнтворт. Ее уничтожили годы собственного же брака. Ей всегда казалось, будто она держит их с мужем отношения под контролем, но, похоже, она заблуждалась. Похоже, она никогда и ничего не контролировала. Жизнь вдали от родителей, от друзей и подруг не позволяла ей увидеть, во что она превращается. Все ее старания, направленные на то, чтобы убедить Джона, будто ребенок и возвращение домой, в Ванкувер, непременно укрепят их семью, могли оказаться ошибкой. Или даже хуже – подсознательной мольбой о помощи, о безопасности.

В ушах Дейзи зазвучал первый, совсем еще тихий тревожный звоночек.

Дейзи

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

Расплатившись за обед и поздоровавшись с владельцем бистро Таем Бинти, который как раз вышел в зал из пекарни, Дейзи натянула куртку и, выйдя на улицу, не спеша направилась туда, где оставила свой «БМВ». Двигалась она в направлении, противоположном тому, куда пошли Харуто и Ванесса, однако странное поведение этой пары не шло у нее из головы. Мысленно Дейзи снова и снова вспоминала, как Харуто появился в бистро и как они с Ванессой уходили. Как он обращался с женой. Как сильно она испугалась. Дейзи совершенно не ожидала, что ее спокойная и изящная вопреки беременности подруга живет в постоянном страхе. Но ведь внешность часто бывает обманчивой и на самом деле может оказаться, что ее Ванесса не такая уж спокойная, уверенная и сильная.

Тут Дейзи поймала себя на том, что беспокоится за подругу.

Вот только как ей помочь? Может, ей как-нибудь навестить Ванессу у нее дома? Просто так, без приглашения... А что, хорошая мысль, подумала Дейзи, которую помимо тревоги за подругу снедало острое любопытство.

Но вот и «БМВ». Дейзи откинула с лица волосы, которые трепал холодный осенний ветер, и нажала кнопку на брелоке, отпирая замки. Через несколько секунд она уже сидела в безопасности салона, отделанного гладкой кожей цвета сливочного масла. Вставив ключ в замок зажигания, Дейзи запустила двигатель и вдруг увидела *это*. Еще одна записка. На этот раз – на переднем пассажирском сиденье.

Ну привет, Дейзи.

Записка *внутри*.

Сердце Дейзи бешено заколотилось о ребра.

Записка *внутри запертой* машины.

Ее телефон пискнул. Подскочив от страха, Дейзи достала гаджет из сумочки. Сообщение пришло по «Вотсапу», и опять – с неизвестного номера. В ушах у нее зашумело, руки крупно задрожали, но она все-таки сумела открыть сообщение.

Еще одна гифка. Чаки с окровавленным ножом. Подпись гласила:

Чаки уже ВНУТРИ.

Тик-так...

Время бежит...

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

– Знаешь, чего никогда не показывают по телику? – спросил Бенуа, втискиваясь на служебной машине без опознавательных знаков в плотный поток автомобилей на мосту Лайонс-Гейт.

– Думаю, ты сейчас мне это расскажешь, – отозвалась Мэл, набирая на телефоне сообщение мужу.

– Пробки! – с торжеством заявил Бенуа. – В кино полицейские преодолевают расстояние от пункта А до пункта Б за считанные минуты и находят место для парковки прямо напротив того места, куда едут. Киношные полицейские никогда не торчат в пробках по несколько часов.

Мэл рассмеялась, не переставая печатать.

Ты нашел лазанью?

Отправив сообщение, она стала ждать ответа. Дворники противно скрипели, размазывая дождевую воду по лобовому стеклу. На часах было пять вечера. Уже стемнело, и дождь разошелся вовсю. Стоявшая с утра ясная погода оказалась недолговечной, как часто бывало в этой части света в это время года.

– Все в порядке? – спросил Бенуа, бросив короткий взгляд на ее телефон.

Мэл сжала губы и кивнула. Питер до сих пор не ответил. Может, он снова нацепил наушники и не слышит сигнала телефона, а может, просто забыл включить мобильник. Или опять куда-то его засунул.

Подняв голову, Мэл посмотрела на черную, как чернила, воду залива Беррард. С моста едва виднелись сквозь завесу дождя зернохранилища заброшенного элеватора далеко внизу. Насколько она знала, этот район предназначался для нового жилищного строительства, но работы пока не начались. Потом Мэл обратила внимание на камеру наблюдения, укрепленную на одной из стоек моста. Эта камера, подумала она, настоящий друг полицейских. Уже

несколько раз простенькое устройство фиксировало самоубийц, которые пытались перелезть через ограждение моста, чтобы прыгнуть вниз. Благодаря этой камере полиции удалось спасти немало жизней.

– Питер чувствует себя все хуже, – призналась она наконец. – Вчера он снова не выключил плиту. Она проработала почти весь день. Просто счастье, что на огне не было сковородки с маслом или еще чего-нибудь. Он забывает или путает самые простые слова, а потом начинает злиться на себя и на того, с кем разговаривает. А это обычно я. – Мэл надолго замолчала, потом добавила: – В нем столько злости. Столько стыда. Для него это просто унижительно. Ведь он настоящий интеллеktуал, профессор судебной психологии... а теперь собственный мозг его подводит. Это очень... – Она не договорила.

– Сочувствую, Мэл.

Слезы, выступившие на глазах от слов напарника, удивили ее саму. Обычно она предпочитала не рассказывать коллегам о ранней деменции мужа, но Бенуа был в курсе: за годы службы они с Мэл стали достаточно близкими друзьями. Так бывает между людьми, которым приходится доверять друг другу собственную жизнь. Бенуа, в свою очередь, тоже был с Мэл достаточно откровенен, когда рассказывал о трудностях, с которыми он, как молодой отец, сталкивался регулярно. Впрочем, рассказами о бессонных ночах его откровенность не ограничивалась. Так Мэл узнала об ужасном детстве Бенуа в Конго: когда ему было семь, его похитили повстанцы – похитили и накачали наркотиками, чтобы сделать из него малолетнего солдата, а потом заставили убивать жителей его собственной деревни. Если бы не вмешательство сотрудника ганско-канадской неправительственной организации, Бенуа никогда бы не выбрался из плена самостоятельно. Но ему повезло. Сотрудник вывез его в Квебек для лечения, а потом передал на усыновление в порядочную семью. Если бы не этот парень, Бенуа давно бы погиб страшной смертью. Как ему удалось выжить, Мэл не расспрашивала, понимая, что подобный жизненный опыт навсегда оставляет шрамы. Порой ей даже казалось, что какая-то часть души ее напарника до сих пор живет среди мрачных кошмаров детства, от которых ему не избавиться до конца дней. Единственным спасением для него стала работа – как не раз говорил ей сам Бенуа, служба в полиции, борьба за справедливость помогала ему жить дальше. К тому же теперь у него была его жена Сэди и их

ребенок. Мэл искренне восхищалась этой семьей: Сэди родила совсем недавно, но уже вернулась к учебе и совсем скоро заочно окончит юридический факультет, а муж все это время исправно помогает ей заботиться о малыше.

Когда они наконец добрались до Пойнт-Грей и поехали по Четвертой улице, Бенуа воскликнул с показным энтузиазмом:

– Глядите, детектив, свободное место прямо напротив «Цветов Би»! Прямо как в кино!

Он мрачно хохотнул и ловко припарковался на свободном месте. Мэл, не сдержавшись, тоже улыбнулась, хотя ей было не до веселья.

Изображение пчелы на дверях цветочного магазина совпадало с логотипом на открытке, найденной в «Стеклянном доме». Оба детектива отметили это, прежде чем войти в магазин. Внутри было тепло и влажно и пахло как в оранжерее. С потолка свисали папоротники в горшочках, их длинные вайи опускались почти до уровня лица Мэл, а Бенуа, с его ростом, и вовсе пришлось нагибаться. Вдоль дальней стены выстроились стеклянные холодильные камеры, в которых виднелись свежесрезанные цветы всех цветов радуги. Из невидимых динамиков лилась классическая фортепьянная музыка, создавая спокойную, умиротворяющую атмосферу.

– В таком месте я могла бы жить, – шепнула напарнику Мэл.

Из-за прилавка им навстречу вышла женщина удивительной красоты. На вид ей было где-то под сорок. Темно-шоколадная кожа женщины была гладкой и блестящей, как шелк, длинные волосы с вплетенными в них тонкими серебряными проволочками были собраны в свисавший на спину хвост. На каждой руке болтались многочисленные серебряные браслеты. Никакого макияжа. Двигалась женщина как балерина – плавно, но уверенно, и Мэл невольно подумала, что никогда не была и никогда не сможет стать такой, как она. Рядом с такими женщинами она всегда чувствовала себя громоздкой и неуклюжей, как щенок лабрадора.

Детективы предъявили удостоверения и спросили у женщины, можно ли им переговорить с управляющим.

– Я – Би Джемисон. Хозяйка этого магазина. А в чем дело? – Взгляд Би перебежал с Мэл на ее напарника и обратно, причем каждый раз, когда она смотрела на Бенуа, в ее глазах вспыхивал огонек интереса. В том, что она не ошиблась, Мэл была уверена: за время

службы в полиции она провела сотни допросов и хорошо умела читать язык человеческого тела. Да, замеченный ею интерес Би Джемисон к Бенуа был очень хорошо спрятан, однако он, несомненно, присутствовал. Что ж, ему и карты в руки, решила Мэл. Пусть Бенуа ведет допрос – может, ему удастся узнать у этой женщины больше, чем его напарнице.

– Мы расследуем дело об исчезновении человека, – сказал Бенуа, – и надеемся, что вы сможете нам помочь.

Удачное начало, подумала Мэл. Помочь найти без вести пропавшего хочется каждому, но стоит упомянуть об убийстве или насилии, и свидетели начинают осторожничать.

Бенуа показал Би Джемисон найденную среди увядших цветов открытку, которую он сфотографировал на свой телефон.

Би слегка наклонилась, чтобы получше рассмотреть снимок.

– Эта открытка и букет были найдены на пороге одного из домов на Северном берегу. Не могли бы вы сказать, кто приобрел у вас эти цветы, если, конечно, букет был куплен именно у вас.

– Да, это наша композиция. – Би Джемисон показала на снимок. – Орхидеи дендробии, гипсофилы, японские анемоны, паучьи хризантемы и белокрыльник. Вчера я сама же и составила этот букет. А что случилось?

– Именно это мы и пытаемся выяснить.

– Но она... с ней все в порядке? Женщина, которая купила этот букет, – это *она* пропала? – В глазах Би появилась озабоченность. – Она в положении. Вам известно, что она в положении?..

Мэл почувствовала, будто по ее позвоночнику пробежал электрический разряд.

– Ее зовут Дейзи? – спросил Бенуа.

– Я... мы не имеем права разглашать личные данные клиентов.

– Мы можем вернуться к вам завтра уже с ордером, мисс Джемисон, – внушительно сказал Бенуа. – Но так мы потеряем драгоценное время... почти целый день. А для женщины, жизни которой может угрожать опасность, это слишком много.

– О господи, я... Конечно!.. Я понимаю. Да, ее зовут Дейзи. Она переехала в этот район в июле и часто к нам заходит.

– А у Дейзи есть фамилия, адрес, контактный телефон?

Би Джемисон внимательно взглянула на Бенуа, пытаясь оценить потенциальную опасность для своего предприятия.

– Да, конечно. Ее данные у меня в компьютере. Идемте, я вам покажу.

Би Джемисон быстро нашла в базе нужную информацию.

– Вот. Дейзи Риттенберг, живет в «Розовом коттедже», Третья Западная улица, номер 4357. Это в паре кварталов отсюда по направлению к побережью. Запишите ее мобильный телефон... – Она продиктовала Бенуа последовательность цифр.

Мэл и Бенуа поблагодарили хозяйку цветочного магазина и вышли на улицу. Там Мэл сказала:

– Быстро «Пи» вон там, наискосок через улицу. Может, заглянем туда, прежде чем отправимся на Третью Западную?

– Почему бы и нет? Раз уж мы все равно здесь...

И они зашагали по темному тротуару туда, где горела вывеска со значком «л». Колеса автомобилей шуршали по мокрому асфальту, на крышах и капотах блестели капли воды. Мэл достала телефон и набрала номер, полученный от Би Джемисон, но после нескольких гудков вызов переключился на голосовую почту:

«Привет, это Дейзи. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню».

Мэл дала отбой.

– Не отвечает, – сказала она Бенуа и позвонила в участок Луле.

– Капрал Гриффит, – раздался в трубке бодрый голос Лулы.

– Привет, Лу. Мне нужна любая информация о Дейзи Риттенберг из «Розового коттеджа», Третья Западная улица, номер 4357. Все, что ты сможешь найти. Сведения о судимости, семейное положение, место работы – словом, все. Мы сейчас едем на этот адрес.

– Это та самая Дейзи?

– Похоже на то.

– Понятно. Сделаю.

Мэл спрятала телефон в карман. Бенуа уже открывал двери быстро. Когда детективы вступили внутрь, над их головами звякнул колокольчик. В зале было тепло и уютно, в воздухе аппетитно пахло свежесдобленным хлебом, и Мэл почувствовала голод, хотя, перед тем как покинуть участок, проглотила внушительный кусок подсохшей пиццы.

– Местечко в самый раз для богатых веганов-йогаманов, – вполголоса заметил Бенуа, пока они пробирались между грубо сколоченных столиков в деревенском стиле к прилавку. Там детективы попросили позвать управляющего, и через полминуты из дверей пекарни вышел мужчина лет тридцати пяти – не по сезону загорелый, подтянутый и мускулистый, с выгоревшими на солнце волосами песочного цвета. Под фартуком на нем была вылинявшая футболка с длинными рукавами, на которой красовалось изображение доски для серфинга и название небольшого прибрежного городка в Мексике.

– Тай Бинти, – представился он, вытирая тряпкой испачканные в муке руки. Тряпку он сунул в карман фартука. – Чем могу быть полезен?

Мэл предъявила удостоверение и объяснила, что они расследуют дело о без вести пропавшем человеке и им нужно установить личность посетителя, который купил вчера пирог с ягодами.

Тай Бинти удивленно приподнял брови.

– Мой пирог оказался уликой? Хорошо хоть не орудием преступления!

Мэл и Бенуа промолчали.

– Нет, вы серьезно? Мой чернично-ежевичный пирог фигурирует в полицейском расследовании? Поверить не могу!

– С чего вы взяли, что речь идет о чернично-ежевичном пироге? – сухо спросила Мэл, мысленно представив себе густую пурпурную лужу на бетонном крыльце перед дверью «Стеклянного дома».

– Это единственный вид пирогов с ягодами, который мы сейчас печем. Да и то по предзаказу.

– А не заказывала ли такой пирог беременная женщина? – спросила Мэл. – Вчера где-то во второй половине дня?

– Вы имеете в виду Дейзи? Что с ней? Она не... с ней что-то случилось?

Его беспокойство выглядело вполне искренним, но Мэл все равно нахмурилась.

– Вы, похоже, совершенно уверены, что речь идет о Дейзи, – сказала она.

– Вчера был последний день октября, Хеллоуин, и мы без передышки пекли торты, пироги и прочее с *тыквой*, – объяснил Бинти. – Дейзи позвонила заранее, чтобы заказать наш фирменный

пирог с чернично-ежевичной начинкой. И дело не только в Хеллоуине – такие пироги всегда заказывают заранее, потому что мы печем их с настоящими лесными ягодами – никакой заморозки, – а у поставщиков они не всегда бывают. Так что...

– Значит, вы знаете Дейзи? – спросил Бенуа.

– Дейзи Риттенберг? Конечно, знаю. Она заходит минимум раз в неделю, чтобы пообедать или выпить чаю с десертом. Чаще всего с Дейзи приходит ее подруга Ванесса – она тоже в положении. Несколько раз с ними были и другие женщины, которые занимаются йогой для беременных. Если погода хорошая, занятия проходят на лужайке в парке через дорогу, а если идет дождь, они занимаются в зале в квартале отсюда. Вчера Дейзи пришла за заказом уже ближе к вечеру. Это было в половине шестого или около того... – Бинти ненадолго задумался, потом спросил: – Так что случилось? С Дейзи все в порядке?

– Не могу вам сказать. В данный момент мы пытаемся установить ее местонахождение.

– Она замужем за Джоном Риттенбергом.

– Вы произнесли это имя так, словно мы должны его знать, – сказала Мэл.

– Простите, я все время забываю, что не все обожают зимние виды спорта. Джон Риттенберг – олимпийский чемпион по скоростному спуску и слалому. В 2002 году на зимней Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити он принес Канаде две золотые медали. Болельщики прозвали его Берг-Бомба. Он вырос неподалеку отсюда – в поселке на склоне гор Норт-Шор. В тех краях его считают – или считали – местной легендой. Джон ходил в ту же школу, что и я. Мы, младшеклассники, все мечтали стать такими, как он. Джон притягивал девчонок как магнит и устраивал просто улетные вечеринки у себя дома или на базе горнолыжной команды в Уистлере. Пару раз ситуация вышла из-под контроля, и пришлось вмешаться полиции, чтобы немного утихомирить тусовщиков. А потом Джон женился на Дейзи Уэнтворт – она из тех самых Уэнтвортов, которые владеют горнолыжными курортами и полями для гольфа по всему миру. Это ее отец, Лабден Уэнтворт, основал компанию «Терра Уэст». Дейзи говорила мне, что Джон теперь работает в штаб-квартире «Терры» в центре города. До этого они жили в Колорадо, Джон управлял там

курортом «Сильвер Аспенз», но когда Дейзи забеременела, ей захотелось быть поближе к родителям, и они переехали в Ванкувер... – Он снова немного помолчал. – Пожалуйста, скажите, что с ней.

Мэл покачала головой.

– Мы сами пока не уверены. Возможно, все в порядке. На данном этапе расследования нельзя ничего сказать точно – мы пока только собираем информацию. Спасибо, мистер Бинти, вы нам очень помогли. Кстати, вы, случайно, не знаете фамилию этой Ванессы – беременной подруги Дейзи?

– Знаю. – Бинти кивнул. – Ее фамилия Норт. Ванесса Норт.

Дневник

Ветер обрывает листья с деревьев и свистит в ветвях. Я сворачиваю на подъездную дорожку дома Риттенбергов.

Я выгружаю из машины пылесос и все остальное, захожу в дом и почти бегом поднимаюсь на второй этаж. Тяжело дыша, я захожу в главную ванную комнату. Все еще думая о Чарли Уотерс, я открываю корзину для грязного белья.

Каждая такая корзина имеет особенный запах – запах человеческого тела, к которому примешиваются ароматы шампуня, лосьона, дезодоранта, духов. Сейчас мне в ноздри бьет запах Дейзи и Джона. В голове у меня что-то неблагозвучно стучит, пока я торопливо обшариваю карманы одежды в поисках предметов, которые не должны попасть в стиральную машину. В ушах у меня раздаётся хриплый хохот, и на мгновение я замираю.

Воспоминания... Запах разбудил воспоминания, и я снова слышу заглушающие хохот обрывки музыки. Эти звуки поднимаются откуда-то из глубины, из самого темного уголка моей памяти, где они были заперты словно в банковском хранилище с толстой дверью. Старые, когда-то популярные мелодии. Громкие голоса, которые кажутся такими знакомыми... Снова хохот, глумливый, издевательский, поощрительный. Мои руки начинают трястись, и я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом лезу в карман фартука и достаю пластинку жевательной резинки с корицей. Довольно острая штука, почище перца. Я отправляю жвачку в рот. Резкий вкус обжигает мне нёбо и язык, прочищает мозги. Теперь я могу сосредоточиться. Я жую, жую, жую, а мои руки собирают белье в охапку. Я несу его вниз, где стоит стиральная машина.

Загрузив белье в барабан, я включаю машину и иду в кухню. На завтрак у Риттенбергов опять были яйца. В воздухе висит жирный запах пережаренного бекона, от которого меня начинает подташнивать: вот уже десять лет я строго придерживаюсь веганской диеты. Споласкиваю тарелки и ставлю их в посудомоечную машину. Я стараюсь не смотреть в ту сторону, где в гостиной висят

на стене огромные фотопортреты Берга-Бомбы, но все равно чувствую, что они здесь. Они притягивают меня как магнит. Можно подумать, сам Джон, золотой бог скоростного спуска, стоит там во плоти и дразнит меня. Посмотри на меня, Кит! Посмотри скорее! Разве в твоём школьном шкафчике не висела моя фотография, маленькая толстая Катарина Говнович? Вот же я, смотри на меня, смотри!..

Чувствуя, как покалывает кожу от прилива крови, я хватаю большой нож для мяса и начинаю яростно мыть его под струей воды. Мои глаза прикованы к лезвию – острому, сверкающему лезвию. Я представляю, как рука Дейзи или Джона сжимает эту рукоятку, когда он или она что-то режут или разделяют. Когда они... Нет, к черту! Я больше не могу сдерживаться.

Я поднимаю голову и смотрю на фотографии рядом с камином. Пальцы сами собой стискивают рукоять ножа. Я представляю, как я кромсаю, полобую, режу проклятые фото. Ах ты!.. Черт, я порезалась. Этого только не хватало.

Я спешу в ванную, нахожу коробочку с пластырями и заклеиваю палец. Несколько капель крови падают в раковину, и я смываю их водой, которая на несколько секунд становится розовой. Я смотрю, как она утекает в слив, и мои мысли становятся все мрачнее. Я попалась. Надо было позвонить Холли и отказаться от этой работы. Со всех ног бежать из «Розового коттеджа». Но я не смогла побороть искушения, я открыла крышку ящика Пандоры, и теперь одному только богу известно, что меня ждет. Бежать поздно. Я лечу в пропасть, и спасти меня никому.

Немного успокоившись, я начинаю вытирать пыль, пылесосить, приводить комнаты в порядок. У входной двери валяются ботинки Джона, и я открываю стенной шкаф в прихожей, чтобы их убрать. В шкафу на вешалках аккуратно висят куртки и шарфы, стоит корзина с теплыми зимними перчатками. На специальных крючках на дверце я вижу запасные автомобильные ключи. Судя по брелокам, Риттенберги ездят на «ауди» и «БМВ». Это я запоминаю. Я собираю все сведения, которые могут мне пригодиться. Собираю и запоминаю.

Когда я поднимаюсь вверх, чтобы пропылесосить кабинет Джона, то неожиданно для себя натываюсь на золотую жилу. Подумать только, мне даже стараться не пришлось!

Я чистила ковер, торопливо водя щеткой пылесоса по жемчужно-серому ворсу, и случайно задела бедром рабочий стол. От толчка неожиданно включился монитор стоявшего на нем компьютера. На несколько секунд я невольно замерла, чувствуя, как бешено стучит в висках кровь. На экране компьютера я увидела «вертушку смерти». Похоже, Джон хотел выключить компьютер или перевести его в спящий режим, но система по какой-то причине зависла – то ли в очереди печати застряло какое-то задание, то ли к компу попыталось подсоединиться блютуз-устройство, то ли оказался поврежден какой-то системный файл. Собственно говоря, причина не имела большого значения – для меня. Мне важно было другое...

Мое сердце бешено стучит. Я медленно сажусь за рабочий стол Джона.

На экране я вижу его рабочий календарь на месяц – все его расписанные по дням встречи, переговоры, другие дела. Чувствуя, как нарастает во мне охотничий азарт, я пробегаю взглядом по его заметкам. На ближайшие дни у Джона запланировано несколько деловых встреч, партия в гольф, визит к зубному и поездка в автосервис для текущего обслуживания «ауди». Вся его жизнь на ближайший месяц расписана по часам. Для меня это все равно что полная сокровищ пещера Аладдина.

Я беру в руки мышку и открываю «Поиск файлов». Раздается звонок, и я подпрыгиваю от страха, но потом до меня доходит, что это сигналит стиральная машина. Я смотрю на часы. Мне нужно спешить вниз, чтобы переложить выстиранное белье в сушилку. Черт! Времени остается всего ничего, а мне нужно не только как следует пошарить в компьютере Джона, но и закончить уборку до того, как вернется Дейзи Риттенберг.

И все же, прежде чем перевести компьютер в спящий режим, я вывожу на экран список недавно измененных папок и документов и почти сразу натываюсь на то, что мне нужно.

Это же надо быть таким глупышом!

В папке «Личное» я обнаруживаю документ в формате «Эксель», который называется... Да, дорогой Дневник, именно так. Он называется «ПРЛИ». Хочешь верь, хочешь нет, но многие люди держат в своем компьютере файлы именно с таким названием. Они

совершенно искренне полагают, что в их уютных и безопасных домах и квартирах их личным данным ничто угрожает. Эти наивные люди абсолютно уверены, что никто не сунет нос в их сокровенные тайны, пока эти тайны хранятся в их персональных компьютерах.

Как бы не так.

Я открываю файл.

В электронной таблице в алфавитном порядке собраны ключи ко всей цифровой жизни Джона. Здесь есть и пароли к его аккаунтам на «Дропбокс» и «Нетфликс», и к «Эпл-Ай-Ди», и даже пароль к этому самому компьютеру.

Мне срочно нужна флешка. Полцарства за самую обыкновенную дешевую флешку, на которую я могла бы скопировать файл с паролями!

Но флешки под рукой нет.

Я смотрю на принтер. Может быть, распечатать список?

Мало времени, к тому же у меня появляется идея получше.

Я открываю браузер «Сафари», захожу в свою электронную почту и отправляю на нее копию файла с компьютера Джона, а потом тщательно вычищаю последние строки в истории поиска. Ну вот, готово! Во рту у меня сухо, горло першит, кожу покалывают тысячи невидимых иголок, но мне плевать. Драгоценный ключ к пещере Аладдина у меня. «Сезам, откройся!» Теперь я смогу получить доступ к рабочему столу и содержимому жесткого диска в любое время. Я смогу узнать, где именно Джон Риттенберг будет в любой из грядущих дней, если только он не поленится внести соответствующие записи в свой рабочий календарь. Я смогу даже посылать с его номера текстовые сообщения и совершать телефонные звонки.

Я перевожу комп в спящий режим.

Обливаясь потом, я заканчиваю пылесосить ковер, вытаскиваю «Дайсон» в коридор, оправляю фартук и в последний раз окидываю кабинет внимательным взглядом. Кажется, все в порядке: комната выглядит точно так же, как и до моего прихода, разве что теперь она значительно чище.

Я закрываю дверь и спускаюсь вниз.

Джон

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

Сидя за своим столом в офисе «Терры Уэст», Джон все крутил и крутил в пальцах оставленную Генри визитку. Во рту у него было сухо, голова трещала с похмелья, но даже если бы он чувствовал себя нормально, вряд ли ему удалось бы сосредоточиться на текущей работе. Единственное, о чем он был способен думать сейчас, это об Ахмеде Вахиде, чей кабинет со стеклянной стеной находился почти напротив его собственного.

Оторвавшись от созерцания визитки, Джон поднял голову и поглядел на Ахмеда. Пока он смотрел, в кабинет Вахида вошла Анна Симм – секретарша из главной приемной корпорации. В руках она держала небольшой поднос, на котором исходила паром кружка с горячим кофе. Вот она подошла к столу Вахида, и тот поднял голову. Красное платье Анны так плотно облегало ее соблазнительные формы, что казалось нарисованным прямо на теле. Ставя кружку перед Вахидом, секретарша игривым жестом убрала с лица прядь волос. Вахид что-то сказал, и Анна рассмеялась, запрокинув голову. Смеялась она так, словно услышала что-то по-настоящему смешное – смешнее чего она в жизни не слыхивала. Джон еще никогда не видел, чтобы секретарша смеялась так весело и искренне.

Жаркая ненависть растеклась по его жилам. Пальцы быстрее завертели визитную карточку. Джон терпеть не мог проигрывать. Если пост административного директора нового курорта в итоге достанется не ему, а этому чернозадому, размышлял он, это будет означать, что и возня с возвращением домой, и эпопея с ребенком – все впустую. Нет, проиграть – не вариант! Он будет бороться до конца. До *победного* конца.

Джон снова посмотрел на Вахида. На вид тому было тридцать с небольшим, может, даже меньше. В любом случае этот субъект был слишком молод, чтобы эффективно управлять новеньким всесезонным

горнолыжным курортом мирового класса. У него нет и не может быть ни соответствующего опыта, ни достаточных знаний. Хотя тут дело вовсе и не в опыте или квалификации: фирме понадобился красивый фасад. Политкорректный фасад. Да одного только взгляда на этого Вахида достаточно, чтобы понять: парень не в состоянии поддерживать в порядке не то что курорт – собственную прическу! Посмотреть только на эти блестящие, черные, волнистые патлы, свисающие чуть не до плеч! Мода?.. Нет, обыкновенная неряшливость! И непрофессионализм. У парня такой вид, будто он только что выбрался из постели после жаркого секса.

А борода? Возможно, она делает его неотразимым в глазах девиц вроде Анны, но что скажут клиенты, когда приедут на курорт и увидят это, с позволения сказать, украшение? Кроме того, Вахид носил очки в круглой оправе, которые придавали ему псевдоинтеллектуальный вид, но Джону казалось, что они делают его похожим на сову.

Позер чертов, подумал он с досадой. И что только находят в нем все офисные секретарши, которые так и вьются вокруг парня?

Джон снова подумал о Мии Райтер – знойной банкирше, которая выскользнула вчера у него из рук, на которых один из пальцев стискивало обручальное кольцо. Интересно, как бы все повернулось, если бы вчера он пошел за ней, а не стоял столбом, глядя ей вслед.

Джон стиснул зубы. Кровь в его жилах вскипела, дыхание сделалось глубоким и частым. Он снова посмотрел на карточку, которую держал в руке, в сотый раз перечитал напечатанный на ней текст:

«Частные расследования Престопа».

Так.

Он положил карточку на стол перед собой, достал из кейса ноутбук и включил его. В строке браузера Джон набрал указанный на карточке сетевой адрес, и на экране открылась домашняя страница «Частных расследований». Движущийся баннер в верхней части сайта гласил: «Быстрые результаты. Любые виды расследований. Полная конфиденциальность».

Джон прокрутил страницу вниз.

«Внебрачные связи, супружеская неверность, адюльтер, прелюбодеяние, измена, промискуитет – подобная терминология способна вызвать стресс у каждого, кто подозревает близкого человека

в неподобающем поведении. Но, как это ни называй, статистика гласит, что супружеская неверность распространена гораздо шире, чем полагает большинство. И та же статистика утверждает, что, к сожалению, зародившиеся у одного из супругов подозрения чаще всего находят свое подтверждение».

Джон поднял голову и еще раз взглянул сквозь прозрачные стены на своего соперника. Ахмед Вахид сосредоточенно работал на компьютере.

«...Способна вызвать стресс».

Совершенно верно: само существование Ахмеда Вахида вызывало у Джона сильнейший стресс.

«Что, если удастся разоблачить какую-нибудь его интрижку или что-нибудь похуже?» – подумал он.

«...Специализируется на подобных вещах. Он бывший коп и прекрасно знает свое дело. Когда позвонишь, спроси Джейка».

Интересно, подумал Джон, какую работу этот «Джейк» выполнял для Генри и когда?

Анна Симм вышла из кабинета Вахида и продефилировала по коридору. На Джона она даже не поглядела, не говоря уже о том, чтобы принести ему кофе или хотя бы улыбнуться.

Джон скрипнул зубами и повернулся вместе с креслом так, чтобы оказаться спиной к стеклянной стене. Достав мобильник, он набрал номер «Частных расследований». На том конце линии трубку взяла женщина, и Джон попросил соединить его с Джейком. Спустя несколько секунд он услышал хриплый мужской голос:

– Джейк Престон у аппарата.

Джон слегка откашлялся.

– Я... меня зовут Джон... Мне порекомендовал вас Генри Клей.

– Чем могу быть вам полезен, Джон?

Украдкой обернувшись через плечо, Джон в общих чертах обрисовал ситуацию: у него есть конкурент, претендующий на нечто такое, что по праву принадлежит ему, Джону.

– Мне хотелось бы знать, можно ли что-нибудь с этим сделать, – закончил он.

– То есть вам нужен компромат? Грязные подробности, которые вы могли бы использовать для устранения соперника?

Слова, которые выбрал экс-полицейский, на мгновение выбили Джона из колеи. Он вдруг резко понял, во что ввязывается, и эта затея показалась ему настолько неприглядной, что он прикусил губу.

– Послушайте, Джон-не-знаю-как-вас-на-самом-деле... Если мы договоримся о сотрудничестве, вам придется иметь в виду одну вещь: деликатничать я не умею, да и не хочу. Я привык называть вещи своими именами, поскольку это, во-первых, позволяет избежать недоразумений и недопонимания, а во-вторых, помогает мне не выходить за рамки закона. Если вы, к примеру, делаете вид, будто хотите нанять меня для одного, а на самом деле имеете в виду другое...

– Да, – перебил Джон. – Да, мне нужны грязные подробности. Компромат. Любая информация, чтобы опорочить человека, который нацелился на мое место.

– О'кей, – медленно проговорил Джейк. – Это как раз одна из моих специальностей... Если такая информация существует, я ее раскопаю. Но прежде чем мы начнем сотрудничать... Могу я прислать вам по электронной почте образец нашего договора и прейскурант на услуги или вы хотели бы обсудить эти вопросы при личной встрече?

– Я бы предпочел личную встречу.

– Отлично. Как насчет сегодняшнего вечера?

Джон сглотнул. На мгновение он почувствовал себя так, словно снова стоит на старте на вершине горы, уперев палки в снег и подавшись всем корпусом вперед. Стоит ему наклониться чуть сильнее, и возврата уже не будет – он полетит вниз по склону в облаке снежинок и свисте ветра и не остановится, пока не достигнет подножия. Так было раньше, но сейчас ему нужно точно знать, действительно ли это именно то, чего он хочет. А еще ему нужна победа. Ради этого Джон был готов на все, даже на нечестную игру. На грязные приемчики. Ничего страшного он в этом не видел: в большом спорте так поступали все, и Берг-Бомба не был исключением.

– Я живу в Пойнт-Грей, а работаю в центре Ванкувера, – сказал он.

– Знаете, где Джерико-бич?

– Да, разумеется. Меня это устраивает.

– О'кей, Джон. Встретимся на парковке Джерико-бич. От вас мне нужно имя объекта разработки, а также любая информация о нем,

которая может быть мне полезна. Адрес, возраст, пол, хобби, сексуальные предпочтения, сведения о семье, о детях, родителях, близких. Кто его друзья? Где они собираются? Его любимый паб, тренажерный зал, клуб... Пьет ли он, принимает ли наркотики, ходит ли в церковь...

– В мечеть, – машинально поправил Джон. – Если Вахид религиозен, то он ходит в мечеть.

На том конце линии возникла пауза, потом:

– О'кей. – Еще одна пауза. – Если у объекта имеются особые политические воззрения или идеологические установки, это нам тоже на руку. Словом, чем больше личной информации вы сумеете собрать, тем лучше. Я буду ждать вас на парковке Джерико-бич в половине седьмого. Вас это устроит?

– Да, вполне, – отозвался Джон. Мысленно он уже прикидывал, как ему залезть в базу данных отдела кадров. Оттуда он сможет скачать все, что есть у компании на Ахмеда Вахида, и составить из этого своего рода досье, которое он возьмет с собой, когда рабочий день закончится. С Джейком он встретится по пути домой – парковка Джерико-бич сравнительно недалеко от «Розового коттеджа».

– Я буду в светло-голубой «тойоте камри», – сказал Джейк. – Это достаточно распространенная марка, на них никто не обращает внимания. Незаметность – наше кредо. – И, не попрощавшись, детектив дал отбой.

Некоторое время Джон сидел неподвижно, сжимая в потных руках молчаливый телефон. Сердце его все еще билось учащенно, но на губах появилась легкая улыбка. Он снова чувствовал себя человеком, у которого в руках реальные рычаги. Он принял меры. Начал действовать. Берг-Бомба, которого пробудила от спячки Миа, расправил плечи и напряжинил мускулы. Воодушевленный разговором с детективом, Джон решил отыскать в Интернете Мию Райтер.

Поиск выдал несколько женщин с таким именем, но ни одна из них не была похожа на *его* Мию. Ну и ладно, подумал Джон. Его место рядом с Дейзи и ребенком. Он все еще гордился тем, что вчера вечером не дал себе волю и не последовал за знойной банкиршей. И вообще, в ближайшее время ему никак нельзя терять контроль над собой, тем более – из-за какой-то юбки. Лишиться еще и Дейзи в дополнение к вполне реальной возможности остаться без повышения в «Терре Уэст»

было бы недопустимо. В конце концов, Дейзи и ребенок связывают его с деньгами Уэнтвортов. А если Лабден или Аннабель пронюхают, что он ходит налево, ему конец. Они затаскают его по судам и обернут до нитки. Для него это не вариант, а раз так, нужно вести себя по-умному и не попадаться. Нет, не просто не попадаться – он не должен давать Уэнтвортам ни малейшего повода для подозрений. И тогда все будет так, как ему хочется.

Приняв такое решение, Джон сразу же подумал о том, что утром обошелся с Дейзи не лучшим образом. Ничего страшного, после встречи с Джейком он купит ей розы у Би и заранее предупредит, чтобы об ужине она не беспокоилась – он закажет что-нибудь навынос.

В десять минут седьмого Джон выехал из подземного гаража и влился в плотное городское движение. Рядом с ним на пассажирском сиденье лежала плотная желтая папка с подробным досье на Ахмеда Вахида.

Человек с фотоаппаратом

Когда «ауди» Риттенберга появился из подземного гаража офиса «Терры Уэст», фотограф в машине на противоположной стороне улицы завел мотор и поехал следом, держась за две машины от объекта преследования. Уже стемнело, и он был уверен, что Риттенберг его не заметит. Фотоаппарат лежал наготове на переднем пассажирском сиденье.

В половине седьмого «ауди» Риттенберга свернул на парковку рядом с пляжем Джерико-бич и остановился у низкого бетонного здания, где располагались пункт проката, душевые и уборные. Фотограф занял позицию на улице, тянувшейся вдоль парковки, где его машину скрывала густая тень еще не облетевшего дерева. Заглушив мотор, он повернулся к окну и стал наблюдать за «ауди».

Через пару минут на парковке появилась светло-голубая «тойота камри», которая остановилась рядом с «ауди». Водительская дверца распахнулась, и из «тойоты» выбрался коренастый мужчина с заметным брюшком. Его лысая голова блестела в свете горевших на парковке фонарей. Подойдя к передней пассажирской дверце «ауди», мужчина открыл ее и сел в салон.

Фотограф поднял фотоаппарат и выставил объектив в открытое окно.

Щелк-щелк-щелк!

Дверца «ауди» закрылась, и фотограф, опустив фотоаппарат на колени, приготовился к ожиданию.

Спустя семь минут лысый мужчина выбрался из «ауди». В руках он держал большой коричневатый конверт, и фотограф сделал еще несколько снимков, постаравшись, чтобы в кадр попали и мужчина, и номерной знак «ауди».

Лысый толстяк сел обратно в «тойоту» и отъехал, но фотограф успел зафиксировать и его номера.

Несколько секунд он колебался, не зная, то ли ему дождаться, пока парковку покинет Риттенберг, и проследить за ним, то ли поехать за лысым. Когда «тойота» приблизилась, фотограф сполз по сиденью как можно ниже, стараясь, чтобы его не было видно снаружи. Как

только машина проехала мимо, он снова сел прямо, завел мотор и поехал за ней вдоль скудно освещенной улицы.

Голубая «тойота» привела его к небольшому стрип-моллу^[11] в Бернаби. Там она остановилась на стоянке напротив прачечной самообслуживания. Лысый вышел из салона и направился к неприметной двери между прачечной и вьетнамской закусочной.

Фотограф ждал. В прачечной было всего два посетителя. Клиенты входили и выходили из дверей закусочной, но лысый мужчина не появлялся. В 19:52 фотограф заметил, что в окне над прачечной зажегся свет. Выскользнув из машины, он осторожно приблизился к неприметной двери. Судя по прикрепленной к ней табличке, наверху находились студия бальных танцев, ремонт обуви и детективное агентство «Частные расследования Престопа».

Фотограф улыбнулся. Значит, Риттенберг нанял частного детектива!

Вернувшись к своей машине, он включил телефон и зашел на сайт «Частных расследований».

«Внебрачная связь, супружеская неверность, адюльтер, прелюбодеяние, измена, промискуитет – подобная терминология способна вызвать стресс у каждого, кто подозревает близкого человека в неподобающем поведении...»

Риттенберг подозревает жену в «неподобающем поведении»? Или в чем-то похуже?

Фотограф ждал еще долго, притаившись в темном салоне своего автомобиля. Начался дождь. Из дверей никто не появлялся. В конце концов он завел мотор и поехал домой. По дороге он думал о Джоне Риттенберге.

Человек может казаться обыкновенным, даже благополучным, но стоит немного поскрести фасад, и под слоем глянца обязательно отыщется какой-то грязный секрет.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Когда в поисках Дейзи Мэл и Бенуа приехали к «Розовому коттеджу», на подъездной дорожке стоял темно-серый «ауди». Остановившись позади него, детективы переглянулись. Фары их машины освещали номерной знак авто, но он был до того забрызган грязью, что разобрать цифры и буквы на нем не представлялось возможным.

Детективы уже собирались выйти из машины, когда у Мэл зазвонил телефон. На экране высветился знакомый номер. Лула.

– Привет, Лу. Подожди секундочку, я включу громкую связь, чтобы Бен тоже слышал... Ну, что там у тебя?

– Похоже, к судебной ответственности ни Дейзи Риттенберг, ни ее муж Джон не привлекались. Если судить по фотографиям, которые нам удалось найти, внешность супругов совпадает с полученным от Бьюлы Браун описанием таинственной пары, приехавшей в «Стеклянный дом» на сером «ауди». Мы продолжаем копать, но кое-что интересное уже нашлось. Риттенберги из «Розового коттеджа» входят в число клиентов Кит Дарлинг – нам прислали расписание из клининговой фирмы «Помощь Холли». – Лула ненадолго замолчала, сверяясь с документом. – Вот, нашла... В последний раз Дарлинг убиралась в «Розовом коттедже» 27 октября – за четыре дня до происшествия в «Стеклянном доме». Больше туда она не ездила.

– Почему? Риттенберги разорвали договор? – уточнила Мэл.

– Нет. Как утверждает Холли Магуайр, Дарлинг сама попросила освободить ее от работы в «Розовом коттедже». Она ссылалась на «накладки с рабочим графиком». По словам Магуайр, подобная просьба со стороны Дарлинг была довольно необычной, но она пошла ей навстречу, так как Кит – одна из ее лучших работниц. Она трудится в фирме уже больше восьми лет и за все это время еще ни разу не отказывалась обслуживать клиентов. Магуайр считает, что Риттенберги чем-то обидели Дарлинг, но, когда она стала

расспрашивать о подробностях, та отказалась что-либо говорить. Чтобы не потерять клиентов, Магуайр направила в «Розовый коттедж» другую девушку, которая приступила к работе 28 октября.

Мэл бросила быстрый взгляд на Бенуа. Похоже, у них появилась еще одна ниточка, связывавшая Кит Дарлинг и Дейзи Риттенберг. Кит убиралась в коттедже Дейзи. Обе оказались в «Стеклянном доме» в канун Дня Всех Святых. И обе бесследно исчезли.

Поблагодарив Лулу, Мэл дала отбой, после чего они с Бенуа вышли из машины. Новая информация придала обоим решимости. В сгустившейся тьме прокричал портовый гудок. Мелкий холодный дождь и не думал униматься.

– Покрышки в грязи, как и номера, – заметил Бенуа, когда они проходили мимо «ауди». Мэл в ответ только кивнула и, поднявшись на крыльцо, постучала в дверь.

– Что-то не очень похоже на коттедж, – пробормотал Бенуа себе под нос.

В доме вспыхнул свет. За полупрозрачной стеклянной панелью сбоку от входа Мэл уловила какое-то движение, но открывать никто не спешил.

Мэл снова забарабанила по двери кулаком, а Бенуа несколько раз нажал на кнопку электрического звонка.

– Откройте, полиция! – крикнул он. – Есть кто-нибудь дома? Открывайте!

Наконец замок щелкнул, и дверь медленно приоткрылась. На пороге стоял высокий, атлетически сложенный мужчина лет сорока или немного старше. Глаза у него припухли и покраснели, на щеке и шее алели свежие царапины. Он был босиком, в пижамных штанах и грязном свитере. От мужчины сильно пахло виски, да и стоял он то ли придерживая дверь, то ли держась за нее. На руке у него Мэл увидела бинт с проступившими сквозь ткань кровавыми пятнами. Мужчина слегка наклонил растрепанную голову вбок, словно пытаясь сфокусировать на пришельцах взгляд.

– Мистер Риттенберг?

– А вы кто?

– Я – сержант Мэллори ван Альст, а это мой напарник капрал Бенуа Салуму. Мы хотели бы задать вам и вашей супруге несколько вопросов.

По лицу мужчины скользнуло выражение сильного испуга, почти паники.

– Насчет чего?

– Дейзи Риттенберг здесь? Вы ее муж?

Он вздрогнул, словно собираясь броситься наутек, и Мэл приготовилась к захвату. Бенуа позади нее сделал то же самое, сдвинувшись чуть вправо.

– Да, я Джон Риттенберг.

– Ваша жена дома, сэр?

– Нет.

– Где мы можем ее найти?

– Она уехала.

По телу Мэл пробежала легкая дрожь.

– Уехала? Куда?

– Откуда мне знать? Собрала вещи и уехала. Я ей звонил, но она не отвечает.

– Можем мы войти, мистер Риттенберг?

– Зачем?

– Мы должны убедиться, что вашей жены здесь нет.

– Я же вам сказал – Дейзи уехала. В чем вообще тут дело?

– При каких обстоятельствах вы поранили лицо и руку, сэр?

Джон Риттенберг машинально спрятал забинтованную руку за спину.

– Это вас не касается.

– Ваша жена знакома с Ванессой и Харуто Норт? – спросила Мэл.

Джон Риттенберг побледнел, на скулах вздулись желваки. На вопрос он не ответил, но Мэл видела, как он борется с опьянением, пытаясь что-то придумать.

– Будьте добры, отвечайте на вопрос, сэр, – подал голос Бенуа.

– А вам-то какое дело?

– Мы расследуем исчезновение человека на Северном берегу, – спокойно сказала Мэл. – И у нас есть основания полагать, что вы и ваша жена можете нам в этом помочь. Вы не против, если мы войдем?

Джон Риттенберг прищурился и крепче вцепился в дверь. Казалось, он почти протрезвел. Он собрался, напряг мускулы и сделал непроницаемое лицо, словно отгораживаясь от детективов невидимой стеной. Сглотнув, он проговорил медленно и отчетливо:

– Мне очень жаль, друзья, но своей жене я не сторож. Я не слежу за каждым ее шагом и не знаю, где она может быть в данный момент.

– Насколько нам известно, сэр, ваша жена находится на поздних сроках беременности. Ей и ребенку может угрожать опасность, поэтому крайне важно, чтобы...

Джон начал закрывать дверь, но Мэл помешала ему, выставив вперед ногу. Она прекрасно понимала, что вплотную приблизилась к границе, переступить которую без ордера не стоило, однако сейчас ее одолевало беспокойство за здоровье жены и еще не родившегося ребенка этого типа.

– Это ваша машина стоит на подъездной дорожке?

Джон Риттенберг смерил детектива мрачным взглядом, но ничего не сказал.

– Вы ездили на этой машине вчера вечером в особняк «Нортвью», также известный под названием «Стеклянный дом», которым владеют Ванесса и Харуто Норт?

Он попытался закрыть дверь, но Мэл крепче уперлась в косяк башмаком.

– Кто убирает в вашем доме, мистер Риттенберг? – наседала она.

– А это-то тут при чем? – удивился он, казалось, совершенно искренне.

– Вы пользуетесь услугами клининговой фирмы «Помощь Холли», верно? – спросил Бенуа.

Риттенберг перевел взгляд на чернокожего полицейского, и на его лице появилось неприязненное выражение.

– Я не в курсе. Этими вопросами занимается моя жена.

– Вы знакомы с Кит Дарлинг – уборщицей из этой фирмы? – снова спросил Бенуа.

Не отрывая взгляда от его лица, Риттенберг выругался.

– Вы что, человеческого языка не понимаете? Я же только что вам сказал – клининг заказывает моя жена Дейзи, но я сомневаюсь, что даже она знает по именам всех, кто приходит сюда мыть и пылесосить. В дни уборки Дейзи всегда старается куда-нибудь уехать. А теперь уберите свое копыто и дайте мне закрыть дверь!

– Мистер Риттенберг, – проговорила Мэл очень спокойно, – когда вчера в шесть часов и пятнадцать минут пополудни вы и ваша жена приехали в дом Нортов на этом «ауди» – с букетом, купленным в

магазине «Цветы Би», и ягодным пирогом из бистро «Пи», – видели ли вы на дорожке перед «Стеклянным домом» желтый «субару кросстрек» с логотипом «Помощь Холли» на дверце?

– Никаких других машин там не было.

– Значит, вы подтверждаете, что побывали в особняке Нортов?

– Знаете что, валите отсюда, или я вас по судам затаскаю. Это частная собственность, и вы здесь незаконно. Если у вас остались вопросы, раздобудьте сначала ордер или сразу обратитесь к моему адвокату.

Мэл убрала ногу и отступила на полшага назад.

– Нам нужно знать, где находится ваша...

Но Джон Риттенберг уже захлопнул дверь.

Щелкнул замок.

Мэл обернулась к Бенуа. Тот сосредоточенно хмурился, взгляд его был неподвижен и словно обращен внутрь. Мэл не сомневалась: напарник – как и она сама – думает о ноже, найденном на дне бассейна, о брызгах крови на стенах гостиной «Стеклянного дома», свидетельствовавших об отчаянной борьбе, и о свежих царапинах на лице и руке Джона Риттенберга.

– Надо поскорее найти его жену, – заметила Мэл.

– А еще эту уборщицу, Кит, – поддакнул Бенуа.

Джон

1 ноября 2019 г. Пятница

Из окна детской на втором этаже Джон смотрел, как полицейские идут от крыльца к своей машине. Сердце его билось часто и неровно, кровь шумела в ушах. Усилием воли он попытался прогнать хмель и собраться, но безуспешно. Паника стискивала его горло железными пальцами, руки тряслись, по спине и по лицу стекал холодный пот.

«Сосредоточься! Нужно сосредоточиться!»

Продолжая одним глазом следить за легавыми, которые задержались возле его «ауди», Джон набрал номер Дейзи, но она не ответила, и после нескольких гудков телефон переключился на голосовую почту:

«Привет, это Дейзи! Оставьте сообщение, и я вам перезвоню».

– Дейзи, ради бога, ответь! Позвони мне! Позвони, пожалуйста. Это важно! Нам нужно поговорить!

Пока он записывал сообщение, полицейские включили фонарики и начали обходить «ауди» кругом. Вот они наклонились, чтобы рассмотреть грязные покрышки и номерной знак. Женщина вытерла его салфеткой и сфотографировала на телефон.

Джон тем временем поспешно набирал номер своего адвоката.

Дневник

Сегодня я убираюсь в роскошной квартире в многоэтажном кондоминиуме, расположенном в модном районе Йельтаун, сплошь застроенном сверкающими высотными башнями из стекла и бетона. Смешно: столько людей живут в стеклянных коробках друг над другом, фактически на голове у соседей. Насколько я знаю, квартира используется для краткосрочной сдачи туристам. Таких квартир, которые сдаются буквально на пару ночей, в реестре Холли десятка полтора.

На этот раз мне везет. Последний постоялец – одинокий мужчина, который только что съехал, – в квартире только спал, брился и принимал душ. Возможно – бизнесмен, приехавший в Ванкувер по делам на один-два дня. Никаких следов яростного секса, как в предыдущий раз. Никаких пустых бутылок из-под виски и пива. Никакой кокаиновой пыли на стеклянных столиках, никаких использованных презервативов и вибраторов с севшими батарейками. А на прошлой неделе я даже нашла под кроватью пару наручников с мягкой подкладкой.

Я отдергиваю занавески, впуская в квартиру бледный солнечный свет. На противоположной стороне улицы мигает неоновая вывеска клуба под названием «Кабаре Люкс». Новая модная точка. Не понимаю, как этот пульсирующий круглые сутки розовый неоновый свет не сводит с ума обитателей стеклянных квартир.

Перестилая постель, я думаю о своей вчерашней работе в «Стеклянном доме» и о том, как я застучала Хортон Брауна, который следил за мной из-за живой изгороди через окно спальни, где я пылесосила. При мысли об этом я слегка вздрагиваю. Станный тип этот Хортон, от него у меня мурашки бегут по всему телу.

Но я запрещаю себе думать об этом и быстро заканчиваю уборку. У меня остается немного свободного времени, и я сажусь за столик у окна, чтобы набросать кое-какие мысли.

Давненько я ничего в тебе не писала, дорогой Дневник. Вообще-то, я даже хотела тебя забросить. И на последний сеанс с

психоаналитичкой не пошла. Наверное, я просто боюсь – она подтвердит то, что я знаю и так: сама того не замечая, я оказалась в опасности. Опасность грозит и моей психике, и мне самой – живому человеческому существу, которое запросто может стать мертвым человеческим существом. Проще говоря – трупом. Наверное, даже то, что я хотела перестать вести дневник, указывает, что я вплотную подошла к чему-то, что мое подсознание предпочитает от меня скрывать.

Вчера вечером я поговорила с Шарлоттой Уотерс. Для друзей – Чарли.

Найти ее оказалось довольно легко. Я просто позвонила в «Кримсон» – ночной клуб, который упоминался в «Сильвер Аспенз таймс». Чарли все еще работает там – совсем как я все еще работаю у Холли. Такие девушки, как я и она, отличаются своего рода постоянством. Мы предпочитаем оставаться там, куда определило нас общество, и не лезем выше.

Разумеется, управляющий клуба ее телефон мне не дал, но посоветовал перезвонить – может, мне повезет и я попаду на смену Чарли.

За последние дни я звонила в «Кримсон» раз сто, и в конце концов мне действительно повезло.

Вот как все было, дорогой Дневник...

Когда Шарлотту Уотерс позвали к телефону, я сказала, что раньше работала у Джона Риттенберга и у меня есть причины считать, что она может мне помочь.

Шарлотта мгновенно насторожилась. Ничего удивительного. На ее месте я бы тоже насторожилась.

«Я прочла про вас в газете, – проговорила я самым доверительным тоном. – Такие девушки, как мы с вами, должны держаться заодно и помогать друг другу. Понимаете, что я имею в виду?»

Некоторое время она молчала. На заднем плане я слышала музыку. Голоса. Смех.

«Как, вы говорите, вас зовут?»

На этот раз молчу я. Мне не хочется говорить правду, но не хочется и лгать. Наконец я слегка откашливаюсь.

«Меня зовут Катарина Попович, но обычно меня зовут просто Кит. По мужу я – Дарлинг, но мы давно в разводе».

Я не представлялась как Катарина Попович вот уже много лет, и сейчас это имя, произнесенное вслух, действует на меня странно. Мне кажется, внутри меня что-то меняется, словно та, старая Катарина стремится занять побольше места в моей душе, слиться с новой, более счастливой Кит. Похоже, что, пробуждая от сна Катарину, я совершаю большую ошибку. Я боюсь, что с этого момента ничего уже не будет как раньше, что именно здесь моя точка невозврата. Это мой последний редут, на котором я умру, но не сдамся. Когда я попала в дом Джона Риттенберга, когда увидела эти его огромные фотопортреты, на которых он несется с горы прямо на меня, все изменилось, перевернулось с ног на голову. Теперь об отступлении не может быть и речи. Я понимаю это подсознательно. Повернуть назад я не смогу, даже если захочу.

«Кит?» – повторяет Чарли Уотерс мое имя, и я чувствую, что колесики у нее в голове крутятся с удвоенной скоростью. Она пытается понять, кто я такая и что мне нужно. Но трубку не кладет, и я решаю, что это хороший знак.

«У меня мало времени, – добавляет она. – Я тут вышла на перекур, так что давайте покороче, если можно».

Ага, ей стало любопытно! Этого-то мне и нужно. Она может принять любое решение, но для меня важно другое. Я хочу, чтобы она меня выслушала и ответила на мои вопросы. Может, в этот раз она откажется говорить откровенно, но никто не мешает мне повторить попытку позже, когда Чарли как следует обдумает наш разговор.

«Понимаете, Чарли... можно мне называть вас Чарли?..»

«Меня все так называют».

«Так вот, я тут наткнулась в Интернете на статью, которая вышла где-то год назад, там говорилось, что Джон Риттенберг обвинял вас в преследовании – якобы вы следили за ним и его женой. Вы же заявили, что он подмешал вам в коктейль наркотики и изнасиловал, в результате чего вы забеременели. Но заявление вы подали только после того, как вас задержали на участке Риттенбергов и предъявили обвинение в причинении беспокойства. Позже все обвинения против вас были сняты, и вы тоже отозвали

иск, заявив, что оклеветали Риттенберга. В газете упоминалось, что после этого вы согласились пройти курс психотерапии. Я хотела бы узнать, что произошло на самом деле».

«Охренеть! Что вам от меня нужно? Зачем вам это? Прошло больше года! Вы журналистка? Это она вас на меня натравила?»

Мое сердце забилося вдвое быстрее.

«Кто это – «она»?»

Тишина на линии.

Чарли Уотерс вот-вот повесит трубку.

«Послушайте, Чарли, я вам верю! – быстро говорю я. – Я верю: то, что вы говорили сначала, и есть правда. Да, вы отказались от своих слов, но... у вас наверняка были на это причины, и от этого правда не перестает быть правдой!»

Мне вдруг становится страшно. Мой голос несколько раз срывается, но отступить уже поздно.

«Я не журналистка, Чарли, я... О'кей, да, я немного приврала. Я не работала у Риттенбергов, я работаю у них сейчас. Я уборщица, убираюсь у них в доме и... – Я останавливаюсь, чтобы перевести дух. Чарли молчит, но я уверена, она внимательно слушает. – И мне очень нужна помощь, потому что я... Я знаю, что он уже делал подобное раньше. И, похоже, не раз. После того как я наткнулась на ту статью, я поняла, что в этом не одинока».

После очень долгой паузы Чарли спрашивает:

«Он с вами тоже что-то сделал?»

На этот раз молчу я.

«Кит? Вы там? С вами все в порядке?»

«Нет, – шепчу я чуть слышно. – Не думаю... Я... мне просто нужно было с кем-то поговорить. Я догадывалась, что он уже не раз совершал что-то подобное, но теперь я не знаю, как мне поступить. Я боюсь, что если я пожалуюсь, он поступит со мной так же, как с вами: обольет грязью и подаст в суд...»

«Откуда мне знать, что вы та, за кого себя выдаете? Почему я должна вам верить?»

«Вы не должны мне верить, просто мне не к кому больше обратиться. Простите. Это было глупо. Я...»

«Постойте! – Я слышу, как Чарли бранится вполголоса. – Я готова вам поверить, но... Даже если бы я захотела вам все

рассказать, я не могу. Вы знаете, что такое «правило кляпа»? Я подписала соглашение о неразкрытии сведений, касающихся обстоятельств дела. Его подписали обе стороны».

Сердце бешено колотится у меня в груди, а на лбу выступает пот. Я попала точно в яблочко! Я не ошиблась!

«Соглашение о неразглашении? СОН? Вас заставили его подписать?»

«Я не могу об этом говорить, Кит, поймите. Я взяла у них деньги и подписала бумаги. Это все, что я имею право вам сказать».

Я делаю глубокий вдох, стараясь справиться с возбуждением.

«Хорошо, – говорю я как можно мягче. – Я сама расскажу, как все было... Вам ничего не надо подтверждать, только выслушайте меня. И если я где-то ошибусь, можете просто положить трубку. Ну как, договорились?»

В трубке я слышу, как кто-то зовет Чарли по имени.

«Мой перерыв почти закончился. Мне пора идти».

«Постойте, не уходите! Еще буквально секундочку! Вы... Скажите, что случилось с вашим ребенком. Вы сказали, что забеременели от Риттенберга, и я вам верю. Но ребенок... вас заставили от него избавиться? Это было частью сделки? Скажите, Джон заплатил вам, чтобы вы сделали аборт и отозвали иск, а за это он отказался от обвинения в причинении беспокойства? Я правильно все поняла? Этот говнюк искалечил вам жизнь, а потом, наверное, еще и сказал, мол, «ничего не было»? Так все было, Чарли?»

Чарли на другом конце линии яростно выругалась. Я слышала, как она откашливается и сморкается.

«Я понимаю, почему вы следили за ним. Правда понимаю. Такие вещи могут свести с ума. А этот грязный трюк с подсыпанным в бокал наркотиком... После такого перестаешь доверять собственной памяти – особенно если у тебя нет никакой поддержки. Но вы этого не заслуживаете. Ни одна женщина такого не заслуживает».

«Не знаю, та ли вы, за кого себя выдаете, или нет, – очень тихо произносит Чарли, – но одну вещь я все-таки могу вам сказать... Это были не его адвокаты. Это были ее адвокаты. Это она все устроила».

«В смысле? Кто – она?»

Чарли со свистом втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

«Это она заставила меня подписать соглашение о неразглашении. Джон Риттенберг ничего не знал. Нет, он знал, что он меня изнасиловал, но насчет беременности... Скорее всего, он до сих пор считает, что беременность я выдумала. Она об этом позаботилась. Ей нужно было как следует замести следы, и она сделала это, потому что заботилась о своей репутации и о репутации своей семьи. Сначала она пыталась запугать меня, чтобы я избавилась от... Черт!.. Если вы проболтаетесь, Кит, у меня будут большие неприятности, но я все равно скажу... В договоре об этом не было ни слова, про это даже ее адвокаты не в курсе...»

«О чем вы?»

«Сначала она хотела меня запугать. Она терроризировала меня, как будто хотела свести с ума. Она пугала меня, присылала гифки, на которых кукла Чаки размахивает окровавленным ножом. Писала мне сообщения: «Это вовсе не игра – умереть тебе пора. Пусть твой ребенок сдохнет, тварь!» – Чарли немного помолчала. – В общем, Кит, я не знаю, что там у вас с Риттенбергом, но будьте осторожны. Да, он говнюк, но, по большому счету, он ничем не хуже и не лучше большинства мужчин – обычный самовлюбленный самец с раздутым эго. А вот его жена Дейзи – она действительно опасна».

Дейзи

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

Дейзи готовила простой, но вкусный ужин из рыбы, которую купила на рынке по дороге домой после ланча с Ванессой. Примерно час назад ей позвонил Джон. Он предложил захватить что-нибудь из еды навынос, но Дейзи ответила, что лучше приготовит ужин сама – ей совсем не трудно. Обычно она и правда получала удовольствие от простых, хорошо знакомых действий, но сегодня ее ум блуждал где-то далеко. Разогревая масло в сковородке, она снова и снова возвращалась мыслями к записке внутри *запертой* машины.

Никаких признаков взлома Дейзи не заметила. И она была совершенно уверена, что, когда нажала кнопку на брелоке, замки открылись, щелкнув механизмом, а значит, до этого машина была заперта. Единственным, у кого имелись ключи от ее машины, был Джон, но он не стал бы действовать ей на нервы таким способом. Это совершенно точно. Или нет?.. Нет, решила Дейзи, Джон тут ни при чем. Но тогда... как? Наверное, она все-таки забыла запереть машину и кто-то этим воспользовался. Но откуда этот кто-то знал, что она оставила машину рядом с бистро? Сама виновата, подумала Дейзи, вспоминая оставленный в Инстаграме тег *#КоротаяВремяПередЛанчемВБистро*. Похоже, один из сетевых троллей увидел его до того, как она удалила пост, – и вот результат.

Что же получается? Кто-то из хейтеров следит за ней *не только в Сети?*

Масло на сковороде вспыхнуло и зачадило, и Дейзи отшатнулась. Черт!.. Обмотав руку полотенцем, она составила сковороду с плиты. Ну и вонища, подумала она, выливая испорченное масло в раковину. Теперь придется все начинать сначала.

Пока на новой сковороде разогревалась новая порция масла, Дейзи решила временно воздержаться от публикации постов в Инстаграме. А еще было бы неплохо изменить настройки

конфиденциальности, ограничить доступ к аккаунту. Может, тогда тролли оставят ее в покое.

Она выжала в масло лимон, попробовала на вкус... и снова обо всем забыла, вернувшись в мыслях к зловещей гифке с Чаки.

Вот что действовало ей на нервы *по-настоящему*.

Чаки.

Только один человек в мире знал, что значит для Дейзи кукольный киногерой.

Впрочем, это могло быть и совпадением. С годами Чаки превратился из ужастика в мем. Несколько распространенных вариантов гиф-анимаций с куклой-убийцей широко использовались для указания на какие-то неприятные или пугающие обстоятельства, но мало кто воспринимал их всерьез. За исключением Дейзи. Ее чувство вины превратило пластмассового Чаки в реального монстра.

Это ерунда, мысленно твердила она себе. Ерунда. Совпадение. Все будет хорошо. Жаль только, что нельзя рассказать об этом Джону. Да, пусть это ерунда, но в социальные сети ей пока лучше не заходить. Надо вести себя как Ванесса.

Дейзи подумала о подруге и ее муже. Ее неприятно удивило, как грубо Харуто схватил Ванессу за руку, как потащил ее за собой. Она была совершенно уверена, что в глазах подруги промелькнул самый настоящий страх. В чем же тут дело?

Дейзи вылила готовый лимонно-масляный соус в тарелку и поставила ее на подогреватель, потом вынула из подставки самый острый нож, собираясь разделывать рыбу. Отделяя от нежной розовой мякоти скользкую серую кожицу, Дейзи решила, что при первом же удобном случае поговорит с Ванессой о Харуто. Разумеется, сделать это нужно будет как можно деликатнее, не напрямую, чтобы подруга не подумала, будто она сует нос в ее личную жизнь.

Негромко напевая себе под нос, Дейзи принялась вынимать из мякоти тонкие рыбьи косточки.

Для начала надо будет поделиться с Ванессой чем-нибудь глубоко личным, каким-нибудь секретом. Если Ванесса поймет, что она, Дейзи, способна на откровенность, ей захочется ответить тем же. Тогда-то и нужно будет исподволь натолкнуть ее на разговор о муже.

На подъездной дорожке заурчал мотор «ауди», вспыхнули фонари системы безопасности, и Дейзи почувствовала, как ее сердце забилось

чуть чаще. Поспешно отложив нож, она вытерла руки, зажгла заранее приготовленные свечи и включила негромкую музыку – мелодичный джаз-модерн. На секунду Дейзи задумалась, не перестаралась ли она – меньше всего ей хотелось, чтобы Джон снова обвинил ее в том, что она приготовила ужин не для него, а для Инстаграма, но для рефлексии времени не оставалось, и она быстро выложила рыбное филе на сковороду. Вино уже охлаждалось в ведерке со льдом. Разумеется, оно предназначалось для Джона; сама Дейзи отказалась от спиртного, как только узнала, что беременна.

Джон вошел в кухню, прижимая к груди сегодняшнюю почту, свой рабочий кейс и огромный букет красных роз. Дейзи обожала розы. Именно поэтому она и настояла на том, чтобы сохранить название «Розовый коттедж», хотя после перестройки и модернизации на коттедж их дом походил меньше всего.

Джон свалил почту на стол, поцеловал Дейзи в щеку и вручил букет.

– Пахнет чертовски вкусно, дорогая. Что это?.. Рыба? Очень кстати – я голоден как волк.

Он улыбнулся ей этой своей очаровательной улыбкой, и Дейзи почувствовала, как у нее сразу стало спокойнее на душе. Джон положил ладонь на ее живот.

– Как там наш мужичок?

– Пинается как футболист. – Дейзи сняла с полки вазу и наполнила ее водой, чтобы поставить цветы. Джон тем временем отнес кейс к себе в кабинет и вернулся. Без галстука, с закатанными до локтей рукавами рубашки, он выглядел умиротворенным, и Дейзи невольно подумала, что ей очень приятно снова видеть его таким – вот бы так было всегда. И все-таки что-то уж слишком он спокоен, промелькнуло вдруг в голове у Дейзи.

Она поставила на стол тарелки, а Джон открыл вино. Попробовав рыбное филе, он одобрительно замычал. Дейзи все ждала, что за ужином муж затронет большую тему – повышение, – но Джон молчал. Она же, в свою очередь, решила, что не будет проявлять инициативу и заговаривать об этом первой.

С каждым глотком вина Джон, казалось, чувствовал себя все более комфортно и расслабленно. Наконец он сказал:

– Утром я сорвался, Дез. Извини. – Он снова наполнил бокал. – То, что Генри рассказал мне насчет Вахида, сильно меня задело, мне нужно было выпустить пар. Переварить эту новость. Возможно, ты права... Возможно, сейчас Вахид действительно кажется совету директоров наиболее подходящим кандидатом на новую должность, но у меня есть еще несколько недель, чтобы доказать, что я – еще лучше. Мне нужно проявить себя, чтобы они увидели: я – единственный подходящий человек для этого места. – Он сделал глоток вина, и его глаза заблестели ярче.

Слова Джона не шли ни в какое сравнение с тем, что он говорил сегодня утром, но Дейзи постаралась скрыть свое удивление и только гадала, что могло измениться за то время, пока он был на работе. И вновь в ее душе шевельнулись смутные подозрения. Джон что-то задумал.

– Ты точно не хочешь, чтобы я поговорила с папой? – спросила она. – Да, я знаю, что он больше не член совета, но он мог бы...

– Нет. – Джон вытер губы салфеткой и решительным жестом положил ее обратно на стол. – В руководстве корпорации появилось несколько новых лиц, и мне хотелось бы заручиться их поддержкой. Я хочу честно заслужить это назначение, доказать, что я – единственный человек, который способен управлять новым курортом так, чтобы он приносил прибыль.

– Даже если ты не получишь это место, Джон, это еще не конец света. Главное, что мы снова дома, рядом с родителями. Здесь появится на свет наш ребенок. И если ты по-прежнему будешь работать в центральном офисе... В общем, я хотела сказать, что это место никуда от тебя не денется. А когда родится Крошка-Горошка, тогда и будем думать, что делать дальше.

Глаза Джона сердито сверкнули, и Дейзи поняла, что совершила ошибку. Не стоило ей лишний раз напоминать мужу о том, что возжеленное повышение может и не состояться. Такой вариант развития событий он совершенно точно не рассматривал. Проигрывать Джон не умел. Он был настроен только на победу – совсем как в те времена, когда еще катался на лыжах. Выходя на старт, Джон хотел только одного – золота. Никаких компромиссов, никаких уступок, никаких запасных вариантов. Все или ничего – таков был Джон

Риттенберг, Берг-Бомба, олимпийский чемпион и золотой бог скоростного спуска.

– Я думаю... – начал Джон. – Нет, я *уверен*, что мистер Лабден будет только рад, если его обожаемая «принцесса Дейзи» останется дома, чтобы он мог...

– Джон, пожалуйста, не начинай! – перебила она. – Давай не будем об этом.

Он потянулся к бутылке, налил себе вина почти до краев.

– Но ведь это правда. – Он поставил бутылку обратно на стол и сделал большой глоток. – Может, за нашим возвращением в Ванкувер стоит коварный папочка Уэнтворт?

Приоткрыв рот, Дейзи во все глаза уставилась на мужа. За окнами пронесся порыв ветра, и в оконное стекло застучали ветки деревьев.

– Глупости! – проговорила она негромко.

– Почему же?.. – Джон ткнул в ее сторону бокалом. – У тебя самой все на лице написано. Даже ты допускаешь, что это возможно. Наверное, придумала все мамочка Уэнтворт... Может, никто и не собирался назначать меня на должность директора. Может, твои родители просто хотели вернуть дочь и внука домой, а от меня – избавиться.

– Но зачем им это?!

Джон помрачнел, и Дейзи почувствовала, как участился ее пульс. Конечно, она прекрасно знала, что отец любит манипулировать людьми, держать их под контролем, но... Он бы никогда не поступил так с собственной дочерью и зятем. Или?..

– Просто они любят тебя, Дейзи. Это факт. А еще Уэнтворты любят получать то, что им хочется. Они владеют вещами и управляют людьми – так и живут... Но вдруг после событий в Колорадо они решили, что я не очень-то подхожу для их дочурки, для их любимой *принцессы*? Зря ты все им рассказала...

– Только не сваливай все на меня, Джон. Это и так попало в новости, да и в Сильвер Аспенз не найдется ни одного человека, который не был бы в курсе. Мама и папа все равно бы узнали об этой психованной сталкерше, поэтому я решила рассказать им обо всем сама, чтобы представить события в правильном ключе и смягчить удар. Да и вообще, эта история уже почти забылась. Сейчас люди помнят только о том, что та женщина была психически больна, что она

просто хотела привлечь к себе внимание. Поэтому она и выбрала тебя, известного человека, которого можно было подставить... В конце концов, она сама в этом призналась, когда полиция взяла ее за бока.

Джон некоторое время смотрел ей прямо в глаза, но в конце концов все же решил отступить. Он отвел взгляд и улыбнулся, но в его улыбке было что-то волчье.

– Извини. Просто разговор с Генри заставил меня задуматься. Ахмеда Вахида перевели в штаб-квартиру всего две недели назад, так что, похоже, у руководства был четкий план. Как будто все было решено заранее. Ладно... Пожалуй, даже хорошо, что Лабден вышел в отставку: мне не хочется, чтобы кто-то подумал, будто я получил это место только потому, что я женат на его дочери. – Он поднялся, легко поцеловал Дейзи в макушку, потом сжал ее лицо в ладонях. – Все будет отлично, Дез. Вот увидишь.

Дейзи неуверенно улыбнулась в ответ. Пока она раздумывала, что сказать, Джон собрал со стола тарелки и отнес на кухню.

– Ну, что ты сегодня делала? – крикнул он оттуда, складывая тарелки в посудомоечную машину. – Сегодня должна была прийти уборщица, так? Куда ты сбежала от нее на этот раз? Опять обедала с Ванессой?

– Да, я немного погуляла, потом встретила с ней в бистро.

– Как она поживает?

– Неплохо. Беременность ей даже идет. Гораздо больше, чем мне.

– Не может этого быть. Ты в последнее время только расцветаешь.

– Не расцветаю, а разбухаю.

Джон рассмеялся.

– Для меня ты все равно самая лучшая.

– Я... я видела ее мужа, – проговорила Дейзи после небольшого колебания. – Очень недолго. Он приезжал забрать Ванессу из бистро. Его зовут Харуто.

– Забрать? Типа как ребенка из детского сада?

– Именно так это и выглядело.

– То есть? – Дейзи не видела Джона, но почувствовала, что он насторожился.

– Я... даже не знаю.

Джон молчал, но в его молчании чувствовался незаданный вопрос.

– Это выглядело... довольно грубо. Как будто этот Харуто какой-то домашний тиран. Понимаешь, обычно Ванесса выглядит такой уверенной, спокойной, но стоило ей увидеть мужа в окне бистро, как она вся съежилась. Стала бормотать что-то невнятное. Если честно, Ванесса выглядела так, словно... словно она его боится. А как он схватил ее за руку!.. Знаешь, Джон, чем больше я обо всем этом думаю, тем сильнее за нее беспокоюсь.

– Выходит, твоя безупречная Ванесса трепещет перед собственным мужем?

– Я... Слушай, у меня появилась идея. Давай как-нибудь пригласим их обоих на ужин, хорошо? Ты познакомишься с обоими и... и увидишь все собственными глазами.

– Хорошая мысль. Так и сделаем.

Джон быстро убрал со стола, и Дейзи потянулась к стопке конвертов, которые муж оставил на кухонной столешнице. Пока она просматривала счета и откладывала в сторону рекламные проспекты, телефон Джона пискнул. Дейзи уже взяла в руки последний конверт из плотной желтой бумаги, но, почувствовав, что муж как-то странно замер, подняла на него взгляд. Джон читал что-то на экране. Его тело напряглось, черты лица окаменели. На мгновение ей даже показалось, что Джон перестал дышать. Через секунду он заметил, что она на него смотрит, и, быстро убрав телефон в карман, потянулся к бутылке, чтобы вылить остатки вина в бокал.

– Что там? – спросила Дейзи внезапно охрипшим голосом.

– Ничего.

– *Ничего?*

– Обычный спам. – Джон смотрел в сторону, явно не желая встречаться с ней взглядом.

– Джон!

– Что?

– Мы с тобой не супруги из анекдотов, Джон. Мы ничего не скрываем друг от друга. *Больше* не скрываем.

– Господи, Дейзи, я же сказал!.. Обычное рекламное сообщение. Успокойся.

– Покажи.

– Что показать?

– Я хочу взглянуть на это рекламное сообщение.

– Я его уже удалил.

Дейзи пристально смотрела на мужа, вспоминая, как быстро, почти рефлекторно, не думая, она сама удаляла сообщения сетевых троллей. Почему она ему не верит? Может, он правда поступил точно так же. И вообще, почему в последнее время она во всем сомневается, подозревая худшее?

«Беременность может провоцировать появление беспричинных страхов и паранойи», – прозвучал у нее в ушах голос Ванессы.

– Извини, – кратко сказала Дейзи. – Я не хотела вынюхивать.

Джон кривовато усмехнулся.

– Там нечего было вынюхивать. Спам есть спам.

Дейзи перевела дух и внезапно осознала, что крепко сжимает в пальцах декоративный нож для писем, словно это боевой кинжал. Постаравшись взять себя в руки, она подсунула лезвие под клапан конверта, но снова остановилась. Сердце у нее опять бешено колотилось. На мгновение перед ее мысленным взором промелькнула страшная картина – зажатый в руке нож поднимается и опускается, поднимается и опускается. Как в гифке. На секунду ей даже показалось, что это *она* держит клинок, раз за разом вонзая его в белую плоть.

Телефон Джона снова пискнул, но на этот раз он не стал открывать сообщение в присутствии жены. Сказав, что ему нужно проверить рабочую почту, Джон извинился и, держа в руке бокал с остатками вина, отправился наверх к себе в кабинет.

Крепко стиснув зубы, Дейзи резким движением вскрыла конверт. Из него на стол выпала большая глянцевая фотография размером А4.

Негромко ахнув, Дейзи выронила нож для писем.

Под новым изображением Чаки она увидела слова:

Я ЗнаЮ Кто ты.

Я ЗнаЮ, что ты СДЕЛала.

Я УниЧТОжу Тебя.

СдохНиСдохНисДОХни!

Дейзи не могла вдохнуть. Ребенок отчаянно толкался у нее внутри, но она этого почти не чувствовала. Как во сне, она медленно перевернула конверт, чтобы взглянуть, что на нем написано. Она так

пристально наблюдала за Джоном, что даже не проверила, откуда пришло письмо, кто его отправил.

Ничего.

Ни имени.

Ни адреса.

Ни марки или почтового штемпеля.

Значит, кто-то пришел к их дому – почти к самому порогу – и опустил конверт в почтовый ящик.

Сначала машина. Теперь – ее дом.

Дейзи бросила затравленный взгляд на лестницу, по которой поднялся вверх Джон.

Она была в панике. В ужасе. Нужно рассказать ему!.. Нужно сообщить в полицию!..

Но... тогда все узнают, что она сделала.

Джон

18 октября 2019 г. Пятница

За тринадцать дней до убийства

Джон поставил бокал на стол. Запер дверь кабинета. Только после этого он позволил себе с торжеством выдохнуть. Ха! Миа Райтер отыскала номер его мобильного телефона. Ей пришлось как следует постараться. А значит, она *хочет* его. Сознать это было чертовски приятно. Так приятно, словно она *уже* ласкала его во всех правильных местах.

Сев за стол, Джон сделал большой глоток вина и, достав телефон, заново перечитал сообщение, которое – вопреки тому, что он сказал жене, – он вовсе не стер.

Я была очень рада встретиться с тобой вчера, Джон.
Думаю о тебе.

Джон облизнул губы и попытался представить себе Мию – ее кроваво-красные губы, ее лучистые зеленые глаза. А как она на него смотрела! Как будто для нее он был единственным мужчиной во всей Вселенной! Как она улыбалась ему! Одного воспоминания о ее улыбке хватило, чтобы он почувствовал разливающееся в груди тепло. Джон вспомнил ее ухоженные красные ногти и как наяву ощутил прохладное прикосновение ее изящных пальцев к своей руке, услышал ее соблазнительный акцент... А походка!.. Миа двигалась уверенно, как манекенщица, хоть и была в туфлях на высоком каблуке, ее бедра соблазнительно покачивались, а длинные волосы блестели в свете уличных фонарей.

Вот что значит чувствовать себя живым, подумал Джон. Наслаждаться каждой минутой, каждым мгновением. Быть свободным. Брак, семья, даже этот «коттедж» – все это груз, который тянет ко дну, путы, которые не дают дышать.

Он открыл второе сообщение, отправленное с того же номера.

Мне бы хотелось снова увидеться с тобой.
Уверена, в ближайшее время мы столкнемся еще...
Так подсказывает мне моя женская интуиция.

Миа. ХОХО

Джон открыл ящик стола, достал оттуда свою «секретную» бутылку виски и стакан. Налил себе на три пальца и задумчиво отхлебнул. Ну вот, наконец-то что-то посущественнее вина. Перехватив телефон поудобнее, он стал набирать ответ.

Давай встретимся. В том же пабе?
Или найдем местечко потише?
Когда ты вернешься в город?

Дж. Р.

Его палец замер над кнопкой «Отправить». Джон подумал о Дейзи и почувствовал легкий укол вины. Как поступить? С одной стороны, ему приятно было ощутить себя прежним Бергом-Бомбой, а с другой... С другой стороны, Джон не мог позволить себе потерять Дейзи и отлично это понимал. Если он даст ей основания для развода, то лишится всего.

А что, если с Дейзи что-нибудь случится?

Джон выругался. Что за идиотские мысли лезут ему в голову?! Это все алкоголь виноват. Алкоголь и эта женщина с ее более чем прозрачными намеками. Мисс Миа Райтер из Швейцарии, которая умеет кататься на горных лыжах, дьявольски сексуальна и вдобавок умна – она ведь управляет банком, а еще от нее буквально пахнет деньгами – большими деньгами. Может, она даже богаче Дейзи, с ее наследственным трастовым фондом...

Джон закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять сердцебиение. На одном плече у него будто сидел дьявол, который твердил: «Давай, сделай это!» – а на другом ангел, пытающийся спасти его от самого себя.

Победил, разумеется, дьявол. Его слова эхом отозвались в самых темных уголках души Джона. «Разве свет клином сошелся на Дейзи? – услышал он. – Маленькое приключение на стороне не принесет вреда.

Главное – не попасться. Ничего страшного не случится, если никто не узнает... Такому парню, как ты, Джон, нужно иногда давать себе свободу, иначе ты просто взорвешься, как перегретый котел. Ты – мужчина в расцвете сил. Мужчина из мужчин. Ты имеешь на это право!»

И Джон нажал «Отправить».

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Включив фонарики, Мэл и Бенуа внимательно осмотрели серый «ауди», припаркованный на подъездной дорожке «Розового коттеджа». С козырька бейсболки Мэл капало, ручейки воды сбегали по их курткам. Похолодало. Со стороны залива доносились траурные крики портового гудка.

– Вмятин не видно, – резюмировал Бенуа. – Судя по количеству глины на колесах, тачка побывала за городом.

Мэл посветила фонариком в салон, но не увидела ничего необычного.

Потом ее внимание привлекла желтая вспышка света в окне верхнего этажа «Розового коттеджа». Она подняла голову, но отодвинутая занавеска уже опустилась, отрезав поток света из комнаты.

– Он там, наверху, – сказал Бенуа. – Следит за нами. По-моему, парень врет как сивый мерин. И мне не нравятся его царапины.

– От него пахнет страхом, – отозвалась Мэл. – Ну и перегаром.

– Надо как-то попасть в дом. А еще неплохо бы арестовать его машину и отдать экспертам на обыск.

– Чтобы получить ордер, нужно что-то конкретное. – Мэл присела на корточки, стерла грязь с номерного знака и сфотографировала его на телефон. Потом она сделала еще несколько снимков внешнего вида «ауди» и залепленных грязью покрышек.

Когда детективы вернулись в свою машину без опознавательных знаков, Мэл переслала сделанные фотографии Луле. Бенуа завел двигатель, а его напарница попыталась еще раз дозвониться Дейзи Риттенберг, но, как и в прошлые разы, попала на голосовую почту.

– Тай Бинти из бистро «Пи» сказал, что Риттенберги вернулись в Ванкувер, чтобы быть поближе к родителям Дейзи. Как, он сказал, фамилия ее отца?

– Уэнтворт, – ответил Бенуа, задом выезжая с подъездной дорожки на улицу. – Лабден Уэнтворт.

– Остановись-ка на той стороне, – сказала Мэл. – Я хочу приглядеть за Джоном, пока мы не получим добро на наружное наблюдение. У меня такое ощущение, что парень готов податься в бега.

Пока Бенуа парковался под деревьями напротив «Розового коттеджа», Мэл позвонила в участок, чтобы договориться насчет наблюдения за Риттенбергом. Продиктовав коллегам адрес, она попросила соединить ее с Лулой.

– Лу, найди нам телефон и адрес Лабдена Уэнтворта. Это отец беременной Дейзи Риттенберг. Ее нет дома, а у нас есть основания опасаться за ее жизнь и жизнь ее ребенка.

– Сейчас сделаю, – отозвалась Лу.

Мэл дала отбой и ввела имя «Лабден Уэнтворт» в поисковую строку. Браузер выдал десятки ссылок. Тай Бинти не соврал – фамилия Уэнтворт действительно была широко известна.

Просматривая одну за другой найденные статьи, Мэл коротко пересказывала их содержание Бенуа.

– Здесь говорится, что Лабден Уэнтворт основал корпорацию «Терра Уэст», которая является одним из крупнейших операторов горнолыжных курортов мирового класса. «Терра Уэст» также занимается смежными видами бизнеса, в том числе – строительством новых курортов и продажей одежды и инвентаря для занятий спортом на открытом воздухе. В штате корпорации числится пятьдесят пять тысяч служащих по всему миру. Средняя годовая прибыль составляет около 5,2 миллиарда долларов. Жена Лабдена тоже далеко не домохозяйка. Аннабель Уэнтворт сделала себе имя на торговле элитной городской недвижимостью и возглавляет собственную риелторскую компанию. Живут Уэнтворты на Северном берегу, в Британском квартале, но телефонных номеров в Сети, естественно, нет...

Некоторое время детективы ждали, пока подъедет бригада наружного наблюдения, а Лула отзвонится и сообщит телефон и точный адрес Уэнтвортов. Мэл воспользовалась паузой, чтобы набрать эсэмэску мужу.

Как дела? Все в порядке?

Ответа не последовало, и Мэл ощутила прилив беспокойства. Похоже, подумала она, это дело будет для нее последним. Ей все-таки придется уйти на пенсию раньше, чем она планировала, чтобы ухаживать за Питером.

Ее телефон зазвонил. Лула нашла телефон и адрес Лабдена Уэнтворта.

– Номер 4456 по Эйрфилд-драйв в Британском квартале, – сказала она. – Телефон...

Пока Бенуа, слушавший разговор по громкой связи, записывал телефон и адрес, по улице к ним медленно подъехала патрульная полицейская машина, и Мэл, выскочив из салона, поспешила к ней, чтобы проинструктировать старшего наряда. Полицейский на пассажирском сиденье опустил стекло дверцы, и Мэл наклонилась к нему.

– Если Риттенберг куда-то уедет, сообщите в участок, а сами следуйте за ним... – Она в нескольких словах описала патрульному ситуацию и так же бегом бросилась назад к своей машине. Не успела Мэл пристегнуться, как Бенуа поспешно отъехал от тротуара и направил автомобиль к мосту, который вел на Северный берег. Мэл набрала номер Лабдена, но и его телефон переключился на голосовую почту. Немного подумав, она позвонила домой и испытала ни с чем не сравнимое облегчение, когда Питер взял трубку буквально через пару гудков.

– Привет, как дела? – спросила Мэл, старательно сдерживая эмоции. Она знала, что, разговаривая с мужем, должна оставаться – или казаться – спокойной, чего бы это ни стоило.

– Все в порядке. Ты сегодня поздно?

Он опять все забыл, поняла Мэл.

– Да, похоже, придется задержаться. У нас тут новое дело. Ты не проверял телефон? Я послала тебе эсэмэску.

– Я... черт. Я не...

– Да ладно, не важно. Я оставила тебе лазанью. Ты ее разогрел?

Молчание.

– Ты нашел мою записку насчет лазаньи? – спросила она и тут же мысленно выбрала себя за то, что сформулировала вопрос таким

образом. Врач Питера настоятельно советовал ей избегать в разговорах с мужем любых намеков на то, что он не в состоянии вспомнить самые простые вещи, так как это принуждает его занимать оборонительную позицию. Что, в свою очередь, может привести к конфронтации, а конфронтация еще никогда и никому не помогала.

– Да, я разогрел лазанью, Мэллори.

Мэл предпочла не обращать внимания на его покровительственный тон.

– Вот и отлично. Не жди меня, ложись. Буду поздно.

– Убийство?

– Похоже на то.

– И кто жертва?

И снова Мэл ощутила тупой болезненный укол в самое сердце. Когда-то они с мужем подробно обсуждали сложные преступления, которые ей приходилось расследовать. Питер ван Альст был профессором судебной психологии, признанным корифеем в своей области, но год назад ему пришлось досрочно выйти в отставку по состоянию здоровья. Да, когда-то они были командой, но сейчас ей казалось, что и муж, и их отношения, и их бывшее единство – все утекает у нее сквозь пальцы.

– Мы пока не знаем, – призналась она. – Известно только, что некто получил серьезные ранения, которые могут угрожать его жизни. И если этот человек еще жив, время играет против него.

– Тогда... поймай там кого надо поскорее.

Глаза Мэл ожгло непрошеными слезами.

– Хорошо, Пит. Я... Мы постараемся. Сделаем все, что в наших силах.

Она попрощалась и дала отбой. Бенуа сочувственно покосился на нее, но, к счастью, воздержался от расспросов. Его сочувствие, однако, делало ситуацию еще хуже. Мэл твердо решила, что не нуждается ни в сочувствии, ни в жалости, а помощь... Помочь ей все равно никто не мог.

К чести напарника, он так и не сказал ни слова. Довольно долго оба молчали; Мэл погрузилась в собственные невеселые размышления, а Бенуа был слишком сосредоточен на плотном уличном движении. Только когда они выехали на мост, Мэл нарушила молчание:

– Сэди не возражает, когда ты задерживаешься на работе?

Бенуа улыбнулся.

– Если бы у нее был выбор...

– В управлении есть административные должности.

Он усмехнулся.

– Протирать штаны – это не для меня, Мэл.

– Я знаю.

Последовала пауза, потом Бенуа сказал:

– А убийства у нас случаются не каждый день, согласишься. В спокойные дни я отрабатываю ночные смены дома. И сижу с ребенком, когда у меня выходной, так что...

– Сэди еще учится?

– Учится. Пока еще на заочном... Но ты же знаешь... она очень целеустремленная, такую ничем не остановишь. – Он посмотрел на Мэл. – Думаю, из Сэди получится отличный адвокат по вопросам иммиграции и беженцев. Я ею так горжусь, ты бы знала.

Мэл улыбнулась.

– Значит, наш мир в надежных руках.

Бенуа угрюмо усмехнулся.

– Нашим миром управляем не мы, босс.

– По крайней мере, моя группа будет в надежных руках, если руководство решит поставить во главе тебя.

– Тебе же еще несколько месяцев до пенсии! – удивился Бенуа.

Мэл криво улыбнулась.

– Может быть. А может быть, и нет.

Дневник

Прости, дорогой Дневник, я совсем тебя забросила. И я не просто ничего не писала – я официально отказалась от сеансов. Психоаналитичка мне так и сказала: «Это регресс, Кит. Ухудшение. Ты отгораживаешься от меня, а это значит, что поврежденная часть твоей личности может снова уйти вглубь, спрятаться. Я понимаю, отыскивать собственные побудительные мотивы нелегко, порой даже страшно, но без этого не добиться прорыва. А ты его почти сделала, Кит!»

Может, она и права.

Только я не согласна насчет «спрятаться». Я не собираюсь замыкаться в себе. Не собираюсь отворачиваться и прятаться. Наоборот! На этот раз я намерена идти до конца. Я обрела силу. А где я ее взяла? У Чарли. И в сейфе Дейзи Риттенберг.

На первых твоих страницах, дорогой Дневник, я уже писала: я знаю, где большинство людей предпочитает хранить свои тайны. И знаю, где их следует искать.

В тот день я, как обычно, приехала в «Розовый коттедж», выстирала белье, вытерла пыль, вымыла грязную посуду и убрала ее в буфет. А потом завела таймер.

На этот раз я решила не лазить в компьютер Джона. Сегодня я начну с ванной комнаты – меня интересуют их лекарства. Их лекарства – это их медицинские проблемы. Но в аптечке ничего сенсационного я так и не нашла – только средства от простуды, что-то тонизирующее, что-то успокаивающее, рецептурные, но с вышедшим сроком годности болеутоляющие, средство от бородавок, витамины для беременных, спрей-антисептик, пластырь, аспирин и прочие мелочи. Тогда я присела на корточки и открыла шкафчик под раковиной. Там я обнаружила ящичек, набитый женскими гигиеническими средствами – прокладками, тампонами, лубрикантами, салфетками для интимной гигиены.

Я начинаю ощупывать упаковки прокладок и тампонов. Женщины часто прячут важные вещи, о которых не должны узнать

мужья или любовники, именно в таких местах: мужчины не очень-то любят рыться в предметах, имеющих отношение к менструальной крови. В одной из упаковок с тампонами я обнаруживаю что-то твердое. Небольшое. Угловатое. Это явно не тампон. Ну-ка, поглядим... Я открываю пакет. В оболочку от тампона завернут небольшой ключ.

Мое сердце начинает стучать сильнее.

Я достаю ключ. Кажется, я знаю, к какому замку он подходит. Нет, не кажется, а точно знаю. В прошлый уборочный день в «Розовом коттедже» я обнаружила в глубине ящика с нижним бельем небольшой светло-голубой стальной сейф для документов с замочной скважиной на дверце.

Сейфы самых разных форм и размеров были в домах у многих моих клиентов – не столько для того, чтобы хранить что-то сверхсекретное, сколько из соображений пожарной безопасности. Но цвет этого сейфа, тот факт, что Дейзи прятала его за нижним бельем, а ключ хранила среди тампонов, – все это просто кричало об одном: у жены есть секреты от мужа.

Мышцы моего тела непроизвольно напрягаются. Они готовы к действию, но я бросаю взгляд на часы. Ого!.. Как незаметно пролетело время! Заняться сейфом придется в следующий раз. Не стоит рисковать – если по какой-то причине Дейзи вернется раньше хотя бы на пять минут, она застанет меня с поличным. И тогда мне конец.

Но противостоять искушению я не в силах.

Оставив дверцу шкафчика открытой, я со всех ног бегу в спальню, рывком открываю ящик комода, где лежит ее нижнее белье, и выкапываю сейф из-под груды трусов и бюстгалтеров.

Сейф кажется мне очень тяжелым. Похоже, он сделан из супертолстого металла, а раз так, внутри должно быть что-то действительно важное.

Мое возбуждение растет.

Облизнув пересохшие губы, я сажусь на краешек огромной постели Риттенбергов и вставляю ключ в замочную скважину. Он входит в нее плавно, как смазанный. Долю секунды я прислушиваюсь, не доносится ли с подъездной дорожки звук автомобильного мотора, потом поворачиваю ключ и открываю дверцу сейфа.

Внутри лежат два толстых желтых конверта и флешка. Самая обычная флешка.

Я беру ее в руки. О том, чтобы взять ее домой и просмотреть содержимое там, не может быть и речи. Если Дейзи обнаружит пропажу и позвонит Холли, меня немедленно уволят.

Я кладу флешку на место и достаю один из конвертов. Внутри лежит многостраничный юридический документ. Я читаю, с трудом продираясь сквозь мудреную терминологию. Постепенно я вникаю в смысл написанного, и у меня начинает кружиться голова. Каждый вдох дается мне с невероятным трудом, а весь мир сужается до размеров листа бумаги формата А4. Время исчезает, останавливается... Нет, не так – это я исчезаю из времени, я существую вне его, пока мой мозг старается осознать, что передо мной. Подписи внизу страницы... Я смотрю на них, и меня будто охватывает паралич. Неумеющими пальцами я открываю следующий конверт.

Кровь грохочет в ушах. Я судорожно сглатываю, пытаюсь постичь чудовищный смысл второго документа. Смысл, который, доходя до моего сознания, пригибает меня к земле, словно огромная тяжесть. Срабатывает таймер на часах, и я вскидываю голову. Что это за звук? Снаружи... снаружи доносится негромкое урчание мотора. Живот скручивает панической судорогой: черт! черт! черт!

Я вскакиваю, бросаюсь к окну и выглядываю наружу. На подъездной дорожке я вижу фургон «Единой службы доставки» и едва не теряю сознание от облегчения. Водитель выходит из кабины и идет к входной двери, держа в руках посылку.

Внизу пронзительно звенит звонок, но я не обращаю на него внимания – курьер оставит посылку на пороге или приедет завтра. Разложив документы на кровати, я торопливо фотографирую их на свой телефон. Руки трясутся, и я только молюсь про себя, чтобы страницы оказались более или менее в фокусе.

Закончив съемку, я убираю бумаги в конверты и сую обратно в сейф. Я уже готова закрыть дверцу и запереть замок, когда замечаю оставшуюся на кровати флешку. Мне трудно даже представить, что – учитывая содержание документов – может на ней оказаться. На то, чтобы просмотреть ее на компьютере Джона, времени уже не остается. Взять ее с собой, чтобы просмотреть дома и вернуть,

когда я снова приеду убираться в «Розовый коттедж», – огромный риск. Как же мне поступить?

Сжимая флешку в кулаке, я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, пока мой мозг тщетно пытается найти решение.

В ушах у меня звучит голос Буна:

«Если ты вдруг наткнешься на тайну, которую кто-то очень хотел скрыть, тебя могут ждать серьезные неприятности. Многие люди, особенно богатые люди, пойдут на все, лишь бы защитить себя и свои семьи. Даже на убийство».

Тайна, на которую я наткнулась сегодня, как раз из таких.

Она уничтожит Риттенбергов и их близких, если я кому-то о ней расскажу.

А если не расскажу, она уничтожит меня.

Но выбора у меня нет. Больше нет.

Я сую флешку в карман, запираю сейф и мчусь в ванную, чтобы положить ключ на место. Все так же бегом я отношу в «субару» пылесос и прочий инвентарь. Пот льет с меня градом. Я боюсь, что Дейзи или Джон с минуты на минуту могут вернуться. Я боюсь, что Дейзи обнаружит пропажу флешки и начнет охоту на свою уборщицу.

Я на сто процентов уверена, что Джону она ничего не скажет. А если учитывать содержание найденных мною документов, то и Холли она вряд ли станет на меня жаловаться. Вот только мне шансов это не прибавляет. У Дейзи Риттенберг и так хватит возможностей, чтобы похоронить эту мрачную тайну вместе со мной.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Дом Уэнтвортов представлял собой стоявшую на склоне горы огромную усадьбу, которая в этот вечерний час была освещена со всех сторон, словно туристическая достопримечательность. Вдоль вымощенной плиткой подъездной дорожки, которая, прихотливо изгибаясь, тянулась от шоссе к дому, тоже горели яркие фонари, а перед гаражом на четыре машины стоял небольшой белый «БМВ». Остановившись позади него, Мэл и Бенуа вышли из салона и поднялись на высокое крыльцо. Пока напарник звонил в дверной звонок, Мэл обернулась, чтобы окинуть взглядом панораму лежащего внизу города, но Ванкувер был скрыт толстым слоем тумана, сквозь который едва просвечивали похожие на новогодние гирлянды несущие тросы моста Лайонс-Гейт. Над облачным одеялом торчали только верхушки самых высоких небоскребов городского центра, похожие на сверкающие маяки. Но над склонами горы Холлиберн, где стояла усадьба Уэнтвортов, ни облаков, ни тумана не было. Воздух здесь, на возвышенности, был по-зимнему сухим и холодным, а на черном ночном небе сверкали бесчисленные звезды, пока город внизу укутывал туман.

– Как в сказке!.. – прошептала Мэл.

Дверь со щелчком отворилась.

Мэл повернулась на звук и оказалась лицом к лицу с беременной брюнеткой.

– Дейзи Риттенберг? – спросила она, стараясь справиться с волнением.

– Что вам нужно? – Брюнетка посмотрела на нее, потом перевела взгляд на Бенуа. Лицо у нее припухло, а глаза покраснели, словно она недавно плакала.

«Слава богу, она в порядке! По крайней мере одна беременная женщина цела и невредима».

– Сержант Мэллори ван Альст, капрал Бенуа Салуму, – представилась Мэл. – Вы позволите войти? Мы хотим задать вам несколько вопросов о...

– Что там такое, Принцесса? Кто там?.. – донесся из глубины дома раскатистый голос, и в поле зрения Мэл появился мужчина, направлявшийся к двери. Высокий, подтянутый, загорелый. Серебристая седина. Точеный подбородок и отточенная манера держаться. Мэл сразу узнала его по фотографиям, которые видела в Интернете.

– Мистер Уэнтворт?.. – Мэл еще раз представила себя и напарника. – Мы расследуем дело об исчезновении, и действовать нам необходимо как можно быстрее. У нас есть основания считать, что ваша дочь располагает информацией, которая может помочь нам в розысках. Можем мы войти?

Лабден Уэнтворт замешкался. Его взгляд метнулся в сторону дочери, и «Принцесса» чуть заметно покачала головой. Уэнтворт расправил плечи, отчего сразу стал казаться выше ростом.

– Не понимаю, какое отношение Дейзи может иметь... – Выражение его лица вдруг изменилось – похоже, ему в голову пришла какая-то новая мысль. – Или это имеет какое-то отношение к Джону?

Мэл почувствовала, как по ее жилам пробежала горячая волна.

– Вы позволите нам войти?

С видимой неохотой Дейзи и Лабден отступили от двери, пропуская детективов в дом. Из прихожей их провели в роскошно обставленную просторную гостиную. В газовом камине плясали язычки пламени. Вид из окна на лежащий внизу город был совершенно потрясающим, но не успела Мэл насладиться им, как в гостиной появилась элегантно одетая женщина, двигавшаяся с грацией балерины. Выглядела она столь же представительно, как и Лабден, однако весь ее облик был пропитан отчетливой женственностью. Вне всякого сомнения, это была сама Аннабель Уэнтворт.

– В чем дело? – резко спросила она, перебегая взглядом с Мэл на Бенуа и обратно. – Кто эти люди?

– Все в порядке, дорогая. Это полиция. Они хотят расспросить Дейзи о ком-то, кто пропал без вести.

Аннабель и ее муж обменялись раздраженными взглядами. Мэл и Бенуа тоже переглянулись. Похоже, они напали на след. Мэл

чувствовала это нутром.

Тем временем супруги Уэнтворт двинулись к дивану с явным намерением присутствовать при разговоре.

– Мы бы хотели расспросить Дейзи без свидетелей, – остановил их Бенуа. Уэнтворты заколебались, и Лабден посмотрел на дочь.

– Мы будем рядом, Принцесса. Позови, если понадобится, – сказал он и повернулся к детективам. – Пожалуйста, постарайтесь покороче... Дейзи очень устала, ей необходим отдых. Сегодня у нее выдался не самый легкий день, и мы беспокоимся о ребенке.

– Конечно, – заверила его Мэл.

Лабден и Аннабель вышли, бесшумно прикрыв за собой высокие французские двери.

Дейзи неловко опустилась в кресло рядом с камином. Глаза у нее оставались припухшими, на коже алели пятна. Она явно нервничала и держалась холодно, почти враждебно, хотя, возможно, ей действительно нездоровилось.

Детективы сели на диван напротив нее, и Бенуа едва заметно кивнул Мэл – можно начинать.

– Миссис Риттенберг, – сказала Мэл, слегка подаваясь вперед, – мы расследуем обстоятельства инцидента, который произошел вчера вечером в особняке под названием «Нортвью», также известном как «Стеклянный дом». Как я понимаю, вы знакомы с его владельцами – Ванессой Норт и ее мужем Харуто. – Мэл вопросительно посмотрела на Дейзи в надежде, что та выложит какие-нибудь интересные подробности.

Дейзи сглотнула.

– Что... случилось? О каком инциденте вы говорите?

– Скажите, когда вы в последний раз были в доме супругов Норт?

Дейзи явно чувствовала, что ее загнали в угол, и она инстинктивно прикрыла ладонями живот.

– Может, мне стоит пригласить адвоката?

– А он вам нужен? – парировала Мэл.

Дейзи покраснела.

– Не волнуйтесь так, миссис Риттенберг. Даю вам честное слово – вам ничто не угрожает. На данном этапе расследования мы только собираем информацию – всего лишь информацию. Нам известно, что вчера во второй половине дня вы купили в бистро «Пи» в Пойнт-Грей

чернично-ежевичный пирог. Кроме того, вы приобрели в цветочном магазине «Цветы Би» букет, состоявший из... – Мэл раскрыла блокнот и нашла нужную страницу, – орхидей, дендробий, гипсофил, японских анемонов, паучьих хризантем и белокрыльника. – Она подняла голову и посмотрела на Дейзи в упор. – Вчера около четверти седьмого вечера пирог и букет были брошены на крыльце дома Нортвю. Внутри букета мы обнаружили подписанную вами открытку... – Поднявшись с дивана, Мэл шагнула к Дейзи, чтобы показать ей сделанную на телефон фотографию открытки.

Вот и конец нашей свободе.
Удачи тебе, подруга, это был тот еще аттракцион!
Спасибо за поддержку.
Дейзи.
Х

– Кому была адресована эта открытка, миссис Риттенберг?

Дейзи не ответила.

Мэл вернулась на диван.

– Что произошло в «Нортвью»? Как там оказались вы и ваш муж?
Почему вы бросили пирог и букет перед дверью?

Дейзи Риттенберг облизнула губы и проговорила – очень медленно:

– Меня и моего мужа пригласили на ужин друзья.

– Друзья? Кто они?

Она опустила взгляд и принялась разглаживать брюки на коленях.

– Моя подруга Ванесса Норт. Она тоже в положении. И Харуто – ее муж.

– Они ваши близкие друзья?

Прежде чем ответить, Дейзи немного помолчала.

– Я... я познакомилась с Ванессой в августе. На курсах йоги для будущих матерей. – Ее глаза наполнились слезами. – Как я уже сказала, она тоже была беременна.

– Была? Вы говорите о ней в прошедшем времени. С ней что-то случилось?

– Я... Нет, с ней ничего не случилось. Все в порядке. Ванесса по-прежнему беременна. А Харуто... до этого я виделась с ним только

один раз, а Джон вообще не был знаком ни с ним, ни с Ванессой. Мы думали, что будем дружить семьями... Ванесса нас пригласила. По дороге мы купили этот пирог и цветы.

– Можете объяснить, почему вы бросили и то и другое перед дверью?

– У меня начались судороги, – ответила Дейзи, на этот раз – без малейшего промедления. – Очень сильные. Я даже подумала, что рожаю... Я испугалась, бросила цветы и пирог и схватилась за живот.

Мэл медленно вдохнула.

– А как же ужин с вашими друзьями?

– Никак. Мы решили не рисковать... Мы просто сказали Ванессе, что я плохо себя чувствую, и сразу же поехали домой. Джон очень волновался и настаивал, чтобы я поскорее показала врачу.

– А как отреагировали Норты?

– По-моему, нормально... Ванесса, правда, очень за меня испугалась, но...

– Вы не разговаривали с ними после того, как столь поспешно вернулись домой?

– Нет.

– То есть ваша беременная подруга, которая так за вас испугалась, даже не позвонила, чтобы узнать, как ваши дела?

Дейзи не ответила.

– Скажите, миссис Риттенберг, был ли в тот вечер в «Стеклянном доме» кто-то помимо Ванессы и Харуто?

– Я никого не видела.

– Не заметили ли вы припаркованную на подъездной дорожке машину желтого цвета?

Дейзи побледнела. Ее дыхание участилось, а взгляд непроизвольно метнулся к закрытым французским дверям.

Мэл решила переменить тему:

– Ваш дом... Он ведь называется «Розовый коттедж», так?

– При чем здесь мой дом?

– Кто убирается в «Розовом коттедже», миссис Риттенберг?

– Какое отношение это имеет к...

– Мы можем перенести наш разговор в участок, мэм, – вмешался Бенуа. – Но для всех будет лучше, если вы поможете нам сейчас...

Дейзи Риттенберг плотно сжала губы. Когда она снова заговорила, каждое слово давалось ей с трудом.

– Я... Мы заключили договор с клининговой фирмой. Она называется «Помощь Холли». Они начали работать у нас через три дня после того, как в июле мы поселились в «Розовом коттедже».

– Кто это – они?

– Уборщицы из фирмы.

– Вы знаете кого-нибудь из них по именам?

– Нет. – Ее ответ был твердым и быстрым. Слишком быстрым.

Мэл медленно кивнула.

– Скажите, когда вчера вы и ваш муж приехали к дому Нортов, видели ли вы припаркованный на подъездной дорожке «субару кросстрек» с логотипом «Помощь Холли» на дверце?

– Нет. Я же уже говорила... Я не видела там никаких посторонних и никаких машин тоже не видела!

– Вы уверены?

– На подъездной дорожке не было никаких машин! – Дейзи, уже не скрываясь, бросила взгляд на дверь в соседнюю комнату. Она явно нервничала, чувствуя, что ее загоняют все дальше в угол, и Мэл подумала, что их шансы получить от Дейзи Риттенберг хоть какую-то информацию стремительно убывают.

– А если я скажу, что у нас есть свидетель, который видел, как вы и ваш муж въехали на дорожку перед домом Нортов на сером «ауди S6» в шесть часов и четырнадцать минут пополудни и припарковались позади желтого «субару»? Наш свидетель также утверждает, что обе машины оставались на подъездной дорожке почти до полуночи, после чего и «ауди», и «субару» куда-то уехали, можно сказать умчались.

– Тогда я скажу, что ваш свидетель лжет. Или у него галлюцинации. А еще я скажу, что с меня достаточно. Я больше не собираюсь отвечать на ваши вопросы.

– Миссис Риттенберг, – снова вступил Бенуа, – в «Стеклянном доме» серьезно пострадал человек. Вы могли бы нам очень помочь...

– Что?!

– Мы предполагаем, что в доме кого-то серьезно ранили, и...

– Кто?! Кто пострадал? Кого ранили?! – Глаза Дейзи расширились от ужаса, на щеках расцвели два багровых пятна.

– Это мы и пытаемся установить. И если бы вы ответили на наши вопросы... – начала Мэл, но Дейзи не дала ей договорить.

– Папа! – громко позвала она и, с трудом поднявшись с кресла, заковыляла к французским дверям. Ладонь она прижимала к пояснице. Не успела Дейзи дойти до дверей, как в гостиную шагнул Лабден Уэнтворт. Окинув дочь быстрым взглядом, он повернулся к детективам.

– Прошу прощения, господа, но вам придется уйти. И как можно скорее.

Мэл вскочила на ноги.

– Позвольте нам задать вашей дочери еще один вопрос! Только один. От этого может зависеть человеческая жизнь.

Лабден Уэнтворт заколебался. Посмотрел на Дейзи. Мэл воспользовалась заминкой, чтобы достать телефон. Отыскав в галерее фотографию Кит Дарлинг, которую предоставила ей Холли Магуайр, она показала ее Дейзи.

– Вы узнаете эту женщину?

Дейзи с трудом сглотнула. Наклонилась вперед.

– Нет.

– Вы уверены? Посмотрите внимательнее.

– Конечно, я уверена! А кто это?

– Ваша уборщица. Она убирала у вас до 27 октября.

Лицо Дейзи сделалось белым как полотно.

– Что?..

– Эту женщину зовут Кит Дарлинг. Она работала в фирме «Помощь Холли» и дважды в неделю приезжала в «Розовый коттедж», пока 27-го числа ее не сменила другая уборщица.

Словно боясь встретиться с Мэл взглядом, Дейзи не отрывала глаз от фотографии.

– Я... В дни, когда работала уборщица, я всегда старалась уехать из дома. Я никогда не видела эту женщину. И ту, которую Холли прислала ей на замену, я тоже не знаю. Мне известно только то, что уборкой дома занималась фирма «Помощь Холли»... – У нее затряслись руки, и она повернулась к отцу. – Пап... папа! Я... Я сейчас упаду в обморок. Мне нужно прилечь. Скажи им, пусть уходят. Немедленно!

Аннабель Уэнтворт поспешно вела детективов к выходу, когда Мэл услышала донесшийся из гостиной пронзительный голос Дейзи Риттенберг:

– Я *не* знаю! Не знаю. Нет, я понятия не имею, что там произошло! Ну, пап, конечно, это правда!..

Дневник

Торопясь, нервничая, обливаясь потом, я вставляю найденную в сейфе флешку в ноутбук. Я только что вернулась домой и даже не успела переодеться – до того мне не терпится узнать, что может быть на ней записано. То, что я видела, то, что я знаю, те документы-улики, которые я сфотографировала на телефон, – все это делает меня опасной и для Джона, и для Дейзи. А это, в свою очередь, делает их опасными для меня. Нужно вернуть флешку на место как можно скорее.

Но сначала я должна посмотреть, что там...

Я открываю вкладку «Съемный диск». На флешке только один файл. Судя по расширению, это видео. Я нажимаю кнопку «Воспроизвести».

Первые секунды мне сложно понять, что происходит. Угол съемки постоянно меняется, камера дергается, в объективе мелькают смазанные изображения, освещение плохое, картинка зернистая. Музыка, голоса, смех – настоящая какофония. Но постепенно я начинаю понимать, что за события разворачиваются на экране, и холодею от ужаса.

Кто-то заснял тот кошмарный вечер.

Передо мной – визуальное доказательство. Улика. Материал, подкрепляющий содержание документов, которые Дейзи хранит в сейфе под замком.

Содрогаясь от ужаса, я продолжаю смотреть на экран. И вдруг слышу на записи...

Смех. Высокий, ухающий, он заглушает и голоса, и даже музыку. Он становится все громче, все пронзительнее, и у меня перехватывает дыхание. Еще немного – и я задохнусь. Я нажимаю кнопку «Стоп».

Я сижу неподвижно, стараясь восстановить дыхание. Потом отматываю запись немного назад и снова включаю «Воспроизведение». Вот оно, это место... Сначала едва слышный, заглушаемый шумом вечеринки, этот звук набирает силу, звенит,

переходит в пронзительное бульканье, похожее на крик цапли. Мое сердце готово выскочить из груди, глаза жжет как огнем. Я снова отматываю запись назад и включаю опять. И еще раз. И еще. Наклонившись вперед, я впиваюсь взглядом в монитор, и спустя какое-то время мне удастся узнать некоторые лица, включая мое собственное. Но Буна я не вижу. Он никогда не говорил мне, что тоже был там той ночью. Но он там БЫЛ. Я знаю, что не ошиблась. Это его смех, – смех который я узнала бы где угодно, – я слышу на записи, хотя и не вижу его лица. Наверное, во всем мире не найдется человека, который бы смеялся так, как Бун.

Я бессильно откидываюсь назад, чувствуя себя выжатой как лимон. Как он мог? Все эти годы... Столько лет мы были друзьями, он заботился обо мне, помогал чем мог – и все это время он знал. Бун там был. И он все видел. Но предпочел молчать.

Бун не дал показаний, не рассказал полиции и суду о насилии, которого – судя по этому ролику – не мог не видеть. Но гораздо хуже было то, что происходящее казалось ему смешным.

Он столько раз говорил, что верит мне, что все было именно так, как я говорила. Но он ни разу не признался, что видел все собственными глазами. Ни разу, даже случайно, даже по ошибке он не проговорился, что знает о той кошмарной ночи больше, чем услышал от меня.

Мой лучший друг меня предал – осознание охватывает меня целиком, проникая в каждую клеточку тела. Видео, документы из сейфа Дейзи – омерзительные подробности происшедшего понемногу складываются в цельную картину, которую я пока не в состоянии осмыслить. И тем более мне сложно принять, насколько сильно все, что я узнала, меняет последние два десятка лет моей жизни – то, что я считала непреложной истиной, на моих глазах рассыпалось в прах. Вот вам и «решающий прорыв», мадам Фрейд! Вот вам и картинки-перевертыши, на которых изображение юной девушки вдруг превращается в лицо уродливой старухи, – такое не развидишь.

Я начинаю плакать. Рыдания сотрясают мое тело.

Черт!

Я потеряла друга. Если, конечно, он вообще у меня был.

Я закрываю лицо. Сжимаю руками виски. Голова раскалывается от боли, внутри черепа словно работает отбойный молоток. Бам!

Бам! Бам! Бам!

Но теперь у меня есть доказательства. Я наконец раздобыла их, пусть и восемнадцать лет спустя. Они здесь. Они были здесь все эти долбаные годы – пустые, мертвые, наполненные болью годы. В странном сейфе у суки Риттенберг.

Но зачем они ей? Почему она их хранит? Она ведь не может не понимать, что будет с ее мужем, если правда откроется? Или... Она хранит доказательства именно поэтому? Чтобы держать Джона Риттенберга под контролем.

В моих ушах раздается голос Чарли Уотерс:

«...Кит, я не знаю, что там у вас с Риттенбергом, но будьте осторожны. Да, он говнюк, но, по большому счету, он ничем не хуже и не лучше большинства мужчин – обычный самовлюбленный самец с раздутым эго. А вот его жена Дейзи – она действительно опасна».

Еще долго я сижу, уставившись в пространство перед собой и пытаюсь осмыслить происходящее, пока ночь за окном вступает в свои права. Я сижу, а чернота за окном густеет. Я сижу, а за окном начинается дождь. Лишь спустя много, много часов я наконец понимаю, что буду делать дальше. Недели, прошедшие с того дня, когда я впервые перешагнула порог «Розового коттеджа» и увидела огромные фотопортреты Джона, неизбежно вели меня к этому решению. Фрагменты головоломки сложились в одно, и теперь я вижу перед собой свою цель.

Я беру в руки телефон. Мне сложно собраться с силами, но я делаю глубокий вдох и наконец набираю номер Буна.

– Кит?.. – Голос у него сонный; похоже, я его разбудила. – Ты время видела? У тебя что-то случилось?

– Да, Бун, случилось. Нам нужно срочно увидеться. Я должна кое-что тебе показать.

Дейзи

25 октября 2019 г. Пятница

За шесть дней до убийства

В «Стеклянный дом» к Ванессе, пригласившей ее на поздний ланч, Дейзи ехала в крайнем раздражении. Была пятница – день, когда в «Розовый коттедж» приходила уборщица, – поэтому Дейзи нужно было куда-то уехать, но на самом деле она предпочла бы остаться в постели, чтобы дать отдых отеку ногам. Через два дня ее беременности исполнялось тридцать пять недель, и Дейзи казалось, что весь мир вступил в молчаливый заговор с целью причинить ей максимальные неудобства. Ей жутко некомфортно в собственном теле. Ее с прошлой недели не отпускает письмо с изображением куклы Чаки. А странное поведение Джона? И еще это тревожное ощущение, будто за ней кто-то следит...

И как будто всего этого мало, в последние дни Дейзи постоянно что-то забывала, теряла или клала не на то место. Вот сегодня, например, она так и не смогла найти свой кулон с бриллиантом, который подарил ей Джон. Дейзи готова была поклясться, что накануне оставила его на полочке в ванной, но утром его не оказалось ни там, ни на туалетном столике в спальне, ни в шкатулке с драгоценностями. Она все еще искала кулон, когда Джон принялся орать на нее – якобы она куда-то засунула его чертовы ботинки. Она!.. Дейзи и не помнила, когда она в последний раз сама убирала его обувь.

Скорей бы уже Крошка-Горошка появился на свет.

Ей так хотелось снова почувствовать себя *нормальной*.

Но когда Дейзи свернула на тянущуюся вдоль побережья улицу и увидела замаячившие впереди сверкающие стены «Стеклянного дома», ее мрачное настроение сразу улетучилось. Ванесса пригласила ее на поздний ланч, что было приятно само по себе, а кроме того, Дейзи не могла не признать, что, несмотря на осень, день выдался просто роскошный: голубое небо, прозрачный, не слишком холодный воздух, одетые в багрянец и золото деревья. Осталось совсем немного,

подбодрила себя Дейзи. До тех пор, пока малыш не родится, она не будет заходить в социальные сети, что оградит ее от пугающих посланий. С повышением Джона тоже как-нибудь устроится. И пусть сейчас ей нелегко, трудные времена скоро закончатся, а ее жизнь снова станет счастливой и радостной.

Дейзи припарковала «БМВ» на подъездной дорожке «Стеклянного дома». Когда она, выбравшись из салона, громко хлопнула дверцей, из листвы ближайшего дерева с громкими криками вылетела целая стая крупных черных птиц. Вздвогнув от неожиданности, Дейзи повернула голову и вздрогнула еще раз, увидев не меньше десятка ворон, поднимающихся в голубое небо, словно растрепанные гарпии. Проклятые падальщики!.. Обожают пировать на трупах!..

Тут она вздрогнула в третий раз, потому что одновременно со словом «труп» взгляд ее упал на пару надгробий на передней лужайке соседнего дома и на болтающийся в его верхнем окне скелет, подвешенный за шею на грубой веревке.

Ах да, скоро Хеллоуин, вспомнила Дейзи. Идиотский праздник!

– Дейзи! – из парадной двери навстречу подруге вышла Ванесса. Она была в изумрудно-зеленом платье из джерси, туго натягивавшемся на ее выступающем животе. Выглядела она при этом совершенно роскошно.

Дейзи и Ванесса обнялись и обменялись воздушными поцелуями.

– Сегодня прекрасная погода, – сказала хозяйка. – Как насчет того, чтобы пообедать на улице, возле бассейна? Ты не против?

– Что ты, совсем нет.

Взяв Дейзи за руку, Ванесса провела ее через гостиную на задний двор, где на площадке у пейзажного бассейна был накрыт столик на двоих. С площадки открывался вид на залив, и Дейзи почувствовала, что готова позеленеть от зависти. «Розовый коттедж» хоть и стоял на противоположном берегу залива, но довольно далеко от воды. Сейчас она поняла, что предпочла бы жить на этой стороне и как можно ближе к побережью. Кроме того, отсюда рукой подать до дома ее родителей. По правде сказать, Дейзи уже давно казалось, что «Розовый коттедж» плохо вписывается в образ, который она так старательно создавала в своем Инстаграме. Да, особняк обошелся им в семь миллионов семьсот тысяч долларов, но покупали они его второпях, почти не глядя, и только для того, чтобы им было где жить после возвращения

из Колорадо. Собственно говоря, «Розовый коттедж» с самого начала задумывался как временное жилье – им все равно пришлось бы перебираться на другое место, как только Джона назначат административным директором нового курорта. Но теперь Дейзи вовсе не была уверена, что это назначение состоится.

– Устраивайся, – предложила Ванесса. – А я пока принесу еду.

Дейзи опустилась на пластиковое кресло, повернутое лицом к бассейну, и не сдержала вздоха облегчения – было очень приятно наконец дать отдых распухшим, пульсирующим ногам. Ванесса ушла в дом и вскоре вернулась с большой менажницей, в отделениях которой лежали несколько видов сыров, копчености, пикули, оливки, виноград, орехи и нарезанные овощи. Опустив менажницу на стол, хозяйка неуверенно проговорила:

– Хотела спросить, как насчет... хотя не важно.

– Не важно – что? – уточнила Дейзи.

– Я сегодня умереть как хочу вина, – призналась Ванесса. – Если честно, мне кажется, что глоток белого вина с содовой нам не повредит. Или игристого розового. Но если ты не...

– Я только за! – перебила ее Дейзи. – Давай немного выпьем. Нам обеим необходимо расслабиться. – Ей и в самом деле понравилась идея подруги. В конце концов, роды уже близко. Уж конечно, на этом этапе беременности немного вина на развитие плода никак не повлияет.

– Ты уверена? – нахмурилась Ванесса.

Дейзи безмятежно улыбнулась в ответ.

– На все сто.

– Ну что за женщина. – Ванесса приложила руку к груди. – Ладно, я сейчас принесу бутылку и бокалы, а ты пока нарежь салями. Нож вон там. – И она снова исчезла в дверях своего шикарного дома.

Дейзи вздохнула и потянулась к лежавшему на углу стола ножу. Нарезая колбасу, она думала о том, что бокал вина ей точно не повредит, зато поможет хотя бы немного снять напряжение, в котором она пребывала последние дни. В конце концов, постоянная тревога способствует выработке кортизола^[12], а это, наверное, даже вреднее для плода, чем несколько глотков вина на свежем воздухе.

На площадке возле бассейна снова появилась Ванесса. Широко улыбаясь, она прижимала к себе два бокала и бутылку французского

розового вина. Налив вино в бокалы, она протянула один из них Дейзи, и обе стали пить маленькими глоточками, закусывая фруктами и сыром. Вино было охлажденным, но уже после первого глотка внутри у Дейзи разлилось блаженное тепло – как хорошо!

– Господи, я и не знала, как сильно мне этого не хватает! – призналась Дейзи, когда Ванесса вновь наполнила их почти опустевшие бокалы.

– Я тоже, – согласилась та и, поставив бутылку на стол, сделала из своего бокала большой глоток. – По-моему, это просто несправедливо: мужчины продолжают жить нормальной жизнью, ходить в пабы, пить и есть сколько влезет, а нам приходится изображать из себя святош-трезвенниц!

– А потом нам еще рожать, кормить грудью, лечить трещины на сосках и мучиться с молокоотсосами, – поддакнула Дейзи.

Ванесса рассмеялась.

– Не говоря уже о разрывах влагалища, – добавила она. – Буквально на днях я говорила Харуто примерно то же самое, и...

Дейзи потянулась за сыром камбоцола, который Ванесса слегка подогрела. Намазав мягкий как масло сыр на крекер, Дейзи отложила сверкающий на солнце нож и откусила большой кусок.

– Мне было очень приятно познакомиться с твоим Харуто, – сказала она с полным ртом. – Тогда, в бистро, помнишь?.. – добавила Дейзи осторожно.

– Правда?

Дейзи вскинула взгляд.

– Да, а что?.. – Она откусила еще кусочек крекера. – Я даже подумала – было бы неплохо, если бы вы оба познакомились с Джоном. Мы могли бы как-нибудь пообедать или поужинать вместе – все четверо.

Ванесса очень серьезно посмотрела на нее, а потом слегка подалась вперед.

– Послушай, Дез, я знаю, что ты тогда видела и что подумала. Нет-нет, не отрицай, у тебя все было на лице написано. На самом деле Харуто очень хороший человек, просто он... Иногда он бывает чересчур властным и не терпит возражений. Харуто не выносит дураков и тех, кто слишком медленно соображает. Вспыхивает как порох от малейшего пустяка! Да, я согласна, что ему порой не хватает

терпения, но, с другой стороны, именно темперамент делает Харуто таким хорошим специалистом и позволяет зарабатывать достаточно, чтобы мы могли позволить себе что-то подобное... – Она жестом показала на «Стеклянный дом». – Надеюсь, ты меня понимаешь.

Дейзи с готовностью кивнула. На самом деле она прекрасно понимала, что делает подруга. Ванесса просто поднесла к ее лицу зеркало, чтобы она могла как следует взглянуть на себя, на свою собственную жизнь, на своего мужа, на свои собственные приоритеты и компромиссы.

– Вот взять, например, твоего Джона, – продолжала Ванесса. – Он знаменитый горнолыжник, олимпийский чемпион. Скоростной спуск – очень опасный вид спорта. Одна-единственная ошибка – и все. Зато победа – победа дает силу, деньги и влияние. Но чтобы одержать эту победу, таланта мало – спортсмен должен быть настоящим альфа-хищником, постоянно готовым к борьбе, к риску. Больше того, он должен наслаждаться этой борьбой. Но и у золотой медали две стороны. У таких альфа-хищников есть свои, гм-м... особенности. – Последовала пауза. – Или я не права?

Прежде чем ответить, Дейзи поднесла к губам бокал, чтобы сделать пару глотков вина. Она не знала, что отвечать. Ванесса как будто заглянула к ней в голову, прочла ее самые сокровенные мысли.

– Кстати, как давно вы женаты? – спросила Ванесса, так и не дождавшись ответа. – Я что-то не припомню, говорила ты мне или нет...

Дейзи слегка усмехнулась.

– Мы поженились в 2002-м, когда Джон стал двукратным олимпийским чемпионом. Мы были еще совсем молодыми, возможно – слишком молодыми. На самом деле мы начали встречаться еще в старшей школе... Да и моим родителям он всегда нравился. А после того, как он выиграл Олимпийские игры, мой отец решил, что Джон подходит нам по всем параметрам... Лыжные курорты – это наш семейный бизнес, так что...

Она сделала еще глоток из своего бокала. Вино было легким, приятным на вкус, вот только она почему-то очень быстро опьянела. Наверное, просто отвыкла...

– Папа считал, что Джон – человек с большим потенциалом.

– *Считал?*

Дейзи почувствовала, что краснеет. Такого поворота беседы она не ожидала, но вместе с тем не могла и не признать, что подруга верно ухватила суть дела. Слегка откашлявшись, Дейзи сменила тему:

– А как познакомились вы с Харуто?

– О, это было так «романтично»! – рассмеялась Ванесса, потянувшись к своему бокалу. – Мы разговорились в баре в аэропорту и выяснили, что возвращаемся в Ванкувер одним рейсом. Потом – уже здесь – мы созвонились. Ну и пошло... Правда, брак мы зарегистрировали в Сингапуре – Харуто там родился. Его мать – японка, а отец и его семья – коренные англичане.

– Так вот откуда у него такая фамилия!

Ванесса кивнула, и Дейзи отпила еще немного вина. Она была не прочь поподробнее расспросить подругу о муже, но ей не хотелось, чтобы Ванесса, которую выпитое вино, казалось, раскрепостило, вернулась к своей обычной сдержанности, как поступает большинство людей, когда им кажется, что их пытаются опозорить или унижить. Любопытство, однако, не отпускало ее, и Дейзи решила зайти с другой стороны:

– Я заметила в гостиной вашу фотографию – ту, на которой ты босиком. Потрясающий снимок! Вся эта тропическая растительность, орхидеи, камни, водопад... А эта твоя длинная белая юбка с цветастой отделкой по подолу – она похожа на те, что носят в Мексике. Вы там отдыхали?

– Нет, это мы в Никарагуа. – Ванесса улыбнулась. – Мы были там несколько лет назад. Эту юбку я купила на местном рынке.

После этого обе женщины довольно долго молчали. Воду в бассейне взрябил несильный порыв ветра, и воздух сразу стал чуть холоднее. По небу понеслись белые облака. Ванесса больше ничего не говорила, но Дейзи уже вошла в азарт и жаждала новых подробностей. Вино придало ей смелости.

– Значит, вы вместе уже довольно давно. А почему ребенка решили завести только сейчас?

Ванесса рассмеялась, но смеялась она скорее не над вопросом Дейзи, а над собой.

– Сначала мы думали, что у нас вообще никогда не будет детей, а потом – бац! Это случилось.

– Харуто, наверное, счастлив?

– Конечно. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – ответила Дейзи, но тут же – то ли поддавшись внезапному порыву сказать правду, то ли потому, что вино, выпитое после нескольких месяцев воздержания, развязало ей язык, – добавила: – Иногда я спрашиваю себя... ну, я знаю, что мы с Джоном поступили правильно, когда решили завести ребенка, и все же иногда мне кажется, что Джон не особенно хотел... ну, ты понимаешь?

– Ты серьезно? – удивилась Ванесса.

Дейзи кивнула.

– Он что-нибудь тебе об этом говорил? – Ванесса снова долила вина в бокалы.

Глубоко вздохнув, Дейзи объяснила, что у Джона неприятности на работе, что на новую должность, которая, как они считали, была ему практически гарантирована, появился неожиданный претендент и что это нарушило их планы на будущее.

– Иногда мне кажется, что Джон согласился завести ребенка только из-за того, что ему посулили повышение, – призналась она, снова протягивая руку к бокалу с вином.

– Не может быть! – воскликнула Ванесса, которую слова Дейзи явно шокировали.

– Ну, ему известно, что, по *моему* мнению, появление ребенка укрепило бы наш брак и что я мечтаю о полноценной семье. А еще ему известно, что если буду счастлива я, то будут счастливы и мои родители, а раз уж повышение ему пообещал мой отец, то... – Дейзи слегка откашлялась. – В общем, Джон решил плыть по течению, а не против.

– Я не думала, что твой брак... нужно укреплять, – тихо сказала Ванесса.

Дейзи снова вздохнула.

– Не стоило мне этого говорить.

– Что у вас с ним случилось?

Дейзи показалось, что вокруг начало темнеть. Ветер задул сильнее, а облака, еще недавно редкие, почти закрыли солнце.

– Послушай, я... Наверное, я выпила слишком много. Мне немного не по себе... голова кружится.

– Давай я принесу тебе холодной воды.

Ванесса поспешила в дом и вернулась с двумя чистыми бокалами и графином воды, в котором плавали ледяные кубики. Наполнив один бокал, она протянула его подруге.

Дейзи с жадностью набросилась на воду. Она выпила почти половину бокала, но это не помогло: в голове по-прежнему плавал какой-то туман. В какой-то момент ее внимание привлекло движение в верхнем этаже соседнего дома. С трудом сфокусировав взгляд, она заметила женщину в инвалидном кресле, которая наблюдала за ними из высокого углового окна. Ванесса сидела в ту сторону спиной и не видела этого.

Дейзи показалось, будто на нее свалилась вся тяжесть окружающего мира. Перед глазами у нее по-прежнему плыло, и она, запрокинув голову, посмотрела на небо. Облака сгущались. Стая черных ворон по-прежнему кружила над деревьями, словно почувывшие поживу падальщики.

– Дейзи?

– Ч-что?

– Ты говорила – тебе казалось, что ребенок укрепит ваш брак.

Дейзи снова с силой потерла лицо, пытаясь сосредоточиться. Холодный ветер задул сильнее, трепля угол белой скатерти, но Дейзи почему-то было жарко: она чувствовала, что у нее промокли подмышки, а лоб покрыт испариной.

– Я... Джон допустил ошибку. По глупости. Еще тогда, в Колорадо... И оба раза разбираться с последствиями пришлось мне.

– Ты о чем?

– Да так, ни о чем. Те женщины – они обвиняли его в... во всяком. Раздули скандал. Хотели привлечь к себе внимание. Но я справилась с этим, и очень хорошо. Джон так ничего и не узнал.

Взгляд Ванессы вдруг стал каким-то чересчур пристальным, и Дейзи почувствовала страх. Кажется, она совершила ошибку. Ей не следовало ничего говорить, но...

– Так что случилось? Ты можешь мне рассказать? – мягко спросила Ванесса.

– Что-что... Все как ты говорила... ну, про альфа-хищников. Джон совершил ошибку. Он был еще совсем мальчишкой, что с него взять. В наше время вообще так трудно быть мужчиной.

– Какую ошибку?

Дейзи сглотнула. Она отчаянно пыталась вернуть себе ясность мысли, но безуспешно. Отчего-то ей все сильнее казалось, будто она добровольно лезет в ловушку, которую сама себе и устроила, но повернуть назад было ей не под силу – особенно теперь, когда она слишком раздражила любопытство подруги. И все же она попыталась небрежно махнуть рукой.

– Ну, первый случай был довольно давно – Джон тогда был еще подростком. Ну а в Колорадо... Обвинение было явно сфабриковано – он был совершенно ни при чем. А эти сучки попытались сломать ему жизнь, и все это по каким-то там своим причинам.

– А в чем они его обвиняли?

Дейзи поняла, что ее загнали в угол. В отчаянии она бросила взгляд на «Стеклянный дом». Чтобы вернуться к машине, ей придется пройти его насквозь. А ведь нужно еще придумать какой-то предлог, чтобы прервать разговор и уехать отсюда как можно скорее. Какого черта она вообще заговорила с Ванессой на эту тему? Но в глубине души Дейзи знала ответ. Ей отчаянно нужен был союзник, единомышленник, настоящий друг. Ей было так одиноко, а человек не может долго оставаться со своими неприятностями один на один – так уж он устроен, ему обязательно нужно выговориться, поделиться проблемами с себе подобными. И все же не надо было ей посвящать Ванессу в эту историю. Она допустила ошибку... Господи, как же она устала! И голова совсем не варит. К черту все. Скорее домой. Домой и спать. Ей просто необходимо прилечь!

– Дейзи?..

Дейзи вздрогнула и, прочистив горло, сказала:

– Они говорили, что он их изнасиловал.

Ванесса в ужасе уставилась на нее.

– Но он, конечно, ничего такого не делал. А они просто врали. Этим сучкам хотелось внимания. Джон был знаменит, а ведь чем выше поднимаешься, тем больше находится людей, желающих сбросить тебя в грязь. Такова человеческая природа. Представляешь, они обе заявили, будто беременны от него, но и это тоже была ложь. Выдумка.

Лицо Ванессы снова изменилось, и Дейзи почувствовала, как ее захлестывает волна иррационального ужаса. Она переступила черту, и теперь ее единственная подруга вот-вот станет *бывшей* подругой.

– Пойми, Ванесса! Джон был очень молод. А подготовка к Олимпиаде – это такой стресс. Как-то на вечеринке он сильно напился и переспал с девчонкой, которая была от него без ума. Она, кстати, тоже была пьяна и буквально вешалась ему на шею. Приятели Джона... вместо того чтобы его остановить, только подзуживали. Ну а потом и сами присоединились.

У Ванессы отвисла челюсть, но Дейзи уже не могла остановиться. Она должна объяснить – объяснить так, чтобы Ванесса поняла. Ей *нужно*, чтобы Ванесса ее поняла, одобрила, поддержала.

– Эта тварь... эта девчонка раздула из мухи слона. Заявила, что якобы подверглась изнасилованию – групповому изнасилованию. Потом выдумала беременность... Представляешь, она говорила, что беременна от Джона. Слава богу, никто не захотел подтвердить ее слова. Полиция вынуждена была начать расследование, но даже копам не удалось найти ни свидетелей, ни улики, потому что никаких улик не могло быть в принципе. В итоге ей пришлось отказаться от всех обвинений, и дело закрыли.

– Значит, Джон говорил, что все произошло по обоюдному согласию?

– Так оно и было.

– А как насчет его приятелей? С ними тоже?..

– Да пойми же ты!.. Там была компания пьяных подростков, которые хотели развлечься. И она в том числе. Да, Джон облажался, когда стал утверждать, будто между ним и этой девчонкой вообще ничего не было, но его можно понять. Он растерялся. Девчонка была совсем не в его вкусе – жирная прыщавая уродка с поганой репутацией, а Джон... он напился в стельку. И вообще, он тогда уже встречался со мной. А когда она заявила о беременности, он вынужден был признать, что секс у них все-таки был, но по обоюдному согласию и что в тот вечер с ней трахались и его приятели, так что ребенок мог быть от любого из них.

– А тест на отцовство не делали?

– Та девчонка куда-то уехала. Ни о каком ребенке больше никто не вспоминал, так что это с самого начала было ложью – ну, насчет беременности. Если бы ее обвинения подтвердились, это могло бы дорого обойтись и Джону, и половине олимпийской команды. Как

минимум не было бы двух золотых медалей, а как максимум жизнь и карьера Джона оказались бы разрушены.

– И твоя жизнь тоже.

– Да, и моя, – резко сказала Дейзи, испытав острый приступ раздражения. – У нас с ним были большие планы на будущее.

– Но что, если та девушка говорила правду?

Дейзи потерла лицо.

– Даже если в ее обвинениях была хотя бы капля правды, теперь это не имеет значения. Моя мать предложила ее родителям огромные деньги, чтобы эта девица могла поступить в университет – при условии, что она откажется от всех обвинений и перестанет мутить воду. Ее семья никогда бы не смогла столько заработать, разве только выиграть в лотерею. В конце концов они согласились. Ее мать работала уборщицей – убирала чужие дома и гостиничные номера, а отец был кем-то вроде техника на очистной станции. На самом деле, им повезло, что Джон не выдвинул встречный иск о клевете и диффамации. Кроме того, они получили целую кучу денег.

– Взятка за молчание? Твоя мать заплатила ее родителям за молчание?

Дейзи помотала головой.

– Слушай, Ванесса, мне надо домой. Я что-то не очень хорошо себя чувствую. Не надо мне было вообще об этом говорить... Давай оставим эту тему, ладно?

Ванесса пристально взглянула ей прямо в глаза. Ее взгляд прожигал Дейзи насквозь, и она вновь ощутила головокружение и тошноту.

– А женщине из Колорадо вы тоже заплатили?

Дейзи резко поднялась на ноги и пошатнулась.

– Мне пора домой. Спасибо за ланч.

Ванесса тоже встала и мягким движением положила ладонь на плечо Дейзи.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось через все это пройти, Дейзи. Иногда мужчины ведут себя как настоящие мерзавцы. Даже хуже.

Глаза Дейзи наполнились слезами. Она кивнула.

– Я могу чем-то тебе помочь?

– Нет. Я в порядке. Честно.

– А что, если он снова выкинет подобный номер?

– Кто? Джон?

– Да. Я хочу сказать – такие, как он, не меняются. Ты же это сама понимаешь, да, Дейзи? Они просто учатся быть осторожнее. Эволюционируют. Совершенствуются. Приспосабливаются. Отыскивают новые способы не попасться.

Дейзи прерывисто вздохнула.

– Пусть только попробует! Я... я клянусь, если подобное повторится, я с ним разведусь. И не просто разведусь, а подам на него такой иск, что ему небо с овчинку покажется. Я запрещу ему видеться с сыном. А в суде я выиграю, потому что... потому что у меня есть страховка и, если будет нужно, я ею воспользуюсь. Женщине, которая вышла замуж за такого мужчину, как Джон, обязательно нужна страховка.

– Страховка? – мягко переспросила Ванесса.

Дейзи кивнула, ободренная и сопереживанием подруги, и собственным отчаянным стремлением получить ее дружеское одобрение и любовь.

– На той вечеринке был человек, который записал происходящее на телефон. Не полностью, конечно, а частично, но этого вполне достаточно... Потом этот телефон попал ко мне в руки. Я скопировала запись и заставила владельца удалить ролик. При мне. Но копию я сохранила. Флешка с файлом лежит у меня дома в сейфе. А еще у меня есть экземпляр договора о неразглашении, подписанный той стриптизершей из Колорадо, и копия договора, который заключили моя мать и родители той девчонки из Уистлера. Это все улики. Доказательства того, что Джон на самом деле сделал все то, в чем его обвиняли, и... – Осознав, что она сказала, Дейзи осеклась. Да что с ней сегодня такое?!

Наклонившись вперед, Ванесса крепко обняла ее.

– Не переживай, – прошептала она ей на ухо. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Дейзи заплакала.

Дейзи

25 октября 2019 г. Пятница

За шесть дней до убийства

Возвращаясь домой, Дейзи чувствовала себя странно. Наверное, ей вообще не стоило бы садиться за руль – в голове все еще плавал туман, тело не слушалось, руки и ноги стали словно чужими. И как это Ванесса ухитрилась столько из нее вытянуть? С чего все началось? Она смутно помнила, как призналась – мол, боится, что Джон не очень-то и хотел ребенка, а потом, слово за слово, вывалила и все остальное. Кажется, так. Ну и что ей теперь делать?

Когда Дейзи уже сворачивала на подъездную дорожку «Розового коттеджа», ее внимание привлек уголок желтой бумаги, торчавший из почтового ящика на столбе. Подъехав к гаражу, она остановила машину, выбралась из салона и медленно пошла по дорожке обратно к почтовому ящику. Дейзи чувствовала, что ей нужно проветриться, глотнуть свежего воздуха, однако странное онемение еще не прошло, и она едва не упала, успев в последний момент ухватиться за почтовый ящик. Толчок все же вышел довольно сильным – она почувствовала, как все внутри нее перевернулось, а перед глазами потемнело, и крепче вцепилась в крашеное дерево. Сердце отчаянно стучало, а кожа казалась горячей, несмотря на пронзительный октябрьский ветер. Но хуже всего были подкатившая к горлу тошнота и головокружение. Реальность словно ускользала от нее, мир перед глазами расплывался.

Не надо было ей пить. Вино подействовало на нее как-то странно, слишком быстро ударив в голову. Возможно, это потому, что она воздерживалась от спиртного с тех пор, как узнала о беременности, решила Дейзи.

Постепенно в голове у нее прояснилось. Она встала прямее и даже рискнула разжать пальцы, которыми вцепилась в холодную фанеру почтового ящика, но тут взгляд ее упал на уголок простого желтого конверта, торчавшего из щели, и внутри у нее снова все

похолодело. Конверт выглядел в точности как тот, который Джон принес на прошлой неделе. Ни имени, ни адреса.

Сдерживая нарастающее беспокойство, Дейзи огляделась по сторонам. Новый порыв ветра с шорохом гнал по тротуару груды сухих листьев. На углу возле перекрестка темнел силуэт мужчины, державшего на поводке померанского шпица, пытавшегося помочиться на дерево. Пожилой сосед из дома напротив ползал на четвереньках вдоль своего забора, срезая ножницами увядшие цветы. Громко каркнула ворона, и Дейзи вскинула голову. Наглая птица смотрела на нее с телефонного столба, и Дейзи содрогнулась. Ворон она не выносила.

Наконец, собравшись с духом, Дейзи вскрыла конверт. Внутри лежал еще один лист глянцевой фотобумаги. Она вытащила его наружу и почувствовала, как горло стиснуло судорогой страха. На бумаге она увидела изображение надгробия, рядом с которым лежал нож для мяса. На надгробии было написано:

Покойся с миром, Крошка-Горошка.

А внизу крупными печатными буквами:

**ЭТО НЕ ИГРА. СДОХНИ, ДЕТКА, СДОХНИ! ОЧЕНЬ
НАДЕЮСЬ, ТВОЙ РЕБЕНОК СДОХНЕТ!**

Дейзи снова затрясло, на этот раз – от страха, к которому примешивалась раскаленная вспышка ярости.

Во всем этом долбаном мире был только один человек – единственный человек, – для которого эти слова и эти картинки имели вполне определенное значение.

Для суки-сталкерши из Колорадо.

Для стриптизерши Чарли Уотерс.

Дейзи снова окинула окрестности пристальным взглядом. Неужели Чарли здесь? Неужели она последовала за ними из Колорадо? Неужели – после всего! – она снова взялась за старое?

«Она хочет свести меня с ума. Она хочет, чтобы я спятила!»

Дейзи решительно проковыляла к соседскому забору.

– Фрэнк! Здравствуйте! – окликнула она пожилого мужчину, который продолжал срезать засохшие цветы.

Фрэнк поднял голову, потом с усилием встал с четверенок и подошел к соседке.

– Здравствуйте, Дейзи. Как поживаете? Надеюсь, все в порядке? – Увидев ее лицо, он прищурился: – Что с вами? Вам плохо?

Дейзи продолжало трясти как в лихорадке. Лицо стало свекольно-красным. Кожа горела, а в глаза будто песку насыпали.

– Я в порядке. В полном порядке, – заверила она соседа. – Скажите, Фрэнк, вы не видели здесь посторонних? Кого-то, кто заходил на наш участок или что-то опускал в почтовый ящик?

Фрэнк покачал головой.

– Нет, Дейзи, никого. Я сегодня почти весь день возился в саду, приводил в порядок клумбы, но никого не... Простите, с вами точно все в порядке? Может, принести воды?

– И никто не подходил к нашему почтовому ящику?

Сосед сосредоточенно нахмурился.

– Нет, я никого не видел. А что случилось?

– Вы уверены? Может быть, кто-то все же...

– Да нет, все как обычно. Разве только уборщица приезжала, но ведь она всегда убирает у вас по понедельникам и пятницам...

– Уборщица... – медленно повторила Дейзи.

– Да. Из «Помощи Холли». Та же девушка, что и в прошлые разы. Она ездит на маленьком желтом «субару» с эмблемой фирмы на дверцах.

– Большое спасибо, Фрэнк. – Дейзи повернулась и, тяжело дыша, побрела к парадной двери своего дома. Оказавшись в относительной безопасности гостиной, она села на диван, но не выдержала и, поднявшись, принялась ходить из угла в угол. При чем тут уборщица, размышляла она. Ни одна уборщица из «Помощи Холли» просто не может знать, как она поступила с Чарли Уотерс. И все-таки...

Дейзи понимала – она должна позвонить в полицию и сообщить о Чарли. Сказать, что она здесь. Что мстительная и опасная сталкерша нарушила судебный запрет, последовав за ними через границу в Канаду. Но если она это сделает, ей придется объяснять, почему она так уверена, что записку с угрозами прислала именно Чарли Уотерс. А Дейзи ни при каких условиях не собиралась признаваться в том, что сама терроризировала эту упрямую суку, а потом заплатила ей, чтобы та избавилась от ребенка Джона. Нет, Дейзи ни за что не расскажет им,

что сделала это только для того, чтобы грязная шлюха-стриптизерша не смогла навсегда привязать к себе Джона с помощью общего ребенка. Этого Дейзи не могла допустить ни под каким видом. Такие, как Чарли, всегда возвращаются, чтобы потребовать большего: больше денег, больше помощи, больше внимания. И покуда ее отродье живо, Джон будет так или иначе прикован к его матери.

Прижимая ладони к ноющей пояснице, Дейзи еще некоторое время расхаживала по гостиной из стороны в сторону, пока ей в голову не пришла новая мысль. Пожалуй, есть кое-что... Да, так она и сделает...

И Дейзи направилась к лестнице на второй этаж. Поднявшись в спальню, она отыскала в ящике туалетного столика свою старую телефонную книжку, нашла в ней номер Чарли Уотерс и набрала его на своем телефоне.

С каждым гудком владевшее Дейзи напряжение становилось сильнее. Как только на другом конце линии ответили, она рывкнула:

– Это ты? Это ты посылаешь мне записки с угрозами? Какого черта, Чарли Уотерс?! Я тебя засажу, ты сгниешь за решеткой!

– Дейзи? Дейзи Риттенберг?

– Ты сама знаешь, что это я. Кто же еще? Я знаю, что ты была в моем доме, Чарли. Опять взялась за старое? Ты поехала за нами в Канаду, чтобы снова нас преследовать. Ты следишь за мной в городе, следишь из-за деревьев в саду... И это ты подбросила записку в мою машину, это ты публиковала идиотские комменты на моей странице в Инстаграме!.. Считай, что с тобой покончено, Чарли Уотерс! Я тебя уничтожу!

– Я... я понятия не имею, о чем вы говорите!

– Ну да, конечно! Только ты знала про Чаки. Только ты!..

– Про Чаки?

– Про что же еще, ты, сука?.. Я сама посылала тебе записки с Чаки, пока ты не согласилась взять деньги и сделать аборт. Пока не подписала договор о неразглашении и не обязалась отказаться от всех обвинений и больше никогда – слышишь, никогда! – не контактировать с нами ни в какой форме. Если помнишь, суд запретил тебе даже приближаться к нам, но ты нарушила запрет, и сейчас я иду в полицию и сообщу, что ты снова терроризируешь меня.

Последовала долгая пауза. Дейзи вдруг поняла, что во рту у нее так сухо, словно она наелась костяной муки, но сейчас ей было не до этого. Она поймала эту психопатку с поличным. То, что Чарли так долго молчит, было признанием, и кровь в жилах Дейзи бурлила от ярости и торжества. В эти секунды она чувствовала себя неуязвимой, всемогущей победительницей.

В трубке раздался какой-то шорох, потом Чарли негромко проговорила:

– Даже не верится, что вы сами все это сказали... Вот так запросто взяли и признались в том, что делали со мной. Запугивали, пытаетесь вынудить на аборт, заплатили за молчание. Кстати, сколько там было?..

Дейзи понизила голос и процедила сквозь зубы:

– Если ты надеешься выдоить из меня еще полмиллиона – даже не мечтай. С меня хватит. Я заплатила тебе за молчание, а ты... Это ты троллишь меня в Инстаграме? Это ты следишь за нами? Ты пытаешься свести меня с ума?

– А-а, кажется, я поняла! Это, наверное, Кит...

– Какая еще Кит? – Дейзи едва не поперхнулась.

– Послушайте, леди... – Чарли вдруг заговорила очень быстро, как будто поняла, что сболтнула лишнее, и теперь пыталась отвлечь внимание Дейзи. – По-моему, вы *уже* спятили. Свихнулись. Имейте в виду – это *вы* нарушили наш договор, когда позвонили мне, и теперь...

– Чья бы корова...

– Я записала этот разговор, миссис Риттенберг, и, если вы еще раз попытаетесь связаться со мной, я пойду с этой записью к журналистам. Не забывайте, согласно нашему договору, вы тоже обязались оставить меня в покое.

И на линии воцарилась тишина.

Несколько секунд Дейзи неподвижно таращилась на свой телефон и прислушивалась к шуму крови в ушах.

«Кто, черт побери, такая эта Кит?!»

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Мэл и Бенуа поднялись по лестнице к квартире Кит Дарлинг. На часах было почти девять, по крыше над лестничным пролетом громко барабанил дождь.

Пока Лула и остальные члены команды пытались установить местонахождение супругов Норт, Мэл решила обыскать квартиру уборщицы в надежде, что там найдутся подсказки, с помощью которых детективы смогут выйти на ее след. Вдобавок было бы неплохо заполучить образец ДНК Кит и сравнить его со следами крови, найденными в «Стеклянном доме».

Когда они добрались до второго этажа старого здания в восточной части Ванкувера, Бенуа сказал:

– Дейзи Риттенберг не опознала Дарлинг по фото. Верить ей?

– Я пока ни во что не верю, – отозвалась Мэл и первой двинулась по длинному коридору, разглядывая номера квартир. Коридор был плохо освещен, и в нем стоял сильный запах карри из расположенного внизу индийского ресторана.

– А в то, что Ванесса Норт даже не позвонила ей после того, как Дейзи и ее муж бросили цветы и пирог на пороге ее дома и срочно уехали – якобы по медицинской необходимости?

– Дейзи говорила, что познакомилась с Ванессой на занятиях йогой для беременных. Тай Бинти тоже утверждает, что она не раз заходила в бистро со своей беременной подругой. Завтра мы опросим других женщин, которые занимались йогой вместе с ними. Может, кто-то из них знает, где могут быть сейчас Ванесса и Харуто.

Напротив квартиры Кит Дарлинг Бенуа вдруг замер. Сделав предупреждающий жест, он поднес палец к губам и показал Мэл на дверь. Дверь была слегка приоткрыта, внутри горел свет. В квартире кто-то был – детективы видели движущуюся тень.

Мэл и Бенуа переглянулись, потом, двигаясь плавно и совершенно бесшумно, заняли позиции по обеим сторонам от двери. В квартире

что-то упало, послышался стон. Детективы достали оружие.

Стоя сбоку от двери и держа пистолет наготове, Мэл постукала костяшками пальцев по косяку.

– Эй, кто-нибудь дома? Полиция!

В квартире воцарилась тишина.

– Есть кто? – заорал Бенуа. – Полиция! Не двигаться!

Мэл толкнула дверь. Она широко распахнулась, и Бенуа проворно скользнул внутрь и поднял оружие, прикрывая Мэл, ворвавшуюся в прихожую следом за ним.

В крошечной гостиной над столом у окна – спиной к детективам – склонился какой-то мужчина.

– Полиция!!! – в маленькой квартирке его голос прогремел как гром. – Отойдите от стола, сэр! Назовите себя!

Мужчина обернулся и увидел направленное на него оружие. Негромко ахнув, он поднял обе руки вверх, выронив стеклянную банку, которую держал. Банка упала на пол и разлетелась вдребезги, а ее содержимое рассыпалось по ветхому ковру.

– Не стреляйте! – выкрикнул мужчина дрожащим голосом. – Пожалуйста, не стреляйте! Я ничего не сделал!

– Кто вы такой? – требовательно спросил Бенуа.

– Простите, что? – Продолжая держать руки над головой, мужчина слегка подался вперед и склонил голову набок, словно у него были проблемы со слухом.

– Назовите ваше имя, сэр! – рявкнул Бенуа. – Кто вы?

– Я – С-сэм Б-берковиц, сосед... – пробормотал мужчина, дрожа от страха.

– Что вы делаете в чужой квартире? – спросил Бенуа. – И почему не отзывались?

– Простите, что вы сказали? Я плохо слышу.

– Что вы делаете в этой квартире? – повторил Бенуа, повысив голос. – Почему вы не ответили, когда мы стучали?

Мэл посмотрела на рассыпавшееся по полу содержимое банки. Похоже на птичий корм, решила она.

– Простите, я не надел слуховой аппарат. Если позволите, я его достану, и...

Бенуа опустил пистолет и кивнул. Мэл продолжала держать старика на прицеле на случай, если он попытается что-нибудь

выкинуть.

Дрожащими руками в печеночных пятнах Сэм порылся в кармане и достал оттуда слуховой аппарат. Вставить звуководы в уши ему удалось только с третьей попытки – так сильно его трясло.

– Мне... мне не нравится носить его постоянно, – проговорил Сэм. Его глаза слезились, влага собиралась в глубоких морщинах на щеках. – Я пришел сюда за кормом для Страшилы. Это одноногая ворона, она иногда прилетает к Кит. Кит дала мне ключ от своей квартиры, а я ей – от своей. Мы все-таки соседи, вдруг кому-то из нас понадобится помощь... Вот Кит и попросила меня кормить Страшилу, если она сама почему-то не сможет. Вы... вы меня напугали.

– Приносим свои извинения, сэр. Я – капрал Бенуа Салуму. – Бенуа убрал пистолет в кобуру.

– А я – сержант Мэллори ван Альст. – Мэл тоже спрятала оружие и предъявила старику свое удостоверение. – Мы как раз пытаемся найти Кит Дарлинг. Вы не знаете, где она может быть?

– Значит, ее уже признали пропавшей без вести? – спросил Берковиц, и морщины на его лице стали глубже.

– Будьте осторожны, сэр, не поранитесь... Позвольте, я вам помогу. – Хрустя тяжелыми башмаками по осколкам стекла и разнокалиберным семенам, Бенуа шагнул вперед и, взяв Сэма под локоть, отвел его к стене.

– Можно мне сесть? – спросил Сэм Берковиц. – Сердце, знаете ли... Вы меня напугали, и теперь я никак не успокоюсь.

Бенуа придвинул ему стул и помог сесть.

– Я закончил курсы оказания первой помощи. Дайте-ка я проверю ваш пульс, – предложил он. – Хотите, мы вызовем врача?

Сэм Берковиц поддернул рукав и вытянул руку вперед.

– Я думаю, обойдется. Мне надо только отдышаться немного, и я приду в норму.

На внутренней стороне его предплечья Мэл заметила татуировку, состоящую из нескольких цифр. Бенуа тоже ее увидел и бросил быстрый взгляд на напарницу.

Концентрационный лагерь, подумала Мэл. Сэм Берковиц пережил холокост.

При мысли об этом сердце у нее болезненно сжалось, и пока Бенуа проверял у старика пульс, она отправилась на кухню, чтобы

принести ему стакан воды.

Открыв кран, Мэл быстро огляделась. Помещение было маленьким, обстановка – старой. На подоконнике стоял горшок с базиликом. На полке – коллекция ярких цветных чайников. Холодильник был сплошь увешан фотографиями и открытками с изображением разных экзотических мест – Таиланда, Исландии, Кении, Галапагосов, Патагонии, Австралии, Камбоджи. На всякий случай Мэл проверила обратную сторону нескольких открыток, но не обнаружила ни текста, ни почтовых штемпелей. Обычная сувенирная продукция. Эти открытки Кит Дарлинг никто не присылал – наверное, она просто купила их как украшение.

Мэл заинтересовалась фотографией, на которой была запечатлена группа молодых людей, среди которых она нашла и Кит Дарлинг. На другом снимке Кит стояла одна на фоне водопада. Она весело смеялась и выглядела довольной и жизнерадостной. Кожа ее потемнела от загара, светлые волосы развевались на ветру, руки были унизаны яркими браслетами.

Наполнив стакан, Мэл отнесла его в гостиную. Протягивая воду Сэму, она спросила:

– Вы, случайно, не знаете, кто эти молодые люди на фото на холодильнике?

Взгляд Сэма затуманился.

– Это ее друзья из театральной труппы. Я не знаю их по именам. Только Буна – я несколько раз его видел, когда он приезжал к Кит. А открытки... она их коллекционировала. Говорила – в этих местах ей хотелось бы побывать. Она мечтала объехать весь мир. Однажды она мне сказала, что, если вдруг выиграет в лотерею, точно отправится в кругосветку... А почему вы спрашиваете? – неожиданно встревожился старик. – С Кит что-нибудь...

– Именно это мы пытаемся выяснить. – Бенуа выпустил запястье Сэма. – Ну вот, ваш пульс почти пришел в норму, но если вы вдруг почувствуете себя плохо, сразу скажите. Извините, что мы вас так напугали.

Сэм сделал глоток воды из стакана, который держал двумя руками.

– Насколько нам известно, сегодня Кит не вышла на работу, – сказала Мэл. – Ее начальница и друзья забеспокоились. Когда вы

видели ее в последний раз?

– Позавчера. Да, позавчера. Она помогла мне донести продукты до квартиры. Я сразу догадался, что с ней что-то не так. Это было заметно. Кит была какая-то молчаливая, как будто о чем-то глубоко задумалась. А еще она вдруг попросила меня кормить Страшилу, если сама почему-то не сможет... нет, если с ней что-нибудь случится, так она сказала! – Глаза старика снова наполнились слезами. – Нужно было мне что-то сделать. Я ведь сразу понял, что Кит напугана.

– Как по-вашему, что означали эти ее слова – «если с ней что-то случится»?

Сэм несколько раз кивнул.

– Вот и я ее спросил... А она сказала – если она умрет, неожиданно исчезнет или еще что-то в этом роде.

Мэл бросила быстрый взгляд на Бенуа.

– Она не говорила, что ее напугало?

Сэм грустно покачал головой.

– Нет, только... Примерно неделю назад или чуть раньше Кит спросила, не видел ли я накануне вечером кого-то подозрительного в тени напротив нашего здания. Кит сказала – он наблюдал за ее окнами.

– *Он?* – переспросил Бенуа.

Берковиц кивнул.

– А несколько дней назад она упомянула, что кто-то шел за ней от станции «Скайтрейна»^[13]. Мужчина, одетый в черное, – так Кит сказала.

– Она описала вам этого мужчину? – спросил Бенуа.

– Кит сказала – высокий, хорошо сложенный, светло-русые волосы. Больше она ничего не рассмотрела.

– Кит еще что-нибудь говорила? – уточнила Мэл.

– Нет. Но я все равно за нее волновался. А потом... я не слышал, чтобы вчера вечером она вернулась домой. Ее машины на обычном месте на стоянке за домом тоже не было. А сегодня утром появилась Страшила: сначала она несколько раз пролетела мимо моего окна, а потом села на балкон. Можно было подумать – она хочет мне что-то сказать, вся такая растрепанная, беспокойная, прыгает на одной ноге и все поглядывает на меня. У меня оставалось немного птичьего корма, я высыпал его в кормушку, а сам пошел и постучал Кит в дверь, но мне никто не открыл. А потом приехал этот ее приятель – Бун. Он зашел ко

мне и спросил, не видел ли я Кит. У него был очень озабоченный вид. Бун сказал, что Кит не подходит к телефону, и мы взяли мой ключ и пошли сюда, к ней, чтобы проверить, вдруг она упала в душе и ударилась головой. Но в квартире никого не было, и Бун ушел.

Пока Сэм говорил, Мэл внимательно осматривала квартиру. Она была маленькой, но уютной. На стенах и свободных поверхностях висели и стояли разные сувениры, интерьер был выдержан в стиле бохо^[14]. Солевая лампа. Свечи. Чехлы для диванных подушек расшиты по углам крошечными зеркалами, как принято в Азии. Салфетки и панно-макrame. Много комнатных растений. Театральные афиши. Греческие театральные маски на стенах. Книжные полки.

– Скажите, сэр, – обратилась она к Сэму, – может быть, в последнее время Кит вела себя необычно или встречалась с кем-то, кто не входил в круг ее постоянного общения?

Сэм Берковиц покачал головой.

– Нет, ничего такого я не заметил. Правда, последние несколько месяцев она казалась какой-то рассеянной. Где-то с июля. Да, тогда она как раз начала вести дневник... может, это можно назвать необычным? Раньше, во всяком случае, я ничего такого за ней не замечал.

– Дневник? – переспросила Мэл. – Личный дневник?

– Она сказала – это лечебная процедура. Дневник ей посоветовал вести ее психотерапевт.

– Кит посещала психотерапевта?

– Честно говоря, я не знаю подробностей. Просто однажды я увидел, как она сидит у себя на балконе и что-то пишет в толстой тетради... с такой ярко-розовой обложкой в фиолетовый горошек. Я в шутку спросил, уж не задумала ли она написать новый великий роман, а Кит рассмеялась и ответила, что это дневник, который она ведет по совету своего врача-психотерапевта.

– А вы не спросили, что побудило Кит Дарлинг обратиться к психотерапевту? – спросил Бенуа.

– Мне кажется, это было бы нетактично. Спрашивать у человека, почему он ходит к психотерапевту... это невежливо.

– Где Кит хранила этот дневник – вы, случайно, не знаете? – поинтересовалась Мэл.

– Разумеется, нет. Хотя мне кажется – она вполне могла носить его с собой, чтобы записывать разные мысли, как только они появляются.

Я бы на ее месте именно так и поступил.

На этом разговор закончился. Пока Бенуа отводил Сэма в его квартиру, Мэл начала поиски дневника или любой другой улики, которая могла бы пролить свет на последние поступки или планы Кит Дарлинг. Не забыла она и об образцах ДНК. В ванной комнате Мэл нашла расческу, в которой запуталось несколько тонких светлых волос с темными отросшими корнями. Расческу и зубную щетку Мэл положила в пластиковые пакеты для вещественных доказательств (поскольку речь шла о возможном преступлении, ее команда уже получила соответствующий судебный ордер).

Вернулся Бенуа. Пока Мэл обыскивала спальню, ее напарник занимался гостиной.

– Ни ноутбука, ни планшета, ни телефона! – крикнул он оттуда.

– Здесь тоже ничего похожего, – отозвалась Мэл. – Похоже, она забрала все свои гаджеты с собой.

Бенуа заглянул в спальню.

– Может быть, она держит их в машине, – предположил он.

На полу возле стенного шкафа Мэл заметила какой-то цилиндрический контейнер и взяла его в руки. Судя по весу, он был пуст, и она открыла крышку.

– Ничего себе! – удивилась она, заглянув внутрь контейнера. – Это же урна для праха. Интересно, почему она здесь? И для кого предназначалась?

– Может, Кит не смогла до конца расстаться с кем-то из близких, – сказал Бенуа, открывая стенной шкаф. Наклонившись, он извлек оттуда теннисную туфлю. Заглянув внутрь, он вскинул взгляд на Мэл.

– Седьмой размер, – сказал он. – Тот же, что и у кроссовки с места преступления.

Дейзи

26 октября 2019 г. Суббота

За пять дней до убийства

Сегодня Дейзи осталась дома одна. «Розовый коттедж» был в ее полном распоряжении. Джон отправился за город играть в гольф с очередными важными клиентами. После гольфа был запланирован банкет в ресторане, и муж предупредил Дейзи, что вернется поздно: клиенты были потенциальными инвесторами, и ему предстояло убедить их вложить средства в новый курорт. Джон казался даже слишком озабоченным, и Дейзи догадывалась, что он что-то задумал и что это как-то связано с Ахмедом Вахидом.

Что ж, пусть делает то, что считает нужным, подумала Дейзи. Хотя бы свои ботинки он сегодня утром сумел найти. Впрочем, они, как и всегда, стояли в глубине стенового шкафа рядом с туфлями для гольфа. А вот она никак не могла отыскать свой кулон с бриллиантом. Интересно, куда он мог деться?

Опустившись в мягкое кресло в гостиной, Дейзи положила ноги на пуфик и сделала несколько глотков травяного чая. Ночью она почти не спала, все вертелась с боку на бок, и теперь чувствовала себя совершенно разбитой, а ее ноги распухли сильнее обычного. Думать она могла только о полученном вчера письме – письме с изображением надгробного камня и очередными угрозами.

Как там сказала Чарли Уотерс?

«Кажется, я поняла! Это, наверное, Кит...»

«Только уборщица приезжала. Та же девушка, что и в прошлые разы...» – А это уже сказал сосед, Фрэнк как-его-там...

Потом Дейзи снова стала думать, куда мог подеваться кулон. Не могла же уборщица его украсть! Но если не она, то кто?.. Кто-то посторонний? Может, уборщица заметила каких-нибудь подозрительных людей в саду, за кустами или возле почтового ящика? Надо будет у нее спросить...

Но Дейзи понятия не имела, как зовут уборщицу, которая дважды в неделю приезжала к ней в дом на желтом «субару». Она даже ни разу ее не видела и предпочитала думать о ней как о безымянной домашней фее, а не о женщине из плоти и крови. Что ж... Следующий уборочный день – понедельник, подумала Дейзи. На этот раз она останется дома и дождется приезда уборщицы, а когда та появится – спросит ее, не замечала ли она поблизости кого-нибудь подозрительного.

А еще она спросит, не видела ли уборщица ее бриллиантовый кулон.

Может, она нашла его где-нибудь на полу и убрала в «надежное» место, чтобы потом вернуть хозяйке, подумала Дейзи. Подозревать прислугу в воровстве ей не хотелось, да и «Помощь Холли» славилась благонадежностью. В Интернете о ней отзывались только положительно. Уважаемая фирма. Признанная. Ее услугами пользуется даже Ванесса.

И все-таки Дейзи решила наконец познакомиться со своей уборщицей поближе.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Было уже почти десять вечера, когда Мэл и Бенуа подъехали к дому, который снимал Бун, точнее Бун-ми Селим, на восточной окраине Ванкувера.

Селим открыл, как только детективы постучали в дверь. Они позвонили заранее, так что он ждал их визита. Бун оказался немного выше среднего роста. Гладкая коричневая кожа. Широкий лоб и высокие скулы. Блестящие черные глаза. Кольцо в носу и серебряные «тоннели» в ушах. Одет он был в черные джинсы и футболку. Симпатичный парень, подумала Мэл.

– Зовите меня просто Бун, – сказал он, после того как детективы представились. – Можем мы поговорить снаружи или у вас в машине? Я снимаю дом вместе с целой кучей приятелей, и как раз сейчас там полно народа. И... – Его голос сорвался, в глазах блеснули слезы. – В общем, внутри слишком шумно.

Мэл и Бенуа отвели Селима к своей машине и усадили на заднее сиденье. Сами они сели впереди, повернувшись к нему, и включили лампочку в салоне. Дождь монотонно барабанил по крыше, ручейками сбегал по лобовому стеклу. Температура снаружи упала еще ниже, поэтому Бенуа запустил двигатель и включил обогреватель, от этого стекла почти сразу запотели.

– Когда вы в последний раз видели Кит? – начал Бенуа.

Прежде чем ответить, Бун закрыл глаза, и Мэл, собаку съевшая на допросах, сразу почувствовала, что парень собирается соврать. Хотя, вполне возможно, он просто пытался совладать с эмоциями.

– Кажется, это было два дня назад.

– *Кажется?* – уточнила Мэл, и он бросил на нее испуганный взгляд.

– Тут вот какое дело, Бун, – сказала она. – Сэм Берковиц, сосед Кит, сообщил нам, что не далее как сегодня вы заходили домой к Кит и выглядели очень обеспокоенным. По его словам, вы разыскивали вашу

подругу. Холли Магуайр также сообщила, что вы связались с ней, потому что не могли дозвониться до Кит. Получается, вы разыскивали ее весь сегодняшний день, но затрудняетесь припомнить, когда вы в последний раз ее видели...

– Я что, подозреваемый? Или как?

– Или как.

Бун прищурился, и в его глазах вспыхнул огонек враждебности.

– Сегодня я ее не видел. И вчера тоже. В последний раз мы встречались... за день до Хеллоуина. В среду. Да, точно. Мы играли в П/Д.

– В П/Д? – переспросил Бенуа.

– В «Подземелья и драконы». Это такая настольная ролевая игра. В жанре фэнтези.

– И как Кит вела себя в тот вечер?

– Откровенно сказать, она была на себя не похожа. Хотя это началось еще пятнадцатого июля.

– Пятнадцатого июля? – удивилась Мэл. – Какая точность... А что случилось пятнадцатого июля?

– Это годовщина смерти ее матери. Ее мама умирала долго, мучительно, и Кит вся испереживалась. Ей было нелегко. А потом, когда мама наконец умерла, она долго не решалась развеять ее пепел. Но в этом году, когда со дня ее смерти исполнился год, я сказал, что Кит должна уже это сделать и что я готов пойти с ней. В общем, мы отправились в парк Лайтхаус и высыпали прах с обрыва в воду. Это раз. Два – в тот же день Кит начала работать на новых клиентов... С тех пор она и начала вести себя... странно.

– Вы не знаете, что это были за клиенты? – спросил Бенуа.

– Знаю. Супруги Риттенберг. Они живут в доме, который называется «Розовый коттедж».

Услышав эти слова, Мэл насторожилась.

– Вы знаете, где они живут. Значит, Кит вам о них рассказывала?

– Да. Мы многое друг другу рассказываем... У нас с ней очень близкие отношения. Мы росли в одном городке в горах и учились в одной школе, но я тогда еще не был знаком с Кит – она была на несколько лет младше. Познакомились мы уже здесь: несколько лет назад случайно столкнулись в кафешке в торговом центре.

– А что не так с этими Риттенбергами? – спросил Бенуа. – Ведь это из-за них у Кит начались проблемы?

Бун поерзал на сиденье, потер коленку, откашлялся.

– Я не знаю. Кит ничего мне не говорила.

– Вы только что сказали, что были очень близки, – напомнила Мэл.

– Поэтому-то я и сказал, что она стала странная. Как будто замкнулась. Ушла в себя. Я уверен – что-то произошло, но что? Я даже не знаю, связано ли это с «Розовым коттеджем». Может, Кит просто все еще горюет по матери... Я, конечно, пытался ее расспрашивать, но она отказалась говорить на эту тему. С тех пор между нами все как-то расклеилось, понимаете? Меня это очень огорчало. Я чувствовал, что она больше не пускает меня в свою жизнь, и пытался задавать новые и новые вопросы, но Кит замкнулась и ничего мне не объяснила. В общем, я понятия не имею, в чем дело... Я даже пару раз специально проезжал мимо этого «Розового коттеджа», хотел посмотреть, что и как, но когда Кит об этом узнала, то очень разозлилась. Просто рассвирепела! Сказала, что я перешел всякие границы, что не имею права вмешиваться в ее рабочие дела, но я-то знаю, что работа тут ни при чем. Что бы там ни произошло, это коснулось ее лично. И не просто коснулось, а... – Он тяжело вздохнул. – В последние несколько недель она явно нервничала. Как будто чего-то боялась. Вздрагивала от каждого шороха, от каждого телефонного звонка. Похоже, ей мерещилось, будто ее кто-то преследует.

– Она не говорила кто?

Бун потер подбородок.

– Нет, но мне все-таки казалось, что это может быть как-то связано с этими ее клиентами – Риттенбергами. Возможно, Кит что-то увидела или услышала... – Он выругался и снова с силой потер лицо. – Ладно, я скажу... Но только потому, что очень за нее беспокоюсь. На самом деле беспокоюсь! Кит... очень любопытна. Патологически любопытна. Это у нее что-то вроде зависимости. Кит часто шутит на этот счет, но на самом деле это реальная болезнь. Очень серьезная. Вот я и думаю, что это как-то связано с ее исчезновением. А я ведь предупреждал ее, что любопытство до добра не доводит, но Кит не слушала. Она обыскивала все уголки, стараясь разузнать, что

скрывают клиенты. И, похоже, разузнала что-то страшное. Или кто-то застал ее с поличным.

Мэл и Бенуа молча смотрели на Буна. Напряжение в воздухе росло.

– Вы говорите, Кит «обыскивала все уголки»... – негромко начала Мэл. – Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду – она рылась в шкафах, в белье, пыталась вскрывать сейфы, забиралась в хозяйские компьютеры. А еще... – В его глазах снова блеснула влага. – Наверное, с моей стороны это предательство, но... У Кит был аккаунт в Инстаграме – @лисицаиворона. Ну, понимаете, и лисы, и вороны ужасно хитрые, пронырливые, даже вороватые... Так Кит стебалась над миром, который принимает все, что видит в Сети, за чистую монету. Она высмеивала стиль жизни, который пропагандируют социальные сети, – знаете, когда каждый пытается создать себе бренд и втюхать его другим. Вот Кит и притворялась богатой гламурной чиксой, которая только и делает, что путешествует. Я тоже иногда в этом участвовал, потому что это было весело. И в общем-то безобидно. Но в последнее время Кит публиковала слишком много селфи, сделанных в домах клиентов, иногда – в чужих нарядах, в чужих украшениях... Чаще всего она снимала себя в доме Риттенбергов. А один раз... – Не договорив, Бун отвернулся.

– Продолжайте, – сказала Мэл. – Прошу вас, продолжайте. Это может оказаться важным.

Бун нервно облизнул губы.

– Один раз Кит сфотографировалась на фоне детской кроватки, которая предназначалась для их ребенка – ребенка Риттенбергов. В руках она держала результаты УЗИ, так что каждый, кто видел эту фотографию, мог запросто подумать, будто это она ждет ребенка. Если Риттенберги увидели это фото, то... Такое кого угодно напугало бы... А может, Кит нашла в «Розовом коттедже» какой-то компромат. Лично я склоняюсь именно к этому варианту: Кит наткнулась на что-то, что Риттенберги скрывают. Не знаю, что это может быть – может, какая-то семейная тайна... очень важная тайна. Что-то такое, ради чего...

– Тайна, ради сохранения которой можно пойти на убийство? – подсказал Бенуа. – Вы это имели в виду?

Бун опустил голову и уставился на сложенные на коленях руки.

– Да, – проронил он. – Да. Именно этого я всегда боялся. Что из-за своего большого любопытства Кит попадет в большую беду.

– То есть вы считаете, что исчезновение Кит имеет отношение именно к этим ее клиентам? – уточнил Бенуа.

Бун сглотнул.

– Я не знаю. Но Кит стала странно себя вести именно после того, как ей поручили убираться в «Розовом коттедже».

– Вы говорили, что выросли в том же городке, что и Кит, – сказал Бенуа. – В каком?

Бун ответил не сразу.

– В Уистлере. Знаменитый горнолыжный курорт. Я уехал оттуда сразу, как окончил школу. Кит тоже бросила школу и уехала.

– Значит, вы умеете кататься на горных лыжах? – спросила Мэл.

Бун усмехнулся.

– Это даже смешно: стоит сказать, что ты жил в Уистлере, и все сразу же решают, что ты – горнолыжник или сноубордист. А вы знаете, сколько стоит билет на подъемник, детектив? – Он покачал головой. – У нас, в моей семье, никогда не было денег на горные лыжи. Мои родители работали в «Макдоналдсе»... Владелец франшизы в Уистлере быстро понял, что пытаться нанять на работу местных –дохлый номер. А те парни и девчонки, которые каждый год съезжались в Уистлер со всего мира, чтобы покататься, тоже не особенно стремились вкалывать в фастфуде. Если они и искали работу, то такую, чтобы давала возможность пользоваться горнолыжным инвентарем и подъемниками бесплатно. Нет, они ехали в Уистлер из Великобритании, Австралии или Японии совсем не для того, чтобы носиться с подносами по «Макдоналдсу». Вот владелец ресторана и стал привлекать рабочую силу из Таиланда или с Филиппин – бедных стран, жители которых были готовы на все, лишь бы перебраться в Канаду. Так было и с моими родителями: работа в «Макдоналдсе» была их единственным шансом на иммиграцию. Вот как получилось, что я родился и вырос в дорогом курортном городке и учился в единственной местной школе с богатенькими детишками из местных.

В его голосе Мэл послышалась горечь. Похоже, в школе Буну приходилось несладко.

– А Кит? Она каталась на лыжах? – мягко спросила она.

– Ее мать работала уборщицей в отеле, а отец был техником на очистной станции, – сказал Бун. – Денег у них никогда не было. Если Кит и каталась на лыжах или на сноуборде, то очень редко, когда ее из милости приглашали богатые подружки. Но какое отношение все это имеет к ее исчезновению?

Он пристально посмотрел на Мэл, но она выдержала его взгляд.

– Джон Риттенберг, – сказала она. – В свое время он был знаменитым горнолыжником, олимпийским чемпионом. Он вырос на Северном берегу, а значит, много катался в Уистлере. Олимпийская команда по горнолыжному спорту тоже готовилась там.

– Ну и что?

– Скажите, может быть, вы или Кит знали Джона Риттенберга в те времена, когда учились в школе? – задал вопрос Бенуа. – Уистлер – небольшой городок. Наверняка вы с ним там сталкивались.

Бун ничего не ответил, но что-то в его позе едва заметно изменилось, плечи напряглись, лицо закаменело. Этот парень что-то знает, поняла Мэл. Знает, но не говорит. И связано это с его жизнью в курортном городке.

Она вздохнула. Бун-ми Селим поднялся чуть выше в ее личном списке людей, заслуживающих пристального внимания.

– Но вы наверняка слышали о Джоне Риттенберге, когда учились в школе, – сказала Мэл.

Бун снова облизал губы.

– Конечно, слышал. После Олимпиады одну из трасс даже назвали его именем.

Мэл попробовала зайти с другой стороны:

– Скажите, где Кит могла прятать свой дневник?

– Дневник?

– Да. Толстую тетрадь с розовой обложкой в горошек.

– Понятия не имею. Я вообще не знал, что Кит ведет дневник.

– Может, вы знаете имя ее психотерапевта? – спросил Бенуа, и Бун посмотрел на него почти испуганно.

– Кит не ходит ни к какому психотерапевту.

– Похоже, она делилась с вами далеко не всем, Бун, – заметила Мэл.

– Послушайте, я... я бы знал, если бы Кит обратилась к врачу. Собственно говоря, я как-то даже предлагал ей сходить на прием к

психотерапевту, но она ответила, мол, скорее ад замерзнет, чем она пойдет к мозгоправу.

– Почему вы предложили ей обратиться к врачу? – спросила Мэл, и Бун сразу съежился, словно почувствовал себя в ловушке.

– Какого черта вы сидите здесь и задаете мне дурацкие вопросы, вместо того чтобы искать Кит? – выпалил он. – Она в опасности, я знаю... Я чувствую!

– Вас с Кит связывают романтические отношения? – спросил Бунуа, пропустив выпад Буна мимо ушей.

– Нет. – Бун как-то сразу сник. – Я гей. До недавнего времени у меня был... партнер, но мы расстались. Кит мне как сестра. Больше чем сестра.

– У нее есть родственники, близкие или дальние, которым мы могли бы позвонить?

– Нет. Кит была единственным ребенком. Ее отец умер, когда ей было девятнадцать, а год назад она потеряла мать. Я вам уже говорил...

– У Кит есть бойфренд, ухажер? – спросила Мэл.

– Нет. Она была замужем, но недолго. После этого она охладела к... отношениям подобного рода.

Мэл удивилась. Слова Буна застали ее врасплох – ничего подобного она не ожидала.

– Почему? Брак был неудачным?

– Наверное, можно сказать и так, хотя... Тодд Дарлинг – так звали ее мужа – очень хотел иметь детей, а Кит не могла... – Он сглотнул, и Мэл насторожилась. Тут что-то есть, решила она, вспоминая фото Кит в Инстаграме, которое Бун описывал несколько минут назад: фото на фоне детской колыбельки с чужим УЗИ-снимком в руках.

– Я хочу показать вам кое-какие фотографии, Бун, – сказала Мэл более мягким тоном. – Кое-какие из них выглядят... страшновато – они сделаны на месте преступления. Вы не против?

Бун кивнул, но ему явно было не по себе.

Мэл включила планшет и продемонстрировала ему снимок окровавленной кроссовки.

– Вам знаком этот предмет?

Бун подался вперед. Неожиданно он всхлипнул, и по его щекам потекли слезы. Он смахнул их рукавом, шмыгнув носом и кивнул.

– Это кроссовка Кит. – Бун поднял голову. – Что там произошло – в «Стеклянном доме»? Что с Кит? Она жива? Господи, пусть с ней все будет в порядке!

– Откуда вы знаете, что эта фотография сделана в «Стеклянном доме»? – вкрадчиво поинтересовалась Мэл.

– Я слышал... в новостях. Что полицию вызвали в «Стеклянный дом». Корреспондент сказала, это была бригада по расследованию убийств. Кит там работала... Я хотел проехать мимо, посмотреть, но улица была перекрыта.

– А что насчет этого? – Мэл показала ему фотографию бриллиантового кулона. – Вы когда-нибудь видели это украшение?

– Нет. Никогда.

– Хорошо. А вот этих людей вы можете назвать? – на экране появилось изображение фотографии с холодильника в квартире Кит.

– Это я. Это Кит... – Бун начал показывать пальцем. – Это Азим Шариф, профессор философии. Это его девушка Элла Картер. Это Онур Осман, он работает фельдшером на «Скорой», а это Вики-Ли Мертаг из патологоанатомической лаборатории. Мы дружим, вместе играем в П/Д и в любительском театре...

– Еще один вопрос, Бун. Фамилия Кит...

– Дарлинг она по мужу. После развода Кит решила оставить фамилию. В школе она была Катариной Попóвич, но после того, как бросила школу и переехала в Ванкувер, стала называть себя Кит.

– А что случилось с Тоддом Дарлингом? – спросил Бенуа.

– Он переехал в Великобританию и женился на англичанке. Сейчас у них уже двое детей, один еще совсем малыш, а другой чуть постарше.

– Кит очень переживала из-за своей неспособности родить ребенка? – спросила Мэл.

– Да. Из-за этого и развалился их брак. Тодд хотел ребенка, а Кит, похоже, не сообщила ему о своих сложностях по женской части до свадьбы. Со временем это стало для них серьезной проблемой. Поначалу Тодд говорил, что ему все равно, но я думаю – он чувствовал себя обманутым. В конце концов они расстались, причем, насколько я знаю, инициатива исходила от Кит. Я думаю, она хотела дать ему возможность жениться во второй раз и получить наконец то, о чем он мечтал.

– Почему Кит скрыла от будущего мужа тот факт, что она не в состоянии иметь детей?

Бун пожал плечами.

– Может, боялась, что тогда Тодд не захочет на ней жениться. А ей очень хотелось быть любимой, желанной.

– А теперь у ее бывшего мужа есть дети, так? – сказал Бенуа.

– Да.

– Это ее расстроило?

– Наверное, расстроило. Может быть, даже очень расстроило.

– В прошлом вы уже советовали Кит обратиться к психотерапевту, – проговорила Мэл. – Вы утверждаете, что она страдает патологическим любопытством. Вы также сказали, что она была сама не своя после смерти матери и что ее очень расстроило что-то, что она увидела в «Розовом коттедже». По вашим словам, у Кит есть весьма сомнительный аккаунт в социальных сетях, где она публикует свои фотографии в одежде клиентов, притворяется, будто вынашивает их ребенка. Исходя из этого как бы вы оценили эмоциональное состояние Кит?

Он глубоко вздохнул.

– Кит не похожа на других. Она очень необычный человек, оригинальный, немного экстравагантный, экспрессивный, склонный драматизировать, но все это только маска, за которой она прячется. На самом деле она человек добрый и чуткий. И ранимый. – По его лицу снова потекли слезы, и Мэл протянула ему пачку гигиенических салфеток. Бун громко высморкался.

– Наверное, ей хочется думать, что, если она сумеет спрятаться от всех за своими эксцентричными поступками, за театральными ролями и фейковым профилем в Инстаграме, окружающие не смогут разглядеть за всем этим настоящую Кит – несчастную, сломленную, одинокую. И не будут задавать ей слишком много вопросов.

– Что такого она скрывает, если так боится вопросов? – поинтересовался Бенуа.

– Я не знаю, но... боюсь, это что-то плохое. Очень плохое. Что-то, что случилось с ней еще когда она училась в школе – что-то, из-за чего она бросила учебу и уехала из Уистлера.

– А вам Кит ничего об этом не рассказывала?

Бун отвернулся.

– Нет, – сказал он. Голос его звучал достаточно твердо, но Мэл не сомневалась, что Бун снова солгал.

– Не могли бы вы завтра зайти в участок, Бун? Сделать официальное заявление и сдать образец ДНК?

– ДНК? Зачем?

– Чтобы мы могли убедиться в вашей непричастности к событиям в «Стеклянном доме».

– Ну... хорошо. Я приду.

Когда Бун вышел из машины и, сутулясь под дождем, направился к дверям своего дома, Мэл сказала:

– Он что-то скрывает.

– Наверняка, – согласился Бенуа.

Они оба смотрели, как Бун поднялся на крыльцо и открыл входную дверь. Желтый свет из прихожей взрезал ночную тьму. Бун шагнул вперед, дверь за ним захлопнулась, свет погас.

Дейзи

28 октября 2019 г. Понедельник

За три дня до убийства

«Осталось пять недель. Всего пять недель», – думала Дейзи, крепко прижимая ладони к пояснице. Она стояла у окна в детской и смотрела на подъездную дорожку, ожидая появления уборщицы. Время от времени Дейзи принималась ходить из стороны в сторону, надеясь облегчить боль в бедре (у нее защемило нерв), но это почти не помогало.

Она посмотрела на часы. Утром Джон опять уехал очень рано, а вернется домой поздно. Он сказал не ждать его – ему опять предстоит развлекать тех самых перспективных инвесторов. Похоже, «Терра Уэст» возлагала на них большие надежды, раз уж Джон их так усердно обхаживает. Вот и сегодня он сказал, что после ужина он, скорее всего, поведет их в клуб – клиенты прибыли из Китая, и им хочется вкусить ванкуверской ночной жизни. От этого Дейзи не по себе: она не была уверена, что может полностью доверять мужу. И не последнюю роль в этом сыграл ее разговор с Ванессой.

Кроме того, именно в «клубе для взрослых» Джон когда-то познакомился со стриптизершей (она же «исполнительница экзотических танцев») Чарли Уотерс – и поглядите, что из этого вышло!

«А что, если он снова выкинет подобный номер?.. Я хочу сказать – такие, как он, не меняются. Ты же это сама понимаешь, да, Дейзи? Они просто учатся быть осторожнее. Эволюционируют. Совершенствуются. Приспосабливаются. Отыскивают новые способы не попасться», – вспомнила Дейзи слова подруги и прерывисто вздохнула.

«Я... я клянусь, что, если подобное повторится, я с ним разведусь. И не просто разведусь, а подам на него такой иск, что небо с овчинку покажется. Я запрещаю ему видеться с нашим сыном. А в суде я

выиграю, потому что... потому что у меня есть страховка, которую я в случае необходимости без колебаний пушу в ход».

Дейзи остановилась и поморщилась от боли. Поясницу опять прихватило, но думала она не об этом, а о документах и флешке с записью, которые хранились в ее сейфе. Если то, что сделал Джон в Сильвер Аспенз, повторится здесь, в Ванкувере, она его уничтожит.

В конце концов, если бы тогда он не связался со стриптизершей, сейчас его жене бы никто не угрожал, не посылал жутких gifок с куклой Чаки, не писал пугающих комментариев в Инстаграме. И уж конечно, ей бы не мерещились одетые в черное люди, которые словно тени мелькали за деревьями в саду. Да, если бы не Джон, сейчас ее жизнь была бы намного спокойнее и приятнее.

«Но ведь ты сама решила, что должна его защитить, – раздался у нее внутри тоненький голосок здравого смысла. – Ты взяла все в свои руки и ликвидировала последствия совершенной им глупости. Это твоя мать научила тебя, что женщине иногда приходится действовать самым радикальным образом, чтобы спасти свое доброе имя и репутацию семьи. И это ты предпочла поверить, что мальчишки всегда остаются мальчишками вне зависимости от возраста, это ты спрятала голову в песок, ты закрыла глаза на неверность Джона. И *ты до сих пор* веришь, что женщины нарочно стремятся обольстить и соблазнить мужчин ради денег и известности и что мужчины беспомощны перед соблазном бесплатного секса, а раз так, то ответственность лежит не на них, а на этих алчных шлюхах».

Снаружи послышался шум мотора, и Дейзи поспешила вернуться к окну. Выглянув во двор, она увидела машину с эмблемой «Помощь Холли», которая остановилась перед парадной дверью «Розового коттеджа». Спрятавшись за занавеской, Дейзи смотрела, как уборщица выбирается из машины и достает из салона пылесос, щетки и прочий инвентарь. С высоты второго этажа она выглядела довольно привлекательной – блондинка с подтянутой спортивной фигурой и энергичными движениями. Глядя на нее, Дейзи даже ощутила легкий укол зависти.

Уборщица потащила свой инвентарь к крыльцу, и Дейзи поспешила вниз. Ее куртка и сумочка уже лежали на столике рядом с входной дверью – она заранее решила, что уйдет, как только поговорит

с девушкой. Никакого желания торчать дома, пока та будет чистить, мыть и пылесосить, у Дейзи не было.

Сквозь матовую стеклянную панель входной двери ей был виден размытый силуэт. Вот она открывает ящик для ключей...

Дейзи повернула ручку и открыла дверь. От неожиданности уборщица даже отскочила, издав удивленное восклицание.

– Прошу прощения, мэм!.. – пробормотала она. – Я думала... – Она беспомощным жестом показала на ящик для ключей, который Дейзи и Джон установили специально для сотрудников клининговой службы. – Мне сказали, что дома никого не будет и что я должна воспользоваться... Прошу прощения, мэм. Нужно было сначала постучаться...

– Не беспокойтесь, дорогая, я как раз собиралась уходить, но мне нужно было увидеться с вами. – Дейзи улыбнулась. – Меня зовут Дейзи Риттенберг.

Уборщица сразу насторожилась, и на лице ее появилось виноватое выражение.

«Ага! Она явно в этом замешана!» – Дейзи видела это, почувствовала это, и ее кровь быстрее побежала по жилам.

Уборщица тем временем перевела взгляд на ее огромный живот, и Дейзи инстинктивно прикрыла его ладонями.

– Поздравляю, мэм, – пробормотала уборщица.

– Благодарю. – Дейзи кивнула. – А как вас зовут?

– Ой, простите! Меня зовут София. София Рамос. Рада с вами познакомиться, мэм. – Уборщица протянула руку для пожатия.

Дейзи почувствовала разочарование. А где же Кит?..

Наклонившись вперед, чтобы пожать протянутую руку, она проговорила самым небрежным тоном:

– Я хотела спросить, не попался ли вам мой золотой кулон с бриллиантом в форме капли? Я всегда оставляю его на...

– Простите, мэм, но я еще никогда не бывала в вашем доме. Я новенькая. Меня прислали к вам на замену.

– На замену?

– Ну да. Раньше у вас была другая уборщица, Кит, но у нее случились какие-то накладки в рабочем расписании, и Холли направила к вам меня. Теперь убирать «Розовый коттедж» буду я.

Дейзи почувствовала, как екнуло ее сердце.

– Кит?.. – переспросила она.

– Да.

– А как ее фамилия?

– Я не знаю, мэм. Я только недавно устроилась в «Помощь Холли» и не успела познакомиться со всеми работниками.

– Понятно...

– А что, у вас к ней какие-то претензии?

– Нет, нет, совсем наоборот. Кит так хорошо убирала мой дом, что я... я хочу послать ей цветы. И открытку со словами благодарности. Вы, случайно, не знаете ее телефон или адрес?

София Рамос нахмурилась.

– Извините, нет. Но вы можете позвонить в офис, там вам подскажут.

– Ну конечно! Так я и сделаю! – заверила ее Дейзи.

Дейзи

28 октября 2019 г. Понедельник

За три дня до убийства

После того как ее план допросить с пристрастием уборщицу по имени Кит провалился, Дейзи поехала в кафе в центре города. Там она села за столик возле окна и заказала чай латте. В ожидании заказа Дейзи смотрела на улицу, по которой, кутаясь в теплые пальто, навстречу порывам осеннего ветра спешили прохожие, безжалостно топтавшие сорванные с деревьев золотые и пурпурные листья.

Что ж, подумала Дейзи, еще не все потеряно. Достав телефон, она зашла на сайт «Помощь Холли» и набрала номер офиса.

– Здравствуйте, вы позвонили в клининговую компанию «Помощь Холли». Сабрина слушает. С кем вы желаете связаться? – Высокий жизнерадостный голос секретарши на телефоне вызвал у Дейзи приступ раздражения.

– Будьте добры, соедините меня с Холли Магуайр, – сказала она.

– Одну минуточку, мэм...

После короткого ожидания в трубке раздался новый голос:

– Холли Магуайр слушает.

Дейзи выпрямилась на стуле.

– Здравствуйте, Холли, я – Дейзи Риттенберг, ваша клиентка. Я бы хотела... Одна из ваших уборщиц – Кит – работала у меня в «Розовом коттедже» с середины лета, а сегодня я узнала, что ее заменили. Я хотела бы узнать, что случилось.

– Кит?... У нее возникли нестыковки в расписании, и я нашла возможность изменить ее рабочий график. Но если ваша новая уборщица вас не устраивает, мы готовы...

– О нет, пока у меня нет к ней никаких претензий. Так вот, насчет Кит... Не могли бы вы сказать мне ее фамилию?

Последовала короткая пауза, потом Холли осторожно спросила:

– А в чем, собственно, дело?

– Да в общем-то ни в чем, – проговорила Дейзи как можно беззаботнее. – Кит прекрасно справлялась, и нам, естественно, жаль ее терять. Мы с мужем решили послать ей букет цветов и открытку со словами признательности за хорошую работу, но мы не знаем ни ее фамилии, ни адреса.

– Мне очень приятно слышать, что вы довольны нашими услугами. У Кит всегда блестящие отзывы. Именно благодаря ей к нам обращается все больше клиентов. Ее фамилия – Дарлинг, миссис Риттенберг.

«Дарлинг», – написала Дейзи на салфетке, чувствуя, как быстрее забилось сердце.

– А как насчет адреса? – спросила она. – Я хотела бы послать ей цветы на дом.

– Вы можете отправить их на адрес нашего головного офиса. Я сама позабочусь о том, чтобы их ей передали.

– А вам не кажется, что Кит было бы приятнее получить цветы у себя дома... ну, в качестве сюрприза, что ли?..

– Прошу прощения, миссис Риттенберг, но мы не имеем права разглашать персональные данные наших сотрудников. Хотя сама по себе это прекрасная идея.

Дейзи предприняла еще несколько попыток, но Холли наотрез отказалась сообщить ей какие-либо дополнительные сведения о своей работнице. Мысленно чертыхнувшись, Дейзи поблагодарила собеседницу и дала отбой.

Прихлебывая остывший чай, она открыла в телефоне браузер и принялась искать Кит Дарлинг в Интернете. Больше всего результатов относилось к Кит Дарлинг, которая работала в Нью-Йорке моделью. Кроме нее, в Сети оказалось несколько десятков девушек с таким именем, в том числе ветеринар, британская исследовательница, бегунья на сверхдлинные дистанции, автор женских романов из Аризоны, но ни одной Кит Дарлинг – уборщицы из Ванкувера.

Вернувшись на сайт «Помощь Холли», Дейзи открыла раздел «О нас», надеясь найти фотографии уборщиц, но обнаружила там только изображения самой Холли Магуайр и улыбающегося административного персонала компании.

Закусив губу, Дейзи глубоко задумалась. А ведь Ванесса Норт тоже пользуется услугами «Помощи Холли», вспомнила она и набрала

номер подруги.

– О, Дейзи, привет!.. – ответила Ванесса. – А я только что о тебе думала. Что, если вы с Джоном...

– Ты ведь пользуешься услугами «Помощи Холли»? – перебила ее Дейзи.

Последовало короткое молчание.

– Да. А что?

Дейзи слегка откашлялась.

– А ты знаешь свою уборщицу? Ты когда-нибудь встречалась с ней лично?

– Конечно. А что случилось?

– Как ее зовут?

– Тебе не нравится, как убирают «Розовый коттедж»?

– Не в этом дело, просто... Просто мне пришло в голову – вдруг у нас с тобой работает одна и та же женщина.

– Ты имеешь в виду Кит?

Дейзи стало жарко.

– Д-да... Я думаю, это она. Кит Дарлинг.

– А почему ты спрашиваешь? Тебе не нравится, как она убирает?

Прежде чем ответить, Дейзи притворно вздохнула.

– Похоже, у нее возникли какие-то накладки с расписанием, так что у нас теперь новая уборщица. А Кит... Я хотела послать ей цветы и открытку в знак благодарности. Ты, случайно, не знаешь, где она живет?

Ванесса довольно долго не отвечала. В ее молчании Дейзи слышалось невысказанное сомнение... Похоже, ее поведение казалось Ванессе странным – особенно после ланча у бассейна. Надо было срочно что-то придумать, и Дейзи поспешила притвориться, будто ее вопрос был исключительно праздным.

– Ладно, не бери в голову. Я просто хотела ее поблагодарить.

– Ты можешь послать ей цветы через фирму, – предложила Ванесса, но в ее голосе прозвучали неуверенные нотки.

– Так я и сделаю. Думаю, это будет проще всего.

Похоже, эти слова успокоили Ванессу, и она заговорила о другом:

– Слушай, Дез, я вот что хотела спросить... Что, если вы с Джоном приедете к нам на ужин? Мне бы хотелось, чтобы ты познакомилась с Харуто поближе – вот увидишь, на самом деле он не

такой страшный! – Она хохотнула. – А нам обоим будет очень приятно познакомиться с твоим Джоном. Как насчет вечера Хеллоуина? По моему, неплохой повод устроить себе маленький праздник, пока мы с тобой относительно свободные люди. Еще немного, и мы обе утонем в пеленках, распашонках и памперсах, и нам будет не до развлечений.

Дейзи рассмеялась, но при мысли о том, что она рассказывала Ванессе о Джоне, ощутила легкий укол беспокойства. Что, если подруге придет в голову заговорить с ним о тех событиях? Ванесса была явно шокирована подробностями, которыми поделилась с ней подруга, так не захочется ли ей обсудить их еще раз, при Джоне? Конечно, Дейзи сама виновата – ей следовало держать язык за зубами, но в тот день она явно была немного не в себе.

При мысли об этом Дейзи почувствовала, как снова поднимают голову ее параноидальные фантазии, а грудь сжимает страх. Она повернулась к окну, пристально вглядываясь в лица незнакомцев, проходивших по тротуару мимо кафе. Ветер по-прежнему дул резкими порывами, сгибая и раскачивая почти оголившиеся ветви деревьев. Во всем ощущалось приближение зимы, и в душе Дейзи поселилось гнетущее чувство.

– Дейзи? Ты там?

– Я... да. Мне нравится твоя идея насчет ужина. Я спрошу Джона, но, думаю, он не станет возражать.

– Тогда подъезжайте часикам к шести, о'кей? Начнем с коктейлей. Безалкогольных, естественно...

– Отличный план, – согласилась Дейзи и через силу рассмеялась. – Особенно насчет безалкогольных коктейлей. До родов экспериментировать с алкоголем я точно уже не буду. Я так долго не брала в рот ни капли, а тут еще гормоны... Мне кажется, я переоценила свои возможности. Если честно, я в тот день была сама не своя. Даже не помню, о чем мы с тобой говорили. Надеюсь, я не сказала ничего ужасного?.. А если сказала, надеюсь, ты меня простишь...

Поколебавшись какую-то долю секунды, Ванесса ответила:

– Все нормально, Дез. Так мы ждем вас обоих в четверг?..

Дейзи с готовностью подтвердила, что они приедут к шести, и дала отбой. Ее мысли неслись вскачь, и ни на одной из них ей не удавалось сосредоточиться. Что подумала о ней Ванесса?.. Должно

быть, сейчас она гадает, почему подруга так настойчиво добивалась от нее хоть каких-то сведений об уборщице. Ну и что с того, что эта загадочная Кит убиралась и в «Стеклянном доме», и в «Розовом коттедже»? Простое совпадение. Правда, Ванесса на знала о другом совпадении...

В мозгу Дейзи снова зазвучали слова Чарли Уотерс:

«А-а, кажется, я поняла! Это, наверное, Кит...»

Кит. Кит Дарлинг. Именно она убиралась в «Розовом коттедже» в тот день, когда в почтовом ящике появилось письмо с куклой Чаки. Сосед не видел на участке никаких посторонних за исключением уборщицы. Значит...

А могла ли уборщица – человек, у которого имелись ключи от ее дома, – быть тем человеком, который подкладывал ей другие записки и публиковал комментарии в ее Инстаграме? Могла ли Кит Дарлинг подсунуть записку в ее запертый автомобиль? На мгновение перед глазами Дейзи возник стенной шкаф в прихожей, где на специальной дощечке с крючками висели запасные ключи от «БМВ» и «ауди». Уборщица вполне могла взять ключи и сделать дубликаты.

Могла ли Кит Дарлинг присвоить ее бриллиантовый кулон?

Куда еще она могла залезть? В какие уголки заглянуть?

Дейзи стало нехорошо. Да, уборщица совершенно точно могла обыскать весь дом сверху донизу.

Вот только зачем, ради всего святого, ей это могло понадобиться?

И снова она представила себе страшную гифку. Чаки с ножом, рука поднимается и опускается, поднимается и опускается... «Надеюсь, твой ребенок сдохнет!»

Страх уступил место гневу, и кровь в жилах Дейзи словно забурлила. Лицо горело, на лбу проступила испарина. Нельзя сидеть сложа руки, нужно действовать – все равно как, лишь бы предпринять хоть что-то. Дейзи скомкала салфетку с написанной на ней фамилией Дарлинг и выругалась.

«Если эти угрозы дело рук Кит, – подумала она, – я сама ее найду и прикончу!»

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Войдя в прихожую своей двухэтажной квартиры, Мэл сняла промокшую куртку и повесила на вешалку.

– Питер?! – позвала она, садясь на низкую скамью, чтобы расшнуровать ботинки.

Никто не отозвался. Было довольно поздно, но на нижнем этаже горел весь свет, и Мэл забеспокоилась. Сбросив с ног ботинки, она в одних носках поспешила на кухню.

Муж сидел за обеденным столом и читал газету. Увидев в дверях Мэл, он поднял голову и улыбнулся. В квартире было тепло – в гостиной горел газовый камин.

– Привет, дорогая, – сказал Питер ван Альст, откладывая газету. – Ну, как прошел твой день? Нашли жертву?

Мэл почувствовала, как защемило сердце. На мгновение – короткое и горькое – ей показалось, будто их жизнь вернулась к норме. Не зная, то ли у мужа наступило короткое просветление, то ли это ее измученный мозг выдает желаемое за действительное, Мэл сказала, тщательно подбирая слова:

– Пока нет. Я... Честно говоря, я совершенно забыла, что я тебе уже об этом рассказывала... – Она открыла буфет, достала бокал и налила себе немного красного вина, потом протянула бутылку Питеру. – Будешь?..

– Нет, спасибо, я уже напился чаю. По телефону ты сказала, что в доме на Северном берегу обнаружены явные признаки насильственных действий, но ни пострадавших, ни владельцев дома на месте не оказалось.

Мэл сделала глоток из бокала и на мгновение прикрыла глаза, стараясь справиться с наплывом эмоций. Поставив бокал на стол, она открыла холодильник, достала остатки лазаньи и переложила в стеклянную миску.

– Да, жертву пока не обнаружили, хозяев дома и их домработницу, которая вроде как была на месте преступления, тоже нет, – сказала она, направляясь к микроволновке. – Зато мы напали на след супружеской пары, которая приезжала в этот дом на сером «ауди».

Мэл открыла дверцу микроволновки, и сердце у нее упало: внутри стояла вторая миска с лазаньей. Питер забыл поесть.

Мэл посмотрела на часы. Четверть двенадцатого.

– Ты что-нибудь ел, Пит?

Молчание.

Она обернулась. На лице мужа появилось растерянное выражение.

– Не хочешь перекусить? – быстро поправилась Мэл.

– Н-нет, я не голоден. Я поужинал.

Она кивнула, убрала из микроволновки миску с его порцией, поставила внутрь свою лазанью и нажала на кнопку. Пока еда разогревалась, Мэл вернулась к столу и выпила еще немного вина. Взгляд Питера переместился на открытую дверь в гостиную, сквозь которую был виден газовый камин. Он смотрел на языки пламени, но его лицо ничего не выражало. «Он уходит от меня», – подумала Мэл в отчаянии. Ускользает прочь, похищенный этой загадочной и безжалостной болезнью. Первые признаки начали проявляться у него лет семь назад, но они были почти незаметными. Потом Питер внезапно упал прямо в гостиной. Врачи решили, что с ним случился микроинсульт, но все оказалось гораздо хуже. Муж начал периодически впадать в депрессию, потерял интерес к своему излюбленному хобби (когда-то он обожал возиться в саду), сделался забывчивым и раздражительным. С каждым днем он проявлял все меньше уважения к социальным нормам и все чаще злился на жену – срывался, орал, ругался. Несколько раз с ним случались приступы «дорожного бешенства», один из которых был настолько вопиющим, что позже к ним домой явилась полиция. Дела на работе шли все хуже и хуже, Питер начал проявлять небрежность, и его коллеги и студенты все чаще на него жаловались, но официальный диагноз ему поставили значительно позже.

Мэл перенесла свою лазанью на стол, поставила рядом с недопитым бокалом и села напротив мужа.

– А как у тебя дела? Что ты сегодня делал?

Глядя ей в глаза, Питер некоторое время обдумывал вопрос.

– В основном читал, – сказал он. – В газете была статья о семидесятиоднолетней женщине, которая пропала без вести. О той, с Альцгеймером... Ее еще не нашли?

– Ты имеешь в виду Сильвию Каплан?

Он кивнул.

– Она вышла из своего дома в Восточном Ванкувере и не вернулась. Ее дочь утверждает, что Сильвию ищут уже почти два месяца. В последний раз ее видели на автобусной остановке на бульваре Ренфрю. Родственники и полиция считают, что она села в автобус, сошла с него где-то по маршруту и заблудилась.

– Печальная история, – Мэл кивнула. – К сожалению, подобные вещи случаются достаточно часто.

– В газете писали, что в нашей провинции очень нужна официальная система «Серебряной тревоги»^[15]. Такая же, как «Янтарная тревога» для пропавших детей...

– Согласна. – Мэл отправила в рот кусок лазаньи, продолжая внимательно разглядывать лицо Питера. Заметив в его глазах слезы, она отложила вилку и взяла мужа за руки.

– Что с тобой?

Он вздохнул и отвернулся.

– Мы же дали клятву, – сказала она. – Ты и я. В болезни и здравии... Помнишь?..

Питер продолжал прятать взгляд.

– Пит!

Он повернулся к ней.

– Я не дам тебе уйти неизвестно куда. Я буду с тобой.

– Мне нужно поговорить с этими людьми... – проговорил он глухо.

– С какими людьми?

– Из «Достоинства перед ликом смерти»... Насчет медицинской помощи в добровольном уходе из жизни.

Мэл вздрогнула. Она не сразу нашлась, что сказать. До сих пор она запрещала себе думать об этом варианте. И у нее это получалось – почти получалось.

– Я не хочу превратиться в овощ и лежать в доме престарелых, – сердито сказал Питер. – Годами лежать в кровати и покрываться

пролежнями, пока тебя кормят через трубочку, потому что ты забыл, как глотать, и меняют тебе памперсы... Я не хочу, чтобы тебе пришлось через это пройти. Ни тебе, ни кому-либо другому.

Мэл медленно втянула воздух.

– Хорошо, – сказала она негромко. – Обещаю, попозже мы поговорим об этом.

Питер с такой силой ударил кулаком по столу, что ее бокал покачнулся. Мэл морально приготовилась к новому взрыву.

– Поговорим! Вечно эта пустая болтовня! Мне нужны действия, Мэл! Ты понимаешь?! Действия!

Он впился взглядом в ее лицо. Руки у него дрожали, по щекам катились слезы.

– Я понимаю, Пит. Я все понимаю. Обещаю тебе: после того как я закончу это дело, мы сходим к врачу и разузнаем все о медицинской помощи... в добровольном уходе из жизни. Мы обсудим все варианты.

Несколько секунд муж мрачно смотрел на нее.

– Больным с деменцией трудно получить разрешение на эвтаназию. Официальная процедура требует, чтобы пациент до конца сохранял ясность сознания.

– Я знаю, но ведь были прецеденты... Мы разберемся. – Она выдавила улыбку. – Ты и я. О'кей?

– Мне нужен письменный документ, – сказал Питер, тыча пальцем в стол в такт своим словам. – Мне нужен документ, в котором будет официально зафиксировано: я настаиваю на немедленной эвтаназии, как только моя болезнь пойдет настолько далеко, что я перестану узнавать тебя и забуду родных. Я не хочу, чтобы ты меняла мне штаны и вытирала задницу.

Несколько долгих секунд Мэл не могла произнести ни слова.

– Ну что, договорились?

– Договорились, – с трудом выдавила она. – Мы сделаем все, что нужно, и составим такой документ – я обещаю... Но не сегодня. Утро вечера мудренее. Может, завтра ты взглянешь на это уже по-другому.

– Я думаю об этом уже давно, еще одна ночь ничего не изменит, – сварливо отозвался Питер. – Просто однажды утром я проснусь, но будет уже поздно.

После этого они долго молчали. Питер пристально смотрел на огонь. Мэл без аппетита доела лазанью, сложила посуду в раковину и

помогла мужу подняться в спальню. Сегодня он выглядел каким-то особенно измученным и усталым, и она подоткнула ему одеяло, как маленькому, поцеловала в висок и погасила свет.

Когда она спустилась вниз, чтобы посидеть у огня с бокалом вина и как следует обдумать ситуацию, зазвонил ее телефон.

– Привет, Лу, – сказала Мэл устало. – Почему ты еще не спишь?

– То же самое я могла бы спросить у вас, шеф, – отозвалась Лула. – У меня есть кое-какая информация... Конечно, я могла бы подождать до завтра, но мне показалось – вам хотелось бы узнать это как можно скорее.

– Что именно?

– С помощью Интерпола нам удалось наконец установить местонахождение Ванессы и Харуто Норт. Мы...

– С помощью Интерпола?!

– Да, шеф. Норты находятся в Сингапуре, это их основное место жительства. Особняком «Нортвью» они пользуются лишь время от времени. Норты приобрели его всего восемь месяцев назад. Когда я разговаривала с ними по телефону, их сопровождал официальный представитель сингапурской полиции, так что они именно те, за кого себя выдают, – без вариантов.

– Но как... когда они приехали в Сингапур?

– Норты утверждают, что живут в своем сингапурском доме уже больше полугода.

– Оба?

– Да.

У Мэл закружилась голова.

– Бьюла Браун утверждает, что видела свою беременную соседку Ванессу Норт на прошлой неделе, – с трудом проговорила она.

– А знаете, что самое интересное? – нетерпеливо спросила Лула. – Ванесса Норт *не* беременна.

– *Что?!*

– Ванесса Норт не беременна, – повторила Лула. – И было бы удивительно, если бы была. Ей уже под пятьдесят.

Джон

28 октября 2019 г. Понедельник

За три дня до убийства

Джон и Миа сидели в укромном полукабинете крошечного кафе, расположенного на первом этаже высотного здания в центре города. Часы показывали только половину десятого вечера, но Джон уже был приятно пьян и от виски, которое он проглотил до приезда сюда, и от коктейлей, которые они с Мией выпили вдвоем. Сейчас его переполняла сексуальная энергия, и от этого кожу покалывало словно электрическими разрядами. Дейзи и их еще не родившийся ребенок были прочно забыты. Все внимание Джона было направлено на соблазнительную женщину, сидевшую напротив.

Встретиться в этом кафе предложила Миа, и Джон не мог не признать, что это был превосходный выбор. Уютная, элегантная обстановка, ненавязчивый осенний декор в сочетании со слабым освещением порождали ощущение полной безопасности – и безнаказанности. Негромко играло пианино, которому с крошечной эстрады вторил бархатный женский голос. И никаких потенциальных инвесторов из Китая.

– Так как же все-таки ты сумела найти мой номер? – спросил он у Мии, которая казалась ему намного красивее, чем он помнил по их прошлой встрече. Сегодня она была в рубиново-красном бархатном платье, длинные волосы распущены по плечам, зеленые глаза таинственно мерцают в полумраке.

Она улыбнулась, пригубила мартини.

– Было бы *желание*, а способ найдется, не так ли? – ответила она негромко.

Джон улыбнулся. То, что эта обольстительная сирена разыскивала в Сети его номер телефона, льстило его самолюбию. А тот факт, что она охотилась за его телом, буквально сводил с ума.

Миа слегка наклонилась вперед, и его дыхание непроизвольно участилось.

– Ты знаешь, каково это, Джон? Чувствовать желание? Чувствовать голод? Гнаться за тем, чего тебе хочется больше всего на свете, и наконец получить?

– Неужели в банковской сфере кипят такие страсти?

– Этот бизнес может быть жестоким. – Не отрывая взгляда от его лица, Миа провела кончиками пальцев по тыльной стороне его лежащей на столе ладони. – А чего хочешь тебе, Джон? Сейчас, в эту самую минуту?

Он сглотнул и почувствовал, как горит лицо.

– Думаю, ты знаешь.

Она наклонила голову, и отблески свечей побежали по ее блестящим волосам золотистыми волнами. Зеленые, как омуты, глаза гипнотизировали.

– Я имею в виду – кроме секса. Чего не хватает в твоей жизни прямо сейчас? На первый взгляд у тебя есть все, правда? Красивая жена, огромное наследство, которое она рано или поздно получит, ребенок, которого она родит... А если верить слухам, в ближайшее время тебя могут назначить административным директором новенького курорта «Клакуш».

При упоминании о Дейзи, об их будущем ребенке и новом назначении, которое, похоже, уплыло от него, в мозгу Джона поднялась настоящая буря. Он с трудом отвел взгляд и, стараясь привести в порядок мысли, сделал большой глоток из своего бокала. Еще несколько мгновений Джон наблюдал за певицей, которая, стоя возле пианино, мурлыкала что-то о том, что в любви не обойтись без риска.

– Извини, если задела за больное, – негромко сказала Миа. – Мне не стоило об этом говорить.

– Нет, ничего страшного. – Он снова встретился с ней взглядом. – Это ерунда.

Миа наклонилась еще ближе, и взгляд Джона непроизвольно опустился к вырезу ее платья. В паху тут же разлился сухой, пульсирующий, изысканно болезненный жар.

Ее пальцы снова коснулись тыльной стороны его руки.

– Все равно я больше не буду. Не буду упоминать о твоей семье. Мне только хотелось внести некоторую ясность в... в нашу ситуацию. Я знаю, что ты женат, удачно женат, и тем не менее – ты здесь. И мне

не хотелось бы с самого начала вводить тебя в заблуждение, внушать, будто между нами есть что-то большее... ты понимаешь, о чем я?

– Я... – начал было Джон, но она заставила его замолчать, приложив ему к губам изящный палец.

– Моя жизнь меня тоже вполне устраивает, – сказала Миа и ненадолго замолчала, словно решая, стоит ли пускаться в подробности. Наконец она добавила: – Да, у меня есть отношения с одним человеком, которые я хотела бы сохранить. Тем не менее сейчас я тоже здесь, однако, в отличие от тебя, я хорошо знаю причину, которая привела меня сюда. Физическая близость – вот что мне нужно. Секс без обязательств. А как насчет тебя?

Стук сердца громом отдавался в ушах. Кровь текла по жилам ритмичными толчками, и точно такой же ритм он ощущал в паху. Голова кружилась все сильнее, и это было странно – не так уж много он выпил. Но Джону было не до того. В эти минуты весь мир – его мир – сузился до предела, и в нем было место только для сидящей перед ним обольстительной зеленоглазой женщины в рубиново-красном бархатном платье. Все остальное просто перестало существовать.

Господи, да когда же он успел так напиться?..

– Тже шамое, – проговорил он, но тут же поправился: – То же самое, Миа. Никаких обязнштей... – у него заплетался язык. Странно... Сколько коктейлей они выпили?.. И почему Миа вовсе не выглядит пьяной? Может быть, все дело в тех бокалах виски, которые он выпил за ужином с клиентами?

Ерунда, решил Джон. Главное, ему хотелось выпить еще, и он поднял руку, подзывая официанта. Когда тот принес новые коктейли и отошел, Миа сказала:

– То есть ты хочешь получить все? И семейную жизнь, и сексуальную свободу?

– Разве не этого хочет каждый из нас?

Она рассмеялась, запрокинув голову чуть назад. Ее шея была похожа на гладкую колонну из светлого мрамора. Или на... На что, Джон никак не мог сообразить. Казалось, он утратил способность рассуждать здраво и облекать мысли в слова. Надеясь привести себя в чувство, он сделал глоток из бокала, пролив несколько капель на рубашку.

– Ну а о твоей работе говорить можно или это тоже под запретом? – спросила она.

Казалось, ее слова повисли прямо перед его глазами, словно начертанные в воздухе светящимися буквами, но, когда он попытался понять их смысл, они тут же растаяли. Ему потребовалось приложить огромные усилия, чтобы заставить свой мозг работать.

– Почему под запретом? Наоборот... нормально! – Джон засмеялся. Собственный смех показался ему странным, но это рассмешило его еще больше. Он засмеялся сильнее и почти сразу почувствовал, что его мутит. Справившись с тошнотой, он слегка откашлялся и попытался объяснить: – Я смеюсь потому, что это новое место... Я думал, оно у меня в кармане, а теперь оказывается, что... – Он замолчал, сбившись с мысли. Несколько секунд Джон сидел молча, пытаясь вспомнить, о чем только что говорил. Его блуждающий взгляд скользнул по залу и внезапно задержался на двух мужчинах, которые сидели в нише напротив их столика. На мгновение ему показалось, что они наблюдают за ним. Следят. Он не мог разглядеть их лица, но не сомневался – они смотрят прямо на него и ухмыляются.

– О чем ты? Что было у тебя в кармане?

– Что?..

Миа вдруг оказалась рядом с ним. Ее рука легла ему на бедро, потом поднялась выше. Отчего-то Джону вдруг стало тревожно, он почувствовал себя в западне. Что-то явно шло не так, но одурманенный мозг не спешил давать правильный ответ.

Рука Мии поднялась выше, коснулась его вставшего члена.

– Джон, – прошептала она, – здесь, со мной, ты в безопасности. Это наш секрет, который никто никогда не узнает. Ты можешь мне рассказать...

– А-а... Это ерунда. – Слова опять сливались, и он снова сделал над собой усилие, стараясь говорить внятно. – Просто компания решила назначить на мое место цветного... Чтобы показать всем... Имидж фирмы. Улучшить имидж, принимаешь? Мне нужно доказать, что я лучший... Лучший кандидат...

Миа внимательно смотрела на него, а у Джона вдруг что-то случилось со зрением. Ее красные губы вдруг стали больше, а зеленые глаза – еще зеленее.

– И как ты собираешься это доказать? – Она накрыла его член ладонью, и Джон едва не застонал от жгучего наслаждения.

– Я должен найти компромат... на этого... черножопого. Тогда все увидят – он не подходит на это место.

– И как ты собираешься искать компромат? – Она несколько раз сжала его пенис сквозь брюки, и у Джона поплыло перед глазами.

Он кивнул.

– Чстный дтектив. Я нанял частного дтектива. Он поможет.

– А кто твой конкурент, Берг-Бомба? – шепнула она ему на ухо, обдав кожу горячим дыханием. – Как его зовут? – Влажный кончик языка коснулся мочки его уха.

– Ах... Ахмед Вахид! Слушай, Миа... расскажи лучше о себе... о...

– Пойдем со мной, Джон. Пойдем наверх... – жарко прошептала она ему на ухо. – Я снимаю здесь квартиру, там и продолжим... Выпьем на сон грядущий. Идем!.. – Она потянула его за руку. – Идем со мной.

Джон не знал, то ли он спит, то ли настолько пьян, что все это ему грезится. Сколько виски и пива он выпил? Сколько коктейлей? Кажется, до приезда в кафе он проглотил еще несколько порций текилы, но сколько?.. Он давно потерял счет выпитому.

Как они оказались в лифте, Джон не помнил. И как дошли до него – тоже. Он помнил только, что в кабине они целовались, потом он обхватил ее ягодицы ладонями и прижал к себе, а лифт все поднимался и поднимался. Потом они оказались в квартире на верхнем этаже. Здесь они снова целовались, и ее язык был у него глубоко во рту. Вот и кровать – низкая и широкая. И стеклянные, совершенно прозрачные стены, за которыми сияют городские огни. Интересно, что это за район? Отсюда, с высоты, все выглядело другим. Незнакомым. Далеко внизу Джон заметил розовый неоновый огонек какой-то вывески. Прищурившись, он разглядел мигающие буквы: «Кабаре Люкс». Джон знал этот клуб. Он водил туда клиентов. Да, теперь ему ясно, где он. Это Йельгаун, модный, престижный район на берегу бухты Фолз-Крик.

Пока он пытался понять, где находится, Миа развязала его галстук, расстегнула и стащила с плеч рубашку. Ее ладони легли ему на грудь, она рассмеялась, подтолкнула его назад, к кровати. Когда он

повалился на упругий матрас, Миа снова рассмеялась, задрала подол платья и уселась на Джона верхом. «Только стекло, – подумал он, когда она расстегнула молнию на его брюках. – Только огромные стеклянные окна между нами и мерцающими городскими огнями – между нами и окнами соседних небоскребов, которые глядят на них яркими квадратами света». Еще одна смутная мысль промелькнула у него в голове – что-то насчет того, что из тысяч сверкающих окон за ними может наблюдать кто угодно, – но она промелькнула и исчезла. Потом уже Джон мог думать только о том, что делала Миа с его телом. Все остальное расплылось и растаяло, канув за пределы сознания.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

– Стоп, давай еще раз, – сказала Мэл. – Значит, Ванесса Норт утверждает, что она *не* в положении и что за последние шесть месяцев они с мужем никуда не выезжали из Сингапура. Так?

– Совершенно верно, – подтвердила Лула. – Норты – граждане Республики Сингапур. Харуто Норт – один из владельцев Сингапурско-Тихоокеанского банка и каждый год проводит несколько месяцев в штаб-квартире североамериканского отделения СТБ в Ванкувере. Именно в это время он и его жена живут в «Стеклоном доме». В последний раз они провели там меньше двух месяцев, а потом на полгода вернулись в Сингапур. Снова приехать в Ванкувер они собираются только в январе будущего года. Ванесса родом из Канады. Она работает в какой-то неправительственной организации и часто бывает в командировках в Африке. Все эти данные мы проверили с помощью нашего представителя в Интерполе. Я пришлю вам фотографии Нортов и данные их паспортов. О том, что произошло в их ванкуверском доме, супруги не имеют ни малейшего представления. Зато они подтвердили, что начали пользоваться услугами клининговой фирмы «Помощь Холли» с мая текущего года, чтобы поддерживать в порядке дом с садом и проверять систему безопасности, пока их самих не будет дома. По их словам, имени уборщицы, которая обслуживает их дом, они не знают и ни с какой Кит Дарлинг никогда не встречались.

Мэл невольно вспомнила слова Бьюлы Браун. «В последний раз я видела Ванессу в прошлую пятницу. Кстати, тогда же я впервые увидела и эту брюнетку. Они сидели возле бассейна – у них там было что-то вроде позднего ланча. Да, я совершенно уверена, они обе беременны».

– Но Бьюла Браун утверждает, что видела Ванессу Норт в прошлую пятницу, когда та обедала возле бассейна с Дейзи Риттенберг, – сказала Мэл. – И она уверена, что Ванесса в положении.

– В таком случае это была не Ванесса, – категорично заявила Лула. – Я все проверила, шеф. Нортс вот уже больше полугода не ступали на канадскую землю.

Поблагодарив помощницу, Мэл перезвонила Бенуа и рассказала ему новости.

– По крайней мере, это объясняет, почему «Стеклянный дом» показался мне каким-то нежилым, – сказал напарник.

– Но это не объясняет всего остального, – парировала Мэл.

– Значит, ты думаешь, миссис Браун ошиблась? – задумчиво проговорил Бенуа. – Ну, опии правда могут исказить восприятие, да и ее сын говорит, что ей мерещится всякое. Плюс ее предыдущие звонки в Службу спасения оказывались ложными.

– Я думаю, Бьюла Браун видела кого-то, кого она *приняла* за Ванессу, – сказала Мэл. – Когда я с ней беседовала, она упомянула, что очки для чтения часто ее подводят, а новый бинокль появился у нее только две недели назад. Если Нортс приобрели «Стеклянный дом» восемь месяцев назад и, прожив в нем меньше двух месяцев, улетели в Сингапур, у Бьюлы не было возможности рассмотреть настоящую Ванессу как следует. Так что, вполне вероятно, она решила, будто беременная женщина на соседнем участке и есть хозяйка «Стеклянного дома».

– Как бы там ни было, теперь мы можем со спокойной душой вычеркнуть Ванессу Норт из списка потенциальных жертв, – заметил Бенуа. – Боюсь, теперь в нем остается только Кит Дарлинг.

Джон

29 октября 2019 г. Вторник

За два дня до убийства

Такого похмелья Джон не помнил. Голова казалась тяжелой, словно чугунное ядро, и в ней не было ни одной мысли. Единственным, что задержалось в памяти, был смех, вот только над чем он смеялся? И вообще, он ли это смеялся?..

Джон пошевелился и попытался сообразить, где находится, но отдельные детали никак не складывались в осмысленную картину. Он лежал на кровати. Почему-то – голым. За окнами перемигивались городские огни, пульсировала розовым неоном вывеска.

Где он?

Джон попробовал сесть, но к горлу подкатила тошнота, в глазах потемнело, а голова закружилась. Кроме того, он ощутил, как что-то дернуло его за руку, и снова повалился на матрас. Это, однако, его не спасло. Желудок судорожно сжался, и Джон едва успел свесить голову с кровати. Его вырвало прямо на ковер. Над отвратительной лужей поднялся такой запах, что Джона снова затошнило, и он, вытерев подбородок тыльной стороной ладони свободной руки, уперся взглядом в потолок. Когда желудок более или менее успокоился, он повернул голову и скосил глаза.

Шок от увиденного пронзил его словно удар молнии.

Его запястье было приковано к кровати рамой наручниками, наручниками с мягкой подкладкой. В панике он рванул руку, но наручники были заперты. Черт! Воздух застревал в горле при каждом вдохе, и Джон почти не мог дышать. Поле зрения опасно сузилось, и ему казалось – он смотрит словно сквозь длинный черный тоннель, в конце которого мерцает слабое пятнышко света. Кожу на лице и шее защипало от пота.

«Успокойся! – приказал он себе. – Паника убивает. Успокойся и думай. Где я? Что произошло?»

Джон попробовал дышать как можно ровнее и глубже. Эффект последовал незамедлительно – туман в мозгу начал рассеиваться.

Он был с Мией в кафе.

Черт!!!

Паника снова прокатилась по телу горячей волной. Джон подавил ее усилием воли и попытался собрать из всплывших в памяти фрагментов полную картину.

Они сидели в кафе внизу. Он выпил лишнего. Напился как свинья, если говорить откровенно. Потом они поднимались в лифте. Целовались. Потом вошли в какую-то квартиру, которую она вроде бы снимала на время приезда в Ванкувер, чтобы не жить в гостинице.

Новая волна адреналина забушевала в его жилах. Чужая квартира. Он – в чужой квартире. Голый. Прикованный к кровати. Нужно выбираться отсюда как можно скорее!

Приподняв голову, Джон торопливо оглядел комнату. Вокруг царил полутьма, да и за окнами было темно и ненастно. Красные цифры на часах, стоявших на столике возле кровати, показывали половину второго ночи.

«Дейзи! Она с ума сойдет от беспокойства! И позвонит в полицию».

Перед глазами снова поплыло. В паху было липко. Анус жгло как огнем.

О боже!..

Его одежда грудой валялась на полу рядом с пустой бутылкой текилы. В полутьме Джон разглядел три рюмки и низкий стакан для виски.

Кто?.. Кто еще был здесь, кроме него и Мии? Как они сюда попали, эти люди? Что произошло?..

Глаза Джона обожгло слезами, тело сотрясала крупная дрожь.

На столике рядом с часами он заметил какой-то ключ.

Может, это ключ от наручников?

Свободной рукой Джон дотянулся до ключа и открыл замок. Сел. Потер лицо ладонями, потом прикоснулся к влажному лобку. Он занимался сексом. С Мией?.. Его взгляд метнулся к бокалам. Или с кем-то еще?..

«Она это подстроила, – понял Джон. – Она опоила меня. Подсыпала мне наркотик. Я должен был понять, что что-то не так, еще

когда мы сидели в кафе. Миа задавала слишком много вопросов».

Внезапное воспоминание подействовало на него как удар молотком по голове. Миа настойчиво расспрашивала его о новом назначении, вынудила назвать имя Ахмеда Вахида, рассказать о частном детективе. Но зачем ей это понадобилось?.. Джону стало страшно – по-настоящему страшно. Он понятия не имел, что происходит и чего ждать дальше. Какой еще кирпич свалится ему на голову.

Дейзи, вспомнил Джон. Надо думать о Дейзи. Ему необходимо как-то выкрутиться. Сейчас это самое главное.

Он понимал – жена никак не должна узнать о том, что произошло. В противном случае с ним будет покончено. Джон чувствовал это каждой клеточкой своего тела.

А что, если...

Ему в голову пришла новая, еще более страшная мысль, и Джона снова затрясло. Что, если за всем этим стоят Лабден и Генри? В конце концов, он обратил внимание на Мию как раз в тот день, когда встречался с Генри в «Охотнике и псе», а она как раз сидела у барной стойки и смотрела на него. Неужели все было подстроено? Неужели Генри знал, что Джон клюнет на нее?

Или за всем этим стоит Дейзи? Что, если она его проверяет? Испытывает?..

Закрыв лицо руками, Джон громко застонал, раскачиваясь вперед и назад. Нужно срочно что-то придумать. Если Дейзи не позвонила в полицию до сих пор, то позвонит в самое ближайшее время, и тогда ситуация резко осложнится. Но сначала ему надо выбраться отсюда как можно скорее.

Он опустился на четвереньки и пополз по ковру, собирая свои носки, рубашку, галстук, белье и стараясь не попасть коленом или рукой в лужу собственной блевотины. Достав из брюк бумажник, Джон заглянул внутрь. На первый взгляд все было на месте, включая две с половиной сотни долларов наличными. Значит, это не мелкая кража...

Из-под белья он выкопал мобильник. По крайней мере, они не забрали его телефон... Они... Он посмотрел на рюмки и бокал и почувствовал, как желудок снова сводит судорогой.

«Что я тут устроил? И что, черт возьми, делали со мной они? Почему задница болит так, словно в нее загнали нестроганный деревянный кол?»

Непроизвольно всхлипывая, Джон натянул брюки и рубашку. Просовывая руку в рукав, он заметил на внутреннем сгибе локтя маленький круглый пластырь. На мгновение Джон застыл, потом осторожно отклеил пластырь и увидел на коже след укола. Ужас, паника, отчаяние вновь охватили его. Ему сделали инъекцию, ввели какой-то наркотический препарат... Вот почему он отключился, вот почему ничего не помнит! А если это не наркотик, а что-то похуже? Яд замедленного действия или опасный вирус, который может дать о себе знать много лет спустя? СПИД?

Джон зашел в ванную комнату и замер, увидев на стеклянной полочке под зеркалом дорожку белого порошка, бритву и соломинку.

Проклятье!

Кокаин? Он что, принимал кокаин? Нет, прочь отсюда! Скорее!

Наклонившись над раковиной, Джон ополоснул холодной водой лицо, потом, прищурившись, посмотрел на себя в зеркало. Бледен как смерть, подумал он. Одновременно с этой мыслью пришло воспоминание: Миа, задрав подол платья, усаживается сверху. Джон попытался вспомнить, был ли в квартире кто-то еще, когда они входили, но не вспомнил. Он просто не мог. Джон думал о своем липком члене, о склеившихся волосках на лобке, о саднящем анусе. Даже думать о том, что с ним сделали, пока он валялся в отключке, было страшно.

Глаза его снова наполнились слезами стыда, унижения, ужаса.

Опираясь обеими руками о холодную раковину, Джон еще раз посмотрел на свое отражение в зеркале.

«Я не знаю, что ты со мной сделала, Миа Райтер, но клянусь: я отомщу. Я найду тебя и убью. Разорву на куски собственными руками».

Человек с фотоаппаратом

Было без четверти два, когда фотограф увидел Джона Риттенберга, который, шатаясь, вышел из дверей жилого небоскреба в Йельтауне. Опустив стекло водительской дверцы, он навел на Джона фотоаппарат и сделал несколько кадров. Риттенберг тем временем добрался до проезжей части, и фотограф напрягся. На мгновение ему показалось, что Джон собрался броситься под машину. Это было совершенно *не по сценарию*, и он потянулся к ручке дверцы. Но тут к дому подъехало такси, и Джон поплелся к нему.

Дождавшись, пока успокоится участившееся дыхание, фотограф запечатлел Джона, когда тот садился на заднее сиденье. Наверное, вызвал такси по телефону, решил он. Запустив двигатель, фотограф поехал следом. В этот поздний час машин на улицах было мало, и ему приходилось держаться от такси на расстоянии. Сначала он решил, что Джон едет на подземную парковку в здании «Терры Уэст», где стоял его «ауди». Это тоже могло обернуться проблемой. Вряд ли Джон был в состоянии вести машину, а фотографу не хотелось, чтобы он во что-нибудь врезался или попался копам. Но и разыгрывать из себя доброго самарянина, который готов ни с того ни с сего подвезти Джона домой, ему тоже было не с руки.

К счастью, на очередном перекрестке такси свернуло на улицу, ведущую *от* башни «Терры Уэст», и фотограф с облегчением вздохнул. Впрочем, Джон ехал не домой, не в «Розовый коттедж»...

«Куда, черт возьми, его понесло?»

Через пару кварталов фотографа осенило.

«Хитрый, сволочь!..»

Такси свернуло на территорию Центральной больницы Ванкувера и остановилось напротив корпуса, где размещалось отделение экстренной медицинской помощи. Здесь Джон выбрался из машины и, прихрамывая, направился ко входу. Стеклопанельная дверь за ним закрылась, и фотограф свернул на ближайшую стоянку. Он выключил двигатель, погасил фары, посмотрел на часы и приготовился ждать. С того места, где стоял его автомобиль, были хорошо видны высокие окна, за которыми располагался ярко освещенный приемный покой.

Вот Джон Риттенберг подковылял к одному из пластиковых кресел. Сел. Уронил голову на руки. Никто из медперсонала, однако, не спешил к нему на помощь, и фотограф начал сомневаться, что Джон вообще обращался на стойку регистрации пациентов.

Прошло двадцать минут, и к больничным дверям подкатил небольшой белый «БМВ». Развернувшись, он остановился прямо напротив входа, и из него вышла черноволосая беременная женщина, которая ринулась напрямик в раздвижные стеклянные двери.

Дейзи Риттенберг.

Похоже, Джон позвонил жене и попросил приехать за ним в больницу.

«Умно, ничего не скажешь!»

Фотограф навел аппарат на окна первого этажа. Вот Дейзи заметила мужа, замерла на мгновение, потом бросилась к нему. Он поднял голову, что-то сказал, потом поднялся и обнял жену. В течение нескольких минут она гладила его по спине, по лицу, плакала, что-то говорила, пока Джон не положил ладонь на ее выпирающий живот. Это подействовало: Дейзи успокоилась и вытерла глаза. Джон что-то спросил, она кивнула в ответ и, подхватив мужа под руку, повела его на улицу к своей машине.

Дневник

Если тебе в спиртное подмешают наркотик, ты ни за что не вспомнишь, что с тобой происходило. Но и забыть это полностью тоже не сможешь. Днями, неделями, годами и десятилетиями ты будешь стараться сделать и то и другое: вспомнить и забыть. Но в каждой кусочке информации, который тебе удастся извлечь из памяти, ты будешь сомневаться, потому что остальные – те, кто был рядом, – будут рассказывать всю историю по-другому. Они будут говорить – ты сама виновата. Ты лжешь. Ты – пьяница и шлюха, мстительная авантюристка и просто сумасшедшая. Того, о чем ты рассказываешь, не могло быть. Хорошие парни не совершают таких поступков. Никогда. Это невозможно.

Но иногда, много лет спустя, посреди привычной рутины, когда ты занимаешься обыденными делами, полагая, что все в порядке и что страшное позади, легчайший запах, случайное сочетание цветов, звук или музыкальная фраза могут пробудить воспоминание, которое вонзается в мозг, словно острый осколок стекла, и ты замираешь в растерянности и испуге. Внешне ты недвижима, но внутри твоего тела происходит бешеная работа. Гипоталамус посылает надпочечникам сигналы, под действием которых происходит выделение гормонов, отвечающих за первобытную реакцию «бей-беги-замри». Как учит современная нейронаука, нейроны, срабатывающие одновременно, образуют устойчивые цепи. Разум еще не проанализировал, не охватил всю картину и не знает, откуда грозит опасность, но тело уже готово реагировать, потому что оно знает. Проблема в том, что тело не умеет обмениваться информацией с мозгом тем способом, который позволил бы ему создать описание травмы – описание, которое ты была бы способна понять. А без этого описания ты никогда не станешь целой. В отчаянии ты тянешься к бутылке, к таблеткам или погружаешь себя в пучину еще какой-нибудь патологической зависимости, будь то бег на длинные дистанции, кикбоксинг, очередная диета, работа, болезненное любопытство, игра в театре или эксперименты с масками и гримом.

Все эти увлечения, хобби, пристрастия, патологии нужны тебе для того, чтобы стать никем, стать Безымянной, потому что только так ты можешь спрятаться от Чудовища, которое живет внутри. А когда какое-то занятие уже не приносит желанного результата, ты пробуешь что-то другое, но каждый раз это нужно тебе только для того, чтобы сбежать от этого безликого Монстра, скрывающегося в темных уголках твоей души. Но знай: убежать ты все равно не сможешь, и вовсе не потому, что Чудовище живет внутри тебя. Тебе не убежать потому, что Чудовище – это ты сама.

А потом ты однажды оказываешься в его доме.

Ты видишь его фотопортрет.

В конце концов ты находишь железные доказательства того, что ты не лгала. Что лгали все остальные.

А среди этих доказательств, словно внутри матрешки, ты обнаруживаешь доказательство еще большего предательства, которое ранит тебя в самое сердце. Доказательство, которое превращает в пыль все, что, как тебе казалось, ты знала и во что верила.

Ты узнаешь, что лучший друг, который всегда тебя поддерживал, на самом деле тоже лжец.

Как и все они.

А еще ты узнаешь, что твоя мать, с прахом которой ты так долго не решалась расстаться, хитростью и обманом убедила тебя избавиться от ребенка в обмен на деньги. Может, она действительно считала, что эти деньги понадобятся тебе, чтобы получить хорошее образование. Может, она искренне верила, что деньги помогут тебе быстрее забыть все, что с тобой случилось, позволят осуществить все твои детские мечты. Но этого не произошло. И не могло произойти. А хуже всего то, что отсутствие поддержки с ее стороны, ее попытки притвориться, будто ничего страшного не случилось, ее настойчивое стремление скрыть от отца весь ужас произошедшего – все это только усугубило нанесенный ущерб. Ты едва не покончила с собой, но в последний момент одумалась и ограничилась тем, что бросила школу и уехала из города.

Интересно, дорогой Дневник, ты хотя бы представляешь, каково это – ходить по его дому, видеть его портреты, убираться в детской, предназначенной для ребенка, который будет у него и которого

никогда не будет у тебя? Можешь ли ты хотя бы вообразить, каково это – увидеть подпись твоей собственной матери рядом с подписью Аннабель Уэнтворт под договором о неразглашении? Я скажу – каково... Это примерно как если бы кто-то всадил пулю тебе прямо между глаз. Твой мозг ошметками разлетается во все стороны. Защитный панцирь, который годами нарастал вокруг тебя, в одно мгновение разваливается на куски, и в трещины врывается тьма, тьма, тьма, которая наполняет тебя так стремительно и полно, что тебе начинает казаться, будто твоя хрупкая человеческая оболочка вот-вот лопнет.

И в какие-то доли секунды ты вдруг осознаешь, что ты одна и всегда была одна.

Ну и как с таким справиться?

Я долго над этим думала, пока – на страницах дневника, как и советовала моя психоаналитичка, – не задала себе вопрос: почему? Почему моя мать поступила именно так? Почему Аннабель Уэнтворт, мать Дейзи, так рьяно защищала ее мерзавца-бойфренда? Почему женщины предают подобным образом других женщин? Почему мы до такой степени зависимы от въевшейся в сознание идеи традиционной семьи с мужчиной во главе? Почему мы так боимся «неприятностей»?

Почему мой лучший «друг» обманул меня так жестоко и подло? Почему в тот день, много лет назад, Бун вообще подошел ко мне в кафе? Теперь я уверена, что это была вовсе не «судьба». Он специально разыскивал меня, но зачем? Чтобы успокоить собственную совесть? Унять острое чувство вины? Спассти собственную душу? Неужели все это было из чистого эгоизма?

Какими бы ни были ответы на эти вопросы, сейчас мне предстоит схватка с тем самым Чудовищем, от которого я столько времени пыталась убежать, спрятаться. И, как ни странно, у меня есть всего два варианта, между которыми мне придется выбирать. Я могу либо смириться (и тем самым допустить новые унижения, новое насилие), снова стать Безымянной, спрятаться за слоями масок, бесчисленных компромиссов и уступок. Или же я могу встретиться с врагом лицом к лицу. Перестать быть призраком. Нанести ответный удар. Пусть меня заметят. Пусть со мной считаются.

И если для меня никогда не будет ни правосудия, ни справедливости, я сумею сама отплатить за себя. Тем более что сейчас у меня есть для этого подходящие средства.

Скажи мне, дорогой Дневник, на что, по-твоему, похожа справедливость? Справедливо ли сводить с обидчиком счеты по принципу «око за око»? А может, справедливо будет нанести ему еще больший ущерб? Может, справедливость – это получение компенсации? Публичные извинения? Признание вины? Я и сама не знаю. Вся штука в том, что ничто из перечисленного не способно исправить прошлое.

А вот такая любопытная мысль пришла мне в голову только что... Если бы тогда, восемнадцать лет назад, Буну и остальным хватило смелости сказать правду, если бы моя мать послала Аннабель Уотерс с ее деньгами куда подальше и настояла, чтобы полиция продолжала расследование, это смогло бы остановить Джона. И остальных тоже. И тогда насилью не подверглась бы ни Чарли Уотерс, ни другие девушки, о которых я ничего не знаю. А их, других, могло быть много. И они еще будут – и все потому, что кто-то трусил, а кто-то предпочел взять деньги. А это значит, что теперь у меня есть цель. Есть миссия. И сознание этого укрепляет мой дух и дает мне силы для борьбы. Мне не нужны ни справедливость, ни правосудие. Мне нужно только одно: остановить Джона.

И ее.

И таких, как она.

Женщины – такие, как я, – должны показать мужчинам: если они посмеют совершить что-то подобное, это не сойдет им с рук.

– Что стряслось? – спрашивает меня Бун.

Мы сидим на выброшенном прибоем бревне на пляже Джерико-бич, греемся на солнышке, жуем сэндвичи и смотрим, как группа пловцов в гидрокостюмах тащит за собой большие ярко-розовые буи, которые качаются на ленивых волнах. День выдался погожий. Воздух недвижим, на небе ни облачка. Температура – самое то: не холодно, но и не жарко. Заснеженные вершины гор на другом берегу залива почему-то кажутся близкими и большими. Огромными. Этот горный кряж тянется на север почти до того места, где я когда-то жила, – до горнолыжного курортного поселка, где моя мать мыла и убирала

гостиничные номера, а отец у себя на станции перерабатывал тонны и тонны фекалий, которые каждые выходные оставляли после себя сорок тысяч туристов.

По вони от очистной станции мы всегда могли сказать, насколько удачными для бизнеса были прошедшие выходные.

– Ты о чем? – спрашиваю я, откусывая от своего сэндвича с авокадо. Бун приехал ко мне на пляж, где я решила пообедать, прежде чем отправиться на очередной адрес. Похоже, мой звонок его обеспокоил.

– Кит, ты позвонила и сказала, что нам нужно увидеться. Извини, что я не смог приехать сразу, но... я приехал. Так что у тебя случилось?

Я снова кусаю сэндвич и медленно жую. С нашего бревнышка виден противоположный берег, где стоит «Стекланный дом». На мгновение я представляю себе Бьюлу Браун, соседку, которая наводит на нас с Буном свой новенький бинокль.

– Мне жаль Бьюлу, – говорю я. – А от ее сыночка у меня просто мурашки по коже. Да, Бьюла подсматривает за соседями, но это ладно... Она прикована к инвалидному креслу, и ей больше нечем заняться, но Хортон... он просто маньяк. Я ему не доверяю.

– Ты уходишь от вопроса.

Я смотрю на Буна. Он отвечает мне прямым, честным взглядом. Когда добрые друзья глядят друг на друга в упор, одному из них рано или поздно полагается улыбнуться, но я не улыбаюсь. Час настал. Я готова пересечь границу, за которой наша дружба уже никогда не будет прежней. Впрочем, о чем это я?.. С моей стороны смешно даже думать о перспективах наших дальнейших отношений, поскольку теперь я точно знаю: наша так называемая дружба никогда не была такой, какой она мне казалась.

– Помнишь, как мы с тобой познакомились? Ну, в том кафе?..

Он неуверенно хмурится. Похоже, начинает нервничать.

– Конечно помню. А что?

– Ты спросил разрешения сесть за мой столик. Я ответила – конечно, почему бы нет, а сама подумала, что мы с тобой уже где-то встречались, потому что твое лицо показалось мне знакомым. И тут ты сказал: «Тебя зовут Катарина, верно?» Помнишь?..

– Помню, но при чем тут...

– Наверное, я тогда выглядела как олень, выскочивший на дорогу прямо перед машиной. Я просто остолбенела от испуга, от неожиданности, – говорю я. – Потому что именно тогда я сообразила, где тебя видела. В школе. А я не желала иметь ничего общего с людьми, которые знали меня в те годы, – ни с одноклассниками, ни с жителями родного городка. Вот почему, как только я вспомнила, где тебя видела, я начала мысленно придумывать, как бы поскорее сбежать из этого чертова кафе. «Ты ведь из Уистлера? – сказал ты. – Ты училась в школе на пару лет младше меня». С этими словами ты отпил горячего шоколада. Ты пил и смотрел на меня поверх стакана, и на кончике носа у тебя висела такая забавная блямба взбитых сливок, что я против воли улыбнулась. Помнишь?

– Черт, Кит, к чему все эти воспоминания? Выкладывай, что у тебя на уме!

– Ты сказал, что я очень изменилась. Что я потрясно выгляжу. Что мне очень идет краситься под блондинку. Тебе хватило ума промолчать о том, что я сильно похудела и что тебе это нравится. Вместо этого ты сообщил, что твое имя Бун-ми, но все зовут тебя просто Бун. Потом мы вместе пошли на автобусную остановку и я сказала, что, раз уж мы оба жили в таком маленьком городке, ты наверняка в курсе того, что там со мной приключилось.

– Именно поэтому я и подошел к твоему столику, Кит. Я видел тебя в том кафе уже несколько раз, и я... Каждый раз, когда я вспоминал о том случае, мне становилось не по себе. В городе многие были на твоей стороне. Лично я всегда верил тебе, верил, что ты говорила чистую правду о... о Джоне Риттенберге и горнолыжной команде.

Я опускаю руку с недоеденным сэндвичем и смотрю на Буна. Сердце в моей груди начинает стучать громче, и каждый удар громом отдается у меня в ушах.

– В тот день я сказал тебе, что в школе меня тоже травили и что я хорошо знаю таких, как Джон Риттенберг. Одноклассники... они выбрали меня в качестве жертвы, потому что я был геем. Правда, тогда я скрывал это от всех, даже от себя самого, но они все равно почувствовали... догадались. В таком маленьком городке, где всего одна школа и где одна и та же компания сверстников переходит

из класса в класс, спастись невозможно. Некуда бежать, негде спрятаться. Ты становишься мишенью. Тебя клеймят еще в детском саду и гоняют до самого выпуска. Тебя дразнят. Унижают. Бьют. И в конце концов ты сам смиряешься с этой ролью. Начинаешь верить тем, кто тебя презирает. Вот почему, когда много лет спустя я увидел тебя в кафе, мне захотелось подойти к тебе и сказать, что я верил тебе. А еще мне хотелось сказать, что мне очень жаль. Жаль, что с тобой случилось такое.

– Тебе правда жаль, Бун?

На его лице появляется оскорбленное выражение. Мои слова потрясли его, но он ничего не говорит. Я тоже молчу. Вздохнув поглубже, я подставляю лицо жиденькому солнечному свету. Закрыв глаза, я наслаждаюсь ласковым прикосновением солнечных лучей к моему лбу и щекам.

– Помнишь, на днях я говорила тебе, что у меня появились новые клиенты?

– Да.

Я открываю глаза и поворачиваюсь к Буну.

– Он вернулся. Я буду убираться в его доме.

– Что-что?

– Мой новый клиент – Джон Риттенберг. Он живет в «Розовом коттедже» со своей женой.

Бун на глазах бледнеет.

– Что я хотела тебе сказать... Я, как обычно, там чуть-чуть порылась... Ну ладно, не чуть-чуть. И знаешь, что я нашла? Видеозапись той ночи.

– О чем ты? Какая запись?

Я снова смотрю на него в упор. Долго. И я вижу, что в какой-то момент он начинает понимать. Его лицо становится совершенно белым, щеки обвисают, глаза наполняются слезами. Он пытается сглотнуть – похоже, у бедняги пересохло в горле.

– Ты имеешь в виду... запись той ночи? На базе горнолыжной команды?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. – Мой голос звучит негромко, вкрадчиво. – Кто-то записал на телефон все, что тогда случилось. И то, как подмешивали наркотик, и само изнасилование. На записи видно всех, кто там был. То есть почти всех. И звук тоже

есть... Парни, которые утверждали, будто я все выдумала, – они все там есть. Дейзи Риттенберг тоже была на вечеринке – и тоже попала в кадр. Она и сохранила эту запись. Все эти годы она хранила ее в сейфе под замком, но я нашла ключ и скопировала запись на свой телефон.

Бун открывает рот, но не может выдать ни звука.

– Не знаю, кто я для тебя, Бун...

– Ты мой друг, Кит. А я – твой. Я твой самый лучший друг.

– Я не знаю, что на самом деле заставило тебя подойти ко мне в кафе в тот день и почему ты так сильно хотел со мной подружиться. Я не знаю, почему ты так стараешься быть внимательным, заботливым, добрым. Но догадаться нетрудно, Бун. Стыд. Чувство вины. – Я вздыхаю. – Наверное, ты боялся, что, если ты единственный не станешь держать язык за зубами и расскажешь полиции всю правду о той ночи, тебя задразнят до смерти и не дадут дотянуть до конца последнего школьного года. Ты боялся, что эти парни расскажут всем – и в первую очередь твоим родителям – о твоей сексуальной ориентации. И ты решил поступить как все. Не высовываться. Промолчать. Пусть торжествует зло, главное, чтобы тебя не тронули. Но все это время ты знал. Ты мог бы спасти меня. Может, ты даже мог бы спасти моего ребенка, но...

– Кит, пожалуйста! Я все объясню. Я могу...

– Не надо ничего объяснять, Бун. Но имей в виду: теперь ты мой должник. Ты должен мне за то, что промолчал, за то, что лгал мне столько лет...

Я достаю из сумки телефон, разворачиваю экраном к нему и включаю запись.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Мэл потянулась к чашке с кофе и сделала большой глоток. На часах было раннее утро, но ее следственная группа в полном составе собралась в рабочем зале полицейского участка. Ночью Мэл почти не спала, и сейчас ее поддерживал только коктейль из адреналина и кофеина.

– ...Теперь, когда мы идентифицировали гостей как Риттенбергов и установили местонахождение супругов Норт, мы исходим из предположения, что жертвой нападения стала уборщица Кит Дарлинг, – сказала Мэл, отставляя кофе в сторону. – Личные вещи Дарлинг, изъятые в ее квартире, а также образцы крови из «Стеклянного дома» отправлены в частную лабораторию для проведения ускоренного анализа и сравнения ДНК. Надеюсь, что предварительные результаты мы получим уже сегодня.

– Харуто и Ванесса Норт уже несколько месяцев находятся за пределами страны, – добавил Бенуа, – поэтому с нашей стороны было бы логично предположить, что они не имеют непосредственного отношения к происшедшему. Следует, однако, учитывать, что «Стеклянный дом» является их собственностью, а Дарлинг – уборщицей, которую они наняли. На данном этапе мы смогли связать Риттенбергов, место преступления и Кит Дарлинг, но этого мало. Мотив, средства, возможности – вот что нам еще предстоит установить. Нам нужен ковер, который вынесли из «Стеклянного дома». Нам нужен желтый «субару кросстрек». Нам нужны образцы ДНК супругов Риттенберг, чтобы доказать их присутствие в доме. Кроме того, нам необходимо провести тщательный обыск в «Розовом коттедже», а также конфисковать и осмотреть серый «ауди». Но для этого нам нужен ордер, а ордер мы получим, только если сумеем отыскать какие-то дополнительные улики.

– Как насчет неизвестной беременной женщины, которую Бьюла Браун приняла за Ванессу Норт? Женщины, которая приходила в

быстро «Пи» вместе с Дейзи Риттенберг и которую Тай Бинти считал Ванессой? – спросил Джек Дафф. – Кто эта женщина, которая, по словам Дейзи Риттенберг, пригласила ее с мужем в гости в «Стекланный дом»?

– Сегодня мы покажем Таю Бинти фотографию настоящей Ванессы Норт, – пообещала Мэл. – Посмотрим, что он скажет. Также мы покажем это фото женщинам, которые ходят на йогу для беременных, и вызовем Дейзи и Джона Риттенберг на допрос.

– Его «ауди» измазан в грязи по самую крышу, – вставил Арнав. – Похоже, Риттенберг катался на нем по какой-то помойке. Той ночью шел сильный дождь, так что...

– Верно. – Мэл кивнула. – Надо проверить данные с камер видеонаблюдения, может, нам удастся засечь его «ауди» где-нибудь на Марин-драйв. Еще нам нужен ордер на получение доступа к звонкам Дарлинг и ее финансовым операциям. Последние денежные переводы, кому она звонила или отправляла сообщения, кто звонил ей – все это даст нам представление о том, что она делала непосредственно перед преступлением. Да, не забудьте прошерстить соцсети – там тоже может найтись что-нибудь любопытное.

Перечисляя задания и вопросы, Мэл загибала пальцы на правой руке.

– Кстати, есть ли у Риттенбергов странички в социальных сетях? Нам известно, что Дарлинг вела аккаунт в Инстаграме под ником *@лисицаиворона*. Что она там публиковала? Есть ли у нее аккаунты, зарегистрированные на ее настоящее имя? Нужно собрать на нее все, вплоть до тех лет, когда она жила в городке при горнолыжном курорте. Ее друг Бун-ми Селим упомянул о некоем неприятном инциденте, из-за которого Кит Дарлинг бросила школу и уехала в неизвестном направлении. Покопайтесь еще в прошлом Джона Риттенберга. Когда-то он был членом национальной олимпийской сборной по горным лыжам, а база как раз находилась недалеко от городка, где росла Кит Дарлинг. Возможно, их дорожки пересекались еще тогда.

Мэл еще раздавала задания, когда в дверь резко постучали. Члены бригады дружно обернулись на звук и увидели на пороге патрульного в форме. Его глаза возбужденно блестели.

– Есть! – заявил он с порога. – Мы их засекли – «субару» и «ауди». Обе машины попали на дорожные камеры наблюдения.

Детективы взволнованно зашевелились.

– Вы можете вывести запись на наш монитор? – спросил Бенуа.

– Сейчас сделаем, – отозвался патрульный с энтузиазмом.

Через две минуты вся следственная бригада уже вглядывалась в мелькающие на экране зернистые кадры.

– Вот, смотрите, – объяснял патрульный. – Вот «субару-кросстрек» и седан «ауди S6» сворачивают с Марин-драйв. А это уже запись с другой камеры. Тут видно, что обе машины направляются в промзону на севере Ванкувера. Здесь третья камера зафиксировала автомобили возле огороженной строительной площадки АДМАК^[16] на берегу залива. Это заброшенное зернохранилище и погрузочный причал, которые предназначены к сносу. На этом месте планируется возвести новый жилой квартал. Мы обратились в АДМАК, и они передали нам записи с собственных камер безопасности, установленных непосредственно на площадке... – Он нажал клавишу на своем ноутбуке, и детективы увидели «субару кросстрек» и серый «ауди», которые медленно двигались через стройку.

– Еще одна камера сняла машины, когда они пересекали заброшенную узкоколейку. – Патрульный показал на экран. – Вот это место, взгляните...

Действительно, два автомобиля на экране один за другим переваляли через рельсы и двинулись дальше, подсакивая и ныряя на разбитой, грязной дороге, идущей параллельно берегу. Вскоре обе машины исчезли из поля зрения камеры и на экране остались лишь дождь, туман и ночная темнота.

– К сожалению, камера, направленная на погрузочный причал, вышла из строя, – продолжал патрульный. – Однако семнадцать минут спустя «ауди» возвращается. Он снова переехал железнодорожную колею напротив силосов, выехал с территории стройплощадки и направился обратно к Марин-драйв. Очередная дорожная камера зафиксировала седан уже на мосту Лайонс-Гейт.

– Похоже, он возвращается в Пойнт-Грей, – заметил Бенуа.

– А где же «субару»? – поинтересовалась Лула. – Как он не попал на камеры при выезде со стройки?

– Больше нигде на записях «субару» нет. Похоже, он так и не покинул территорию стройплощадки. Мы отправили туда наших людей, недавно они отзвонились. На стройке обнаружено три

комплекта свежих следов автомобильных шин. Следы, соответствующие стандартной резине, которая используется на «субару», ведут прямо к причалу и там обрываются. Видимо, машина упала с причала в воду. Там же мы обнаружили отпечатки обуви двух человек и следы волочения – как будто что-то тяжелое подтащили к причалу и тоже сбросили в воду.

– Что ж, вот и место, – негромко заметила Мэл.

Атмосфера в рабочем зале едва заметно изменилась. В расследовании наметился прорыв, и детективы были готовы действовать с новой энергией и напором.

– На записях камер зафиксирован серый «ауди» модели «S6», – сказал Бенуа. – Точно такой же седан мы видели на подъездной дорожке «Розового коттеджа».

Мэл задумчиво пощелкала кнопкой шариковой ручки.

– Нам нужны образцы почвы с колес машины Риттенберга. – Она повернулась к патрульному: – Нельзя ли увеличить изображение так, чтобы установить регистрационные номера «субару» и «ауди», побывавших на стройплощадке?

– Мы установили номер «субару». Машина зарегистрирована на Катарину Дарлинг. Номерные знаки «ауди», к сожалению, нечитаемы из-за грязи.

– Вы сказали, что комплектов следов было три, – напомнила Мэл. – Что там с третьим?

Патрульный улыбнулся и включил новый фрагмент видеозаписи.

– Эта запись сделана камерой на мосту – так называемой «камерой самоубийц». В поле ее зрения попадает часть территории под мостом. Вот что она сняла за одиннадцать минут до того, как на стройплощадку АДМАК прибыли «субару» и «ауди». – С этими словами он включил воспроизведение, и Мэл увидела большой черный седан, который медленно двигался вдоль причала, пока не исчез в мертвой зоне под мостом.

Патрульный ухмыльнулся.

– Третья машина, господа! «Мерседес майбах». И в момент, когда «субару» был сброшен с причала в воду, этот «мерседес» все еще стоял под мостом в самом темном месте. Других выездов со стройплощадки нет, следовательно, он должен был уехать тем же путем, каким приехал. Его отъезд также зафиксирован камерой.

Он снова нажал «Воспроизведение», и детективы увидели, как «мерседес» медленно выехал из-под моста и двинулся сквозь туман и дождь по дороге, пролегающей параллельно воде, пока не исчез из поля зрения камеры.

– Как только мы обнаружили «мерседес», мы снова просмотрели записи камер безопасности АДМАК, взяв большой временной интервал. Как я уже сказал, «мерс» появился на стройплощадке за одиннадцать минут до приезда «ауди» и «субару». Вот на этом кадре хорошо видно, что в салоне на переднем сиденье сидят двое: водитель и пассажир. Водитель, предположительно, женщина, если судить по длинным волосам. «Мерс» покинул стройплощадку через семь минут после отъезда «ауди». Насколько мы можем судить, внутри машины по-прежнему находились два человека.

– Вам удалось рассмотреть регистрационные номера «мерседеса»? – подал голос Бенуа. – Потому что его пассажиры не могли не видеть того, что происходило на стройплощадке – того, что не попало в объективы камер.

Патрульный вывел на экран увеличенное изображение номерного знака «мерседеса». По очереди оглядев детективов, он широко улыбнулся.

– Ни за что не догадаетесь, на кого зарегистрирована эта тачка!

– Ладно уж, не тяни, выкладывай! – воскликнула Лула.

– «Мерседес» принадлежит Тамаре Адлер из фирмы «Адлер, Кейн, Сингх и Сэлинджер». Это крупнейшая в городе юридическая контора. Именно она занималась тем нашумевшим делом, о котором столько трезвонили в новостях, – делом, к которому оказался причастен distinguished Фрэнк Хорват – член Законодательной ассамблеи Ванкувера и Пойнт-Грея.

– Наша свидетельница – Адлер?! – воскликнул Гэвин.

– Кем бы ни были эти двое в «мерседесе», – негромко ответила Мэл, – оба являются нашими потенциальными свидетелями. Они не могли не видеть, что там произошло, но не сообщили об этом, не объявились. Мне нужно побеседовать с Тамарой Адлер. – Она порывисто поднялась из-за стола. – Лула, свяжись с управлением Королевской канадской конной полиции по Северному Ванкуверу, пусть направят на место своих людей. Нужно огородить стройплощадку и никого туда не пускать. Джек, свяжись с

руководством АДМАК и сообщите им, что все работы на стройке прекращаются немедленно. Гэвин, займись ордером на изъятие «ауди» Риттенберга и на обыск в «Розовом коттедже». Доставьте Джона Риттенберга в участок для допроса. Мне нужен образец его ДНК, пробы из-под ногтей и прочее. Образцы ДНК его жены тоже возьмите. И еще: срочно направьте на старый причал полицейских водолазов.

Дейзи

29 октября 2019 г. Вторник

За два дня до убийства

Забрав Джона из приемного покоя Центральной городской больницы, Дейзи отвезла его в «Розовый коттедж» и уложила в постель. Ее переполняли облегчение и тревога. Когда к часу ночи Джон так и не вернулся, она несколько раз позвонила ему и, не дозвонившись, набрала номер одного из коллег мужа, вместе с которым тот должен был развлекать китайских инвесторов. Разбуженный среди ночи коллега ответил, что они ушли из клуба около десяти вечера и Джон вроде бы собирался ехать домой. Дейзи уже готова была позвонить в полицию, когда запищал ее мобильник. Это был Джон. Он звонил из отделения экстренной помощи Центральной городской больницы. По его словам, после ужина с китайцами, когда он уже направлялся к своей машине, ему неожиданно стало плохо и он потерял сознание. Прохожие нашли его на тротуаре и вызвали «Скорую». Джон сказал, что врач подозревает микроинсульт и что, хотя сейчас он уже чувствует себя почти нормально, через пару дней ему придется вернуться в больницу для более детального обследования и консультации со специалистом.

– Слава богу, что тебя нашел какой-то добрый человек, – прошептала Дейзи, садясь рядом с ним на кровать и беря его за руку. – Все могло закончиться гораздо хуже.

Джон устало закрыл глаза и кивнул, и Дейзи погладила его по голове. Выглядел он ужасно. Кожа серая, глаза обведены темными кругами, острый запах рвоты, будто ввевшийся в кожу.

– Утром мы приведем тебя в порядок, – сказала она шепотом и поцеловала мужа в щеку. – А пока отдыхай. Я очень рада, что ты наконец-то дома.

В ответ он снова кивнул, не открывая глаз, и сжал ее руку.

Перед тем как спуститься вниз, чтобы заварить себе чай, Дейзи включила ночник, убавив свет до минимума. Ставя чайник на плиту,

она мысленно вознесла горячую благодарность тому, кто управляет Вселенной. Когда ситуация – как, например, этой ночью – приближалась к критической, Дейзи с особой остротой начинала ощущать, что ей вовсе не хочется быть матерью-одиночкой. Ни при каких условиях! Когда у нее родится сын, ему нужен будет отец, а ей – муж. Да, она нуждалась в Джоне. Она хотела, чтобы рядом с ней всегда был добрый, надежный человек – в счастье и в горе, в болезни и в радости, пока смерть не разлучит их. Аминь.

При мысли об этом глаза Дейзи наполнились слезами. Она всегда хотела этого – хотела чуть ли не с того самого дня, когда познакомилась с Джоном еще школьницей. Именно поэтому она так сильно переживала, когда он совершал глупые ошибки. Именно поэтому она прилагала невероятные усилия, чтобы ликвидировать последствия этих ошибок. Дейзи необходимо было верить, что она вышла замуж за *правильного* человека. За того, кто предназначен ей свыше. Ей необходимо было верить, что Джон подходит ей по всем статьям, что он – хороший человек, что он сумеет стать замечательным отцом. И что он любит ее. Потому что если это не так...

Но об этом ей не хотелось даже думать.

Да, это вполне можно было назвать когнитивным диссонансом. Психологи могли бы сообщить Дейзи, что человек вполне способен верить в две взаимоисключающие вещи одновременно и совершать поступки, которые полностью противоречат его глубинным убеждениям. Они могли бы напомнить ей, что люди проявляют удивительную изобретательность, выдумывая оправдания и резоны, лишь бы объяснить отсутствие внутренней гармонии. Но Дейзи и так это знала. Уже много лет она довольно успешно загоняла неприятные мысли в подсознание и умела смотреть в другую сторону, когда этого требовали обстоятельства. Для нее это был способ выживания. Главное – выжить, а какую цену придется за это заплатить – ей плевать.

Дейзи вытерла слезы. Она надеялась, что их сын вырастет умным, добрым, честным. Парням в этой жизни приходится тяжелее, чем женщинам, – окружающие постоянно требуют от них «быть мужиком», «поступать по-мужски», «встречать неприятности как подобает настоящему мужчине». Джон в полной мере испытал это на себе, но у него не было мужчины-наставника, который помог бы ему

адаптироваться к вызовам окружающего мира. Его отец рано бросил семью, Джона воспитывала мать, и ему приходилось что-то постоянно доказывать себе и окружающим. Возможно, таким образом он пытался обратить на себя внимание отца. А может, маленький Джон старался сделать так, чтобы отсутствующий родитель гордился им, чтобы вернулся домой. Может, бедняга даже винил себя в том, что отец ушел из семьи. В конце концов Джон просто запутался в причинах и обстоятельствах и решил плыть по течению.

Дейзи снова смахнула со щек слезы. Руки ее дрожали. Она отказывалась думать о том, почему от мужа пахнет спиртным. Она отказывалась думать о запахе рвоты. О том, что в больнице она так и не увидела врача из отделения первой помощи, не поговорила с ним. Вместо этого Дейзи упорно твердила себе, что этот микроинсульт (или как там, по словам Джона, назвали это врачи) станет для них подлинным благословением небес, потому что страх в глазах мужа был абсолютно искренним.

Что бы ни произошло с Джоном на самом деле, его это напугало.

Может, теперь они с ним будут чаще благодарить судьбу за все, что у них есть, с бóльшим рвением оберегать друг друга и своего малыша, который вот-вот появится на свет.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Тамара Адлер провела Мэл в свой роскошный кабинет. Юридическая компания «Адлер, Кейн, Сингх и Сэлинджер» действительно была топовой – денег здесь не считали.

– Присаживайтесь, – сказала Тамара. Вид из окон ее кабинета наверняка был потрясающим, но сейчас панорама города была затянута низкими облаками: за стеклами, по которым стекали струйки дождя, колыхалась плотная серая пелена.

Мэл села на диван у окна. Она была одна – Бенуа поехал на стройплощадку АДМАК – ждать прибытия бригады экспертов и полицейских водолазов.

– Чем могу помочь, сержант? – спросила Адлер. Она выглядела сосредоточенной и внимательной. Общее впечатление собранности дополнял безупречный брючный костюм кремового цвета. Аккуратно подстриженные под каре рыжие волосы достигали подбородка, маникюр выглядел как произведение искусства. «Деньги» – вот какое слово пришло Мэл в голову при взгляде на Тамару Адлер. Большие деньги и полный самоконтроль. Меньше всего адвокатша была похожа на человека, который мог оказаться ночью на стройке под мостом и стать свидетелем насильственных действий. Впрочем, Мэл было хорошо известно, что люди редко бывают такими, какими кажутся.

Не тратя времени на долгие предисловия, она открыла папку и извлекла оттуда несколько снимков, распечатанных с записей камер видеонаблюдения. Разложив их на столе перед Адлер, Мэл сказала:

– Эти снимки были сделаны камерой наблюдения на стройплощадке АДМАК рядом со старым зернохранилищем и погрузочным причалом в Северном Ванкувере. Как следует из даты и времени в нижнем углу, снимки были сделаны в ночь на первое ноября. «Мерседес майбах», запечатленный на этих снимках, зарегистрирован на ваше имя, миссис Адлер. – Она пристально посмотрела на адвокатшу. – Можете ли вы сказать мне, кто управлял

вашей машиной в этот день и час? Судя по увеличенным фото... – Мэл показала на два обработанных снимка, – этот человек напоминает вас, миссис Адлер.

Тамара Адлер внимательно рассматривала снимки. На ее лице не дрогнул ни один мускул, но Мэл чувствовала, что адвокатша напряжена, а колесики у нее в голове лихорадочно вращаются в поисках объяснения, способа уклониться от неприятных вопросов. Несколько секунд спустя Тамара все-таки решила сказать правду – Мэл поняла это по выражению ее лица. Подняв взгляд на детектива, Адлер сказала:

– Мы можем решить этот вопрос так, чтобы ничего не просочилось в прессу?

Мэл покачала головой.

– Я не могу ничего гарантировать, но ваша готовность к сотрудничеству может помочь вам и человеку, который был с вами в машине, не попасть в поле зрения журналистов.

Адлер глубоко вздохнула и снова взяла в руки фотографии. Казалось, она пытается понять, насколько велики шансы, что полиция сможет самостоятельно определить личность ее спутника.

– Кто был с вами, миссис Адлер? Судя по снимкам, это мужчина. Рано или поздно мы установим его имя вне зависимости от того, будете ли вы нам помогать или нет. Достаточно просто разместить эти фото в социальных сетях. Мы часто прибегаем к помощи широкой общественности – и с отличными результатами.

Адлер облизнула губы, потянулась к графину на столе и налила себе стакан воды. Потом она протянула графин Мэл.

– Нет, спасибо, – отказалась она.

Адвокатша сделала небольшой глоток из стакана. Ее лоб слегка блестел от выступившей испарины, и Мэл поняла, что Тамара Адлер находит ситуацию крайне неловкой.

– Я была с Фрэнком Хорватом, – сказала она наконец. – Боюсь, мне вряд ли удастся выразить, насколько компрометирующим для его – и для моей – репутации может быть обнародование этих сведений. Как минимум это приведет к полному развалу дела, которое в настоящее время слушается в суде и...

– Я хотела бы только узнать, что вы и почтенный мистер Хорват видели той ночью на стройплощадке, – перебила Мэл. – Судя

по тому, где стояла ваша машина, вы *должны были* что-то видеть.

Адвокатша повернулась к окну, за которым по-прежнему колыхался туман.

– Кто еще был на стройплощадке? Может, вы заметили там другие транспортные средства?

Адлер продолжала смотреть в окно, не рискуя встречаться с Мэл взглядом.

– Пропала молодая женщина, миссис Адлер. И у нас есть основания предполагать, что вы и ваш пассажир можете помочь нам узнать, что с ней случилось. – Мэл постучала кончиком пальца по снимкам, сделанным камерой на мосту, и Адлер непроизвольно бросила на них взгляд. – Смотрите, вот ваша машина приезжает на стройку, а вот уезжает... Вы едете на восток. Это означает, что в какой-то момент ваша машина была развернута передом к старому причалу.

Адлер резко втянула носом воздух.

– Вы не можете с полной уверенностью утверждать, что мы что-то видели...

– Как я уже сказала, – ровным голосом произнесла Мэл, – добровольное сотрудничество со следствием может существенно упростить ситуацию и для вас, и для депутата законодательной ассамблеи Хорвата. И для ваших семей.

Адлер рывком поднялась с кресла и сделала несколько шагов к высокому – от пола до потолка – панорамному окну. Сложив руки на животе, она некоторое время вглядывалась в стену тумана и низких облаков.

– Мы видели две машины, – сказала она, не оборачиваясь. – Большой седан и хэтчбек. Седан был темный, хэтчбек – светлый. По моему, это был «субару кросстрек». Я знаю эту модель, потому что точно такую же машину мы подарили сыну на день рождения. – Она ненадолго замолчала, потом повернулась к Мэл. – Из машин вышли двое в плащах. Они вытащили из седана что-то длинное и тяжелое, похожее на свернутый ковер. Они сбросили его с причала в воду. Потом туда же отправился «субару»... – Адлер снова замолчала, пристально глядя Мэл в глаза. – Наверное, они чем-то блокировали педаль газа. Фрэнк и я... У нас были отношения, но теперь это в прошлом. Мы оба боялись, что, если заявим об увиденном, о нашей связи станет известно, а это привело бы к катастрофическим

последствиям. У нас у обоих есть супруги, дети... мои клиенты, его избиратели... В общем, вы понимаете...

– Что, по-вашему, могло находиться внутри ковра? – спросила Мэл.

– Я не знаю.

– И вам не пришло в голову, что двое неизвестных, которые посреди ночи сбрасывают в залив машину, могут быть замешаны в чем-то серьезном? Что они заматают следы, уничтожают улики?

Адлер крепче сжала зубы и плотнее прижала ладони к животу. Глаза ее как-то странно заблестели.

– Это могло быть... чем угодно, – негромко сказала она. – Начиная от незаконной утилизации мусора и заканчивая...

– Верно, – подтвердила Мэл. – Чем угодно. И что предприняли вы с достопочтенным Хорватом?

– Мы... уехали. Его машина была припаркована в центре. Я подвезла его, мы попрощались и разъехались по домам. – Адлер снова села напротив Мэл и, чуть подавшись вперед, крепко сплела пальцы. – Я... мы оба готовы дать официальные свидетельские показания, но... На самом деле мы почти ничего не видели. Только то, о чем я уже рассказала.

– Как вам кажется, вы смогли бы опознать неизвестных, которые вышли из подъехавших машин?

– Вряд ли. Во-первых, они были довольно далеко, а во-вторых, уже стемнело, был дождь, туман... Кроме того, оба были в длинных темных плащах, а на одном из них был капюшон и...

– На *одном*? Вы считаете, это был мужчина?

– Я... наверное... Во всяком случае, мне так показалось. Он был выше ростом. Второй был приземистым... полноватым.

– Этот второй мог быть женщиной?

– Возможно.

– А могла это быть *беременная* женщина?

– Бере... Что?!

– Мог ли второй неизвестный быть женщиной на позднем сроке беременности?

– Я... я не думала об этом, но... Да, это возможно.

– Вы могли бы сегодня же зайти к нам в участок и сделать официальное заявление?

– Да. И я привезу с собой Фрэнка – будет лучше, если вы не станете заходить к нему в офис.

Мэл молча собрала фотографии и убрала обратно в папку.

– Дети Фрэнка моложе, чем мои, – неожиданно сказала Адлер. – Им будет очень тяжело, если родители разойдутся. К тому же он очень много делает в качестве депутата законодательной ассамблеи: помощь бездомным, борьба с наркоманией, строительство социального жилья... Если разразится скандал, вся эта работа пойдет псу под хвост. Оппозиция его просто распнет. Нам и в страшном сне не могло присниться, что кто-то увидит нас в моей машине... или случится что-то такое. Мы были очень осторожны. Поэтому и ездили в такие полузаброшенные места.

Мэл подняла голову и посмотрела на адвокатшу.

– У нашей жертвы – у пропавшей женщины – тоже есть друзья, которым она дорога. И даже в самом страшном кошмаре ей тоже не могло присниться, что на нее нападут, закатают в ковер и сбросят в море. Если, конечно, с ней случилось именно это. – Она встала. – Я очень надеюсь, миссис Адлер, что ваше и Фрэнка решение *не* звонить в Службу спасения не стоило ей жизни, потому что в противном случае избежать огласки вам не удастся.

Джон

31 октября 2019 г. Четверг

В день убийства

Дневной свет, просочившись сквозь жалюзи, полоснул Джона по глазам. Лучи солнца были прямыми, как обвиняющий перст. Он поморщился, заморгал, пытаясь приспособиться к яркому свету. Сон отступил, и его место заняли тревога и страх. Джон знал, что он дома, в своей постели. Что он в безопасности. Но кошмар с участием Мии Райтер был все еще слишком свеж в памяти, чтобы его разум мог обрести успокоение.

Сев на кровати, Джон свесил ноги на пол. Ни вчера, ни позавчера он на работу не ходил. Большую часть этого времени он отсыпался, но даже сейчас ему было не по себе. И дело было даже не в том, что он чувствовал себя так, словно его огрели по голове пыльным мешком; гораздо хуже было то, что ему по-прежнему не удавалось во всех деталях вспомнить, что же произошло в тот вечер. В том, что Миа подсыпала ему что-то в виски, у него сомнений не было, но он по-прежнему не знал, зачем она это сделала. Чего она добивалась, какие цели преследовала? И кто еще был в квартире, куда они поднялись из кафе? Об этом у него не сохранилось вообще никаких воспоминаний, и это пугало Джона едва ли не больше всего. Кроме того, он был прикован к кровати наручниками... Похоже, его изнасиловали, о чем напоминали жжение и боль в анальной области.

Он подумал о Дейзи. Она была внизу, на кухне. Джон слышал музыку. Ощущал запахи кофе и жарящегося бекона. Желудок отреагировал на эти запахи спастической судорогой. Как его жена может слушать музыку, когда он... Когда его... Но ведь она даже не знает, что с ним произошло! Что будет, если она узнает?

При мысли об этом его охватил холодный страх. Да, рано или поздно Дейзи узнает. Случившееся напоминало бомбу с часовым механизмом, и до взрыва оставались считанные секунды. Джон буквально видел, как цифры на воображаемом таймере стремятся к

нулю. Что будет дальше? Шантаж? Вымогательство? Что понадобилось от него Мие Райтер и ее поделщикам? Что означает след от иглы на сгибе его локтя?

Музыка внизу стала громче – по-видимому, Дейзи включила вытяжку и прибавила громкость, чтобы заглушить шум. Теперь Джон различал обрывки слов – что-то насчет ушедшей любви и сердца, которое не вынесло предательства.

Чувствуя, как стремительно ухудшается его настроение, Джон потянулся к телефону. Никаких сообщений. Никаких пропущенных звонков. Поколебавшись, Джон поднялся, плотнее закрыл дверь спальни и набрал номер Мии. Почти мгновенно он получил ответ в виде записанного сообщения от оператора:

«Набранный вами номер не существует».

Чувствуя, как сердце колотится в груди, он повторил попытку.

«Набранный вами номер не существует».

Джон бессильно опустился на кровать и некоторое время сидел, освещенный холодными лучами осеннего солнца. Мысль о том, что неприятности только начинаются, почти парализовала его. Шантаж... Его запугивали, пытались свести с ума, вынуждали со страхом ждать, когда же взорвется бомба. А он даже не знал, что это за бомба и с какой стороны ему грозит опасность.

На работе Джон сказался больным. Он и был болен. Даже сейчас он чувствовал себя отвратительно. Когда Дейзи приехала за ним в больницу, он сказал, что через день-два ему придется вернуться, чтобы проконсультироваться с врачом и сдать кое-какие анализы. Вчера он сделал вид, будто едет в больницу. Дейзи предложила отвезти его, и это существенно осложнило ситуацию. К счастью, она согласилась подождать в машине, и в здание больницы он вошел один. Внутри Джон отыскал часовню и сидел там, вдыхая запах горящих свечей, пока не истекло время, которое, как ему казалось, было необходимо для врачебного осмотра. Вернувшись к машине, он сообщил Дейзи, что, по словам врача, его обморок был вызван, скорее всего, перенапряжением и стрессом. Такое случается, добавил он, но для пущего правдоподобия добавил, что ему велели обратиться к специалисту, который сам ему позвонит и назначит дату и время приема. Пока же ему рекомендовали не перенапрягаться, регулярно отдыхать, правильно питаться, пить больше воды и не пренебрегать

физическими упражнениями. Дейзи он сказал, что намерен отнестись к врачебным рекомендациям со всей серьезностью, а она, в свою очередь, пообещала сделать все, что в ее силах, чтобы ему помочь. Ведь мы же семья, сказала Дейзи, и на мгновение Джон почувствовал ту старую любовь, которую когда-то питал к жене. Ему даже показалось, что он напрасно паникует и что все закончится хорошо, но сейчас, когда он сидел на кровати в заливавшем спальню бледном утреннем свете, груз неизвестности снова тянул его к земле.

Он сам безвозвратно все испортил, и сознавать это было больнее всего.

Джон бросил взгляд на часы. Сегодня в офисе должна была состояться важная встреча, на которой ему необходимо было присутствовать. Нужно взять себя в руки, подумал он и, с трудом поднявшись, направился в ванную. Приняв душ и побрившись, Джон оделся во все чистое и спустился в кухню.

Там он увидел Дейзи. Она стояла к нему спиной, и он поразился, сколько жираросло на ее заднице и боках за время беременности. Перед ней на разделочном столе, выставив напоказ влажную рубиново-красную мякоть, лежали две половинки только что разрезанного грейпфрута. В руке Дейзи держала большой нож, влажно поблескивающий в солнечном свете. Джон как зачарованный уставился на лезвие, такое острое... На мгновение ему показалось, что в кухне слишком много белых поверхностей, сверкающего стекла и яркого света. Слишком много красной сырой мякоти. От этой мысли у него нестерпимо заняла голова, и он на мгновение зажмурился.

Дейзи обернулась. По ее губам скользнула улыбка, и Джон увидел ее белые зубы. Увидел румянец на щеках. Куполообразный живот. И дурацкий фартук с рисунком в виде тыквы. Ну а как же иначе – ведь сегодня Хеллоуин...

Джон почувствовал подкатившую к горлу тошноту. Наверное, он все еще отходит от наркотиков. Плюс страх. Плюс огромное количество кортизола, который циркулировал в его крови словно яд. Его взгляд снова остановился на животе жены. Ей скоро рожать. Очень скоро. Их сын уже готов, он вертится внутри нее, брыкается, сосет палец. Сын. Наследник. Возможно, будущий горнолыжник... Джон подумал о своем отце и почувствовал укол грусти. Его отец был тем еще образчиком родительской любви и заботы. Джон не хотел стать

таким, как он, и сейчас, прямо на кухне, заключил мысленную сделку с дьяволом. Или с богом. С кем именно, Джон не был уверен, но он поклялся себе, что, если ему удастся избежать последствий ужасной ошибки, которую он допустил, когда связался с Мией, он станет для своего ребенка отличным отцом. Самым лучшим! И останется таковым на всю жизнь. Он всегда будет рядом, будет поддерживать, наставлять, любить. И тогда...

Улыбка Дейзи померкла, сменившись озабоченностью.

– Ты совсем бледный... Плохо спал? Тебе обязательно идти сегодня на работу?

– К сожалению, обязательно. Важная встреча. – Он налил себе кофе.

– Я звонила диетологу, – сказала Дейзи. – И персональному тренеру. Проконсультироваться. Я рассказала, что с тобой случилось, и они...

– Не сейчас, Дез.

Она виновато вспыхнула.

– Хорошо, не буду. Когда ты вернешься?

– К ужину.

– Значит, ты забыл?

– Забыл о чем?

– Сегодня же Хеллоуин. Нас ждут на ужин Ванесса и Харуто.

– Что?! Господи, только не сегодня! Я...

– Пожалуйста, Джон. Ради меня. Мне кажется, нам обоим было бы полезно как-то... разнообразить наше времяпрепровождение.

Джон молча окинул ее взглядом. Он чувствовал себя скверно. Во всех отношениях. А еще он боялся, что может ее потерять.

– Ну, хорошо. Конечно. Если тебе хочется, я готов.

– Спасибо! Ванесса сказала, что ждет нас примерно к шести и что мы начнем с коктейлей. Я думаю, по дороге мы заедем куда-нибудь за цветами, а еще можно купить пирог на десерт. Ты не против?

– Конечно, нет.

К тому времени, когда Джон припарковал свой «ауди» на служебной стоянке под зданием «Терры Уэст», в голове у него немного прояснилось. Не выходя из машины, он позвонил Джейку Престону. Джон по-прежнему боялся, что с Мией его могли подставить тесть, Генри или даже сам Ахмед Вахид. В ушах у него по-прежнему нет-нет

да раздавался жаркий шепот Мии: «Кто твой конкурент, Берг-Бомба? И как ты собираешься искать на него компромат?»

Джейк ответил на втором гудке:

– Джейк Престон слушает.

– Это Джон Риттенберг. У вас уже что-нибудь есть или...

– Боюсь, мне потребуется больше времени. Этот парень чист как стеклышко, Джон. Ни единого пятнышка. Ничего подозрительного. Настолько ничего, что мне кажется – он просто обязан что-то скрывать, но пока... Он ни разу не привлекался к ответственности даже за превышение скорости. Ни разу не устраивал буйных вечеринок. Каждый день он пробегает несколько миль, потеет в тренажерном зале, занимается йогой...

– Йогой?! Боже правый!

– Да, йогой. Похоже, парень всерьез верит в идею холистического здоровья^[17]. Он покупает продукты только на рынке. Поддерживает местные бренды и в выходные ходит по галереям. О том, что он фанат спорта, я уже говорил. Помимо бега и тренажерного зала, он катается на сноуборде зимой и на кайтборде летом. Уже давно в отношениях. Подружка переехала в Ванкувер вместе с ними. Работает в сфере финансов.

– В сфере финансов? – Джон насторожился. – Типа банкирша?

– Вроде того. Она работает в крупной британской финансовой компании, по большей части – удаленно, но часто ездит по работе в дальние командировки.

Джон стиснул телефон в кулаке. Пристально взглядываясь в полумрак подземного гаража, он спросил:

– Как ее зовут?

– Слушай, приятель, мне казалось – ты против того, чтобы обсуждать подобные вещи по телефону. Ты сказал, что предпочитаешь личные встречи.

– Просто назови мне ее чертово имя.

– Ее зовут Мила Гилл.

– Миа?

– Нет, Мила. М-и-л-а.

– Откуда она? Кто по национальности?

– Она англичанка. Белая англичанка.

– Послушай, Джейк, ты обещал, что найдешь компромат. А мне сейчас очень нужно *хоть что-нибудь*. То, что ты мне сейчас рассказал, я выяснил бы и сам. Все эти сведения ничего не стоят. Мне нужны факты, которые я мог бы использовать в самое ближайшее время. – «Пока *она* не сделала свой ход». – Ты обещал, Джейк!

– Я сказал, что сумею что-то найти, только если там есть что искать. Сфабриковать компромат – это совсем другой коленкор. Я в самом начале сказал: мне нужно точно знать, где проходит черта, которую мы *не* переступаем. И кстати, Джон, изготовление компромата – это совсем другие деньги.

Джон провел ладонью по волосам. Миа. Мила. Управляющая банком. Специалист в финансовой сфере. Иностранка. Много путешествует... Его одолевали предчувствия одно мрачнее другого.

– Мне плевать, сколько это стоит, – сказал он в трубку. – Просто сделай это, о'кей?

Закончив разговор, он вышел из машины, заблокировал двери и направился к лифту. Чем выше поднималась кабина, тем сильнее становились его беспокойство.

Выйдя из лифта, Джон зашагал к своему кабинету. Секретарша в приемной была одета как Мортиша Аддамс^[18], и он сразу вспомнил о Хеллоуине.

– Доброе утро, Анна, – приветствовал он.

Она уставилась на него из-под черного парика. Лицо ее казалось мертвенно-бледным из-за толстого слоя пудры, обведенные черным губы не улыбались. Что-то не так, вдруг понял Джон. Он машинально бросил взгляд на стеклянную стену кабинета Ахмеда Вахида. Его соперник был на своем рабочем месте. Он тоже не улыбнулся. Его губы были сурово сжаты, непроницаемые черные глаза смотрели сквозь круглые очки пристально и твердо. В ушах Джона раздался тревожный звонок. Наверное, коллеги просто не одобряют, что он забыл надеть маскарадный костюм, и теперь считают его занудой, который портит им праздничное настроение.

– Джон... – сказала Анна, предварительно откашлявшись, и он заметил, как из уголков рта у нее стекает струйка искусственной крови. – Тебя ждет Дэриен. Он у себя в кабинете.

Дэриен. Большой босс. Самый большой...

Джон замер.

– А что такое? Что-то случилось?

В отличие от Ахмеда, Анна явно не решалась встретиться с ним взглядом.

– Не знаю. Он просто сказал, чтобы я направила тебя к нему, как только ты появишься.

– Понятно. – Джон двинулся к своему кабинету, но Анна вскочила и бросилась следом за ним.

– Джон! Дэриен сказал – немедленно!..

– Я понял. Понял. Дай мне хотя бы портфель положить, о'кей?

Секретарша сглотнула. Ее окровавленный рот в обрамлении черных губ выглядел жутковато.

– Извини, Джон. Он настаивал, чтобы ты сразу же прошел к нему...

Джон пристально посмотрел на нее. Краешком глаза он видел, что все коллеги в своих стеклянных будках подняли головы и глядят на него. Неподвижно. Молча. И тут он все понял.

То, чего он так боялся, случилось.

Случилось раньше, чем он рассчитывал.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

– На первое занятие Ванесса Норт пришла седьмого августа, в среду, – заглянув в свой компьютер, сообщила инструктор по йоге.

– Как часто она посещала занятия? – спросила Мэл. В студию йоги она приехала сразу после встречи с Тамарой Адлер. По пути Мэл успела позвонить Бенуа и рассказать все, что узнала от свидетельницы, а напарник сообщил, что водолазы приступили к поискам.

– Она ходила на занятия достаточно регулярно. Ванесса бывала у нас почти каждые понедельник и среду, – сказала инструкторша, подняв взгляд на Мэл. У нее было серьезное, открытое лицо без следов косметики и длинные вьющиеся волосы, чуть тронутые сединой. На вид ей было немного за пятьдесят. – А в чем дело? Я спрашиваю только потому, что Ванесса пропустила несколько последних занятий, а это на нее совершенно не похоже. Я даже подумала – вдруг у нее какие-то неприятности с ребенком...

Мэл ответила вопросом на вопрос:

– У вас в системе сохранились данные ее кредитной карточки?

Инструкторша снова заглянула в компьютер, нахмурилась.

– Похоже, Ванесса расплачивалась только наличными.

– А ее контактный телефон и адрес у вас есть? Может быть, медицинская карта или фитнес-анкета?

– Да, она заполнила все полагающиеся анкеты, – сказала инструкторша, в очередной раз проконсультировавшись со своим ноутбуком. – В файле есть ее адрес, но, к сожалению, детектив, я не имею права сообщать вам личные данные клиентов без ордера.

– Разумеется, мэм, я могу вернуться с ордером, но мне не хотелось бы терять время на соблюдение формальностей. Дело в том, что прямо сейчас жизнь одной женщины может быть в опасности, и если мы промедлим... Давайте поступим вот как: вы просто подтвердите или опровергнете тот факт, что Ванесса Норт проживает по адресу Западный Ванкувер, Си-Лейн, номер 5244.

Инструкторша явно занервничала.

– Да, я готова это подтвердить. И... мне кажется, не будет большого вреда, если я продиктую вам ее номер. – Она назвала последовательность цифр, и Мэл ввела их в свой телефон.

– Еще один вопрос... – сказала Мэл, выводя на экран фотографию Ванессы Норт, присланную из Сингапура. – Скажите, к вам на занятия ходила эта женщина?

– Нет. У Ванессы более длинные волосы. Темно-русые, с осветленными золотистыми прядями. Форма носа и скул тоже другая. И глаза... у Ванессы большие светло-карие глаза. И вообще, она выглядела как-то моложе. – Инструкторша нахмурилась. – А кто эта женщина?

– Это Ванесса Норт.

– Тогда... кто же приходил ко мне на занятия?

– Хороший вопрос. – Мэл убрала телефон и положила на стол перед инструкторшей свою визитную карточку. – Спасибо, что уделите мне время. Если что-нибудь вспомните или ваша клиентка вдруг объявится, позвоните мне.

Шагая обратно к своей машине, Мэл набрала номер, который дала ей инструкторша. Почти сразу послышался щелчок соединения и прозвучало записанное сообщение:

«Набранный вами номер не существует».

* * *

Мэл ехала в бистро «Пи», чтобы поговорить с Таем Бинти, когда ей позвонил Бенуа.

– Привет, – сказала она. – Ну что, водолазы что-нибудь нашли?

На заднем плане она слышала урчание двигателя и короткие сигналы, которые издает грузовик, когда движется задним ходом. Или работающий кран. Бенуа сказал несколько слов в сторону, словно отвечал кому-то на вопрос, а потом снова заговорил в телефон:

– Водолазы нашли «субару». Как мы и предполагали, машина находится практически рядом с причалом. Здесь довольно глубоко, так что специалисты пока решают, как ее лучше поднять. Они уже вызвали подъемный кран и эвакуатор, чтобы доставить авто в лабораторию.

Мэл медленно, глубоко вздохнула, стараясь справиться с волнением. Ей вспомнилась миловидная уборщица с растрепанной прической «кошачьи ушки», вспомнилась ее крохотная квартирка в стиле бохо, ее открытки, ее мечты о путешествиях и одноногая ворона. За годы службы в полиции Мэл привыкла к смертям, но сейчас ей вдруг стало так грустно. У нее слегка защипало глаза, но все прошло, стоило ей несколько раз моргнуть.

– Что насчет ковра? – спросила она.

– Пока ничего. Вдоль причала проходит сильное приливно-отливное течение, оно могло отнести ковер довольно далеко. Водолазы сообщают, что на дне много промышленного мусора, видимость очень плохая, так что поиски могут затянуться. Работать в таких условиях небезопасно, так что спешить они не могут.

– Понятно. Я подъеду, как только побеседую с Таем Бинти. Что там с ордерами?

– У меня на руках. Лула уже засадила парней разгребать записи о финансовых операциях и телефонных звонках Дарлинг. Наружка, которую мы оставили возле «Розового коттеджа», сообщает, что Джон Риттенберг никуда не выходил с тех пор, как мы нанесли ему визит. Они готовы доставить его в участок, но ждут эвакуатор, чтобы отправить «ауди» в лабораторию. Мы связались с полицией Западного Ванкувера и попросили разыскать Дейзи Риттенберг, взять у нее отпечатки пальцев и образцы ДНК, а ее саму доставить к нам на дополнительный допрос.

– Я хочу, чтобы образцы ДНК и отпечатки пальцев Джона Риттенберга тоже передали в частную лабораторию. Это здорово ускорит дело, – распорядилась Мэл. – Если мы докажем, что Риттенберги были на месте преступления, то сможем предъявить им обвинение и задержать.

На этом разговор закончился. Через пару минут Мэл уже припарковалась возле бистро и вышла из машины. Внутри кафе в нос ей ударил запах свежесдобитого хлеба, и она невольно сглотнула слюну. Ожидая, пока Тай Бинти выйдет к ней из своего кабинета в глубине бистро, Мэл с жадностью рассматривала выложенную на прилавке выпечку.

– Приветствую, сержант. Рад снова видеть вас в нашем бистро. Желаете что-нибудь особенное?

Мэл улыбнулась.

– Вообще-то, я по делу, но не откажусь от сладкой «улитки» и большого двойного капучино – только поменьше молока и побольше пенки.

Тай Бинти широко улыбнулся.

– Лучше, чем пончики, так?

– О да.

Пока он готовил для нее кофе, Мэл достала телефон и вывела на экран фотографию Ванессы Норт.

– Вы знаете эту женщину? – спросила она. – Она бывала в вашем бистро?

Наклонившись вперед, Тай Бинти несколько секунд внимательно рассматривал снимок. Слегка поджав губы, он покачал головой.

– Нет... То есть, возможно, она и заходила пару раз, но я ее не помню.

– А вы смогли бы узнать Ванессу Норт, подругу Дейзи?

– Конечно! Красивая женщина. У нее такие большие светло-карие глаза...

– Кто из них двоих обычно оплачивал заказы? Ванесса или Дейзи?

– Обе... Они платили по очереди.

– Ванесса расплачивалась кредитной карточкой?

– Нет, она всегда платила наличными. По-моему, ей это даже нравилось.

Джон

31 октября 2019 г. Четверг

За тринадцать с половиной часов до убийства

Сжимая вспотевшей ладонью ручку кожаного кейса, Джон шел мимо коллег, следивших за ним из-за стеклянных стен своих кабинетов. Дверь кабинета Дэриена Уолтона в конце коридора была приоткрыта. Стукнув в нее пару раз, Джон вошел в просторный кабинет начальника.

Дэриен Уолтон – высокий, загорелый, с коротким седым ежиком – поднялся из-за своего чудовищных размеров стола и обратил к Джону непроницаемое лицо. Перед ним лежал коричневый конверт, при виде которого Джон почувствовал, как участился у него пульс. Не в силах оторвать взгляд от конверта, он все же заметил боковым зрением, что в кабинете находится кто-то еще. Повернув голову, он увидел Генри, который словно жаба расположился в мягком кресле рядом с книжными шкафами.

– Дэриен... – начал Джон. – Вы хотели меня видеть?

Он ожидал, что ему, по крайней мере, предложат сесть, но этого не произошло. Дэриен Уолтон тоже остался стоять, но кончики его пальцев коснулись конверта на столе.

– Это доставили курьером сегодня утром, – холодно сообщил он и впился в Джона ледяным взглядом.

Джон облизнул пересохшие губы.

– Вы знаете, что здесь, Джон?

Перед его мысленным взором промелькнули обрывки воспоминаний: хищный красный рот Мии, наручники, чужие рюмки на ковре, след от укола на сгибе локтя, полужасохшая сперма на члене и лобковых волосах, жжение в области ануса. К горлу подкатила ледяная волна страха.

– Нет, – коротко ответил Джон.

Дэриен поднял конверт и высыпал его содержимое на стол. Глянцевые фото разлетелись по полированной поверхности.

Потрясение, которое испытал Джон, оказалось слишком сильным. Дыхание занялось в груди, и он непроизвольно шагнул вперед. На первой фотографии Миа целовала его в щеку напротив входа в «Охотник и пес» в первый день их встречи. А вот они с ней сидят в полукабинете после того, как ушел Генри. Вот Джон стоит, засунув руки в карманы, и глядит вслед удаляющейся женщине. Вот они держатся за руки в укромном кафе. Вот они целуются на пороге ее съемной квартиры-пентхауса. А вот он чуть ли не на четвереньках выползает из высотки и падает на заднее сиденье такси, которое повезет его в Центральную городскую больницу.

Дэриен сдвинул в сторону верхние снимки, чтобы подчиненный увидел, что еще лежало под ними. Ужас охватил Джона, когда он увидел себя голым на кровати и полураздетую Мию, которая уселась на него верхом. На других фото были запечатлены двое неизвестных мужчин. Рядом с ним, *на* нем. Извращенные позы. Сплетенные тела блестят от пота. При виде этих изображений Джон почувствовал, как горло заливают жгучая желчь. Он не мог дышать. Казалось, из кабинета Дэриена внезапно выкачали весь воздух, и теперь Джон мог только беспомощно разевать рот.

Генри по-прежнему неподвижно сидел в углу, не издавая ни звука. Дэриен Уолтон снова перетасовал снимки, и Джон увидел новую порцию фото: его «ауди» на стоянке Джерико-бич и Джейк Престон, выбирающийся из салона с конвертом в руке, табличка с надписью: «Частные расследования Престона».

– Мне жаль вашу жену, Джон, – проговорил Дэриен Уолтон. – Мне жаль Лабдена и Аннабель. Но если ваши сексуальные предпочтения – ваше личное дело, то вот это... – Он выудил из кучи фотографий какой-то документ и потряс им в воздухе. – ...Это совершенно неприемлемо. Вы знаете, что это, Джон?

По его внутренностям словно прокатился холодный стальной шар. Прокатился и застрял в желудке. Джон промолчал.

– Это договор с печально известным частным детективом, которого вы наняли, чтобы найти компромат на своего коллегу. В погоне за должностью руководителя вы не постеснялись использовать расовые и религиозные различия. А это... – Дэриен Уолтон извлек из бумажной кучи на столе еще один документ, – ...это личное дело

Ахмеда Вахида, которое вы украли в отделе кадров корпорации и передали детективу.

Растерянность и ужас Джона сменились жгучей ненавистью. Он резко повернулся к Генри, который спокойно выдержал его взгляд. На лице старика не дрогнул ни один мускул.

– Это твоих рук дело, Генри? – прошипел Джон, показывая на грудь фотографий и печатных листов. – Ты меня подставил?

– Убирайтесь отсюда, Джон, – холодно сказал Дэриен Уолтон. – Убирайтесь из моего кабинета и из здания. И не возвращайтесь. Вы уволены.

– Кто привез вам эти фотографии? – с напором спросил Джон. – Кто вам их передал?

– Я сказал, убирайтесь.

– Я... я могу все объяснить. Меня подставили. Это сделал он... – Джон показал на Генри. – Он и Ахмед Вахид. Они вместе меня подставили.

– Катись к чертовой матери, Джон! Я не желаю больше тебя видеть. Никогда.

Джон осекся на полуслове. Он беспомощно посмотрел на начальника, потом перевел взгляд на Генри.

– И не вынуждайте меня вызывать охрану, – добавил Дэриен.

По-прежнему сжимая в руке кейс, Джон повернулся и на негнущихся ногах двинулся к выходу из кабинета. Ему казалось – все это происходит не с ним. Время замедлилось, словно во сне. Звуки превратились в кашу. Можно было подумать, будто он смотрит на все происходящее с огромной высоты. Вот его рука легла на ручку двери, но Джон не был уверен, что это *его* рука. Нет, это не он! Все это происходит не с ним, а с кем-то еще.

– Проследи за ним, Генри, – сказал за его спиной Дэриен Уолтон. – Проводи прямо до лифта.

Джон обернулся через плечо.

– У меня в кабинете остались личные вещи...

– Охрана их соберет и доставит к выходу. Там и заберете. Вашу машину подгонят туда же. Подождете снаружи.

Джон вышел из кабинета, а Генри поднялся и двинулся следом. В коридоре Джон резко обернулся к нему.

– Это был ты!.. Теперь я понимаю... Ты пригласил меня в паб, где меня поджидала твоя сообщница. После того как ты меня напоил и всучил мне визитку этого чертова детектива, она сделала свой ход. Это она подмешала мне наркотик в нашу следующую встречу. Ты подставил меня, Генри! Я даже думаю, никто и не собирался назначать Ахмеда Вахида на эту должность. Тебе просто хотелось утопить меня, чтобы у него появился шанс. Так все было?..

Генри опасливо огляделся по сторонам и сказал сиплым шепотом:

– Потихе, Джон! Теперь тебе нужно быть вдвойне осторожным. Я пытался помочь тебе. Бросил тебе спасательный трос. Не моя вина, что ты решил на этом тросе удавиться. На твоём месте я бы под землю провалился от стыда. Ты унизил жену, опорочил своего тестя и тещу... Ты мог многого добиться, но сам же все и испортил, так что теперь... тебе очень повезет, если ты когда-нибудь сможешь вернуться в этот бизнес.

Джон собирался возразить, но навстречу им из лифта вышли двое хмурых охранников.

– Мистер Риттенберг, – громко сказал один из них. – Передайте нам ваш электронный пропуск и парковочную карточку и следуйте за нами.

– Никуда я не пойду. Мне нужно забрать вещи из кабинета!

Охранники тут же оказались по обеим сторонам от Джона. Ухватив его под локти, они, не говоря ни слова, потащили его к лифтам.

– Отпустите меня немедленно! Руки прочь!

Коллеги провожали Джона взглядами сквозь стеклянные стены кабинетов. Сидели за столами в своих идиотских хеллоуинских костюмах и пялились на него. В их глазах Джон видел тот злорадный блеск, который появляется во взгляде человека, ставшего свидетелем падения того, кто был ему не по душе. Может, они всегда его ненавидели. Может, они всегда считали его мелким офисным тираном или слишком много возомнившим о себе болваном и теперь торжествуют, потому что он наконец получил по заслугам. Ну и ладно...

Он послушно позволил охранникам втолкнуть себя в лифт.

Внизу они без церемоний выставили его на улицу. Едва Джон оказался на тротуаре, как двери за его спиной захлопнулись.

Начинался дождь, дул резкий ветер, опавшая листва липла к мостовой, прохожие сутулились и наклоняли головы, прячась от непогоды под зонтами. Его куртка осталась в машине, но Джон не обращал внимания на дождь, который промочил его волосы и рубашку. Плечи его дрожали, но не от холода, а от стыда и унижения.

И от ярости.

Он убьет Мию Райтер и всех, кто стоит за ней. За все, что ему пришлось пережить. Он порвет им глотки своими собственными руками.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Мэл и Бенуа стояли под дождем и смотрели, как техники на вспомогательном судне потихоньку стравливают тросы, концы которых водолазы должны были прикрепить к затонувшему «субару». Позади них на причале стоял эвакуатор, на котором автомобиль доставят в лабораторию. Рядом был припаркован фургон криминалистической лаборатории – эксперты готовились к сбору и изучению улик, которые найдутся в «субару». Командным пунктом операции служила легкая палатка-навес.

Чуть ближе к мосту покачивалось на волнах еще одно вспомогательное судно. Работавшая там вторая команда водолазов продолжала обыскивать дно в поисках ковра и тела. Вокруг судна веером рассыпались надувные каркасные лодки, в них сидели помощники водолазов, длинными шнурами направлявшие перемещения коллег под водой. Как и сказал Бенуа, работа была опасной: плохая видимость, сильное течение, обилие техногенного мусора на дне затрудняли поиски. Стройплощадка была огорожена полицейской лентой, за которую никого не пропускали, но зеваки и корреспонденты собрались на мосту, с любопытством следя за происходящим внизу. В низких облаках гудел вертолет.

Бенуа поднял голову и посмотрел на винтокрылую машину, которая норовила опуститься пониже.

– Стервятники. Почуяли сенсацию, – прокомментировал он.

– Это они еще не пронюхали, что тут замешаны бывший чемпион-горнолыжник и депутат законодательной ассамблеи, который в Хеллоуин пялил крутую городскую адвокатшу в ее «мерседесе» рядом с заброшенными силосами, – отозвалась Мэл.

Ее телефон зазвонил как раз в тот момент, когда капитан первого водолазного судна дал команду потихоньку поднимать затонувший «субару».

– Сержант ван Альст, – ответила Мэл.

– Мэл, это я, Лула, звоню с чужого телефона, – сказала помощница. – Джона Риттенберга только что доставили в участок. Его «ауди» везут в лабораторию. Команда уже обыскивает «Розовый коттедж». Образцы ДНК Риттенберга, его отпечатки пальцев и соскобы из-под ногтей я отправила в частную лабораторию вместе с одеждой. Все его царапины и ушибы мы тоже зафиксировали. Мы готовы держать его здесь, пока ты не подъедешь, но, как ты понимаешь, у него очень крутой адвокат, он шутики шутить не будет.

– А что насчет Дейзи Риттенберг? – спросила Мэл.

– Полицейское управление Западного Ванкувера сообщает, что за ней уже выехали.

На вспомогательном судне заработала лебедка.

– Спасибо, Лу, я еду.

Она дала отбой. Некоторое время они с Бенуа молча смотрели, как дрожат натянувшиеся тросы. Потом над поверхностью воды появился желтый автомобиль. Мутная морская вода потоком хлынула из открытого окна и из-под закрытых дверей. Еще несколько минут, и «субару» повис над платформой эвакуатора, а потом медленно опустился на нее. На передних дверцах был отчетливо виден логотип «Помощь Холли» – он выглядел настолько невинно, что сердце Мэл сочувственно сжалось. Эвакуатор чуть качнулся на рессорах.

Двое экспертов в белых комбинезонах тут же вскарабкались на платформу и принялись фотографировать и осматривать автомобиль, пока его не закрепили тросами, чтобы везти в лабораторию.

– Сержант! Капрал! – Один из экспертов махнул Мэл и Бенуа рукой в перчатке. В другой руке он держал пластиковый зип-пакет. Из пакета капало – очевидно, он был прорван. Внутри плавала в морской воде тетрадь в ярко-розовой обложке в фиолетовый горошек. – Это было в бардачке, – сказал эксперт. – Дверца бардачка была открыта. На пассажирском сиденье лежала дамская сумочка, ее содержимое высыпалось на пол, там ключи от «субару», бумажник, мобильный телефон и прочие мелочи.

Сердце в груди Мэл подскочило.

– Ее дневник, – негромко сказал Бенуа. – Мы нашли ее дневник.

– Герметизирующая полоска цела, но сам пакет поврежден, – продолжал криминалист. – Страницы слиплись, их придется разделять и просушивать.

Второй эксперт с фотоаппаратом наклонился к открытому окну водительской дверцы и сделал снимок.

– Педаль газа заблокирована деревянным клином, – сообщил он.

Телефон Мэл снова зазвонил. Прежде чем ответить, она проверила имя абонента.

– Это из лаборатории, – сказала она Бенуа, отходя в сторону, где было потише.

– Ван Альст, слушаю...

– Привет, Мэл, это Эмма Чанг из лаборатории. У нас есть кое-какие предварительные результаты. Образцы ДНК с расчески и зубной щетки Кит Дарлинг совпадают с ДНК из крови с места преступления.

Мэл медленно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Как всегда, когда фрагменты головоломки начинали становиться на свои места, она испытывала возбуждение и азарт, почти восторг, но, несмотря на это, ей больно было думать о том, что следующим предметом, извлеченным водолазами из темной холодной воды залива, может стать тело молодой красивой женщины.

– Спасибо, Эм.

– На месте преступления найдены и другие образцы ДНК, – сказала Эмма.

– Сравни их с образцами, которые везут к тебе прямо сейчас, – ответила Мэл и, дав отбой, вернулась к Бенуа. – Кровь в «Стеклянном доме» принадлежит Дарлинг, – сказала она. – Но не только ей. Похоже, там ранили кого-то еще.

– Риттенберга? Судя по его исцарапанной роже...

Мэл медленно кивнула и, прикусив губу, глубоко задумалась, следя за экспертами в белых комбинезонах, которые продолжали осмотр «субару», стоявшего на платформе эвакуатора. Со стороны залива снова начал наползать туман.

– Ты тут справишься без меня? – спросила она наконец. – Я хочу побеседовать с Риттенбергом, пока ему на помощь не подоспели адвокаты.

Дейзи

2 ноября 2019 г. Суббота

Дейзи сидела в гостиной родительского дома и смотрела по телевизору новости, положив ноги на мягкий пуфик. Ноги сильно отекли, лицо – тоже. Она чувствовала себя измотанной, больной.

Скорей бы все закончилось!

Дейзи положила руки на живот, почувствовала, как шевелится внутри младенец, и ощутила прилив нежности. Ничего, скоро они с Крошкой-Горошкой встретятся. Ждать осталось недолго. Как только ее мать переоденется и соберет вещи, они поедут в больницу: Аннабель обещала, что сама отвезет ее туда. Конечно, с больницей можно было бы и повременить, но, учитывая стресс последних дней, родители боялись за здоровье дочери.

По нижнему краю экрана телевизора заскользила бегущая строка срочных новостей.

...Полицейские водолазы обнаружили автомобиль без вести пропавшей уборщицы...

Дейзи резко втянула воздух и замерла. На экране замелькали кадры со стройплощадки где-то на берегу в Северном Ванкувере. Насколько она поняла, старое зернохранилище собирались снести, чтобы возвести на этом месте новенький жилой квартал элитных домов. Стройплощадка была со всех сторон огорожена желтой полицейской лентой, въезд блокировали подвижные заграждения и полицейские автомобили с работающими мигалками. Съемка велась, по всей видимости, с вертолета, поэтому в кадр попала и собравшаяся на мосту толпа зевак, и стоявшие на старом причале полицейские машины, пара фургонов, автокран и эвакуатор, на платформе которого желтела крыша легкового автомобиля. На воде рядом с причалом покачивались полицейские катера.

Изображение на экране сменилось, и Дейзи увидела репортера с микрофоном в руках, стоявшего перед одной из полицейских баррикад

при въезде на стройплощадку. Шел довольно сильный дождь, и над головой репортера кто-то из помощников раскрыл большой черный зонт.

«Мы ведем наш репортаж со строительной площадки компании АДМАК в Северном Ванкувере. Только что полицейские водолазы обнаружили и подняли со дна желтый «субару кросстрек», принадлежащий пропавшей Кит Дарлинг – уборщице, которая работала в клининговой фирме «Помощь Холли». В ближайшее время автомобиль будет доставлен в полицейскую лабораторию, где им займутся специалисты. Водолазы продолжают обыскивать дно вблизи старого причала в поисках дополнительных улик. Как сообщают наши источники в полиции, это дело может быть напрямую связано с происшествием в шикарном особняке в Западном Ванкувере, где вечером тридцать первого октября Кит Дарлинг и ее автомобиль видели в последний раз...»

На экране появилась фотография Кит Дарлинг, после чего репортер передал слово своей коллеге, которая работала рядом со «Стеклянным домом».

«Здание за моей спиной, – вещала репортерша, – тот самый «Стеклянный дом», где вечером в канун Дня Всех Святых соседи видели желтый «субару кросстрек» с логотипом «Помощь Холли» на дверце, а также седан «ауди» темно-серого цвета. Полиция уверена, что в доме произошло жестокое преступление, однако его детали пока не раскрываются...»

Дейзи показалось, что ее сейчас вырвет. Ей хотелось выключить проклятый телевизор, но она обнаружила, что не может даже пошевелиться, загипнотизированная словами репортерши и картинкой на экране.

«...Как нам удалось выяснить, Кит Дарлинг убирала «Стеклянный дом», принадлежащий Ванессе и Харуто Норт, на протяжении последних шести месяцев. Эти сведения сообщила нам другая сотрудница клининговой компании «Помощь Холли». По словам соседки Нортов, она видела Дарлинг возле дома незадолго до предполагаемого преступления. Кроме нее, в «Стеклянном доме» побывала некая супружеская пара, приехавшая в шесть часов вечера на темно-сером «ауди». Свидетельница утверждает, что женщина, личность которой еще предстоит выяснить, находилась на последнем

сроке беременности. Ее спутником был высокий, хорошо сложенный мужчина с волосами рыжеватого цвета. Личность мужчины также до сих пор не установлена. Свидетельница добавила, что через окно гостиной «Стеклянного дома» ей удалось разглядеть опрокинутую мебель и пятна крови, хорошо заметные на фоне светлого интерьера особняка».

На экране возник бледный мужчина с редкими русыми волосами.

«...Другой сосед супругов Норт, Хортон Браун, утверждает, что полицию в «Стеклянный дом» вызвала его престарелая мать».

Камера показала Брауна крупным планом. Он стоял на улице напротив «Стеклянного дома», за его спиной моталась на ветру желтая полицейская лента. С небес потоками низвергался дождь.

«Вы сами видели неизвестную супружескую пару, которая приехала сюда на «ауди»?» – спросила репортерша и сунула микрофон Хортону под самый нос.

«Я – нет, но моя мать видела обоих. Она пожилая женщина, прикованная к инвалидному креслу, поэтому почти не покидает своей комнаты на верхнем этаже. Оттуда хорошо видно, что творится в окрестностях...» – Хортон показал на окна второго этажа кирпичного здания. Оператор перевел камеру на соседний дом и снова наставил объектив на Хортонна.

«Мама говорит, что беременная женщина, которая приехала на сером «ауди», уже побывала здесь неделю назад. В тот раз она обедала с хозяйкой «Стеклянного дома» возле бассейна».

«Нам известно, что Ванесса Норт вот уже несколько месяцев находится в Сингапуре и что за это время она ни разу не приезжала в Канаду. Кого же видела ваша мать?» – спросила репортерша.

«Ну, сам-то я видел ее только со спины, но мне показалось, что это Ванесса. Что касается второй женщины, брюнетки, то она сидела лицом к нашему дому, поэтому мама хорошо ее рассмотрела. В тот день, неделю назад, она приезжала на маленьком белом «БМВ». Затрудняюсь назвать модель».

Дейзи закрыла рот рукой. Она не могла отвести взгляд от экрана, даже моргнуть не представлялось ей возможным.

– Где сейчас Джон?..

Дейзи вздрогнула и резко обернулась. Позади нее в дверях гостиной стояла мать. Неужели она все это видела?

– Где Джон? Это его рук дело?.. – На лице Аннабель Уэнтворт появилось странное выражение. Казалось, она о чем-то напряженно думала.

Дейзи не могла вымолвить ни слова. Страх сжимал ее горло железными когтями.

Аннабель вошла в комнату, придвинула стул к креслу Дейзи. Сев, она наклонилась вперед и взяла руки дочери в свои.

– Дез, дорогая моя, расскажи мне, что случилось, расскажи все. Кого видел этот мужчина – тебя и Джона? Это ведь то место, где живет твоя подруга, да? Ты мне говорила – ее особняк называется «Стекланный дом»... Вы ездили туда на ужин? Что произошло?

Глаза Дейзи наполнились слезами.

– Я ничего не сделала, мама... Мы ничего не... – Она осеклась – ее вдруг озарило, но каким-то чудом Дейзи сумела скрыть потрясение.

– Мы вместе приехали в этот дом, но буквально на пороге меня скрутило, и мы сразу уехали.

– А эта... пропавшая уборщица? Она там была? Что с ней случилось?

– Я ее не видела.

– А Ванесса... Почему они говорят, будто она уже полгода за границей? Она ведь пригласила вас на ужин...

– Дейзи! – Сквозь французские двери в гостиную ворвался Лабден Уэнтворт. – К нам едет полиция! Их машины уже на подъездной дорожке!

Он еще говорил, когда стены гостиной озарились красно-голубой пульсацией проблесковых маячков. С трудом поднявшись с кресла, Дейзи поспешила к окну. По извилистой подъездной дорожке, ведущей к особняку Уэнтвортов, ехали три черно-белые машины полицейского управления Западного Ванкувера. Две из них остановились по обе стороны «БМВ» Дейзи, третья затормозила сзади, перекрывав выезд.

Мысленно Дейзи вернулась в тот вечер в «Стекланном доме».

– Мне нужен адвокат, мама, – негромко сказала она, поворачиваясь к Аннабел. – Очень хороший адвокат, и как можно скорее...

Дейзи

31 октября 2019 г. Четверг

За шесть часов и шесть минут до убийства

Дейзи уже оделась и приготовилась ехать в гости, когда в дверь вошел Джон с кейсом под мышкой. Дейзи с улыбкой поковыляла навстречу мужу и, привстав на цыпочки, поцеловала в щеку.

– Я положила твою одежду на кровать. – Дейзи очень хотелось, чтобы сегодня ее муж выглядел сногшибательно. Она собиралась произвести впечатление на Харуто и Ванессу – этого требовала ее гордость.

– Даже не знаю, стоит ли мне сегодня куда-то ехать. Честно говоря, мне не до гостей.

Она посмотрела на него. Джон и правда выглядел ужасно.

– О, Джон, что случилось? Ты заболел? Хочешь, я отвезу тебя в больницу?

– Нет, я здоров, просто ужасно устал. – Он провел пятерней по волосам. Они были мокры от дождя и торчали в разные стороны. Только теперь Дейзи осознала, что его рубашка тоже намочила... и что от него опять пахнет спиртным.

– В чем дело, Джон? – спросила она, ощущая растущее беспокойство.

– Ни в чем. Просто... тяжелый день. Наши инвесторы сорвались с крючка.

– Поэтому тебя сегодня вызвали на совещание?

– Да... более или менее. – Отвернувшись от нее, он открыл стенной шкаф в прихожей и повесил мокрую куртку на плечики.

– Ты попал под дождь?

– А сама не видишь?

– Джон!..

Он резко повернулся к ней.

Дейзи смерила его внимательным взглядом.

– У тебя плохие новости? – спросила она. – Это связано с Ахмедом Вахидом?

– Нет, Дейзи. Просто у меня был непростой день.

Он снова повернулся к шкафу, и Дейзи уперлась взглядом в затылок мужа. Что-то случилось, поняла она. Что-то плохое. Иначе зачем ему лгать?

– Может, позвонить Ванессе и отменить... – нерешительно начала она.

– Я же сказал, все в порядке, – огрызнулся Джон.

Он крепко сжал зубы и пошел наверх переодеваться. Дейзи проводила его взглядом. Ничего не в порядке, поняла она.

Впрочем, когда Джон снова спустился вниз – освеженный душем и одетый как следует, – он выглядел совершенно другим человеком, так что Дейзи даже удалось выжать из себя улыбку. Поцеловав мужа в щеку, она сказала, что у него «просто шикарный вид».

– Я уже позвонила флористу и в бистро – нам приготовят цветы и пирог. Захватим все по пути к Нортам, – быстро сказала она. – Ты не против?

Джон кивнул и снял с крючка ключи от машины.

Когда они вышли из «Розового коттеджа», дождь все еще шел, но, несмотря на это, на всех прилегающих улицах можно было заметить небольшие стайки гномов, гоблинов и привидений, которые обходили дома с фонарями из тыквы, свечами и мешками для сладостей. В окнах ближайших домов тоже мерцали самодельные оранжевые фонари. В машине Дейзи украдкой бросила взгляд на мужа. Он сидел за рулем и казался полностью погруженным в какие-то свои мысли, бесконечно далекие и от предстоящего ужина, и от нее.

– Мне очень жаль, что китайцы отказались финансировать новый курорт, – сказала она.

Джон кивнул. На его щеке надулся и опал мускул.

– Но, я думаю, будут и другие – те, кто захочет вложить свои деньги в «Терру Уэст», – продолжала она. – Новый курорт – это золотое дно. Для тех, кто понимает, конечно...

– Все в порядке, Дез. Не беспокойся об этом, ладно?

Дейзи прикусила язык и отвернулась к окну. Ей хотелось расспросить мужа о многом, например о том, как обстоят дела с его назначением на должность административного директора нового

курорта, но она не посмела. Не сейчас. Сегодня они едут к друзьям, и ей хотелось, чтобы все прошло как можно лучше.

Когда они свернули с дороги, идущей вдоль берега, на подъездную дорожку «Стеклянного дома», Дейзи увидела, что на ней уже стоит какая-то машина. Это был желтый «субару кросстрек» с логотипом «Помощь Холли» на дверце. При виде «субару» сердце Дейзи на мгновение сбилось с ритма. Почему уборщица еще здесь? Мысленно она вернулась к своему разговору с Ванессой.

«Вдруг у нас с тобой работает одна и та же женщина?»

«Ты имеешь в виду Кит?»

«Да-да... Я думаю, это она. Кит Дарлинг».

Чарли Уотерс. Кукла Чаки.

«Это Кит, верно?..»

Во рту у Дейзи пересохло. В кровь хлынул адреналин. Стараясь справиться с собой, она повернулась к мужу. Джон смотрел на «субару», потом его взгляд переместился на «Стеклянный дом» – суперсовременный особняк из стали, стекла и бетона, светящийся в полумраке наступающего вечера словно маяк. Сверкающая бриллиантовая шкатулка в промозглой осенней мгле в канун Дня Всех Святых.

– Неплохое гнездышко, – негромко проговорил он.

– Да... – Дейзи машинально кивнула, но все ее мысли были прикованы к желтому «субару». Удары пульса в ушах слились в оглушительный непрерывный рокот. Может, это не Кит, а другая уборщица из «Помощи Холли»? Может, Ванесса попросила ее задержаться и помочь с уборкой после гостей?..

– Что с тобой? – спросил муж. – У тебя такое лицо, словно ты увидела привидение.

– Ничего... Со мной – ничего. Просто я подумала, что у нас с Ванессой может быть одна и та же уборщица.

Они вышли из машины и двинулись к дому. Дейзи несла и цветы, и пирог, потому что Джон копался в телефоне и отстал от нее на полшага. Она первой поднялась на бетонное крыльцо перед стеклянной входной дверью, сквозь которую была видна большая часть гостиной. Их ждали – повсюду были расставлены свечи, приветливо мерцающие теплыми желтыми огоньками.

– Джон, позвони, пожалуйста, в звонок, – попросила она, обернувшись к мужу, который никак не мог расстаться с телефоном. – У меня руки заняты.

Джон послушно сунул телефон в карман и, протянув руку поверх ее плеча, надавил на кнопку звонка.

Где-то внутри дома раздался мелодичный сигнал.

Огни свечей чуть качнулись.

Джон позвонил снова.

В гостиной появилась Ванесса. В руке она держала пластмассовый трезубец, а на голове у нее красовались блестящие красные рога. Дейзи улыбнулась. Ее подруга нарядилась к Хеллоуину: помимо рогов, на ней была короткая черная юбка с хвостом как у мультяшного чертика, «ведьминские» полосатые чулки, черные туфли с пряжками на низком квадратном каблуке и белый кружевной фартучек, какие носят горничные или официантки. Стройную белую шею украшала черная бархотка. Ванесса шла к дверям, и чем ближе она подходила, тем быстрее таяла улыбка Дейзи. Только теперь она разглядела, что на Ванессе-дьяволице была коротко обрезанная черная футболка с изображением куклы Чаки.

В руке у Чаки был нож.

Сдохни, сдохни, сдохни, Крошка-Горошка, сдохни!

Дейзи почувствовала, что ее мозг отказывается работать.

Потом она заметила, что у ее подруги больше не было «живота». Она как будто и вовсе не была беременна!

Тик-так, часики!..

Ванесса гостеприимным жестом распахнула дверь и радушно улыбнулась, обнажая пластмассовые вампирские клыки.

– Ну, привет, Дейзи! – сказала она. – А ты, должно быть, Джон?.. Проходите, проходите! Добро пожаловать. Рада вас видеть.

Ну, привет, Дейзи!

Добро пожаловать, Дейзи.

Давненько мы не виделись, Дейзи.

Чаки знает, кто плохая мамочка.

Чаки знает, что она натворила.

Дейзи заморгала. На несколько мгновений ее мир сжался до стоящей на пороге фигуры. Это Ванесса. Это ее подруга. Но где же ее «беременный» живот?

– Ч-что... что случилось с... – Вопрос сорвался с губ Дейзи чисто машинально – заторможенный мозг еще не успел обработать то, что видели глаза.

– Ты имеешь в виду это? – Ванесса подняла руку и сняла рога вместе с париком, потом снова водрузила рога на голову и улыбнулась клыкастой вампирской улыбкой.

Дейзи опустила взгляд. Дьяволица держала в руках волосы Ванессы. Она посмотрела в лицо подруге. Глаза... глаза тоже были не такими. Теперь они стали ярко-голубыми.

Но как?!

Дейзи пошатнулась. Букет и пирог вывалились из ее ослабевших рук и упали на бетон. От удара картонная коробка лопнула, пирог разломился, и из него потекла густая темно-фиолетовая начинка. Словно в замедленной съемке, Дейзи повернулась к мужу, но Джон словно окаменел. Его лицо сделалось мраморно-белым, точно он и в самом деле повстречался лицом к лицу с дьяволом.

С самым настоящим дьяволом.

Дневник

Что, если кто-то пытается изображать человека, которым не является? Это ложь?.. Преступление?..

Или все зависит от восприятия? От того, насколько искусно мы искажаем информационную картину, создаем собственный ложный нарратив?

Мы все пытаемся что-то изобразить, что-то воплотить. Даже просто выбирая стиль одежды – бохо, кежуал, спортивный, вычурный, готский, «под пацанку», под «секси кошечку», под байкершу или балерину, – мы в той или иной форме выставляем напоказ выдуманную версию себя.

Но ведь можно пойти и другим путем. Парик, грим, цветные контактные линзы, акцент, особая походка, селфи в Инстаграме, пропущенные через десяток фильтров, фото, на которых затушевано все, что не соответствует нашему «бренду». Насколько сильно это отличается от обычной игры в «переодевалки»? Можно менять стиль, а можно фотографироваться на фоне дорожущего пятизвездочного отеля, в котором ты никогда не сможешь остановиться, но, если промолчать об этом, люди сами сделают выводы и придут именно к таким умозаключениям, каких ты хотела от них добиться. А если сфотографироваться на фоне голубой «теслы» или на фоне детской кровати в чужом доме или в дизайнерских нарядах Ванессы Норт, найденных в ее платяном шкафу? Что подумают девяносто девять человек из каждой ста, которые это увидят?

Мы – трюкачи, фигляры, актеры. Все без исключения. Ни один из нас не может считаться полностью надежным повествователем. Жизнь – это рассказ. Это история, которую мы рассказываем другим каждый час и каждую минуту. Каждый из нас смотрит на окружающее сквозь фильтр уникального и неповторимого мировоззрения, опыта, воспитания, сквозь кривое стекло наших желаний, предпочтений, страхов и психологических травм. На всей земле не найдется и двух человек, способных интерпретировать одну

и ту же вещь одинаково. Этим и объясняются бесконечное многообразие и бешеная текучесть окружающего нас мира.

Когда я сказала своей психоаналитичке, что выступаю перед публикой в любительском театре и предпочитаю интерактивную импровизацию, она улыбнулась. Я, разумеется, сразу спросила, что тут смешного.

– Ты обманщица, Кит, – сказала она. – И в этом нет ничего дурного. Трюкачи, иллюзионисты, словом, обманщики играют важную роль в искусстве и в жизни. Но я считаю – если склонная к созданию иллюзий часть твоего «я» постепенно начинает занимать в твоей жизни главенствующее положение, на это следует обратить внимание. Существует такое понятие, как двойственность, Кит. Можно быть героиней и негодяйкой, глупой и мудрой, доброй и злой. Можно вызывать в окружающих и любовь, и отвращение. Можно быть доброжелательной и внушать страх. Можно быть светлой и темной. И если ты вдруг поймешь, что тебя тянет или, наоборот, отталкивает образ озорной обманщицы или клоуна, бунтарки или чародейки, это несомненный признак того, что тебе необходимо исследовать глубинные, скрытые качества твоего характера просто потому, что хитрец всегда норовит вывернуть и сунуть тебе же в лицо все твои убеждения и заблуждения, иллюзии и «нерушимые» правила. И если твой внутренний хитрец начинает тебя провоцировать – пусть даже в шутку, – знай, что в этой провокации всегда содержится скрытое послание тебе от самой себя.

Я думаю о своем аккаунте @лисицаиворона. Думаю обо всех тех вещах, которые я там публиковала. Для меня этот аккаунт всегда был зеркалом, которое я держала перед лицом всего мира, населенного позерами и снобами. И я верю своей психоаналитичке.

– Если мы не в состоянии усвоить уроки нашего внутреннего хитреца, Кит, – говорила она, – мы сами лишаем себя возможности увидеть собственную тень.

Видишь, дорогой Дневник?.. Я играю важную роль. У меня есть цель, есть предназначение. Мое существование наполнено смыслом. И это сказал не кто-то там, а дипломированный специалист!

Правда, моя игра может оказаться опасной.

Не каждому нравится, когда его водят за нос.

Дейзи

31 октября 2019 г. Четверг

За пять часов и пять минут до убийства

Взгляд Дейзи метнулся обратно от потрясенного лица мужа к женщине-дьяволице с красными рогами и остановился на ее больших, выразительных голубых глазах. Это не были добрые, внимательные глаза Ванессы. И перед ней была вовсе не ее беременная подруга. Это был кто-то другой. Мозг Дейзи все еще барахтался в кипящем котле когнитивного диссонанса и явно был не в состоянии выдать хоть что-то внятное, поэтому она выпалила совершенно дурацкий вопрос:

– А где же... ребенок?

– Ты имеешь в виду мое брюхо? – Она широко улыбнулась, и пластмассовые клыки у нее во рту влажно сверкнули. – Силикон. Протез. Ты даже представить себе не можешь, какое количество муляжей можно приобрести в интернет-магазинах. Погугли как-нибудь на досуге... Не представляю только, для чего большинство людей их использует. Может, для каких-нибудь фотосессий? Или просто так. Ну, знаешь, примерить, посмотреть, каково это – быть беременной. Кстати, а ты знала, что в Интернете можно купить до жути реалистичных пластмассовых младенцев? Но лично я позаимствовала накладное брюхо у наших костюмеров в театре. Два разных размера, чтобы симулировать развитие беременности. И парик тоже оттуда. В нем я играла в спектакле «Три жизни Марии». Эта роль и подсказала мне идею... – Алые губы лже-Ванессы в очередной раз растянулись в улыбке, и Дейзи почувствовала, что не в силах отвести взгляда от ее острых клыков.

Женщина-дьяволица повернулась к Джону.

– Ну а как *ты* поживаешь, Берг-Бомба?

– Миа?... – проговорил он негромко, но с угрозой.

– Миа? Какая еще Миа? – спросила Дейзи растерянно. Она вовсе не была уверена, что ей хочется знать ответ.

– Может, все-таки зайдете внутрь? – Вампирша снова улыбнулась кроваво-красными губами и пошире распахнула дверь, но Джон словно прирос к крыльцу. Дейзи взглянула на него и почувствовала, как у нее в голове нарастает какой-то странный звук. В том, как смотрели друг на друга ее муж и эта сексуальная дьяволица, было что-то взрывоопасное. Какое-то напряжение, микровибрации. Их природу Дейзи определить не могла, но ей было очевидно, что ее муж и эта голубоглазая блондинка встречаются уже не в первый раз. Они знакомы. И, возможно, между ними что-то было.

– Вообще-то, я – Кит, ваша уборщица из «Розового коттеджа». – Улыбка женщины-вампира погасла, лицо стало серьезным, почти мрачным. Только огоньки свечей мерцали на блесках, которыми были усыпаны ее рога, когда она по очереди посмотрела на Дейзи и Джона. – Но, возможно, вы оба помните меня под именем Катарина... – Она немного помолчала. – Катарина Попович. А может, и не помните. Мне было всего шестнадцать, да и выглядела я, прямо скажем, иначе. Жизнь сильно меняет людей, не так ли? С кем-то это происходит случайно, кто-то сам старается измениться, но так или иначе перемены неизбежны. – Она отступила от двери и сказала властно: – Входите! Нам есть о чем поговорить.

– Мы уходим, Дейзи. Немедленно. – Джон схватил жену за руку.

– Если вы сейчас уедете, дело может кончиться очень плохо. Для вас. – Кит слегка склонила голову набок. – Как сегодня днем, Джон. Должно быть, это был тяжелый удар! Тебя ведь не просто уволили – тебя взяли за шкирку и вышвырнули на улицу, под дождь, словно нашкодившего щенка. А вслед за тобой охранники выбросили в лужу картонную коробку с твоим барахлом. Тебе даже не разрешили самому вывести свою машину из гаража! – Она презрительно щелкнула языком.

– Джон?.. – Голос Дейзи был похож на хрипкое карканье. – О чем она говорит? Тебя уволили? Но как?..

Джон резко повернулся к ней, и его лицо перекошилось от злобы. Глаза метали молнии.

– Ты совсем идиотка, Дейзи? – Он ткнул пальцем в Кит. – *Это* твоя подруга, это твоя безупречная Ванесса как-ее-там?.. Да ты просто гребаная дура! Она обвела тебя вокруг пальца с помощью сраного накладного живота! Ради всего святого, Дез!.. Ты встречалась с этой

женщиной с июля и ни разу не заподозрила, что это та самая сука, которая пыталась уничтожить меня много лет назад. Ты впустила ее в нашу жизнь, ты выболтала ей все наши тайны... Да у тебя, похоже, совсем мозгов не осталось!

Дейзи затрясло. Она вспомнила день, когда «Ванесса» раскатала свой коврик для йоги на траве рядом с ней. Как она тогда улыбалась! Ведь это Дейзи первой потянулась к новой подруге, такой же будущей матери, как она сама. Это она пригласила Ванессу в бистро, чтобы выпить кофе после занятий. С новой подругой было легко и приятно, а Дейзи так нуждалась в родственной душе, что намертво прилепилась к Ванессе. И как ведь здорово все складывалось – даже рожать им предстояло примерно в одно и то же время... Дейзи и в голову не могло прийти, что великолепная Ванесса – это та же самая женщина, которая убирает «Розовый коттедж» и роется в ее вещах! Но как ей удавалось... И тут же Дейзи вспомнила: да, чаще всего она обедала с Ванессой в бистро именно в «уборочные» дни, но подруги встречались исключительно во второй половине дня. Точнее – после двух... Ни разу за все время Ванесса не приняла ее приглашения на ранний ланч – то у нее была назначена важная встреча, то еще какое-то мероприятие. Сейчас Дейзи это понимала, но тогда... При одной лишь мысли о том, что она выболтала лже-Ванессе во время пикника у бассейна, у Дейзи подкосились ноги.

– О чем она говорит? – повторила Дейзи свой вопрос, с трудом взяв себя в руки. – Что случилось сегодня?

– Его уволили, – с готовностью объяснила уборщица-дьяволица. – Ты что, не сказал жене, что тебя выкинули, Джон? И о том, как пил в парке вместе с бродягами, пока не закончился рабочий день и не пришло время возвращаться домой, значит, тоже умолчал?

От изумления Дейзи открыла рот. Ее тело сотрясала крупная дрожь.

– Это правда, Джон? – спросила она, уставившись на мужа.

– Похоже, и об интрижке с Мией Райтер он тебе ничего не сказал. Ну, может, хотя бы о тех двух мужиках, с которыми он трахался, ты знаешь?

– *Что?!*

Ванесса-Кит улыбнулась.

– А еще я готова поспорить на что угодно, Джон, что твоя Дейзи ни словом не обмолвилась о «страховке», которую уже столько лет прячет в личном сейфе.

– О какой еще страховке? – тупо переспросил Джон.

– Вот видите? Нам нужно очень многое обсудить, – сказала «Ванесса». – Но прежде чем вы переступите порог этого дома, зарубите себе на носу, зарубите как следует... – Она взмахнула трезубцем, указывая на камеры видеонаблюдения над входной дверью и в дальнем углу гостиной. – Дом буквально нашпигован видеоборудованием. Камеры передают изображение на монитор, за которым можно следить из комнаты внутри дома, а также на экран, который установлен на посту безопасности. Все, что происходит в доме и на участке, записывается и сохраняется в «Облаке». – Она выдержала короткую паузу, давая им возможность осмыслить сказанное. – Если вы попытаетесь причинить мне вред, в доме есть люди, которые способны это предотвратить. А если я вдруг «исчезну», записи с камер будут автоматически переданы в полицию вместе с копиями «страховки» Дейзи. Надеюсь, все понятно?

Дейзи подняла голову, чтобы посмотреть на внешнюю камеру, и почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она и Джон оказались в положении подопытных крыс в стеклянном лабиринте этого дома.

– Ты лжешь, – безапелляционно заявил Джон.

– Хочешь проверить? – усмехнулась Кит-дьяволица. – И кстати, если вы двое сейчас уедете, «страховка» Дейзи будет немедленно отправлена в полицию и в прессу – список крупнейших медиакомпаний я приготовила заранее. – Она немного помолчала, в упор рассматривая Джона. – А вскоре после этого ты, *ДжонДжон*, отправишься в тюрьму. Я не шучу. Для того, о чем говорится в этой «страховке», срока давности не существует. Я уничтожу и тебя, и всю семейку Уэнтворт...

– Давай войдем, Джон, – тихо сказала Дейзи. – У нас нет выбора.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Мэл вернулась в участок, чтобы допросить Джона Риттенберга. Ситуация неожиданно обострилась, да и пресса не дремала. Нужно было поторапливаться, чтобы опередить журналистов.

Когда Мэл вошла в отдел по борьбе с тяжкими преступлениями и сняла с плеч промокшую куртку, Лула махнула начальнице рукой, подзывая ее к своему столу. Лицо помощницы было напряженным, глаза – серьезными.

– Джон Риттенберг в допросной номер двенадцать, Дейзи Риттенберг – в номере шесть, – сообщила она. – Миссис Риттенберг жалуется на плохое самочувствие и требует врача. С ней находится ее адвокат, так что лучше начать с нее. Да и она все-таки на девятом месяце... Но пока ты здесь, взгляни-ка вот на это. – Лу развернула монитор компьютера так, чтобы он был виден Мэл, и открыла несколько газетных статей. – Как ты и просила, мы подняли материалы, касающиеся прошлого Риттенбергов и Дарлинг, и еще историю лыжного курорта, где Дарлинг выросла. В общем, мы нашли кое-что интересное...

Лула кликнула на оцифрованную газетную страницу. В глаза Мэл бросился заголовок, набранный крупным черным шрифтом:

«НИЧЕГО НЕ БЫЛО!»

«Знаменитый горнолыжник Джон Риттенберг, известный болельщикам как Берг-Бомба, заявил, что все обвинения в изнасиловании в его адрес «являются ложью» и что на самом деле «ничего не было»...»

Мэл ошупью подтянула к себе кресло на колесиках и, не переставая читать, опустилась в него.

«Юная девушка, имя которой полиция Уистлера не называет, заявила, что в субботу вечером, на вечеринке,

состоявшейся на загородной базе олимпийской сборной, ей в бокал подмешали наркотик, в результате чего она впала в беспомощное состояние и подверглась групповому изнасилованию, в котором участвовали надежда канадской олимпийской сборной по горным лыжам Джон Риттенберг и его товарищи по команде...»

Мэл почувствовала азарт и подалась вперед, вглядываясь в черные буквы на экране.

«Полиция вызвала Риттенберга и других спортсменов для допроса, но до сих пор никому из них официальных обвинений предъявлено не было...»

Взяв в руки мышку, Мэл открыла следующий файл. Статья была из таблоида с довольно скандальной репутацией.

**«СВОБОДЕН КАК ВЕТЕР!
ОБВИНЕНИЯ В СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ СНЯТЫ.
БЕРГ-БОМБА СНОВА МОЖЕТ ВЕРНУТЬСЯ НА
ТРАССУ!»**

Мэл пробежала текст глазами.

«...Предполагаемая жертва изнасилования, имя которой так и осталось неизвестным, отказалась от всех обвинений в адрес Джона Риттенберга и его неназванных товарищей по команде. Свое заявление из полиции она забрала после того, как ни один из многочисленных свидетелей, присутствовавших на вечеринке на базе олимпийской сборной в Уистлере, не подтвердил заявленную версию событий. Участники вечеринки все как один назвали обвинения ложными и заявили, что даже если жертва и вступила в половой контакт с Джоном Риттенбергом, то это произошло по обоюдному согласию. Некоторые из присутствовавших также сочли необходимым уточнить, что девушка была сильно пьяна и вела себе так, словно была «по уши влюблена» в знаменитого молодого горнолыжника».

Мэл пролиستала статью до конца, потом открыла еще одну ссылку.

«Полиция Уистлера сообщает, что данное дело об изнасиловании было закрыто. Предполагаемая пострадавшая полностью отказалась от обвинений в адрес известного горнолыжника».

«Все это вранье, – утверждает Макс Дюгойн, член горнолыжной сборной, который присутствовал на вечеринке. – Я знаю девчонку, которая предъявила Джону обвинения. Она весь вечер буквально вешалась на него. В школьном шкафчике у нее висит фотография Риттенберга – и не одна. Она приехала на базу уже пьяная и так домогалась встречи с кумиром, что чуть не испортила нам отдых. Если между ней и Джоном что-то и произошло, то ее обвинения в сексуальных домогательствах и изнасиловании – просто способ свести с ним счеты. Видимо, она поняла, что для Берга это был просто секс без обязательств, расстроилась и решила отомстить».

«Еще одна участница вечеринки Алессандра Харрисон также заявила, что хорошо знакома с предполагаемой жертвой изнасилования. По ее словам, эта девушка забеременела неизвестно от кого и попыталась свалить вину на Джона Риттенберга. «Либо так, либо она выдумала изнасилование, просто чтобы родители не считали ее шлюхой», – сказала Алессандра».

– Ну и ну... – негромко проговорила Мэл, просмотрев еще несколько похожих статей в том же ключе. Подняв глаза на Лу, она добавила: – Там где-то говорилось, что у жертвы в школьном шкафчике висела фотография нашего героя. Значит, девушка, скорее всего, училась в местной старшей школе. Сколько лет тогда было Джону Риттенбергу?

– Девятнадцать, – ответила Лула. – Мне удалось отыскать следовательницу, которая занималась этим делом. Ее имя упоминается в паре статей. Капрал Анна Бамфилд. Я с ней как раз недавно разговаривала. Она все еще служит в Канадской королевской конной полиции, правда, уже в чине штаб-сержанта отделения полиции в

Уильямс-Лейк. Бамфилд говорит, что хорошо помнит это дело и что показания заявительницы не вызвали у нее сомнений. Жертве было всего шестнадцать лет. Как и положено в таких случаях, было проведено медицинское обследование, которое выявило признаки агрессивного сексуального контакта: повреждения вагины, ссадины, следы спермы нескольких человек. К сожалению, никто из участников вечеринки не дал показаний, которые подтвердили бы заявление жертвы. К тому же никто не сознался, что знает, когда жертва покинула территорию горнолыжной базы и как попала домой. Все, кого допрашивала Бамфилд, либо настаивали на том, что девушка солгала и ничего не произошло, либо говорили, будто секс между ней и Риттенбергом произошел по взаимному согласию. Кое-кто утверждал, что она – «та еще шлюшка» и «трахается направо и налево». Бамфилд сказала, что, по слухам, кто-то записал все происходившее на вечеринке на телефон, но ей не удалось ни найти каких-либо подтверждений этому, ни обнаружить саму запись. Ну а потом жертва неожиданно забрала заявление и исчезла.

– В смысле – исчезла? – уточнила Мэл.

– Бросила школу и уехала из города. Наверное, решила начать новую жизнь в другом месте. Родители на продолжении расследования не настаивали.

– И как звали девушку? – уточнила она, глядя на Лулу.

– Катарина Попóвич.

– А вот и мотив, – негромко проговорила Мэл.

Джон

31 октября 2019 г. Четверг

За пять часов и три минуты до убийства

Дейзи попыталась войти в «Стеклянный дом», но Джон схватил ее за руку.

– Стой. Она...

– Мы *должны*. – Дейзи выдернула руку и бесстрашно шагнула через порог.

Джон чувствовал, как в одно мгновение его тело захлестнула буря эмоций. Он испытывал шок. Ярость. Страх. Эта женщина, которая выдавала себя за Мию Райтер, которая соблазнила и подставила его, – Катарина Попович? А он так надеялся, что больше никогда не услышит этого имени. Он думал – она исчезла из его жизни. Растворилась в прошлом. Ему трудно было даже представить, что она снова возникнет на его пути.

И что она будет именно такой.

Черный парик, алые губы, стройное соблазнительное тело, манящие зеленые глаза (пусть это только цветные контактные линзы), бархатный голос с иностранным акцентом и походка, от которой у него подгибались колени. Та шестнадцатилетняя Катарина Попович, которая заявила на него в полицию, обвинив его и его друзей в групповом изнасиловании, была совсем другой – толстозадой, прыщавой, одержимой маленькой эротоманкой, сбрендившей фанаткой, которая, как рассказывали ее одноклассники, коллекционировала фотографии Берга-Бомбы и наклеивала их на дверцу своего шкафчика в школе.

Она *хотела* переспать с ним. С ним и с половиной горнолыжной команды.

Джон был готов лопнуть от бешенства.

Как она посмела?! Ведь это она подмешала ему наркотик в виски, заманила его в пентхаус, приковала к кровати наручником, а потом открыла дверь двум педикам, которые позабавились с ним, пока она

делала компрометирующие снимки, попавшие после этого на стол большого босса Дэриена Уолтона.

Но как она узнала о частном детективе?..

«Черт, я же сам ей сказал. Еще тогда, когда она была Мией. Мы сидели в кафе, и я признался, что мне нужно собрать компромат на коллегу-конкурента и что для этого я обратился к специалисту из частного сыскного бюро».

И все-таки как ей в руки попал договор с Джейком Престоном?

«...Я – Кит, ваша уборщица из «Розового коттеджа», – вспомнил он. Вспомнил и содрогнулся. Копия договора хранилась в его домашнем компьютере. Неужели эта лисица добралась и туда? Да запросто! Почти полгода она дважды в неделю проводила в их доме по несколько часов – шарила, вынюхивала, выискивала. Интересно, что еще известно этой суке?.. Она притворялась подругой Дейзи с июля. О чем могла проболтаться лже-Ванессе его глупая жена?

«Я готова поспорить на что угодно, Джон, что твоя Дейзи ни словом не обмолвилась о «страховке», которую уже столько лет прячет в личном сейфе. Если эта страховка попадет в полицию и в прессу, вскоре после этого ты, *ДжонДжон*, отправишься в тюрьму. Я не шучу. Для того, о чем говорится в этой «страховке», срока давности не существует. Я уничтожу и тебя, и всю семейку Уэнтворт...»

Отбросив колебания, Джон шагнул вперед и последовал за женой и дьяволицей-немезидой в «Стеклянный дом», причудливо освещенный колеблющимися огоньками свечей.

Катарина провела обоих в просторную гостиную, отделанную в светлых тонах. За дальней стеклянной дверью таинственно мерцала зеленоватая подсветка панорамного бассейна. Поверхность воды рябила от ветра и капель дождя. В бассейне плавало несколько сухих листьев, густой туман скрывал берег океана, который лежал за его дальним краем. Из тумана донесся гудок невидимого танкера, похожий на траурный вой неведомого чудовища.

Джон чувствовал себя потрясенным, растерянным. Похоже, вдобавок ко всему он так и не оправился от побочных эффектов наркотиков. Ему никак не удавалось до конца представить масштаб того, что натворила эта сука. Видимо, она следила за ним – или наняла человека, который сделал это за нее, – все те несколько часов, что он

провел в городском парке после позорного увольнения. Когда его выставили на улицу, Джон не нашел в себе сил поехать домой и рассказать обо всем Дейзи. Вместо этого он зашел в магазин, купил бутылку виски и отправился с ней в парк. Там он сел на скамейку под большим каштаном неподалеку от берега и, положив кейс рядом с собой, принялся посасывать из бутылки, предусмотрительно спрятав ее в коричневый бумажный пакет.

Какое-то время спустя на ту же скамейку опустился бездомный пьяница с таким же коричневым пакетом в руках. Вонючий неудачник даже предложил Джону пару глотков своего пойла, словно принял Риттенберга за своего. Преисполнившись отвращения, Джон молча поднялся и пересел на другую скамейку. Там он долго сидел в одиночестве, пил и смотрел на дождь и туман над океаном, пока не пришло время возвращаться домой в «Розовый коттедж».

Но и дома Джон не решился рассказать Дейзи о том, что случилось на работе, – ему самому все это казалось нереальным, как дурной, пьяный сон. Увы, в отличие от сна, этот кошмар и не думал рассеиваться. Наоборот, он приобрел вполне реальные очертания Дьяволицы с красными рогами и хвостом, в короткой черной юбке и не менее коротком топе. Как этой блондинке-уборщице удавалось выглядеть как Миа? Говорить как Миа? Двигаться так же, как она?.. Джон продолжал недоумевать и в то же время ясно видел, что лже-Ванесса и Миа – один и тот же человек. Чего ему никак не удавалось, так это угадать в фигуристой «Ванессе» толстую, прыщавую, нисколько не красивую Катарину Попович.

– Присаживайтесь, – сказала лже-Ванесса, показывая им на обтянутый белой кожей диван, но ни Джон, ни Дейзи садиться не спешили.

– Я бы на вашем месте не упрячилась, разговор предстоит долгий. – Ее интонации неожиданно стали сухими, холодными, деловитыми, и это заставило Джона и Дейзи нерешительно опуститься на самый край сиденья. Джон чувствовал, что жена то и дело поглядывает в его сторону, и знал почему. У нее, несомненно, была сотня вопросов к нему: о Мие, об увольнении, о сексе втроем с участием мужчин... Он даже заерзал на диване, вновь ощутив жжение в области заднего прохода, потом вспомнил крошечный след от укола

на сгибе локтя и почувствовал, что еще немного – и его стошнит прямо на ковер.

– Можете называть меня Кэт, – сообщила лже-Ванесса, наполняя бокалы, стоящие перед ними на кофейном столике. – Охлажденное розовое игристое для леди, – добавила она, протягивая бокал Дейзи. – Поверь, сейчас это именно то, что тебе нужно. А для тебя, Джон, твое любимое четырнадцатилетнее бочковое «Балвени Карибиан». – Взяв в руки бутылку, она наполнила тамблер и протянула Джону с мрачной улыбкой. – Я знаю, как тебе нравится этот сорт. – Ее улыбка сделалась шире, отчего вампирские клыки у нее во рту словно удлинились.

Сама Кэт уселась в кресло напротив и сделала глоток из своего бокала, в котором был мартини с водкой и оливками.

– Вас, наверное, интересуют подробности, – произнесла она, аккуратно поставив бокал на маленький столик рядом с собой. – Что ж, Мией я стала только после того, как увидела, что Дейзи прячет в своем сейфе. Для меня это было точкой невозврата – эта запись, *доказательство* того, что произошло на горнолыжной базе. Ну а в качестве своеобразного бонуса в сейфе я нашла еще пару документов... очень *любопытных* документов. Договоры о неразглашении... и один из них вполне способен превратить репутацию семейства Уэнтворт в пыль... – Кэт пожалала плечами. – Может, Аннабель Уэнтворт тоже предстанет перед судом – по-моему, такое соглашение вполне подпадает под статью о препятствовании правосудию.

– *Какое* доказательство? – резко сказал Джон и повернулся к жене. – О чем она, Дез?..

– Кто такая Миа, Джон? – тихий и сверхъестественно спокойный голос Дейзи напугал Джона. На скулах у нее выступили два багровых пятна, которые постепенно увеличивались в размерах. Похоже, у нее поднялось давление, и Джон мимолетно подумал о том, что это может быть вредно для ребенка, но сейчас его куда больше беспокоило, что еще скажет сидящая перед ними женщина.

Дейзи повернулась к Кэт.

– Моя мать предстанет перед судом? Что ты... что вы имеете в виду?

Кэт скрестила ноги в полосатых чулках и откинулась на спинку кресла. Потянувшись к бокалу с мартини, она сделала из него еще

один деликатный глоток.

– Мне кажется, вам обоим следует усвоить несколько вещей. Твой муж, Дейзи, был сегодня утром уволен из «Терры Уэст» за то, что похитил из базы данных корпорации конфиденциальные сведения об одном из коллег, которого зовут Ахмед Вахид. Эти сведения он передал частному детективу, который должен был найти на этого парня компрометирующие материалы... раскопать хоть какую-нибудь грязь, чтобы подставить под сомнение его деловые качества и ценность для корпорации. Беда, однако, была в том, что переданная детективу информация подразумевала поиски компрометирующего материала, связанного с цветом кожи и религиозными воззрениями Ахмеда Вахида, и руководство корпорации не стало с этим мириться. Кроме того, твоего мужа сфотографировали в тот момент, когда он занимался сексом с женщиной по имени Миа и двумя неизвестными мужчинами.

Она снова поднесла бокал к губам, сделала глоток, наклонилась вперед и поставила бокал на прежнее место.

– Теперь что касается тебя, Берг-Бомба... Твоя жена уже много лет хранит видеозапись событий, которые произошли на лыжной базе в Уистлере, когда тебе было девятнадцать. На записи видно, как ты подмешиваешь наркотик в бокал шестнадцатилетней девушки, а потом со смехом рассказываешь об этом товарищам по команде. На записи видно, как ты даешь бокал девушке, которая просто в восторге от того, что видит тебя так близко. Потом девушка отключается, и ты вместе с друзьями тащишь ее по лестнице в спальню наверху. А еще – да, Джон, это очень длинная и подробная запись – на ней видно, как ты снимаешь с девушки джинсы и белье, раздвигаешь ей ноги и насилуешь под одобрительные вопли остальных... – Кэт ненадолго замолчала, но ее горящий взгляд впился Джону в лицо. – Я думаю, именно поэтому ты и твои друзья назвали этот наркотик «бабоукладчиком».

Джон сглотнул. Ему было жарко и душно, голова кружилась, словно он вот-вот потеряет сознание. Повернувшись к Дейзи, он хрипло проговорил:

– Где ты взяла эту запись? И какого черта тебе понадобилось ее хранить?

Но Дейзи не ответила на его взгляд. Ее глаза были прикованы к лицу уборщицы.

– Да, Дейзи, – продолжала Кэт почти небрежным тоном, – я уверена, ты не рассказывала мужу, как изводила и запугивала Чарли Уотерс, пытаюсь заставить ее избавиться от ребенка. От ребенка Джона... Ты не сказала ему, что, когда твои угрозы и шантаж не сработали, заплатила ей кругленькую сумму. Кстати, сколько это, кругленькая сумма? Кажется, речь снова шла о пятистах тысячах, да?.. Именно на эту сумму Чарли стала богаче, выполнив несколько простых условий: сделать аборт, подписать договор о молчании и отказаться от обвинений в изнасиловании. А ты, в свою очередь, забрала заявление, в котором обвиняла Чарли в «преследовании» и «причинении беспокойства».

Дейзи по-прежнему не поворачивалась к мужу. Вместо этого она смотрела вниз, на свои руки, которыми крепко сжимала бедра.

– Ты не рассказывала ему, как до этого додумалась, Дез? Откуда позаимствовала идею?.. – Кэт повернулась к Джону. – Она ведь ничего тебе не сказала, правда? Ну, тут и гадать-то особенно не стоит: яблочко от яблони недалеко падает, а дочери учатся у своих матерей. Аннабель Уэнтворт заплатила целое состояние нищим украинским иммигрантам, родителям изнасилованной шестнадцатилетней девчонки, когда те узнали, что их дочь забеременела. Она передала им эти деньги при условии, что жертва изнасилования избавится от ребенка Риттенберга, а сами они не будут настаивать на продолжении расследования.

– Это был не мой ребенок, – злобно прошипел Джон. – Это мог быть ребенок любого из парней!

Кэт замолчала. На ее лице появилось жесткое, почти пугающее выражение.

– Вот оно что... – протянула она. – Значит, ты подтверждаешь, что изнасилование все-таки было?

Прежде чем ответить, Джон поднял голову и посмотрел по сторонам, выискивая взглядом камеры системы безопасности.

– Кто наблюдает за нами сейчас? – требовательно спросил он, но Кэт пропустила его вопрос мимо ушей. Подавшись вперед, она сказала:

– Наверное, Аннабель показалось, что оставлять ребенка будет слишком опасно. И вообще... нежелательно. Ведь если бы он появился на свет, провести тест на отцовство было бы проще простого и, если вдруг оказалось бы, что это все-таки *твой* ребенок, через него ты

оказался бы крепко связан со мной на долгие, долгие годы. Фактически, до конца жизни *нашего* ребенка. А поскольку для своей Дейзи, для своей *Принцессы*, Аннабель хотела вовсе не этого, ей казалось, что наилучшим выходом из положения будет решить проблему с нищей школьницей. Девчонке придется исчезнуть. Нет, не физически – существовал более простой и безопасный путь: деньги. Для Аннабель они ничего не значили, но для моих родителей, Джон, они значили *очень* много.

Кэт встала и двинулась через комнату, громко топая по ковру квадратными каблуками своих туфель. Не дойдя до противоположной стены, она обернулась к сидящим на краешке дивана супругам.

– Если судить по содержанию договора о неразглашении, – сказала она, – Аннабель Уэнтворт была прекрасно осведомлена о том, что произошло тем вечером на горнолыжной базе. Вопрос – откуда? Ответ напрашивается сам собой. Она все знала, потому что это знала ее дочь. Дейзи знала правду, как знали ее все остальные богатенькие парни и девушки. Но знаете, что большее всего? То, что моя мать так и не призналась мне в том, что за документ подписала. Я была в отчаянии, когда она сказала мне, мол, мы должны все забыть и жить дальше, как будто ничего не случилось, потому что бороться с богатыми бесполезно. Их не осудит ни один суд. Она научила меня молчать. Она сказала, что, если я попытаюсь поднять шум, Уэнтворты отправят всех нас за решетку по обвинению в диффамации, клевете и бог весть в чем еще. Наверное, этим ей пригрозила Аннабель, но я не уверена... Как бы там ни было, моя мама заставила меня молчать и молчала сама. О договоре и деньгах она ничего не сказала даже моему отцу. Он был человеком старой закалки: консервативное воспитание, если вы понимаете, о чем я... С него хватило и того, что я забеременела, что я была пьяна. Даже то, что я стала жертвой изнасилования, было для него позором. Он презирал меня. Ненавидел. Со всех сторон он слышал, что я солгала, что на самом деле я была пьяной маленькой шлюхой, которая сама вешалась на шею Джону Риттенбергу и его друзьям, забеременела и попыталась обвинить их в изнасиловании в надежде скрыть свою распущенность. – Кэт взяла с каминной полки какой-то предмет, похожий на телевизионный пульт.

– В общем, мне пришлось сделать аборт, – продолжила она, – но операция прошла неудачно. Инфекция, которую занесли врачи,

привела к поражению матки. В результате я стала бесплодной. Я больше никогда не смогу иметь детей.

С этими словами Кэт нажала кнопку на пульте, и из белого мраморного пьедестала начал медленно подниматься огромный, словно окно в далекое прошлое, телевизионный экран. Следующей кнопкой, которую она нажала кончиком пальца, было «Воспроизведение». Экран включился, и на нем замелькало дергающееся, зернистое изображение, а из невидимых динамиков послышались смех, музыка, пьяные выкрики.

Джон почувствовал, что горло жжет как огнем. Еще немного, и он не выдержит. Дейзи вскочила на ноги.

– Выключи это! Выключи немедленно!

Кэт нажала на «Паузу».

– Что тебе нужно? – торопливо проговорила Дейзи. – Просто скажи, чего ты хочешь!

Казалось, Кэт ненадолго задумалась. Наконец она посмотрела на Джона.

– Помнишь те газетные заголовки, Джон? – спросила она. – Помнишь, как газеты наперебой кричали «Ничего не было!»? Посмотри мне в глаза и скажи: «Это было». Признайся. Ты и твои друзья опоили и изнасиловали меня. Я хочу услышать, как ты произнесешь это вслух!

Взгляд Джона метнулся к Дейзи. Он думал о всех тех вещах, которые Кэт уже сделала с ним, и очень боялся того, что еще она может сделать. Она сумасшедшая, помешанная. Ему нужно выиграть время. Нужно как-то улестить ее, успокоить, выбраться из этого дома, а потом... потом они найдут способ заставить ее замолчать, исчезнуть из их жизни.

– Ну, хорошо... – начал он нерешительно. – Все это действительно... было. Все было так, как на этой записи, но... так сложилось. Случайно. Я не хотел причинять тебе зло. Мы были молодыми и пьяными... А еще соревнования... мы упивались нашими победами, успехом, славой. Вот почему ситуация, гм-м... несколько вышла из-под контроля. Да, я поступил неправильно и сожалею об этом. Очень сожалею, и мне хотелось бы исправить вред, который я...

– Девятьсот тысяч долларов.

– Что? – Джон удивленно моргнул.

– Она говорит, что хочет девятьсот тысяч. Почти миллион, – пояснила Дейзи. Ее слова прозвучали на удивление спокойно, но он видел, что сухожилия на шее жены натянуты как проволоки, вены набухли, а губы превратились в бескровную тонкую линию.

Джон покачал головой.

– Боюсь, это невозможно.

– Я хочу, чтобы эта сумма была переведена с вашего счета в «СитиИнтраБанке» на мой счет в том же банке, – проговорила Кэт, словно не слыша. – Обычная внутрибанковская операция. С помощью вот этого планшета подобный перевод можно осуществить за считанные секунды. – Кэт взяла с каминной полки планшет и шагнула к Джону. – Я заранее зашла на сайт банка и предупредила своего персонального менеджера, что ожидаю перевод крупной суммы в качестве подарка от отца моего ребенка. Так что все уже готово. Тебе остается только зайти в свой личный кабинет и перечислить мне деньги.

– Это какой-то бред! Я – отец твоего ребенка? Да это просто...

– Ложь? Ты *это* хотел сказать?

Джон вытер губы ладонью.

– Я... У меня на счете нет таких денег. Я не смогу... столько... сразу...

– Заплати ей, Джон, – тихо сказала Дейзи.

Он повернулся к жене. Она смотрела на него ледяным взглядом. Ее напряженное, отекшее лицо сейчас казалось на редкость уродливым.

– Ты с ума сошла?!

– Заплати ей, – шепотом повторила она.

– Но у нас нет такой суммы на текущем счету. Мы...

– Заплати с нашего общего счета в американских долларах. Сейчас. Давай, Джон!

– Но, Дейзи...

– Я ей верю. Верю каждому ее слову. Она отправит эту запись в прессу, в полицию. Ты сам знаешь, что на ней. На ней есть *ты*. И все твои друзья, которые видели, что происходит. Опознать их не составит труда даже после стольких лет. Опознать и назвать имена. У этих людей теперь тоже есть жены и дети, есть работа, и они – попомни мои слова! – будут сражаться до последнего, чтобы все это защитить. Стоит

им почувствовать запах крови, и они набросятся на тебя как пираньи. Они пойдут на сделку со следствием и укажут на тебя... Заплати ей. Может, тогда ты увидишь рождение нашего сына не из-за решетки.

– Какого хрена ты вообще хранила эту запись, Дейзи? Это ты во всем виновата! Если бы не ты, мы бы сейчас здесь не сидели. И вообще, где ты ее взяла?

– У одного из твоих друзей, Джон. Я видела, что он снимает, а потом забрала у него телефон, скопировала запись на свой и потребовала, чтобы он все стер.

– Ты скопировала запись на свой телефон? Но зачем?!

Дейзи сглотнула.

– Зачем, Дез?

– Какая мать, такая и дочь, – заметила Кэт-Ванесса и ухмыльнулась. – Я так понимаю, им обеим нравится, когда у них есть инструмент, с помощью которого можно держать своих ненадежных мужчин в узде. Инструмент, или, лучше сказать, рычаг, с помощью которого они могут оказывать на них давление, заставляя поступать так, как нужно. Ты, Джон, наверное, даже не подозревал, до какой степени тобой управляют. Твоя жена, ее родители и их деньги – это *они* определяют всю твою жизнь.

– Хорошо, мы заплатим, – перебил ее Джон. – Но откуда нам знать, что через год ты не вернешься, чтобы потребовать очередную кругленькую сумму?

– Этого вы знать не можете.

Сейчас Джону больше всего хотелось броситься на эту женщину, переломать ей кости, разорвать на куски голыми руками. Все что угодно, лишь бы она исчезла навсегда, перестала существовать. Чтобы она никогда больше не воскресла и не смогла снова испортить его жизнь.

– Мне нужна эта запись, – сказал он сквозь зубы.

– Джон, ты идиот? – огрызнулась Дейзи. – Думаешь, у нее больше нет копий? Заплати ей, купи ее молчание. В прошлый раз это сработало.

– Да, в прошлый раз ей заплатили, но она захотела большего и вернулась. – Джон повернулся к Кэт. – Я убью тебя, гадина! Клянусь, я убью тебя своими собственными руками, если ты вздумаешь снова меня шантажировать!

– Не забывай, Джон, все, что ты говоришь и делаешь в этих стенах, – все записывается, – безмятежно отозвалась Кэт. – Лучше не трать время, переводи деньги. – Она кивком показала на планшет.

Джон взял в руки гаджет. Смахнув со лба крупные капли пота, он ввел пароль к своему счету. Мысленно он пообещал себе, что, как только ему удастся выбраться отсюда, он снова войдет в свой личный кабинет и попробует отменить перевод.

Пискнул мобильник. Джон взглянул на экран и скопировал присланный банком код в планшет, чувствуя, как от его тела кисло пахнет потом и страхом. Закончив, Джон вопросительно посмотрел на жену. Глаза ее были холодными и тусклыми, словно найденные на пыльной дороге камни.

– Не тяни кота, Джон, – грубо сказала она.

Джон перевел дух и, повернувшись к Кэт, попросил назвать реквизиты ее счета. Когда она продиктовала последовательность цифр, он ввел их в форму, указал сумму и, немного помешкав, нажал кнопку «Перевести».

– Спасибо, Джон. – Забрав у него планшет, Кэт вернулась в кресло и стала что-то быстро печатать на экране.

– Что ты делаешь? – спросил Джон.

– Перевожу деньги на офшорный счет. Не волнуйся, как я уже говорила, я заранее обратилась в банк и обговорила все детали с персональным менеджером. Банк ожидает моего перевода... – Она хмыкнула. – Только подумай, сколько бы тебе пришлось заплатить алиментов, если бы выяснилось, что ребенок от тебя. Плюс медицинское обслуживание, плюс образование... И не только на моего ребенка, но и на ребенка Чарли... – Кэт закончила печатать и подняла голову. – Или если бы я, к примеру, решила подать против тебя гражданский иск о возмещении ущерба, что, кстати, я все еще могу сделать, имея на руках запись и другие доказательства. Если учесть совершенное насилие, психическую травму, ущерб здоровью, угрозы моим родителям, стресс, невозможность иметь собственных детей, образование, которое я из-за тебя так и не получила и в результате лишилась шанса как следует устроить свою жизнь, то, я думаю, назначенная мне компенсация физического и морального вреда была бы гораздо больше каких-то несчастных девяти сотен тысяч. Я уже не говорю про судебные издержки и прессу. Наша четвертая власть не

упустила бы возможность опубликовать мою историю. Так и вижу огромные заголовки во всех СМИ: «Национальный герой, двукратный олимпийский чемпион по горным лыжам, живая легенда канадского спорта признал участие в групповом изнасиловании уистлерской школьницы». И все узнают, что родители его тогдашней подружки и нынешней жены – основатель транснациональной корпорации «Терра Уэст» Лабден Уэнтворт и владелица крупной риелторской компании Аннабель Уэнтворт – пытались воспрепятствовать правосудию. Короче, считай, что легко отделался. – Кэт стойко выдержала его яростный взгляд. – То, что происходит сейчас, я считаю простой справедливостью. Справедливостью, в которой мне было отказано системой.

Не дожидаясь его ответа, Кэт посмотрела на экран планшета и удовлетворенно кивнула.

– Ну вот, все в порядке. За это надо выпить. – Она взяла в руки свой бокал, приподняла повыше. – За наши успехи!

– Это все? – осторожно спросила Дейзи.

Кэт склонила голову набок.

– Все.

– И мы можем идти? – снова спросила Дейзи.

Кэт указала на дверь.

– Как вам угодно.

– Не думай, что на этом все закончится, – с угрозой произнес Джон.

– Для вас, может быть, и нет, а для меня – да, – негромко ответила Кэт.

Джон

31 октября 2019 г. Четверг

За три часа и сорок одну минуту до убийства

Джон вел машину, а Дейзи сидела на пассажирском сиденье и не шевелилась. По мере того, как они приближались к мосту, туман делался все гуще. Дворники равномерно постукивали по лобовому стеклу.

– Что она имела в виду, когда сказала: «Для вас, может, и нет, а для меня – да»? – спросил Джон.

Дейзи не ответила, только крепче сжала зубы и стиснула лежащие на коленях руки в кулаки. В ее ушах барабанным боем отдавался пульс. Сердце билось слишком часто, но сейчас ей было не до этого. Дейзи думала о том, что *должна* была сделать уже давно. Ей следовало расстаться с Джоном, еще когда в их жизни появилась Чарли Уотерс, но она не решилась. Она совершила глупость, за которую теперь приходится расплачиваться. Когнитивный диссонанс – вот как это называется. Слишком уж ей не хотелось верить, что такие, как Джон, никогда не меняются. Но увы. Как там говорится? Черного кобеля не отмоешь добела?

Они учатся быть осторожнее. Эволюционируют. Совершенствуются. Приспосабливаются. Отыскивают новые способы не попасться.

– Мы всё вернем, – в десятый раз повторил Джон. – Мы вернем наши деньги. Все, до последнего цента. Что ты молчишь, Дез? Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

– Ты говорил, что развлекаешь клиентов. Что тебе приходится их убажывать, потому что они ценные. Перспективные. На самом деле ты убажывал Мию, верно?.. Что?.. Ты, наверное, смеешься, Джон! Ты назвал меня идиоткой за то, что я попала на ее трюк с накладным животом, на ее игру в будущую мамочку, любительницу йоги, а сам?.. Достаточно было какой-то размалеванной бабе в облегающем платье

посмотреть в твою сторону, и твои штаны расстегнулись сами собой! Кстати, что там она говорила про «тройничок» с двумя мужиками?

– Меня подставили. Подмешали мне наркотик и подставили.

– Это было легко, потому что ты – дурак, который думает членом. Для нее ты – легкая добыча. Ты и твоё раздутое мужское самолюбие. Я... – Она взмахнула рукой, вытирая со щек слезы. – Я знала, что ты мне врешь. Глубоко внутри я *знала*, но мне так хотелось тебе верить!.. Я надеялась, что, когда у нас появится ребенок, все изменится в лучшую сторону... Наверное, я ошиблась... Кстати, что за гнусность ты выдумал с этим частным детективом? Искать компромат на коллегу – это... Да этот Вахид, или как его там, – он заслуживает повышения в сто раз больше, чем ты! Он заслуживает того, чтобы его выдвинули на пост административного директора, а ты – ты заслуживаешь всего, что получил.

Автомобиль перед ними резко перестроился, и Джон крутанул руль в сторону, уходя от удара. Он едва не задел мотоциклиста на соседней полосе и громко выругался.

– Идиоты! Ездить не умеют! – И добавил без перехода: – Эта женщина меня фактически изнасиловала – она и эти двое гомиков. Они накачали меня наркотой и приковали наручниками к кровати! Как тебе такое?..

Дейзи смотрела на своего мужа так, словно видела его впервые в жизни.

– Но ведь ты пошел в ее квартиру добровольно. Или ты не хотел, но она тебя *заставила*? Отнесла твоё бесчувственное тело на руках?

– Нет. То есть не совсем. Я... – Его голос на мгновение прервался, и Дейзи с изумлением заметила в его глазах слезы. – Я ничего не помню, Дез. Не помню, как занимался сексом с этими мужиками. Я даже не помню, как они выглядели!

– И это тебе совсем ничего не напоминает, Джон? Ты что, правда не видишь, что она дала тебе возможность побывать в ее шкуре?

Он резко ударил по тормозам, едва не врезавшись во впереди идущую машину.

– Ладно, смотри лучше на дорогу, пока не убил меня и моего ребенка, – злобно прошипела Дейзи.

– Ты не понимаешь!.. Дело не в том, что она сделала со мной. И даже не в деньгах, которые забрала...

– Ты имеешь в виду деньги, которые ты сам перевел ей по ее просьбе?

– Это было вымогательство. Шантаж.

– А в чем тогда дело? В том, что ты можешь попасть под суд и отправиться в тюрьму, если старая история выйдет на свет?

– Да, Дейзи! Именно в этом! Я не сомневаюсь, что завтра же утром эта сука отнесет запись в полицию. Она с шестнадцати лет только и мечтала, что упечь меня за решетку.

Дейзи откинула голову и закрыла глаза. Сердце у нее болело, но она не находила в нем сострадания.

– Может, так было бы лучше для всех, – проговорила она негромко.

– Что?

– Ты все испортил, Джон. Все, что мы вместе создавали столько лет, ты разрушил за один вечер. Теперь у тебя даже работы нет!

– Ты не слушаешь меня, Дейзи. Эта тварь не успокоится, пока не уничтожит нас обоих. Самое меньшее, что она сделает, это снова потребует денег. Она с нами еще не закончила, и у нее в руках власть. Да, сегодня она получила свой фунт плоти, но она все равно может в любой момент заявить на меня. Пока эта женщина жива, она для нас опасна. Ты сама слышала – в этой провинции сексуальные преступления не имеют срока давности. Гребаная сука!.. Нам нужно с ней разобраться, и как можно скорее. Клянусь, я убью ее! Пока она жива, она может сделать с нами все что угодно!..

– Джон...

Интонация, с которой жена это сказала, заставила его замолчать. В молчании он свернул на улочку, которая вела к их дому. Какая красивая, тихая улочка, подумала Дейзи. Какой красивый у них дом! Но стоило им въехать на подъездную дорожку, как «Розовый коттедж» вдруг показался ей тюрьмой.

– Что? – спросил Джон наконец.

– А... есть другие женщины?

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу знать, что будет, когда эта история все-таки всплывет. Появятся ли другие женщины, которые расскажут то же самое? Женщины, с которыми ты сталкивался в командировках, женщины с работы, экзотические танцовщицы, проститутки и прочие... Если

Катарина опубликует запись, они наверняка захотят урвать *свой* фунт плоти, и я хочу знать, много ли их будет.

Джон остановил автомобиль на подъездной дорожке и отвернулся от жены, рассматривая что-то за стеклом боковой дверцы.

Его молчание было для Дейзи достаточно красноречивым ответом.

Открыв дверцу со своей стороны, она с трудом выбралась из салона. Дождь все еще шел, и она, накрыв голову курткой, зашагала к дверям «Розового коттеджа». Дейзи смертельно устала, но оставалось еще одно дело, которое она должна была сделать как можно скорее. Ей нужно собрать вещи, взять ключи от «БМВ» и уехать из этого дома. Уехать от *него*.

В доме Дейзи сразу поднялась наверх, нашла чемодан и побросала в него кое-какую косметику, нижнее белье, пару пижам, немного одежды. Вытащив из комода свой сейф для документов, она уложила его сверху.

В дверях спальни появился Джон.

– Дейзи, послушай... У нее есть над нами власть, и она обязательно ею воспользуется. А я не хочу, чтобы мы...

– Нет. Не над нами. У нее есть власть над *тобой*, Джон.

– Но ведь мы – семья! Речь идет о нашей репутации. Мы не можем...

– Мы никогда не были семьей. Теперь я это вижу. – Она закрыла чемодан и, поставив его на колесики, потащила к двери.

– Но ведь вместе с нами в дегте и перьях вываляют и твоих родителей.

– С меня хватит, Джон. С нами покончено. Дай мне пройти.

Он потянулся к ней.

– Дейзи!..

– Не трогай меня! – взвизгнула Дейзи и, уставив палец ему в лицо, добавила: – Если ты прикоснешься ко мне хотя бы пальцем, я сама передам эту запись в полицию!

– Зачем ты вообще ее хранила? – спросил он, отступая на полшага. – Это ты во всем виновата. Если бы не было этой записи, ничего бы вообще не случилось!

Волоча за собой чемодан, Дейзи протиснулась мимо мужа и стала спускаться по лестнице. Чемодан тяжело бухал по ступенькам. Джон

следовал за ней по пятам. Обогнув кухонный островок, он преградил ей путь к выходу.

– А если бы твоей матери не пришло в голову заплатить ее родителям...

– Тогда они сделали бы тест на отцовство. Может, это и правда был твой ребенок. Но даже если бы отцом оказался кто-то из твоих дружков, он бы все равно обвинил тебя и остальных, чтобы уменьшить собственную вину. То же самое и с Чарли Уотерс... Ты оказался бы прикован к ней на многие годы. Такие женщины никогда не исчезают бесследно, Джон. Ты насвинячил, а прибираться пришлось мне и моей матери. Договоры о неразглашении были составлены таким образом, чтобы ни Кэт, ни Чарли не могли вернуться в нашу жизнь, не заплатив за это огромные деньги – гораздо больше, чем они могут себе позволить. Поэтому я и хранила оба документа, а запись... Запись я сохранила на случай, если ты опять проявишь себя полным кретином... как сейчас!

Дейзи трясло от гнева. Не вредно ли это для ребенка, вдруг подумала она. Нужно выбираться отсюда как можно скорее – тогда она сможет успокоиться.

В ответ на ее слова Джон чуть не ткнул пальцем ей в лицо, в точности повторив ее недавний жест.

– Ты *знаешь*, что я прав! – сказал он насмешливо. – Пока эта женщина жива, она опасна для нас. Она – чудовище!

– Чудовище, которое *ты* создал! – парировала она. – А теперь отойди. Прочь с дороги!

Но Джон не двинулся с места. Его лицо потемнело, как небо перед грозой, и это Дейзи совсем не понравилось. Она почти испугалась его – своего собственного мужа!

– А ну отойди! – повторила она, в свою очередь окидывая его как можно более суровым взглядом, и попыталась протиснуться мимо мужа к выходу.

Джон грубо ухватил ее за руку. Его пальцы с такой силой впились в ее плоть, что Дейзи стало больно, но она не растерялась. Свободной рукой она полоснула его ногтями по лицу, а когда он схватился за щеку, на которой сразу набухли глубокие царапины, вцепилась в лежавший на кухонном островке нож и нацелила острое лезвие ему в грудь.

– Я сказала, отойди! С дороги!

Потрясенный, Джон выпустил ее руку и отступил в сторону. Крепко сжимая нож в руке и стараясь не поворачиваться к мужу спиной, Дейзи медленно пятилась к входной двери, таща за собой чемодан.

– Дейзи, куда ты?! – выкрикнул Джон, когда она шагнула за порог.

Вместо ответа Дейзи с грохотом захлопнула за собой дверь и поспешила к «БМВ». Открыв пассажирскую дверцу, она швырнула на пол нож и взвалила чемодан на сиденье. Обогнув машину спереди, Дейзи села за руль и завела мотор. Когда она выезжала с подъездной дорожки, из дверей дома выскочил Джон. Выскочил и побежал за ней.

Выезжая на улицу, Дейзи зацепила бампером почтовый ящик. Вывернув руль, она одновременно нажала газ – и сбила соседский мусорный контейнер. Дрожа и задыхаясь, Дейзи выровняла машину и поехала на Северный берег.

Джон

31 октября 2019 г. Четверг

За три часа и одиннадцать минут до убийства

Стоя под дождем, Джон смотрел, как Дейзи сворачивает с подъездной дорожки на улицу. Спеша оказаться как можно дальше от него, она зацепила почтовый ящик и протаранила мусорный бак соседа. Когда задние огни ее «БМВ» исчезли за углом, Джон выругался и вернулся в «Розовый коттедж», где принялся рассказывать по гостинной из угла в угол. Оказавшись возле бара, он выхватил оттуда бутылку текилы и выпил несколько рюмок подряд. С каждым глотком злость его возрастала, но возрастало и отчаяние, стремление совершать дикие, иррациональные поступки. Вот бы сейчас поехать в «Стеклянный дом» и придушить эту Катарину-Ванессу! Но сперва он задаст ей пару вопросов. Он до сих пор не знал точно, подвергся ли сексуальному насилию. Он не спросил, что за след у него на сгибе локтя, потому что боялся говорить об этом при Дейзи. Что они ему ввели? Может, ему нужно сдать анализ крови? Провериться на ИППП?

Джон провел обеими руками по волосам. Дейзи была права. Он потерял все: работу, жену, будущего ребенка. В том, что Дейзи поехала к родителям, он не сомневался, а это означало, что ему конец. Во всех смыслах.

Уэнтворты поджарят его на медленном огне, сожрут с потрохами, а обглоданные кости выкинут. Чтобы расправиться с ним, Лабден использует все свои возможности, а их у него по-прежнему предостаточно. Уэнтворты и пальцем не пошевельнут, если он попадет под суд и окажется в тюрьме. Они умоют руки и еще скажут: мол, поделом ему!

Джон схватил бутылку и снова налил себе несколько рюмок. Приговорив текилу, он принялся искать в баре виски, но не нашел. Пришлось довольствоваться бренди. Джон от души плеснул себе в бокал. То и дело прихлебывая из него, он пытался дозвониться до

Дейзи, но она не отвечала, и его вызовы каждый раз попадали на голосовую почту.

В конце концов Джон позвонил на домашний номер Уэнтвортов, но и там трубку никто не взял. Тогда он набрал номер Аннабель Уэнтворт. К его удивлению, она ответила.

– Аннабель, это Жжон, – проговорил он и почувствовал, что язык у него заплетается. Сколько же он выпил? И сколько прошло времени с тех пор, как Дейзи уехала? Бросив взгляд в зеркало на стене, он поспешно отвел глаза: собственное лицо – бледное, перекошенное – ужаснуло его.

– Дзей... Дейзи у в-ваш?

– Что?

Джон сделал над собой усилие, стараясь выговаривать слова как можно четче.

– Дейзи... Мне нужно с ней поговорить.

– Ты пьян?

– Дейзи...

– Ее здесь нет.

– А где она?

– Я не знаю. Разве она не с тобой? Не пугай меня, Джон! Что случилось?

Но он уже повесил трубку. Либо Аннабель лгала, либо Дейзи поехала куда-то еще. Скорее всего – первое. Джон был уверен, что теща прячет от него жену.

Кажется, с ним действительно все кончено. А если эта чертова Катарина-Ванесса передаст запись в полицию, он в довершение всего на долгие годы отправится за решетку. Или не на долгие... Одному богу известно, что может случиться в тюрьме с таким, как он!..

Что ж, хотя бы *это* он может попытаться предотвратить.

Хоть что-то по-прежнему в его власти.

Он может помешать *ей* обратиться в полицию.

Схватив с вешалки куртку и ключи, Джон бросился к своему «ауди». Сев за руль, он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь сконцентрироваться, взять себя в руки. Если его остановят – все пропало. «Вас арестовали, отправляйтесь в тюрьму», – кажется, в «Монополии» есть такая карточка... Нет, нужно ехать предельно осторожно и в то же время – быстро.

Он завел двигатель и выехал на улицу. Щурясь, Джон всматривался в дождь, который размазывали по стеклу дворники. Он внимательно следил за желтыми и белыми линиями дорожной разметки и, благополучно добравшись до моста, без проблем пересек его. Движение на Северном берегу стало менее плотным, да и людей на улицах почти не было – скверная погода давно разогнала по домам детей, которые на Хеллоуин ходили от двери к двери, выпрашивая угощение.

Наконец Джон свернул на тянущуюся вдоль побережья улочку и сразу увидел, что в «Стеклянном доме» по-прежнему горит весь свет. Крепко сжимая руль и пригнувшись, он погасил фары и с черепашьей скоростью пополз вперед сквозь туман и темноту. Его сердце радостно подпрыгнуло – желтый «субару» все еще стоял на дорожке.

Попалась.

Колеса «ауди» чуть слышно шуршали по мокрой мостовой, когда он проехал мимо «Стеклянного дома» и, развернувшись, остановился на обочине чуть наискосок от него. Выключив двигатель, Джон снова посмотрел на особняк. Теперь, когда он оказался на месте, его вдруг одолела растерянность: он просто не знал, что делать дальше. Достав из куртки карманную фляжку, он сделал хороший глоток, надеясь подстегнуть свою решимость. Вспомнив о камерах наблюдения, Джон подумал, что ему надо быть очень осторожным, чтобы не попасть в их объективы. Ага!.. Сбоку от подъездной дорожки, примерно там, где стоял «субару», он заметил ведущую в сад калитку. Если пройти через нее и обойти дом со стороны бассейна, он сумеет попасть к стеклянной двери, выходящей на задний двор.

На улицу свернула еще одна машина, и Джон насторожился. Свет чужих фар полоснул по стеклам, на мгновение ослепив его, и он сполз по сиденью как можно ниже, ожидая, пока автомобиль проедет мимо, но машина, наоборот, замедлила ход и свернула на подъездную дорожку «Стеклянного дома».

Это еще кто?..

Джон приподнялся на сиденье, всмотрелся в темноту и едва удержался от того, чтобы удивленно присвистнуть. На подъездной дорожке он увидел еще один «ауди» – один в один как у него. Номерные знаки были залеплены грязью.

Пока он рассматривал машину, из нее вышел человек в черном дождевике, который поспешно прошел в дом тем же путем, каким собирался двигаться и сам Джон, – через садовую калитку. Его сердце учащенно забилося. Со своего наблюдательного пункта он видел, что на первом этаже особняка движутся какие-то тени. Мерцающие цифры часов на приборной панели показывали 11:21, когда до его слуха донесся пронзительный вопль. Кричала явно женщина, и Джону вдруг стало очень страшно. На несколько мгновений он даже перестал дышать. Неподвижно сидя за рулем своей машины, он продолжал наблюдать за домом сквозь запотевшее лобовое стекло.

Вскоре из садовой калитки появились уже две фигуры в плащах. Они тащили что-то тяжелое. Приглядевшись, Джон увидел свернутый в трубку ковер.

О нет.

Он был слишком пьян, чтобы думать ясно, и не знал, что делать. Он даже в полицию позвонить не мог, потому что был не в силах сообразить, что и как сказать дежурному, чтобы не подставить себя. Наверняка Джон знал только то, что ему очень не хочется сейчас здесь находиться.

Он не хотел иметь никакого отношения к происходящему.

Что бы это ни было.

Тем временем неизвестные с трудом затолкали ковер на заднее сиденье «ауди». Один из них сел за руль, второй вернулся к «субару» и забрался внутрь. Заработал мотор, вспыхнули фары. Одна за другой машины сорвались с места и, набирая скорость, помчались прочь. Во втором этаже соседнего дома вспыхнул свет, и почти одновременно с этим Джон услышал пронзительный скрип покрышек – машины сворачивали на перекрестке в конце улицы.

Его охватила паника. Джон запустил двигатель и, не зажигая фар, медленно поехал вдоль улицы, пока не заметил маленькую парковочную площадку, скрытую низко нависшими ветвями какого-то дерева. Немного поколебавшись, он свернул туда, выключил мотор и снова сполз по сиденью как можно ниже. Ему было страшно. Больше всего на свете ему хотелось оказаться как можно дальше от «Стеклянного дома», но он был слишком пьян, чтобы вести машину. Если он сейчас поедет домой, то обязательно попадет, и тогда...

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Шагая по коридору к допросной номер шесть, где дожидалась ее Дейзи Уэнтворт, Мэл вспоминала слова, сказанные Бун-ми Селимом. «Что-то плохое случилось с Кит, еще когда она училась в школе, – что-то, из-за чего она бросила учебу и уехала из города». Интересно, подумала Мэл, ведь если о сексуальном скандале писали во всех газетах, а Селим учился в единственной городской старшей школе, как же он мог *не* знать, что именно произошло с девушкой? Еще во время разговора с ним у нее появилось ощущение, что он либо лжет, либо что-то скрывает. Теперь это ощущение превратилось в уверенность.

Остановившись перед дверью допросной, Мэл достала телефон и позвонила Луле.

– Скажи, Лу, Селим заходил в участок? Он должен был сделать официальное заявление и сдать образцы ДНК.

– Нет, не заходил. Мы его разыскиваем. Похоже, парень отправился в самоволку. Его нет ни на работе, ни по месту жительства, а его мобильный не отвечает. Друзья не знают, где он может быть. Его автомобиля тоже нет на месте.

– Позвони мне, как только вы его найдете, – сказала Мэл и, дав отбой, толкнула дверь допросной.

Дейзи Риттенберг – отекая, раскрасневшаяся, расплывшаяся – сидела за столом рядом с безупречно одетым смуглым мужчиной с ястребиным носом и пронзительными черными глазами. Мэл мгновенно узнала Эмилио Росси, одного из самых известных уголовных адвокатов, отличавшегося поистине бульдожьей хваткой. Росси специализировался на громких делах, связанных с организованной преступностью и убийствами.

– Эмилио, приветствую, – кивнула ему Мэл.

Эмилио Росси не стал терять времени на формальности и с ходу взял быка за рога. Прежде чем Мэл успела сесть, он заявил:

– Моя клиентка срочно нуждается в медицинской помощи. У нее растет давление и усиливается отек, что дает основания опасаться развития преэклампсии^[19], тромбоза глубоких вен, нарушения сердечной деятельности и воспаления рыхлой клетчатки. Все это можно предотвратить только с помощью профессионального вмешательства, поэтому моей клиентке необходимо как можно скорее показаться своему лечащему врачу. Кроме того, в ее состоянии ей необходимы постельный режим и полный покой. Иными словами, следует исключить любой стресс, так как в противном случае последствия могут быть непредсказуемыми.

Эти слова обеспокоили Мэл. Она поняла, что придется действовать быстро.

– Добрый день, миссис Риттенберг, – обратилась она к Дейзи. – Или уже добрый вечер?.. Сегодня время просто летит. Вы позволите называть вас по имени?

Дейзи не ответила. На Мэл она не смотрела.

Мэл положила на стол перед собой блокнот и толстую папку с документами.

– Боюсь, ваши дела не очень хороши, Дейзи. У нас есть свидетель и улики, на основании которых мы можем утверждать: вы побывали на месте происшествия и...

– Моя клиентка не отрицает, что была в особняке, сержант, – сухо перебил Росси. – Она не отрицает, что пользовалась услугами той же клининговой компании, что и владелица «Стеклянного дома». Моя клиентка признаёт, что ее пригласили на ужин в «Нортвью», куда она и приехала с мужем в его автомобиле «ауди» около шести часов пополудни. Однако на пороге дома, пока мистер Риттенберг звонил в дверной звонок, у моей клиентки начались сильные спазмы. Испугавшись, что это могут быть преждевременные роды, миссис Риттенберг выронила букет цветов и пирог, которые она привезла с собой в качестве подарка хозяевам. После этого моя клиентка и ее супруг сразу же уехали.

– Вы, вероятно, немедленно отправились к вашему лечащему врачу, Дейзи? В таком случае у него должна была сохраниться запись об экстренном обращении...

– По пути домой судороги у моей клиентки прошли, – сообщил Росси, – и они с супругом решили, что наиболее разумным в данном

случае будет просто вернуться домой и отдохнуть. Визит к врачу был запланирован на следующий день. Дома моя клиентка поспорила с мужем, собрала вещи и уехала домой к матери.

– А как же опасность преждевременных родов? – с насмешкой спросила Мэл.

– Как я уже сказал, к этому времени судороги почти прошли, – сказал адвокат. – Оказавшись в доме родителей, моя клиентка немедленно легла в постель и не покидала усадьбу Уэнтвортов до сегодняшнего дня. Как она утверждает, накануне, когда она уезжала из дома, ее муж был очень сердит и даже угрожал ей физическим насилием. Он был сильно пьян, и моя клиентка считает, что после ее отъезда он продолжил пить. О его теперешнем местонахождении она никаких сведений не имеет, а также не может сказать, возвращался ли он в «Нортвью» после их ссоры или нет.

Откинувшись на спинку стула, Мэл слегка изогнула бровь и окинула Дейзи внимательным взглядом.

– А почему вы решили, что после вашей ссоры ваш муж мог попытаться вернуться в «Стеклянный дом»? – спросила она. – Ему хотелось во что бы то ни стало завершить ужин с друзьями?

– Моя клиентка просто доводит до вашего сведения тот факт, что у нее есть алиби – ее родители, однако ей неизвестно, имеется ли таковое у мистера Риттенберга.

Мэл облизнула губы. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на Дейзи.

– Почему вы поссорились с мужем, Дейзи? Почему он вам угрожал?

– Причиной ссоры была супружеская измена.

– Ваш муж вам изменил? С кем?

– С женщиной по имени Миа, – сказал Росси. – Это все, что известно моей клиентке.

– И поэтому сейчас вы пытаетесь взвалить всю ответственность на него?

– Ваше утверждение относительно моей клиентки безосновательно.

Мэл слегка подалась вперед.

– Как вы объясните, что полиция Западного Ванкувера нашла в вашей машине мясницкий нож?

– Как я уже упоминал, муж моей клиентки угрожал ей. Пытаясь предотвратить опасность физического насилия, моя клиентка схватила первое, что попало под руку, – кухонный нож, лежавший на столе.

– После ссоры с мужем вы сразу поехали к родителям или сначала вернулись в «Стеклянный дом»?

– Послушайте, сержант, если вы пытаетесь таким путем получить сведения, не относящиеся к...

– Послушайте меня внимательно, Дейзи... Ваши отпечатки пальцев и образцы ДНК мы отправили в лабораторию и в самое ближайшее время ожидаем результатов. После этого мы сравним их с образцами, найденными на месте происшествия, и если выяснится...

– Если вы найдете образцы ДНК моей клиентки в доме, то только потому, что она ужинала с хозяйкой «Нортвью» в прошлую пятницу. Она пила из бокалов, прикасалась к дверям и резала ножом колбасу.

Мэл медленно вдохнула. Потом она открыла папку и положила на стол перед Дейзи фотографию.

– Вам знаком этот кулон?

Дейзи взглянула на снимок, но ничего не сказала.

– А как насчет этого? – Мэл разложила на столе несколько распечатанных фото из аккаунта Дейзи в Инстаграме. На селфи был хорошо виден сверкающий бриллиантовый кулон у нее на шее.

– Этот кулон был найден в «Стеклянном доме» в щели между диванными подушками, – сообщила Мэл ровным голосом, постукивая кончиком пальца по фотографиям.

Росси нетерпеливо вдохнул и посмотрел на часы.

– Я уже говорил – моя клиентка не отрицает того факта, что ей приходилось бывать в доме и раньше. Она могла потерять кулон, например, в прошлую пятницу. Или его могла украсть уборщица. Как мы знаем, «Розовый коттедж» и «Нортвью» убирала одна и та же женщина. Она могла обронить украденное и там, и в любом другом месте. В суде эта находка не будет принята во внимание, и вы это знаете.

Мэл провела кончиком языка по зубам.

– Скажите, Дейзи, вам известно, почему Кит Дарлинг обратилась к своей работодательнице с просьбой освободить ее от уборки вашего дома?

– Моя клиентка интересовалась этим вопросом, потому что ей нравилось, как работает ее уборщица. В компании «Помощь Холли» ей сообщили, что замена была произведена по просьбе самой уборщицы из-за накладок в ее рабочем расписании. А теперь, сержант, если вы закончили, мне необходимо доставить мою клиентку к врачу.

– У меня всего пара вопросов, Эмилио. – Мэл холодно улыбнулась адвокату. – Скажите, Дейзи, вы знали, что ваша уборщица Кит Дарлинг и шестнадцатилетняя школьница, которая восемнадцать лет назад обвинила вашего мужа в изнасиловании с отягчающими обстоятельствами, – одно и то же лицо?

Щеки Дейзи побагровели. Вытерев губы трясущейся рукой, она повернулась к адвокату и сказала:

– Мне нехорошо. Кажется, я сейчас упаду в обморок.

Эмилио Росси вскочил на ноги и протянул руку, чтобы помочь Дейзи подняться.

– Мы закончили!

– Последний вопрос, – твердо сказала Мэл. – Вы знаете этих людей? – Она выложила на стол еще две фотографии и развернула их так, чтобы Дейзи было видно.

Дейзи взглянула на снимки.

– Нет.

Мэл постучала пальцем по фотографии.

– Это Ванесса Норт, а это – ее супруг Харуто. Это ваши друзья, миссис Риттенберг.

Казалось, из багровых щеки Дейзи стали пурпурными. На Мэл она по-прежнему не смотрела.

– Это не они.

– Они. Это владельцы дома, куда вы ездили в гости.

– Я не знаю, о чем вы говорите. Я не знаю этих людей! Мне плохо! Мне срочно нужно к врачу!..

Росси помог Дейзи подняться и, сопровождая ее к двери, обернулся через плечо.

– Если пропавшая уборщица была шестнадцатилетней девушкой, которая когда-то обвиняла Джона Риттенберга в изнасиловании с отягчающими обстоятельствами, тогда у вас есть мотив для мужа, сержант. Только представьте, что он почувствовал, когда узнал, что

уборщица – та девушка, которая когда-то пыталась пустить его карьеру под откос!

Потом оба ушли, дверь за ними закрылась, и Мэл принялась торопливо собирать фотографии обратно в папку. Прежде чем идти допрашивать Джона Риттенберга, она заглянула к Луле.

– Селим не объявлялся?

– Ответ отрицательный, – ответила Лула и потянулась к телефону. – Он все еще числится БВП. Что сказала Дейзи Риттенберг?

– Почувствовала, что пахнет жареным, и теперь валит все на мужа. Посмотрим, что *он* скажет по этому поводу.

Мэл

2 ноября 2019 г. Суббота

Двукратный олимпийский чемпион, знаменитый «ДжонДжон» Риттенберг, некогда образец спортивного таланта, сидел, сгорбившись и опустив голову на сложенные на столе руки. Увидев Мэл, его адвокат – женщина, которая чем-то напомнила сержанту Тамару Адлер, – резко встала и вытянула вперед наманикюренную руку.

– Меня зовут Сандра Лин, я представляю интересы Джона Риттенберга.

Мэл сжала мягкую, изящную руку адвокатши и несколько раз энергично тряхнула.

– Сержант Мэллори ван Альст, – представилась она и села, положив перед собой папку. В допросной было жарко, душно, пахло немытым телом и алкоголем, который, казалось, сочился из каждой поры на коже Риттенберга. Чемпион был небрит и непричесан. Грязные бинты у него на руке пора бы сменить, подумала Мэл.

– Я буду называть вас Джон, если вы не против, – сказала Мэл. Она всегда предпочитала обращаться к допрашиваемых по именам: так они воспринимали каждый вопрос как что-то глубоко личное, требующее откровенного ответа.

Джон поднял голову и посмотрел на нее мутным взглядом. В его глазах горели огоньки ненависти и злобы.

– Без комментариев, – сказал он неприятным, хриплым голосом. – Вам нечего мне предъявить, и вы не имеете никакого права держать меня здесь. Я ничего не сделал. Скажи ей, Сандра, – велел он. – Мой адвокат будет отвечать за меня.

Он снова опустил голову на руки, не сдержав негромкого стога. По всему было видно, что Джон Риттенберг чувствует себя скверно. Царапины у него на лице припухли и воспалились.

– Моему клиенту необходима медицинская помощь, – тотчас вмешалась Сандра Лин. – Полицейские, производившие задержание, причинили ему телесные повреждения, и...

– А я слышала, что все было по-другому, Джон, – перебила Мэл. – Вы пытались убежать, но упали, потому что были слишком пьяны. Что касается царапин у вас на шее и раны на руке... Я видела их своими глазами еще до того, как вас задержали. Кстати, откуда они у вас?

– Во время задержания сотрудник полиции сбил моего клиента с ног и прижал к земле.

– Умоляю вас, Сандра! – Мэл поморщилась. – Вы же сами видите, что царапины довольно старые. По-моему, они похожи на царапины, нанесенные женщиной, на которую ваш клиент напал. Итак, повторяю вопрос, Джон: откуда у вас эти царапины? При каких обстоятельствах вы их получили?

Но Риттенберг даже не поднял головы и не поглядел на нее.

– Расскажите мне своими словами, что случилось, когда около шести вечера в Хеллоуин вы с женой приехали в так называемый «Стеклянный дом».

И снова Джон не пошевелился, а адвокатша сказала:

– Он никогда не был в...

Мэл подняла ладонь, останавливая поток адвокатского красноречия.

– Только не надо этих игр, Джон. Дело серьезное. У нас есть заявление вашей жены. Она утверждает, что около шести вечера тридцать первого числа вы вместе приехали в «Стеклянный дом» в вашем сером «ауди». Это подтверждает и свидетель, который видел вас на подъездной дорожке к дому именно в это время. У нас есть и другие свидетели, которые несколько часов спустя видели вашу машину на стройплощадке АДМАК в Северном Ванкувере.

Он резко вскинул голову.

– Чушь! Я никогда там не был. Я...

Сандра твердым жестом положила руку ему на плечо и нахмурилась, но Джон проигнорировал предостережение.

– Не был я ни на какой стройплощадке. Да, я вернулся к «Стеклянному дому», чтобы...

– Джон! – одернула его адвокатесса, и в ее глазах полыхнуло пламя.

Его взгляд метнулся к ней.

– Я не дам им повесить это на меня!

Наклонившись вперед, Сандра Лин чуть слышно прошептала ему на ухо:

– Я же вам говорила: вы не должны отвечать ни на один вопрос. Сначала нужно выяснить, что полиция может вам предъявить. Я думаю – они ничего не знают и пытаются выудить хоть какие-то факты.

– Значит, вы признаете, что вернулись к «Стеклянному дому»? – быстро сказала Мэл.

– Сержант, – прервала ее Сандра. – Если вы не готовы немедленно предъявить моему клиенту официальное обвинение, чтобы я могла договориться о сумме залога, мы, к сожалению, больше ничем не можем вам помочь.

– Как только мы получим результаты анализа ДНК и отпечатков пальцев вашего клиента, мы...

– Когда вы их получите и у вас будет что сказать, тогда вы знаете, где найти моего клиента. Вставайте, Джон. Мы уходим.

Джон с трудом поднялся.

– Когда вы узнали, что уборщица в вашем доме – это та же самая женщина, которая когда-то обвиняла вас в изнасиловании? – спросила Мэл.

Он дернулся всем телом. Его злой взгляд впился в лицо Мэл. Сандра быстро шагнула к двери и широко ее распахнула.

– Джон?..

Джон двинулся к выходу.

– Кто такая Миа, Джон?

Глаза Риттенберга яростно блеснули, черты лица напряглись, губы сжались, но адвокатша быстро коснулась его плеча, перенаправляя внимание клиента на себя, и оба вышли в коридор.

Проводив их взглядом, Мэл откинулась на спинку стула. В этот момент зазвонил ее телефон. Звонил Бенуа.

Мэл нажала кнопку «Ответить».

– Водолазы нашли ее, Мэл. И ее, и ковер... Тело лежит на самом дне, оно застряло в иле под какими-то старыми металлическими конструкциями. Похоже, его затянуло туда течением, поэтому они пока не могут ничего сделать. Сейчас они решают, как лучше поднять тело на поверхность.

Последствия

Мэл чувствовала себя разбитой и усталой. Из-за сильного течения и плохой видимости водолазы так и не смогли поднять тело со дна до наступления темноты. Им удалось только вытащить из воды ковер и белую кроссовку с оранжевой полосой – парную к той, которую нашли в «Стеклянном доме». Отправив ее в лабораторию, Мэл поехала домой. Сейчас она сидела рядом с мужем в тесноватой, заставленной книжными полками гостиной и представляла себе тело Кит Дарлинг, застрявшее среди ила и ржавой арматуры: смутно белеет в зеленоватой темноте лицо, колыхаются в холодной воде светлые волосы.

Питер смотрел по телевизору новости, рассеянно лаская кошку, которая свернулась у него на коленях. Он выглядит усталым, подумала Мэл. Сегодня ее муж казался намного более безучастным и рассеянным, чем обычно, и его незримое отсутствие заставило Мэл испытать приступ одиночества. Стараясь справиться с ним, она крепче прижалась к Питу и положила ладонь на его бедро.

– Как ты?..

Он повернулся к ней, и в его взгляде промелькнула растерянность, словно он не знал, что ответить.

Она улыбнулась.

– Ты наелся? – спросила она, имея в виду их поздний ужин.

Питер нахмурился, потом кивнул.

– Пожалуй. А как твои дела? Как прошел день?

Он уже спрашивал ее об этом, когда она только вернулась, и Мэл рассказала, что водолазы обнаружили тело и завтра утром попробуют его достать, но сейчас она не стала этого повторять.

– Неплохо, – только и сказала она. – Радуюсь предстоящей пенсии.

Это была ложь и в то же время – необходимость. Мэл было очевидно: кто-то должен постоянно быть с Питером дома. Конечно, можно было нанять сиделку, подумала она, но ей сразу вспомнилась Бьюла Браун, которая проводит дни в своей комнате на втором этаже в полном одиночестве, пусть и окруженная сиделками, нянями, медсестрами. Давным-давно Мэл и ее муж пообещали, что будут друг

для друга опорой даже в самых трудных обстоятельствах – «в несчастье, болезни и старости». Увы, трудные времена наступили раньше, чем она ожидала.

И снова Мэл мысленно вернулась к Бьюле Браун, пообещав себе, что обязательно навестит пожилую женщину после того, как дело будет закрыто, и поблагодарит ее за то, что она своевременно позвонила в Службу спасения.

На экране телевизора появилась стройплощадка АДМАК.

– А, вот оно!.. – Мэл потянулась к пульту и прибавила громкость. Женщина-репортер стояла возле полицейского ограждения, выхваченная из темноты дуговыми прожекторами, и самозабвенно вещала в микрофон:

«...Похоже, поиски пропавшей уборщицы Кит Дарлинг подошли к трагическому завершению. Источник, близкий к расследованию, утверждает, что полицейские водолазы обнаружили под водой тело женщины, которое находится на дне вблизи того места, где ранее был найден желтый «субару». Тело лежит на значительной глубине, оно застряло в иле под кучей строительного мусора. В настоящее время специалисты разрабатывают план, который позволит им поднять останки на поверхность. Возможно, это произойдет уже завтра...»

Камера переключилась на ведущего в телевизионной студии.

«Что говорят в полиции относительно других аспектов этого дела? Памела?..»

«На данный момент нам известно только то, что в полицию для допроса были вызваны олимпийский чемпион по горным лыжам Джон Риттенберг и его жена Дейзи, однако обоих впоследствии отпустили. Улики с места преступления в так называемом «Стеклянном доме» все еще находятся в криминалистической лаборатории; вероятно, их анализ потребует некоторого времени. С другой стороны, как только водолазам удастся извлечь тело, посмертное вскрытие, несомненно, даст следствию новые улики для выяснения обстоятельств ужасной трагедии, которая произошла в роскошном особняке на западном побережье Ванкувера...»

Бьюла Браун смотрела этот репортаж на маленьком телевизоре в своей комнате. Новости, которые сообщила Памела Дорфман, глубоко опечалили старую женщину. Значит, Кит Дарлинг все-таки умерла... Когда на экране появились фотографии Джона и Дейзи Риттенберг, Бьюла сразу опознала в них супружескую пару, которая накануне рокового вечера приехала в «Стеклянный дом» на сером «ауди».

Она была очень довольна тем, что позвонила по 911. Бьюла, конечно, не верила, что Хортон способен причинить кому-то вред, но все равно испытала облегчение, узнав, что полиция допрашивает других людей, а не ее сына. Несколько раз Бьюла видела, как он наблюдал за работающей в доме уборщицей из-за живой изгороди, видела она и как Хортон следил за женщинами, обедавшими возле бассейна. Что скрывать, тогда это ее встревожило, но теперь...

Откинув голову на спинку кресла, Бьюла закрыла глаза. Она была очень довольна тем, что, несмотря на ограниченные возможности, ей удалось что-то сделать, кому-то помочь, сыграть важную роль в каком-то деле. Впрочем, уборщицу ей было жаль. Ей будет не хватать ее улыбки и того, как приветливо она махала рукой совершенно незнакомой старухе. Погружаясь в навеянную лекарствами химическую дрему, Бьюла думала о том, как это глупо – верить, что в загробной жизни она сможет снова встретиться с умершими до нее, и все же ей было приятно представлять, как она увидит на Небесах Кит и на этот раз узнает ее получше.

Ее сон становился все глубже. Каким-то краешком сознания Бьюла понимала, что в этот раз она уже не проснется. Настанет утро, но ее больше не будет, а ее дом со всей обстановкой достанется Хортону.

* * *

Бун вошел в небольшой, ярко освещенный магазинчик при автозаправочной станции на окраине городка Хоуп. Снаружи стояла непроглядная, холодная, дождливая ночь, а здесь было светло, тепло и почти уютно. Бун приехал сюда из своей уединенной хижины в горах, чтобы пополнить запасы. Из Ванкувера он сбежал сразу после разговора с теми двумя легавыми. Никакого желания давать показания

или оставлять им образцы ДНК он не испытывал – с самого начала Бун догадался, в каком направлении движутся мысли женщины-сержанта, и воспользовался первым же случаем, чтобы сделать ноги.

Бун как раз укладывал в проволочную корзинку банки консервированной фасоли, когда его взгляд упал на экран маленького телевизора за прилавком. Звук был выключен, но по нижнему краю экрана скользили буквы бегущей строки:

...ПОЛИЦЕЙСКИЕ ВОДОЛАЗЫ ОБНАРУЖИЛИ
ТЕЛО...

Бун выронил банку, и она закатилась под стеллаж. Не отрывая взгляда от экрана, он деревянной походкой направился к прилавку.

– Не могли бы вы сделать звук погромче?.. – попросил он кассира.

Кассир удивленно посмотрел на него, но потянулся к пульту.

«...Похоже, поиски пропавшей уборщицы Кит Дарлинг подошли к трагическому завершению. Источник, близкий к расследованию, утверждает...»

– Они нашли тело, – сказал кассир, показывая большим пальцем на экран.

Бун сглотнул, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Медленно поставив корзинку на прилавок, он двинулся к выходу из магазина и поплелся через стену дождя к своей машине.

Дневник

Мы сидим на берегу на бревне. Мой надкушенный сэндвич валяется на песке. Бун плачет, закрыв лицо руками. Он всхлипывает и раскачивается из стороны в сторону, словно у него болят зубы. Не удивительно – я только что показала ему скопированную запись.

– Мне так жаль, Кит! Боже! Если бы ты только знала, как мне жаль!..

– Я любила тебя, Бун. Любила всем сердцем. Ты был моей единственной опорой в этом мире. Понимаешь?..

Он поднимает взгляд. Его глаза полны слез. Они стекают по его щекам, и у меня щемит сердце. Какая-то часть меня умерла в тот момент, когда я услышала на записи Дейзи его высокий, булькающий, истерический смех. Другая часть давно мертва и холодна как камень – не способна чувствовать. Я уже никогда не смогу никому доверять, не смогу подпустить ни одного человека достаточно близко.

– Я тогда еще не вышел из тени, Кит. Мне было страшно. Тогда, на горнолыжной базе, было несколько парней, которые мучили меня в школе. Они дразнили меня «педиком» и «петушком». Однажды они поймали меня в раздевалке спортивного центра, сняли с меня штаны и тыкали в меня бутылкой – грозились вогнать ее по самое доньишко. Я боялся, что, если я единственный расскажу правду о том, что видели все, меня... разоблачат перед всем городом как гея. Или сделают еще что-нибудь похуже. Тогда я был абсолютно уверен, что меня изобьют или даже убьют, если я настучу на Джона и других членов команды.

Он быстрым движением утирает слезы, но они продолжают течь по его лицу.

– Я был глупым и трусливым подростком, которому не к кому было обратиться за помощью. Мои родители умерли бы от стыда, если бы узнали, что я... что у меня такая... особенность. Отец и мать до сих пор ничего не знают. Я вышел из тени для других, но им я по-прежнему не могу в этом признаться. Просто не могу. Они так много сделали для того, чтобы я мог жить в этой стране! Они

просто не сумеют понять... Сейчас мама больна, она, наверное, уже не поправится. В общем, я бы предпочел, чтобы мои родители умерли, так и не узнав о своем сыне правды. Поверь, мне очень стыдно, что я ничего не сделал, чтобы защитить тебя. Я очень хотел быть храбрым, сильным, отважным – маленьким героем, о которых пишут в детских книгах. Я хотел бы быть мальчишкой, который готов рискнуть всем, чтобы защитить слабого, но я таким не был. Я был запуганным сопляком, который только-только начал сознавать свою сексуальную ориентацию. Мне хотелось быть как все. Я мечтал о дружбе. О любви. Но в те времена все это было мне недоступно. Надеюсь, ты хотя бы постарайся меня понять.

– Все эти годы я считала тебя моим ближайшим другом, Бун. Ты мог бы сказать мне, что был там.

– Но тогда я потерял бы твою дружбу, Кит. Я потерял бы тебя, а этого мне не пережить. Всю свою жизнь я пытался возместить тот вред, который причинил тебе своим молчанием, но...

– Но ты все равно меня потерял.

– Я сделаю все что угодно, лишь бы ты меня простила! Ты сможешь простить меня? Хотя бы когда-нибудь? Пожалуйста!..

Я отворачиваюсь и долго смотрю на волны, которые одна за одной набегают на песок. Да, наверное, я понимаю, что чувствовал Бун-подросток. Понимаю, что он сделал или, точнее, не сделал. Мне знаком страх. Я знаю, каково это, когда тебя отталкивают, не признают равней. Меня в свое время тоже дразнили и унижали, и мне тоже хотелось признания, дружбы, любви, восхищения. Как знать, может, время поможет мне простить и принять. А может, и нет. Я не знаю, как все кончится, и только один вопрос продолжает свербеть у меня в мозгу: почему, почему мы всегда должны «понять» насильника, грабителя, лицемера и предателя? Неужели понимание способно исцелить наши раны?

Мне кажется, душевную рану, особенно такую глубокую, вылечить невозможно. Можно лишь подобрать какой-то нарратив, который научит тебя с ней жить.

Ну а теперь, дорогой Дневник, я должна признаться в одной вещи. На самом деле у меня никогда не было психоаналитика. Просто однажды я задумалась, что бы я сделала, если бы какой-нибудь

психоаналитик уговорил меня вести дневник. И вот что из этого получилось... Впрочем, настоящая причина, по которой я начала делать эти записи, заключалась в том, что я должна была поведать свою Историю. Я должна была оставить после себя что-то, что заинтересует полицию.

Я должна была рассказать им о Джоне и Дейзи.

О том, что произошло со мной той страшной ночью на горнолыжной базе.

Я начала вести дневник в тот день, когда поняла, что убираю их дом.

Но самое интересное в том, что моя воображаемая психоаналитичка была совершенно права! Я начала свой дневник по одной причине, но незаметно для меня он превратился в нечто совершенно иное. Когда я писала эти строки, я постоянно спрашивала себя: почему? почему? почему? И в конце концов обещанный мне прорыв произошел.

Ты помог мне взглянуть на мой мир иначе, дорогой Дневник.

Ты помог мне не сдаться. Помог нанести ответный удар.

Ты помог мне понять, что я больше не хочу быть Безымянной. Не хочу быть призраком.

Теперь я хочу, чтобы меня заметили.

Боюсь ли я, что зашла чересчур далеко? Да, такое опасение у меня есть. Я боюсь, что могу не пережить того, что начала. Я боюсь, что в итоге мой план выйдет мне же боком. Что я погибну.

Но точка невозврата пройдена. Я – Тельма и Луиза^[20], которые на огромной скорости несутся к обрыву...

Мэл

4 ноября 2019 г. Понедельник

Рано утром в понедельник Мэл поехала в криминалистическую лабораторию. Бенуа вновь отправился на стройплощадку АДМАК, чтобы наблюдать за попытками полицейских водолазов извлечь тело со дна залива. Накануне проведению работ помешали сильное волнение и высокий прилив, но специалисты рассчитывали, что сегодня дело сдвинется с мертвой точки.

– На заднем сиденье «ауди», в щели между подушками и спинкой, мы нашли светлый волос, – сообщил Мэл начальник лаборатории Отто Вóжак и, подведя ее к задней дверце задержанного автомобиля Джона Риттенберга, показал место, откуда была извлечена улика.

– Волос крашеный? – привычно спросила Мэл.

– Да. Корень темный, так что... Мы уже проверили – волос полностью совпадает с образцами, найденными в хозяйской спальне «Стеклянного дома». Кроме того, здесь же, на заднем сиденье, обнаружены следы крови. На полу лежала порванная черная бархотка, также со следами крови.

Мэл вспомнила фотографию Кит Дарлинг. На снимке на шее девушки тоже была черная бархотка.

– Как насчет грязи на крышках и номерах? Она совпадает с образцами, взятыми на стройплощадке?

– Результаты сравнения образцов почвы будут готовы в ближайшее время, – сообщил Отто и, опустившись на корточки, показал на колеса «ауди». – Но уже сейчас можно сказать, что рисунок протектора полностью соответствует следам, найденным на причале. То же самое и с «субару».

– Могу я увидеть вещи, изъятые из второй машины?

– Прощу за мной... – Отто первым двинулся к длинному столу в дальнем конце лабораторного гаража, где стоял желтый «субару кросстрек».

– Все изъятое сфотографировано и описано, – сказал он. – Вот это – тот самый деревянный клин, с помощью которого была заблокирована педаль газа. Бумажник был найден под приборной доской. В нем лежали вот эти предметы... – Отто показал на выложенные в ряд водительские права на имя Кит Дарлинг, кредитные карточки «Виза» и «Мастеркард», карточку «СитиИнтраБанка», семьдесят долларов банкнотами и монетами, абонемент в тренажерный зал, накопительную карточку аптеки, карту лояльности универмага, читательский билет, несколько театральных билетов и чек из ресторана быстрого питания.

– Эта дамская сумочка также была в машине, – сказал Отто. – В ней лежало вот это...

Мэл двинулась дальше вдоль стола, внимательно рассматривая содержимое сумочки. Щетка для волос, довольно много косметики (она отметила губную помаду ярких, почти вызывающих цветов) и пять леденцов на палочке. От воды они сделались липкими, их обертки размокли и отставали. Несколько пластинок острой жевательной резинки с корицей. Автомобильные ключи с брелоком. Крошечный серебряный медальон с фотографией мужчины и женщины. Медальон заинтересовал Мэл, и она пристальней всмотрелась в лица этих двоих, гадая, могут ли они быть родителями Кит. Тут же ей вспомнилась пустая погребальная урна на полу квартиры девушки и слова Бун-ми Селима: «Ее мама умирала долго, мучительно, и Кит вся испереживалась... Ей было нелегко. А потом, когда мама наконец умерла, она долго не решалась развеять ее пепел. Но в этом году, когда со дня ее смерти исполнился год, я сказал, что Кит должна уже это сделать и что я готов пойти с ней. В общем, мы отправились в парк Лайтхаус и высыпали прах с обрыва в воду. Это раз. Два – в тот же день Кит начала работать на новых клиентов...»

– Вроде ничего необычного, такое носит с собой каждая женщина, – сказала Мэл, продолжая разглядывать стол. – Водительские права, кредитные и банковские карточки, косметика... – Она повернулась к Отто. – Но кое-чего не хватает. Где ее мобильный телефон? И дневник?..

– Мы аккуратно разделили страницы и отправили на просушку. Скоро вы его получите. К сожалению, записи в дневнике были сделаны фиолетовой гелевой ручкой, а такие чернила легко

растворяются в воде – не сравнить с обычной шариковой. Но я все-таки думаю, что после просушки большую часть текста можно будет прочитать. Мобильный телефон тоже пострадал от воды. Мы как раз пытаемся извлечь из него информацию.

– Но дневник, кажется, был герметично упакован...

– Это верно, но пластик оказался пробит, предположительно, во время падения автомобиля с причала.

– Как по-вашему, насколько это необычно – возить с собой личный дневник, да еще в герметичном пластиковом пакете?

– Умозаключения – это ваша работа, детектив. Я просто собираю факты – в меру моих научных знаний. Но я бы сказал: тот, кто положил дневник в пакет, хотел сохранить его сухим. И читаемым.

Мэл пристально посмотрела на Отто, но его лицо было непроницаемо.

– Как только дневник просохнет, мы сфотографируем каждую страничку, если понадобится – сделаем цифровую обработку и перешлем материалы вашей команде. То же самое касается и мобильного телефона: все, что удастся из него извлечь, когда он высохнет, также будет отправлено вашим.

– Ладно, а что там насчет предметов, которые доставили из «Розового коттеджа»?

Отто повел Мэл в рабочий зал лаборатории. Одетые в белые халаты криминалисты, сидевшие каждый за своим столом, подняли головы, чтобы посмотреть на вошедших, некоторые кивнули Мэл в знак приветствия. Добравшись до своего стола, Отто нажал несколько клавиш на ноутбуке, выводя изображение на большой экран на стене.

– Это ботинки, найденные в стенном шкафу Джона Риттенберга. Грязь на подошвах выглядит идентичной грязи со стройплощадки АДМАК, но, как я уже говорил, окончательный ответ может дать только сравнительный анализ образцов почвы. Кроме того, в углублениях подошвы и вот здесь, на мысках... – он показал, – обнаружены следы крови. Мы уже получили образцы ДНК из частной лаборатории, и... – Криминалист посмотрел на нее.

– Господи, Отто, не тяни!..

– Кровь на ботинках Джона Риттенберга принадлежит Кит Дарлинг. Кровь на сиденье «ауди» тоже совпадает с ее образцами. И волосы...

– Ты не мог сказать мне все это, когда я только сюда пришла?!

Отто Вожак рассмеялся.

– И какое в этом удовольствие?

Мэл закатила глаза.

– Ладно, выкладывай, что вы еще накопили.

– Отпечатки подошв в луже крови на месте преступления совпадают с рисунком на подошвах ботинок, найденных в шкафу Джона Риттенберга. Слабые потожировые отпечатки из «Стеклянного дома» также принадлежат Джону и Дейзи Риттенберг. Кстати, его кровь мы там тоже обнаружили, но в значительно меньших количествах.

Отто вывел на экран фотографии разбитых стаканов, найденных рядом с перевернутым кофейным столиком.

– ДНК Дейзи Риттенберг мы нашли на фрагменте винного бокала. ДНК Джона – на осколке бокала для виски. ДНК Кит Дарлинг – на этом бокале для коктейлей. – Щелчок клавишей, и на экране возникло новое изображение. – Нож из бассейна. На рукояти найдены отпечатки пальцев Дейзи Риттенберг, а в насечке – следы крови Кит Дарлинг.

Мэл молча смотрела на экран. Как там говорил Эмилио Росси?.. «Если вы найдете образцы ДНК моей клиентки в доме, то только потому, что она ужинала с хозяйкой «Нортвью» в прошлую пятницу. Она пила из бокалов, прикасалась к дверям и резала ножом колбасу».

И чуть раньше:

«...Ее муж был очень сердит и даже угрожал ей физическим насилием. Он был сильно пьян, и моя клиентка считает, что после ее отъезда он продолжил пить. О его теперешнем местонахождении она никаких сведений не имеет, а также не может сказать, возвращался ли он в «Нортвью» после их ссоры или нет».

Мэл плотнее сжала губы. Улики, перечисленные Отто, вроде бы подтверждали, что, вопреки заявлениям Риттенбергов, супруги все же побывали внутри «Стеклянного дома» *после* того, как внезапные судороги якобы вынудили Дейзи выронить пирог и цветы на крыльце. Кроме того, у них был мотив. Были показания Бьюлы Браун и временная последовательность, были записи дорожных камер, подтверждавшие, что «ауди» побывал на стройплощадке. Другие свидетели видели, как неизвестные сбросили в воду «субару» и ковер. Царапины на лице Джона тоже могли быть получены им не в

результате ссоры с женой. И все же что-то не складывалось. Мэл чувствовала, что чего-то не хватает.

Поблагодарив Отто, Мэл вернулась к машине. На обратном пути в участок она позвонила Бенуа.

– Пока ничего нового, – коротко отрапортовал он. – Ветер нагнал большую волну. Течение и ил мешают водолазам, и они снова приостановили операцию. Возможно, через несколько часов, когда начнется отлив, они предпримут еще одну попытку. Я тебе сообщу, как только что-то изменится.

Закончив разговор, Мэл поехала дальше. Она немного нервничала, с нетерпением ожидая новых сведений из лаборатории. Кроме того, Мэл привлекла к расследованию эксперта по анализу брызг крови, но от него пока тоже не было никаких вестей. И все же ей хотелось надеяться, что дело будет раскрыто в ближайшее время.

Когда она вошла в рабочий зал своей группы, ей навстречу шагнул Джек Дафф.

– Угадай, кто только что явился к нам совершенно добровольно.

Мэл сняла куртку и повесила на крючок.

– Терпеть не могу, когда люди говорят загадками, – сказала она. – Кто?

– Бун-ми Селим.

– Вот как? – Она вскинула взгляд на Джека. – Откуда он взялся? Он же вроде числился у нас без вести пропавшим.

Джек пожал плечами.

– Вид у него такой, будто он несколько дней не спал. Сказал, что будет говорить только с тобой или с Бенуа.

Мэл

4 ноября 2019 г. Понедельник

Бун сидел на темно-синем диване в одной из самых удобных комнат для допросов. Выглядел он ужасно. Небритый, взлохмаченный, он нервно заламывал пальцы, а его колени ходили ходуном.

Мэл села на стул напротив него, положив блокнот и ручку на стоящий между ними низкий столик.

– Вам было известно, что мы вас разыскиваем? – начала она.

– Мне нужен адвокат? – ответил он вопросом на вопрос.

– Вы имеете право на юридическое представительство. Если хотите, я дам вам номер бесплатного адвоката. Вы можете воспользоваться его помощью в любой момент. Ну а для начала расскажите мне, где вы были... Кстати, должна *официально* вас предупредить, что нас снимает камера, а звук записывается.

Взгляд Буна метнулся к установленной под потолком видеокамере. Потом он посмотрел на закрытую дверь допросной, и в его глазах промелькнуло такое выражение, словно он уже жалел о своем приходе в полицию.

Мэл терпеливо ждала.

– Я жил в лесу, в маленькой хижине рядом с Хоупом, – проговорил наконец Бун, потирая ладонью бедро.

– Почему вы решили скрыться?

– Я не скрывался. Мне нужно было время, чтобы... прийти в себя. Кит была моим лучшим другом. Единственным настоящим другом.

Мэл слегка напряглась.

– Значит, вы знали, что Кит погибла? – сказала она.

– Нет, этого я не знал. Я потерял ее как друга из-за... из-за одного поступка, который я совершил много лет назад. А когда она узнала...

– Почему вы пришли к нам сейчас? Что заставило вас покинуть хижину в лесу?

– Я пришел в магазин при заправке... за продуктами. По телевизору как раз показывали новости. Там сказали, что водолазы

нашли ее тело. Я... – Его голос сорвался, глаза наполнились слезами. – Она не должна была умереть! Все должно было быть совершенно иначе!

Бун шмыгнул носом и вытер слезы рукавом.

– Что именно должно было быть иначе? – спросила Мэл, придвигая к нему пачку салфеток. – Не спешите. Расскажите все с самого начала.

– Я и Кит... и вся наша компания... В свободное время мы увлекались ролевыми играми – надевали костюмы и устраивали маленькие импровизации прямо на улицах. Отправлялись в парк, на бульвар, в супермаркет и начинали представление, стараясь вовлечь в него как можно больше людей. Это была наша шутка. Мы так развлекались.

– Аккаунт Кит в Инстаграме тоже был шуткой? Тот, о котором вы нам рассказали, – @лисицаиворона. Там очень много фотографий, на которых она позировала с вами, Бун.

– Я уже сказал – это были просто ролевые игры. В этом не было ничего плохого. – Он потер лицо. – Как-то в конце сентября Кит предложила мне принять участие еще в одной такой «игре». Я должен был изображать персонажа по имени Харуто Норт. Она велела мне прийти в бистро и забрать ее оттуда. Сама она должна была играть супругу Харуто, женщину по имени Ванесса. Когда я приехал в бистро, я увидел Кит в парике и с накладным животом, как будто она беременна, – этот муляж она использовала, когда играла в нашем любительском спектакле «Три жизни Марии». Кит обедала с женщиной, которую, как я потом узнал, звали Дейзи Риттенберг. Я симпровизировал, разыграл властного, агрессивного мужа, эдакого домашнего тирана...

– И зачем Кит это понадобилось?

Бун-ми глубоко вздохнул и закрыл глаза, став на мгновение похожим на человека, который собирается броситься с обрыва в ледяную воду.

– Я... я не был полностью откровенен с вами, детектив, когда мы беседовали в прошлый раз. Я знал, что случилось с Кит в Уистлере много лет назад. Я тоже там был – на той горнолыжной базе.

– Вы были на вечеринке? И видели изнасилование?

Бун низко опустил голову и уставился на свои сложенные на коленях руки.

– Да. Я там был, но я так и не дал свидетельских показаний. Я мог бы спасти Кит и помешать Джону и остальным совершить что-то подобное в будущем, но я ничего не сделал. Я оказался... на *их* стороне, понимаете? С тех пор совесть не давала мне покоя, все эти годы она жгла меня изнутри. А недавно Кит узнала, что я тоже был на базе... Я пообещал сделать все, что она захочет, лишь бы она простила меня за то, что я ее предал, за то, что столько лет лгал. Тогда-то она и попросила сделать для нее несколько вещей, в том числе – сыграть роль Харуто.

Бун поднял голову и посмотрел Мэл в глаза.

– Я был перед ней в огромном долгу, сержант. Если бы восемнадцать лет назад я не промолчал, Катарина смогла бы родить ребенка. Может, тогда и ее отец отнесся бы к этому... иначе, не выгнал бы ее из дома. Может, он и не умер бы так рано. В школе Кит была очень способной, она отлично училась и вполне могла поступить в университет, даже получить стипендию. Она сохранила бы уважение к себе. Копы обвинили бы Джона и остальных, и жизнь Кит была бы совсем другой. Но я промолчал...

Кровь быстрее потекла по жилам Мэл.

– Вам известно, что в этой провинции не существует закона об исковой давности относительно преступлений на сексуальной почве? – спросила она. – И что все, что вы скажете сейчас, впоследствии может быть использовано как доказательства?

Бун кивнул.

– Почему же вы промолчали тогда?

– Я был геем и еще не вышел из тени. В школе меня жестко прессовали... До окончания школы мне оставалось всего полгода, и я очень не хотел привлекать к себе внимание. Дать показания означало для меня нарисовать на спине мишень. Вот почему я промолчал. Спрятался. И подвел Кит... Так что да, сержант, я ее должник. – Он замолчал, и его глаза снова наполнились слезами. – Существует много видов любви, сержант. Я люблю Кит. Она – это мой мир. Она моя сестра, моя лучшая подруга – мое все... Я хотел вернуть ее и ненавидел себя за то, что... за мое предательство. И поэтому делал все, что она хотела. Я играл все те роли, о которых она просила. А когда

понял, насколько может быть опасным то, что она затеяла, попытался ее отговорить. Я сказал – если Джон или Дейзи о чем-то пронюхают, они сделают все, чтобы помешать ей их разоблачить, но Кит меня не послушала. Она продолжала действовать так, словно ей было нечего терять. Может, после того, как она узнала, что я тоже ее предал, у нее действительно ничего не осталось. Ничего и никого...

– Что именно Кит собиралась предпринять? Чего она добивалась?

– Я знаю, что она пыталась манипулировать Риттенбергами, пыталась вынудить их усомниться в собственном здравом уме... Ну, по типу газлайтинга^[21]. Но я знаю далеко не все, сержант. Мне известно только, что Кит троллила Дейзи в инсте, оставляла в ее машине странные записки, подкладывала письма с угрозами в почтовый ящик в «Розовом коттедже». Еще она устроила так, что Джона Риттенберга поперли с работы. По ее просьбе я следил за ним и делал фотографии, которые... Кит сумела каким-то образом проникнуть в его компьютер, поэтому была в курсе его расписания – знала, где он будет и с кем. Один раз она переделалась соблазнительной женщиной по имени Миа, а я сфотографировал ее и Джона вместе. Во время слежки я узнал, что Риттенберг нанял частного детектива, и Кит нашла в его компьютере договор с агентством. В конце концов она захотела, чтобы я доставил этот договор и все фотографии, где Джон и Миа вместе, в штаб-квартиру «Терры Уэст». Тем же утром Риттенберга уволили. Из штаб-квартиры корпорации Джон поехал в магазин, купил бутылку виски и весь день пил на скамейке в парке, а вечером произошло это... нападение в «Стеклянном доме». Я... Если бы я знал, что Кит планирует встретиться с ним и с Дейзи, я бы ее остановил. Джон был сильно пьян и зол – он мог пойти на все.

– Что произошло в «Стеклянном доме», Бун?

Он нервно облизнул губы и некоторое время молчал, словно выбирая, с чего начать. Или решая, как много можно открыть.

– Я не знаю... Мне известно только то, что Кит «позаимствовала» несколько пакетов, в которых хранят кровь, и еще кое-какое оборудование у одной нашей знакомой. Она фельдшер на «Скорой», а в свободное время работает добровольцем на станции переливания крови. Начиная с июля Кит как минимум трижды наполняла эти пакеты собственной кровью, а потом прятала их в холодильнике

«Стеклянного дома» – она знала, что хозяева все равно вернуться не скоро.

Мэл немного подумала.

– Кит планировала инсценировку убийства?

Бун смахнул с кончика носа повисшую слезинку и кивнул.

– Она хотела устроить так, чтобы Риттенбергов заподозрили в убийстве, но что-то пошло не по плану. Джон вернулся в «Стеклянный дом» и... – Его голос прервался, он уронил голову на руки и зарыдал.

Мэл встала и вышла, чтобы принести ему стакан воды. Проходя через рабочий зал, она посоветовала остальным членам группы «подключиться» к записи камеры в допросной, после чего снова отправилась к Буну. Там она протянула ему воду и новую пачку салфеток.

Тот высморкался, выпил несколько глотков воды и наконец взял себя в руки.

– Продолжайте, – сказала ему Мэл. – И не спешите.

Бун судорожно вздохнул.

– Кит... Она хотела, чтобы все выглядело так, будто она потеряла очень много крови. Полиция решила бы, что такая потеря несовместима с жизнью, и взялась бы за Риттенбергов. Кит оставила следы крови на ботинках в шкафу Джона и в его машине, выдернула у себя несколько волос и заткнула куда-то в щель между сиденьями. Еще она заранее съездила на стройплощадку АДМАК и привезла оттуда ведро глины. Она размешала ее с водой и испачкала все те же ботинки, а остатками замазала номера «ауди». Ботинки она поставила на прежнее место в стенном шкафу, а сама купила точно такую же пару, чтобы оставить в «Стеклянном доме» кровавые следы. Еще она взяла из «Розового коттеджа» кулон Дейзи и спрятала в гостиной «Стеклянного дома».

– Похоже, Кит планировала все это в течение нескольких месяцев?

– Да, но подробностей я не знал. Ее план постоянно развивался, обрастал новыми деталями, по мере того как она все больше узнавала о Риттенбергах, об их делах. И не забудьте, сержант, мы любили ролевые игры. Нам это нравилось. Наша компания всегда была готова к представлению, к импровизации. Мы, клоуны, шутники, фокусники, иллюзионисты, называйте это как угодно, но мы этим гордимся.

Кстати, если найдете на месте преступления кровь Джона, это потому, что, когда Кит выступала в роли роковой женщины Мии, она заманила его в съемную квартиру и выкачала у него из вены где-то полпакета крови. Эту квартиру она тоже убирала, поэтому у нее были ключи. Но сначала Кит подмешала ему в виски наркотик. Не спрашивайте меня, какой и где она его взяла – этого я все равно не знаю. Может, купила у какого-то знакомого, который толкает всякую запрещенку вроде кетамина, кокаина или экстази. – Бун глотнул еще воды и вытер губы трясущейся рукой. – Некоторое время назад Кит расспрашивала меня об эпизоде из сериала о коронере, над которым я работал в качестве декоратора. Я рассказал ей об экспираторном брызге, о характерном рисунке артериального кровотечения, о прогнозируемых пятнах^[22] на стенах... Думаю, это и вдохновило ее устроить в «Стеклянном доме» что-то подобное.

– Бун, вы были в «Стеклянном доме» в вечер Хеллоуина?

– Нет.

– То есть Кит встречалась с Риттенбергами одна?

Он сглотнул.

– Она... В тот вечер Кит попросила меня кое-что сделать – и не задавать вопросов. И я сделал все, что она сказала. Я уже говорил вам, детектив, я чувствовал себя в долгу перед ней. И перед самим собой. Когда мы разговаривали на берегу, я пообещал, что готов на все, лишь бы она меня простила. А она ответила, что не будет требовать от меня ничего незаконного.

– И что же она попросила вас сделать?

– Кит взяла напрокат темно-серый «ауди S6» – точно такой же, как у Джона. Днем 31-го числа она поставила его около дома, где жила, – с замазанными грязью номерами, чтобы их не могли распознать дорожные камеры.

– То есть этот автомобиль можно было спутать с «ауди» Риттенберга?

– Запросто. Кит знала, что на стройплощадке АДМАК тоже есть камеры. Мысль провернуть этот трюк пришла ей в голову, когда она застряла в пробке на мосту и увидела «камеру самоубийц». Она огляделась и увидела, что в объектив камеры может попадать и участок стройплощадки рядом с силосами для зерна. Вечером в один

из выходных она съездила на стройплощадку, когда там никого не было, и осмотрела причал...

– Она собиралась сбросить с него свою машину?

Он кивнул.

– Вечером в канун Дня Всех Святых Кит попросила меня пригнать «ауди» от ее квартиры к «Стеклянному дому»... к определенному времени. Еще она велела мне надеть дождевик с капюшоном, чтобы меня никто не мог опознать, припарковать «ауди» позади ее «субару» и потихоньку пройти в сад через боковую калитку. Там мне нужно было обогнуть бассейн и проникнуть в дом через заднюю дверь, но... Когда я заглянул в гостиную, меня будто током ударило. Вся комната была в крови, мебель опрокинута, повсюду битое стекло... Кит тоже была там, и она очень нервничала, торопилась закончить. На ней тоже был широкий дождевик с капюшоном и еще муляж живота...

– То есть со стороны она по-прежнему выглядела беременной, несмотря на плащ? И ее можно было принять за Дейзи, так?

– Да, но я понял это позже. Когда я вошел, она стояла возле скатанного в трубку окровавленного ковра, из которого торчала белая кроссовка, тоже вся в крови. Кит сказала, что мы должны вынести ковер на улицу, протащить мимо бассейна и погрузить на заднее сиденье «ауди». Она сказала – я должен вести себя так, будто мне тяжело, как если бы внутри ковра находилось тело. Никакого тела там, конечно, не было, и я спросил, какую игру она затеяла, но она лишь напомнила мне о моем обещании. «Ты дал слово, Бун» – вот все, что она сказала.

Он слегка откашлялся.

– Перед тем как мы вынесли ковер, Кит бросила в бассейн окровавленный кухонный нож и закричала... очень громко. У меня даже кровь застыла в жилах от этого крика. Казалось, будто ее и в самом деле убивают. Потом мы проволокли ковер по площадке бассейна, закинули в машину. Кит, одетая как беременная Дейзи, села за руль «ауди», а я – в ее «субару». На двух машинах мы помчались на стройплощадку. Там мы сбросили ковер в воду, стараясь держаться так, чтобы попасть в объектив камеры на мосту. Кит была на сто процентов уверена, что рано или поздно вы сообразите посмотреть записи с этой камеры. Потом мы сбросили в залив «субару», где

лежали ее права, сумочка, телефон и другие вещи, в том числе – ее дневник. Кит специально упаковала его в герметичный пакет, чтобы вы нашли его и прочитали. Не знаю, что там было написано, – наверное, что-то такое, что доказывало вину Джона. А что там, правда или выдумки, я не в курсе.

– Значит, тела в ковре не было? – уточнила Мэл, лихорадочно перебирая в уме все известные ей факты. Полицейские водолазы нашли в воде женский труп, который застрял в старой арматуре ниже по течению от того места, где был сброшен «субару».

– Не было.

– Вы не врете мне, Бун?

– Нет.

– Ладно, что было дальше?

– Мы поехали обратно в город, и Кит попросила, чтобы я высадил ее за пару кварталов от «Стеклянного дома». Она сказала, что кое-что там забыла. Когда мы расстались, я вернул «ауди» в прокат.

– То есть вы высадили Кит поблизости от «Стеклянного дома»?

Глаза Буна опять наполнились слезами.

– Да. И это была самая большая ошибка в моей жизни. Дело в том, что, когда я отъезжал от «Стеклянного дома», мне показалось, что чуть дальше по улице стоит второй «ауди» – такой же, как у Риттенберга. Тогда я об этом не задумался, но теперь уверен – это был он. Он вернулся. Может, он даже следил за нами, когда мы ездили на стройплощадку.

– Джон Риттенберг?

Бун кивнул.

– Мне кажется маловероятным, что Кит решила вернуться в «Стеклянный дом». – Мэл покачала головой. – Вы сами сказали, что перед отъездом оттуда она громко закричала. Вероятно, чтобы привлечь внимание соседей. Она наверняка понимала, что к этому времени они могли вызвать полицию.

Он пожал плечами.

– Кит настаивала. Она говорила, что забыла в «Стеклянном доме» какую-то важную вещь, а поскольку вместе с машиной мы утопили ее водительские права, кредитки и все прочее, я подумал, что это может быть паспорт, «одноразовый» мобильник или что-то в этом роде. От того места, где я ее высадил, Кит могла бы выйти на променад,

который тянется вдоль берега. Я думал, что, если она увидит в «Стеклянном доме» посторонних – тех же полицейских, к примеру, – она туда не пойдет. А она... – Бун судорожно всхлипнул. – Она сказала – мы в расчете. И попрощалась. Больше я ее не видел.

– Во сколько вы ее высадили?

– Примерно в половине первого. Может, чуть позднее.

Откинувшись на спинку стула, Мэл некоторое время внимательно рассматривала Буна, ища малейшие признаки того, что он лжет.

– Не могла же Кит всерьез рассчитывать на то, что полиция обвинит Джона и Дейзи в убийстве, – медленно произнесла она наконец. – Она не могла не понимать, что криминалистический анализ образцов крови с места преступления рано или поздно обнаружит слишком сильное разложение красных кровяных телец, которые долгое время хранились в холодильнике вне человеческого тела. Она не могла не понимать, что полицейский специалист по анализу пятен крови может заметить какие-то несоответствия в расположении следов. Как вы считаете?

– Я и не думаю, что Кит рассчитывала создать безупречную имитацию убийства. Мне кажется, она просто хотела наверняка привязать Джона и Дейзи к дому, который выглядит как место жестокого преступления, и вынудить полицию начать расследование, которое привлечет внимание прессы. Поймите же, Кит была настоящей актрисой! Ей хотелось, чтобы ее видели, чтобы ею восхищались. Она хотела, чтобы эта выдуманная история – выдуманная, как и все посты в ее Инстаграме, – разворачивалась «вживую» на экранах телевизоров, в газетах, в разговорах людей, в слухах, в умах... Кит мечтала проткнуть мыльный пузырь нашей фальшивой реальности, но совершила фатальную ошибку, недооценив Джона. Он оказался слишком опасным человеком. Она вступила в схватку с чудовищем и поплатилась.

Бун достал из кармана какой-то предмет и положил на стол, но руку убирать не спешил. Он прикрывал предмет ладонью, словно защищая, но Мэл сумела рассмотреть, что это флешка.

– Что это? – спросила она.

Бун длинно, прерывисто вздохнул.

– На этой флешке две видеозаписи и две копии юридических документов. Одна запись и документы – это то, что Кит нашла в сейфе

в «Розовом коттедже», когда убиралась. Именно эти материалы заставили ее пойти ва-банк. Другая запись... – Его голос снова сорвался, Бун всхлипнул, зашмыгал носом. – Это та ночь в «Стеклянном доме», когда Кит встречалась с Риттенбергами.

– Она сняла их *внутри* дома?

– Да. Весь разговор, от начала и до конца.

– Камеры безопасности в доме в ту ночь не работали. Мы проверяли.

– Кит сама их отключила. Она не хотела, чтобы записи попали на сайт, где их могли увидеть настоящие Норты. Она всегда выключала наблюдение, когда убиралась. Но в ту ночь она прикрепила миниатюрную спортивную камеру к рогам своего маскарадного костюма. Файл с этой камеры я обнаружил у себя в электронной почте на следующий день. Точнее, не сам файл, а письмо со ссылкой на «Гугл-драйв», где он лежал. В письме Кит написала, что отправила ссылку сразу после того, как Риттенберги покинули «Стеклянный дом». Это было ее страховкой на случай, если с ней что-то случится. Я... наверное, надо было позвонить вам, в полицию, как только я получил это письмо.

– Вы говорили, там две записи. Что на первой – на той, которую Кит нашла в сейфе?

– Эта запись была сделана на горнолыжной базе в ту ночь, на ней – групповое изнасилование и все остальное... А документы – договоры о неразглашении. Один из них подписали мать Дейзи и мать Кит. По его условиям, Кит должна была избавиться от ребенка и отказаться от обвинений в адрес Джона, а за это Аннабель выплачивала миссис Попович полмиллиона долларов. Вторым договором подписан уже самой Дейзи и некоей Шарлоттой Уотерс. Шарлотта, или Чарли, была еще одной жертвой Джона. Условия те же: деньги в обмен на отказ от обвинений в изнасиловании, которое он совершил примерно год назад в Сильвер Аспенз в Колорадо.

– О'кей, – проговорила Мэл, пытаясь как-то переварить шокирующую информацию. – Нам необходимо взглянуть на записи и документы на этой флеш-карте, Бун. – А еще, подумала она, надо будет проверить записи камер наблюдения, которые могли зафиксировать появление Джона Риттенберга на стройплощадке АДМАК с *настоящим* трупом уборщицы.

Бун убрал ладонь, чтобы Мэл могла взять флешку. Очень тихо он сказал:

– Когда увидите запись, вы поймете, почему у Джона не было другого выхода, кроме как вернуться в «Стеклянный дом» и свести с Кит счета. – Его глаза помрачнели и словно провалились глубже в глазницы, взгляд стал тоскливым, угрюмым. – Кит не рассчитала свои силы. Впрочем, в ней всегда было что-то такое... саморазрушительное. Я знал это, но не сделал ничего, чтобы ее остановить. Я думал, я ей помогаю, но все закончилось не так, как я предполагал. Совершенно не так. Когда я услышал в новостях, что в заливе нашли тело, я сразу понял, что Джон, наверное, напал на нее, когда она вернулась в «Стеклянный дом», а потом отвез на стройплощадку и сбросил в воду.

Мэл

4 ноября 2019 г. Понедельник

Прежде чем вместе со всей командой засесть за просмотр принесенных Буном записей, Мэл позвонила Бенуа.

– Водолазы начали новое погружение, – сообщил напарник. – У них впереди довольно большое временное «окно» до следующего прилива, и они надеются на успех. Я перезвоню, как только будет что-то новое.

Мэл закончила разговор и присоединилась к своим людям, усевшимся перед большим настенным экраном. Как только она нажала «Воспроизведение», в рабочем зале сгустилась тяжелая тишина.

На экране они увидели Дейзи и Джона, которые стояли на пороге «Стеклянного дома» в ожидании, пока им откроют. В руках у Дейзи были цветы и коробка с пирогом, Джон возился со своим телефоном. Камера, с которой велась съемка, приближалась к прозрачной двери, и они увидели, как меняются лица гостей: у Джона отвисла челюсть, черты лица Дейзи отразили крайнее удивление. Дверь распахнулась, и они услышали голос, который, судя по всему, принадлежал Кит:

«Ну, привет, Дейзи! А ты, должно быть, Джон? Проходите, проходите! Добро пожаловать. Рада вас видеть».

Дейзи выглядела растерянной.

«Ч-что... что случилось с...»

«Ты имеешь в виду это?» – снова зазвучал голос Кит Дарлинг.

Дейзи выронила букет и пирог, и Мэл наклонилась ближе к экрану.

«А где же... ребенок?»

«Ты имеешь в виду мое брюхо? Силиконовый протез. Ты даже представить себе не можешь, какое количество муляжей беременности можно приобрести в онлайн-магазинах. Погугли как-нибудь на досуге... Не представляю только, для чего большинство людей их использует. Для изготовления фальшивых фотографий? Для того, чтобы просто прогуляться в таком виде в парке? Или кому-то хочется

проверить, каково это будет – оказаться беременной и с *настоящим* животом? А тебе известно, что в Интернете можно купить весьма реалистичных пластмассовых младенцев?»

Следователи молча смотрели, как Джон и Дейзи входят в гостиную, как Кит наливает гостям напитки и демонстрирует запись с горнолыжной базы, как Джон переводит деньги. Лицо у него было мрачным, тело напряглось как струна.

– У парня на уме явно убийство! – громко прошептала Лула.

Запись прервалась, когда Джон и Дейзи вышли из дома, но тут же начался другой фрагмент. На экране появилась Кит Дарлинг, которая сняла камеру и направила на себя. Она улыбалась, наклонившись чуть ли не вплотную к объективу, и Мэл не сдержала дрожи, когда экран заполнили ярко-алые губы и влажно блестящие пластмассовые клыки. Кит была густо накрашена. Указывая на красные пластиковые рога у себя на голове, она сказала:

«Эта мини-камера была спрятана вот здесь».

Казалось, убитая женщина обращается напрямую к полицейским из своей водяной могилы, словно она сидела в той же комнате. Жутковато, подумала Мэл. Похоже, и другие члены следственной группы чувствовали то же самое.

«Сегодня Хеллоуин, – сказала Кит на экране. – Символично, не правда ли? И дьявол получил свой фунт плоти».

Запись кончилась.

Мэл включила запись изнасилования. Следователи пристально изучали старые, прыгающие, зернистые кадры. Когда и эта запись подошла к концу, люди перед экраном долго сидели молча, словно скованные витавшим в воздухе напряжением. Мэл заговорила первой:

– Итак, мы имеем запись, на которой Джон Риттенберг и его товарищи по команде совершают групповое изнасилование, – сказала она, слегка прочистив горло. – Этого больше чем достаточно, чтобы предъявить ему обвинение, – добавила она, жестом указывая на экран. – С этим уже можно идти в суд. Нужно доставить Риттенберга сюда. С остальным можно поработать, пока он будет под замком.

– Что-то мне не верится, что Селим отвез Дарлинг обратно к «Стеклопанному дому», – сказал Джек Дафф. – Особенно после того, как она перебудила всех соседей своими воплями. Что-то здесь не сходится.

– Это действительно странно, – согласилась Лула, – но имей в виду: наряд полиции прибыл на место только через полтора часа после звонка Бьюлы Браун. Эта женщина уже совершала ложные вызовы в прошлом. Полиция Западного Ванкувера несколько раз выезжала по ее звонкам, но каждый раз оказывалось, что это либо еноты рылись в ее мусоре, либо в тених от деревьев старухе мерещились какие-то подозрительные типы. Поэтому звонок Браун был признан менее важным, чем поступившие позже вызовы. В результате патрульный экипаж прибыл на место с большой задержкой. Этого времени Риттенбергу вполне хватило бы, чтобы напасть на вернувшуюся Дарлинг, так что я не исключаю, что Селим говорит правду.

– Селим сказал, что готов назвать по именам всех, кто запечатлен на записи с лыжной базы, – сообщила Мэл. – Давайте с этого и начнем. Мы... – Зазвонил ее телефон. Это был Бенуа, и она подняла руку, призывая к тишине. Другой рукой она переключила телефон на громкую связь.

– Водолазы почти освободили тело. С минуты на минуту они поднимут его на поверхность.

Мэл поспешно встала, потянувшись к своей куртке.

– Я – на причал. Лу, займись Селимом, пусть опознает всех, кто есть на записи. Возьми у него письменные показания с подробным описанием произошедшего. Арнав, собери команду для задержания Джона Риттенберга. Гэвин, подключай Королевского прокурора, чтобы у нас не возникло никаких засад с обвинениями. Джек – на тебе связь с общественностью. Постарайся, чтобы хотя бы на этот раз мы опередили журналюг.

И, натягивая на ходу куртку, Мэл бросилась к выходу. Уже садясь в машину, она подумала о том, что Кит Дарлинг получила именно то, чего добивалась. Театр. Театр, в котором Джон с Дейзи оказались на сцене в свете прожекторов.

Кит осуществила свою месть. Она победила.

И заплатила за это жизнью.

Мэл

4 ноября 2019 г. Понедельник

Плотные серые облака повисли низко над землей, дул сильный порывистый ветер, хлестал косой дождь. Мэл стояла рядом с Бенуа у самой воды, где берег был укреплен наброской из гигантских бетонных блоков. Под ногами чавкала жидкая грязь. По мосту, под которым Тамара Адлер и депутат законодательной ассамблеи Фрэнк Хорват остановили свой «мерседес майбах», чтобы заняться сексом, плотным потоком двигались автомобили, и стальная махина гремела и стонала.

Мэл плотнее закуталась в куртку, глядя, как большой надувной катер осторожно маневрирует по волнам. Люди на борту катера корректировали движение находящихся под водой водолазов с помощью ярко-желтых нейлоновых тросов. Машинально следя за их жестикующей, Мэл вспомнила фотографию Кит Дарлинг. В ушах ее зазвучал голос Бьюлы Браун:

«Она блондинка и весьма симпатичная. Я видела ее лицо в бинокль. Очень, очень приятная девушка. Она машет мне рукой каждый раз, когда видит, что я на нее смотрю... Да, у нее такая забавная прическа – волосы зачесаны наверх и собраны в два пучка, как уши у кошки».

Мэл почувствовала стеснение в груди. Наверное, годы полицейской работы, заполненные смертями, жестокостью, несправедливостью, наконец-то начали сказываться. Кажется, ей действительно пора на пенсию.

Она посмотрела на напарника. Бенуа ответил ободряющей улыбкой, но глаза у него были грустными. Наверное, он чувствует то же, что и она. Во всяком случае, он совершенно точно что-то *чувствует*. Мэл давно убедилась, что ему не чуждо сострадание – свойство, которое может быть весьма ценным для следователя, особенно когда во время допроса ему необходимо «забраться в голову» преступника или жертвы. Но для полицейского, который расследует

убийства, сострадание может иметь и обратную сторону. Те следователи, которые умеют отключать чувства, дольше остаются в седле, поскольку профессия – особенно такая – всегда берет свое. И после тридцати лет службы Мэл чувствовала это все чаще.

– Все в порядке? – спросил Бенуа.

– Да. Просто я подумала о странном совпадении. Почему Риттенберг привез тело именно сюда?

– Ты считаешь, Селим говорит правду?

– Выясним. Я посадила ребят просматривать записи с камер слежения, сделанные после того, как Бун и Кит утопили «субару».

– Я рад, что мы ее наконец-то нашли.

– Противное дело... особенно под занавес.

– Да, тот еще «дембельский аккорд»... – Бенуа повернулся к заливу. – Мне будет тебя не хватать, Мэл.

– Я буду поблизости, и если тебе вдруг захочется выпить кофе или обсудить какое-то дело – добро пожаловать. Раньше мы с Питером частенько обсуждали разные запутанные дела. Теперь мне этого очень недостает.

– По крайней мере, Сэм Берковиц будет кормить ее ворону, – сказал Бенуа, когда на воде рядом с катером показались головы водолазов. В своих неопреновых капюшонах они были похожи на тюленей, которые решили порезвиться в волнах. Неяркий дневной свет поблескивал на стеклах их масок. Кто-то из сидевших в катере громко прокричал слова команды, и Мэл слегка сдвинула капюшон куртки назад, чтобы не мешал смотреть. Водолазы не спеша поднимали тело на поверхность. Оно лежало лицом вниз, и Мэл были видны только светлые волосы, которые покачивались в воде вокруг головы, разметавшись тонким веером. На утопленнице был лиловый жакет.

Водолазы начали буксировать тело к берегу. Когда они приблизились, Мэл и Бенуа спустились к воде по мокрым бетонным блокам подпорной стены. Высоко в небе затарахтел невидимый за облаками вертолет. На пешеходной дорожке моста снова собралась толпа, и Мэл подумала, что уже к вечеру представление, которое задумала и поставила Кит Дарлинг, будет на всех телеэкранах, в Интернете и в других СМИ. Журналисты скоро пронюхают, что Джона Риттенберга задержали за изнасилование, совершенное восемнадцать лет назад. Забеспокоятся и остальные участники этого преступления –

забеспокоятся и бросятся выяснять, что может грозить им. Дейзи Риттенберг будет ожидать рождения ребенка, гадая, чем все закончится для ее сына, для ее брака, для нее самой. А Аннабель и Лабден Уэнтворт, посмотрев новости, станут названивать своим дорогушим адвокатам в надежде, что те сумеют спасти репутацию их семьи.

Водолазы добрались уже до мелководья. Руки утопленницы, разойдясь далеко в стороны, мягко колыхались в волнах. На запястье одной руки Мэл разглядела браслет, на другой – часы. Утонувшая женщина была в джинсах и ботинках.

Сотрудники коронерской службы уже спускались к воде с носилками и черным пластиковым мешком.

Водолазы медленно перевернули утопленницу, и Мэл едва сдержала рвотный позыв, когда рой морских вшей бросился врассыпную, обнажив изуродованное лицо. Носа не было, вместо глаз зияли пустые глазницы, губы были объедены. Сквозь дыры, прогрызенные в щеках, виднелись зубы, и казалось, что мертвая женщина ухмыляется зловещей ухмылкой.

– Черт, – негромко выругался Бенуа. – Я, конечно, знаю, что морские вши, крабы и всякие там морские звезды могут за несколько дней оставить от тела одни кости, но это... это как-то... – Он не договорил и несколько раз кашлянул, словно прочищая горло.

Но Мэл уже взяла себя в руки.

– Ботинки, – прошептала она. – И волосы... они не светлые, они седые. – Мэл вскинула взгляд на напарника. – Это не она. Это не Кит Дарлинг.

Дневник

Кэт потянулась к бокалу, из которого кокетливо торчал коктейльный зонтик, и не спеша отпила глоток. Рот наполнили вкусы кокоса и личи. Теплый воздух, словно изысканный бархат, приятно ласкал ее обнаженные руки. Ветер нес запахи океана. Одетая в бикини, саронг, сандалии и широкополую соломенную шляпу, Кэт сидела на веранде крытого пальмовыми листьями прибрежного бара на Бали. Название у бара было символическое – «Карма-бич бар».

Кэт всегда мечтала побывать на Бали. Она прилетела сюда из Лаоса только сегодня утром – рейсом через Джакарту – и предвкушала долгий приятный отдых. И начинать его тоже нужно с приятного, подумала она, раскрывая тетрадь в бирюзовой обложке. Новый дневник. Чистая страница. В аэропорту Джакарты она даже ухитрилась купить несколько гелевых ручек с фиолетовыми чернилами. Кэт делает еще один глоток, отставляет бокал в сторону и начинает писать.

Почти всегда, начиная вести дневник или отправляясь в путешествие, ты имеешь в виду некую цель. Стремись к ней. Составляешь план и прокладываешь маршрут, но путь никогда не бывает прямым и гладким. Тебе мешают бури и ураганы, лавины и каменные оползни, несчастные случаи и цунами, и даже обычный ремонт шоссе может стать серьезным препятствием, из-за которого приходится двигаться долгим круглым путем. А еще по дороге тебе может встретиться такой же путешественник, как ты, который просит его подвезти, подбросить до того или иного пункта назначения. Ты соглашаешься, и... и твое путешествие, твой план, твоя цель меняются.

Был ли мой старый дневник частью моего плана подставить Джона Риттенберга? Сделать так, чтобы он оказался подозреваемым в убийстве? Разоблачить его и его жену, которые когда-то обошлись со мной так жестоко, так несправедливо? В каком-то смысле, наверное, да. Во всяком случае, записывать свои мысли я решила в тот день, когда поняла, что нахожусь в его доме. Я

знала, что должна что-то сделать. Я просто не смогла бы жить с осознанием того, что Джон вернулся и я нахожусь в его жилище, куда нет доступа никому. Да и от факта, что у него будет ребенок, тогда как я никогда не смогу стать матерью, тоже никуда не деться.

Я хотела, чтобы дневник с моей исповедью попал в руки полиции. Именно поэтому я оставила его в своей машине в запечатанном пластиковом пакете. Я хотела, чтобы следователи прочли мои слова даже после того, как моя машина окажется в воде. Можно ли считать мои записи «введением следствия в заблуждение»? Не знаю. Наверное, все-таки нет. Правда, я начала писать свой дневник именно с этой целью, но со временем он стал чем-то другим. Дневник был для меня разновидностью терапии. Способом исцелиться. Моя воображаемая психоаналитичка была совершенно права, когда говорила: «Просто записывай свои мысли, Кит. Выговорись. Выплесни это. Постоянно спрашивай себя – почему? почему? почему? – и в конце концов что-то произойдет». И это произошло. Я провалилась в кроличью нору и где-то в глубинах собственного подсознания обнаружила другую Кэт. Она говорила со мной из кривых зеркал в юнгианских лабиринтах моей души. Кэт хотела, чтобы ее увидели. Она хотела соединиться с Кит, которой я стала после пережитого насилия, а я... я вдруг прозрела и увидела себя совершенно иначе. И себя, и весь мир. Я увидела, от чего бежала, и оказалось, что это — я. Я бежала от себя самой. Я поняла, как мои навязчивые идеи и странности помогли мне уклоняться от всего, что могло причинить мне страдание. Мое подсознание начало разговаривать со мной, и настоящая Кэт обрела себя в строках, написанных чернилами в тетради с ярко-розовой обложкой в фиолетовый горошек...

Кэт подняла голову. Какой-то американский турист возле стойки бара громко требовал от бармена, чтобы тот сделал погромче телевизор на стене. Бросив взгляд на экран, Кэт невольно замерла. Шла программа «Новости планеты», ведущие Бен Ву и Джуди Сэлинджер пригласили в студию детектива в отставке и адвоката по уголовным делам, чтобы обсудить «Дело о таинственном исчезновении уборщицы и обнаружении чужого тела».

Схватив тетрадь и ручку, Кэт запихнула их в пляжную сумку из соломки, подхватила бокал с коктейлем и двинулась к барной стойке.

Сев на высокий барный стул, она повернулась к экрану.

«...Полиция наконец-то закрыла давнее дело о пропавшей без вести, когда полицейские водолазы, разыскивавшие труп уборщицы Кит Дарлинг, извлекли из воды тело исчезнувшей некоторое время назад Сильвии Каплан – семидесятиоднолетней женщины, страдавшей старческим слабоумием, – вещала Джуди. – В последний раз Сильвию видели на автобусной остановке возле ее дома почти два месяца назад. Предпринятые правоохранителями и добровольцами поиски не принесли никакого результата, и только четвертого ноября тело пропавшей было обнаружено на дне залива Беррард. Впоследствии было установлено, что Сильвия Каплан села на автобус, который доставил ее на Северный берег. Там она вышла из автобуса неподалеку от парка, расположенного чуть восточнее места ее гибели. Считается, что миссис Каплан была полностью дезориентирована – что характерно для заболевания, которым она страдала. Вероятно, она забрела на заброшенную стройплощадку на берегу и, подойдя слишком близко к заливу, оступилась и упала в воду. Приливные течения отнесли ее тело к мосту Лайонс-Гейт, где оно застряло среди скопившегося на дне техногенного мусора».

«В таком случае, – вступил Бен, – где же та таинственная уборщица, которая устроила инсценировку собственной гибели, чтобы отправить в тюрьму двукратного олимпийского чемпиона по горным лыжам, который изнасиловал ее восемнадцать лет назад? Бывший следователь Канадской королевской конной полиции сержант Леон Тоси и отставной адвокат защиты Рената Роллинс пришли сегодня в нашу студию, чтобы попытаться решить эту загадку, привлекающую к себе пристальное внимание зрителей не только в Северной Америке, но даже в Великобритании и Австралии».

«Одну минутку, Бен, – сказал Леон, слегка наклоняясь вперед. – Должен предостеречь: несмотря на то что Джону Риттенбергу действительно было предъявлено обвинение, суд еще не вынес своего приговора, поэтому в настоящее время мы можем говорить только о предположительно совершенном им изнасиловании. Что касается нынешнего местонахождения Кит Дарлинг, нам известно только то, что человек, предъявивший паспорт на ее имя, вылетел из Ванкувера в международный аэропорт Ваттай в Лаосе на следующий день после инсценированного убийства. Кроме того, согласно имеющимся в

распоряжении полиции финансовым документам, Джон и Дейзи Риттенберг перевели на имя Дарлинг девятьсот тысяч американских долларов, которые Кит незамедлительно перечислила на свой офшорный счет на Каймановых островах».

«Иными словами, она инсценировала собственную смерть, а сама сбежала с деньгами», – сказала Джуди с вызывающей улыбкой.

«Мне по-прежнему не совсем ясно, действительно ли Кит рассчитывала, что ей удастся реализовать свой замысел и выйти сухой из воды, или же ее главной целью было разоблачение и судебный приговор обоим Риттенбергам», – сказала Рената.

«Будет ли полиция разыскивать Кит в Лаосе? – поинтересовалась Джуди. – Будут ли ей предъявлены обвинения? Именно эти вопросы задают нам наши подписчики в Твиттере, Фейсбуке, Инстаграме, ТикТоке и Ютьюбе. Кит Дарлинг стала знаменитостью. Она – кумир униженных и оскорбленных, аутсайдеров и жертв несправедливости. Ее поддерживает огромное количество наших зрителей».

«Но какое обвинение ей можно предъявить? – авторитетно проговорил Бен. – Мошенничество? Вымогательство? Препятствование отправлению правосудия? В конце концов, имитация убийства – разве это не преступление?»

Ему ответила Рената:

«Как правило, препятствование правосудию подразумевает фальсификацию улик с целью запутать, направить по ложному пути расследование реального преступления. Имитация, подготовленная Кит Дарлинг, – это не убийство. Во всяком случае, физически никто не пострадал».

«В данном случае она скорее жертва, – вмешалась Джуди. – Ее предало общество, предало правосудие, предала система. Ее предали даже ее родители и друзья. Кит не получила справедливости, на которую имела полное право».

«А как насчет вымогательства? – не сдавался Бен. – В конце концов, она все же получила от Риттенбергов деньги».

«На допросе Дейзи Риттенберг официально заявила, что эти деньги были подарком для Кит. Джон это подтверждает. По словам Дейзи, когда она узнала, кто такая Кит на самом деле, она почувствовала себя виноватой и ей захотелось как-то компенсировать девушке понесенный ею ущерб».

«Девятьсот тысяч – это намного меньше, чем Риттенбергам пришлось бы заплатить, если бы дело дошло до официального разбирательства. Кит Дарлинг вполне могла подать гражданский иск и выиграть, – сказала Рената. – Впрочем, Джон Риттенберг ничего не признает. Ему предстоит суд, и в случае обвинительного приговора ему придется провести за решеткой немало лет. Другим участникам изнасилования также предъявлены серьезные обвинения, но они, вероятно, попытаются заключить сделку с правосудием. А это подразумевает, что им придется дать показания, уличающие Джона».

«Кроме того, – добавил Леон, – у нас есть заявления других женщин, с которыми Джон поступил похожим образом. Они обвинили его в изнасиловании после того, как история Кит Дарлинг стала широко известна».

«Да, у закона имеются очень серьезные претензии к Риттенбергам, – подтвердила Рената. – Так что им не позавидуешь. Что же касается вашего вопроса, собирается ли полиция разыскивать Кит Дарлинг, то тут есть определенные трудности. Эта женщина умна. Я думаю, она выбрала Лаос не просто так – у этой страны нет договора об экстрадиции с Канадой».

«Но наше правительство все же могло бы обратиться с такой просьбой», – заметил Бен.

«Разумеется, однако тут встает вопрос о соотношении усилий, которые пришлось бы предпринять дипломатам, и конечного результата. Иными словами, можно ли сказать с уверенностью, что преступник, которого должны экстрадировать, получит реальный срок. У меня на этот счет имеются большие сомнения, а это значит, что никаких усилий в этом направлении, скорее всего, предпринято не будет. Кит Дарлинг останется на свободе, а Джон Риттенберг отправится в тюрьму. Его жене, скорее всего, тоже будут предъявлены обвинения в препятствовании правосудию».

«Что грозит приятелю Кит, который ей помогал?»

«Из источников, близких к расследованию, – сказал Леон, – Бунми Селиму была предложена сделка, в рамках которой он обязуется оказывать полное содействие следствию – в частности, он должен назвать по именам всех, кто был задействован в событиях восемнадцатилетней давности, а именно подмешивал наркотик и

участвовал в групповом изнасиловании Кит Дарлинг, или Катарины Попович – это имя она носила в те годы».

«Селим также даст показания на процессе Джона Риттенберга, – добавила Рената и, улыбнувшись, пожала плечами. – Что касается убийства, то – «ничего не было», как писали в тех старых газетах».

По экрану скользнуло изображение газетного листа. Крупный черный заголовок торжественно заявлял:

«НИЧЕГО НЕ БЫЛО!»

«Знаменитый горнолыжник Джон Риттенберг, известный болельщикам как Берг-Бомба, заявил, что все обвинения в изнасиловании в его адрес «являются ложью» и что на самом деле «ничего не было»...»

Камера снова показала Бена Ву.

«Я бы назвал это «парадоксальным правосудием».

«Или кармой...» – улыбнулась Джуди Сэлинджер.

* * *

Кэт мысленно вернулась к тому вечеру, когда она, переодевшись Мией Райтер, заманила Джона Риттенберга в квартиру, которую она тогда убирала. Она поцеловала его – и едва совладала с тошнотой. Гнев помог ей справиться с собой. После того как Джон отключился, в квартиру вошли Бун с приятелем. Надев перчатки, Бун покрыл пенис и лобок Джона какой-то липкой субстанцией, которую принес с собой, а затем втер ему в анальную область спортивную согревающую мазь, предназначенную для облегчения мышечной боли. Кэт знала, что при попадании на слизистые оболочки или на тонкую кожу интимных органов эта мазь жжет как огонь. Таким способом она хотела дезориентировать Джона, сбить его с толку, заставить сомневаться в адекватности своего восприятия происшедшего. Она хотела, чтобы он мучился, вспоминая все, что с ним якобы произошло. Она хотела, чтобы Джон считал себя жертвой, чтобы он на собственной шкуре испытал все, что чувствовала женщина, которую он унизил и изнасиловал.

После этого Бун и его друг устроили весьма убедительное представление, позируя с обнаженным Джоном на кровати, пока Кэт делала фотографии. Потом все трое ушли. Кэт и приятель Буна уехали, а сам Бун отправился к своей машине, припаркованной на противоположной стороне улицы, чтобы сфотографировать Джона, когда тот очнется и выйдет из здания.

По правде сказать, Кэт была не в особенном восторге от своего плана, но она знала: Джон и ему подобные ежедневно проделывают с женщинами нечто подобное. Так всегда было и, вероятно, всегда будет. И каждый раз они отделяются от всех обвинений словами: «Она сама этого хотела», «Она лжет», «Она была пьяна».

«Ничего не было».

И Земля продолжает вращаться как ни в чем не бывало.

«Кто-то должен был нанести ответный удар. Кто-то должен был показать мужчинам, что чувствуют их жертвы», – подумала тогда Кэт.

– Привет, – окликнул ее какой-то парень, говоривший с австралийским акцентом.

Она обернулась.

– Ты здорово на нее похожа – на эту уборщицу из новостей.

Кэт улыбнулась.

– Мне часто это говорят.

Соскользнув с барного табурета, она взяла в руки сумку из соломы и, выйдя на яркое солнце, двинулась по узкой тропке вдоль пляжа. В воздухе разливалось благоухание орхидей. Океан – глубокого синего цвета – протянулся до самого горизонта. За ее спиной, в глубине острова, дремали окутанные туманом древние вулканы. Остановившись на мгновение, Кэт сделала селфи. Проверив, что получилось, она загрузила снимок на свой аккаунт @лисицаиворона и добавила несколько тегов:

#кармасуществует; #водасказка; #ждувгости;
#следующаяостановкапоселокпапы

Улыбнувшись, Кэт нажала кнопку «Поделиться».

Бун увидит это, подумала она, пряча телефон обратно в сумку. Увидит и поймет, что это означает.

Кэт двинулась дальше по тропе, и в ушах ее снова и снова звучали слова ведущих новостей.

«Я бы назвал это «парадоксальным правосудием».

«Или кармой...»

«Ничего не было».

И все-таки что-то *было*. Той ночью она убила свое Чудовище. Вступила в схватку с Травмой, которая заставляла ее прятаться, делала ее невидимой. Безымянной. И победила.

Ее увидели.

Как и Джона с Дейзи.

Карма существует, детка, подумала она, разворачивая ярко-красный леденец.

Засунув конфету в рот, Кэт пошла дальше, с каждым шагом все глубже погружаясь в золотое сияние заходящего тропического солнца.

Мэл

Потягивая остывший кофе, Мэл дочитывала последние сканы страниц дневника Кит Дарлинг. Бенуа сидел в противоположном углу рабочего зала и тоже читал, шелестя страницами. Был уже вечер, ветер улегся, падал тихий снег.

...Когда я в первый раз пыталась написать часть, которая озаглавлена «КАК ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ», в нее попали лишь фрагменты моих воспоминаний. Обрывки, которые возвращались ко мне в ночных кошмарах, заставляя просыпаться в поту. Казалось, они приходят откуда-то издалека, всплывают из такой невероятной глубины, что их легко можно принять за воспоминания совершенно постороннего человека. Только потом мне пришло в голову, что сам процесс писания поможет мне восстановить недостающие фрагменты, извлечь их из темных лабиринтов памяти. Сначала я писала от третьего лица, как бы с безопасной дистанции... Но чем подробнее я исследовала жизнь Дейзи и Джона, тем глубже погружалась в прошлое, а после того, как я нашла запись, услышала музыку и голоса и увидела почти стертые временем лица, кусочки мозаики разом встали на свои места. Я смогла рассмотреть всю картину целиком, раскрыть цвета и глубину, облечь плотью тени и звуки.

Теперь я снова возвращаюсь к самому началу, только эта глава будет называться не «КАК ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ», а «КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ». Я дополнила ее фактами и переписала от первого лица. От своего лица. Теперь это действительно мое. Настоящее. Мне больше не нужно прятаться. Это я. Это не приснившийся мне кошмар, а то, что я видела наяву. Не «она», а «я».

Как все начиналось

Мне кажется, я балансирую между сном и бодрствованием, плавно переходя из одного состояния в другое. Но нет, это не сон... Внезапно я понимаю, что не сплю, что лежу вовсе не в своей постели, что мне грозит опасность... Паника вспыхивает в груди, мешает дышать. Где я?!

Я пытаюсь сглотнуть, но в горле пересохло. Во рту стоит какой-то странный привкус. Что это может быть? Догадка пронзает, как удар электрического тока. Кровь. Это кровь... Я вздрагиваю, мое дыхание становится неглубокими и частым. В страхе я пытаюсь повернуть голову, но ничего не получается. Мое лицо закрыто грубой влажной тканью, руки веревками притянуты к бокам. Я в ловушке, я в плену...

Только сейчас я начинаю чувствовать боль, острую, невыносимую боль. Болит все. Ломит плечи. Ноют ребра. Тянет в животе и саднит в промежности. Боль пульсирует в висках и затылке, в крови бушует адреналиновый шторм. Я открываю глаза, но ничего не вижу. Может, я ослепла? Новый приступ паники вонзается в мозг, словно осколок холодного стекла. Я хочу закричать, но звук получается глухой и почти не слышимый.

Где я?.. Что со мной?..

Нужно сосредоточиться. Паниковать нельзя, это опасно. Думай, думай... Вспоминай.

Но в голове по-прежнему плавают густой туман. Усилием воли я пытаюсь разогнать его вязкую пелену и мыслить ясно. Если зрение подводит, что скажут остальные чувства? Что я чувствую? Холод? Ступням очень холодно. Почему? Я пробую пошевелить пальцами ног и ощущаю... воздух. Я босиком? Нет, боса только одна нога, другая обута.

Что еще?.. Кажется, я ранена. Тяжело ранена. Так, во всяком случае, я думаю. В затуманенный мозг медленно просачивается воспоминание: я кого-то отталкиваю, отбиваюсь, кричу. Кто-то хватает меня, прижимает к земле. На меня напали – сейчас я это понимаю. Напали, повалили, скрутили... Теперь я во что-то завернута

– в штору? одеяло? ковер? – и меня куда-то везут. Я чувствую, как меня подбрасывает на ухабах, ощущаю мелкую дрожь поверхности под собой. Это похоже на работу мотора. Я в машине? Да, меня куда-то везут в легковом автомобиле. Я лежу на заднем сиденье. С переднего сиденья доносятся голоса, интонации напряженные, резкие... Кто-то спорит, настаивает, сердится... Сквозь голоса пробивается негромкая музыка – в машине работает радио. Куда меня везут?

Потом я начинаю различать слова:

– Бросить в укромном месте... Сама виновата... Весь вечер напрашивалась... Он не виноват...

Мой разум снова соскальзывает в темноту. Но я не поддаюсь. Я прислушиваюсь к голосам и наконец узнаю. Дейзи. Это Дейзи Уэнтворт и ее приятельница, чьего имени я не помню. Она спорит с Дейзи, которая, похоже, сидит за рулем:

– Ее нельзя просто бросить где попало. Температура упала... Ночью обещали снег. Она может замерзнуть насмерть.

– Эта тварь сама виновата. Весь вечер она на него вешалась...

– Ты же видела – ей что-то подмешали в вино... Он подмешал!..

– Заткнись. Просто заткнись, ладно?.. Я подумаю. Слушай, может, бросим ее на пороге ее дома? Родители ее найдут. Вряд ли она что-то вспомнит, а если вспомнит – будем говорить, что она лжет. Каждое ее слово – ложь, запомнила?..

Тишина. Долгая тишина, которую нарушает только негромкая музыка, льющаяся из автомагнитолы. Машина поворачивает, и я слышу, как покрывки скрипят на снегу. Теперь я знаю, где мы. Рядом с моим домом.

– Пойми, если все откроется, Джона и других парней выгонят из команды. У тренеров тоже будут неприятности – они должны были следить за нами... Их даже могут посадить. Не тренеров, а Джона с ребятами, а это конец всему. Никаких соревнований, никакой карьеры... Эта сучка их уничтожит. Ты этого хочешь?

– То, что они сделали...

– Парни дичают, когда сбиваются в стаю. Они совершают вещи, которых никогда бы не сделали поодиночке. Кроме того, они напились. И обкурились. Гормоны, самомнение плюс стадное чувство... На

самом деле они не такие. Я уверена, такое никогда не повторится, но в этот раз... Короче, он попросил меня помочь. Увезти ее с базы.

– Он использует тебя, Дейзи.

– Он меня любит. А я люблю его. И я не позволю этой суке похоронить мои шансы... Джон обещал, что женится на мне. Его и мои родители знают, и они... не против. Нас обоих ждет блестящее будущее, и я не допущу, чтобы эта жирная дура, дочь иммигрантов, испортила наше с Джоном будущее. Ради него мы оба потратили немало сил.

Я по-прежнему балансирую на грани забытья. Меня выволакивают из машины и тащат вниз по ступенькам к двери нашей полуподвальной квартирке. Я завернута в старое одеяло, от которого воняет псиной.

– Какая она тяжелая! – говорит женский голос.

– Просто жирная. Давай тащи...

Бам-бам-бам!

Боль вспыхивает во всем теле. Я открываю рот, чтобы закричать, но по-прежнему не могу издать ни звука.

Еще один удар.

Меня швыряют вниз, и я ударяюсь головой о дверь нашей квартиры.

– Идем отсюда, – шепчет Дейзи. – Быстро!

– Нельзя оставлять ее здесь. Она может замерзнуть.

– В окнах свет. Нас услышали! Скорее, бежим!

После этого я наконец теряю сознание. Следующее, что я помню, это голос матери. Она сидит на кровати рядом со мной и держит меня за руку. Потом я узнала, что пролежала без сознания почти двенадцать часов...

Так что, дорогой Дневник, Дейзи тоже была передо мной в долгу.

* * *

Мэл откинулась на спинку кресла и пригладила рукой волосы.

– Нужно показать дневник Кит прокурору, – сказала она Бенуа. – Если все это правда, то старания Дейзи Риттенберг и ее матери помешать расследованию выглядят весьма неприглядно. Да и сама

Дейзи, оказывается, довольно активно пыталась замести следы. Думаю, Селим или еще кто-то из числа подозреваемых смогут назвать нам имя подруги, которая была с ней в машине. Нужно найти эту «приятельницу» Дейзи.

– Если она заговорит, Дейзи конец. Другой вопрос, *готова* ли она заговорить? И назовут ли ее остальные?..

– Мы ее вычислим так или иначе. А она обязательно заговорит, если поймет, что это может спасти ее шкуру... – Мэл собиралась сказать Бенуа что-то еще, когда дверь распахнулась и в зал вошла Лула. За ней шел Арнав, он нес большой торт с воткнутыми в него горящими свечами. Следом за ними появился Гевин, который прижимал к груди бутылку игристого и несколько фужеров. Шествие замыкал Джек с охапкой воздушных шаров.

– Не сердись, – со смехом сказал Бенуа, увидев выражение лица Мэл. – Я не смог их отговорить.

– Приятной пенсии, босс! – громко воскликнула Лула, ставя роскошный торт перед Мэл. – Мы знали – нам вряд ли удастся уговорить вас надраться с нами сегодня вечером, поэтому решили, что праздник должен прийти к вам сам. – Поколебавшись, она добавила: – А что останется – заберете домой, угостите Питера. Для нас торт все равно слишком большой.

Мэл почувствовала, как ее захлестывают эмоции.

– Черт бы вас побрал! – воскликнула она, глядя на своих подчиненных. – Как же мне будет не хватать вас всех!

– Я слышала, вы собираетесь консультировать новое независимое подразделение по расследованию «висяков», которое собирает помощник ректора Школы криминологии, – сказала Лула. – Не спрашивайте, откуда я это знаю, – птичка на хвосте принесла. Говорят, университет получит солидный грант. В общем, я уверена, босс, – мы еще о вас услышим.

– И все-таки откуда ты это узнала? – спросила Мэл, смеясь. – Предложение поступило только сегодня утром, и я еще ничего не решила. Неужели никто здесь не в состоянии хранить тайну?

– Вы забыли, босс... – вмешался Бенуа. – Наша работа – раскрывать тайны, так что... А теперь задуйте поскорее свечи, иначе нам придется жевать шоколад пополам с парафином!

Мэл набрала в грудь побольше воздуха и дунула. Погасли все свечи за исключением одной, которая затрепетала, плюясь расплавленным воском. Она хотела задуть и ее, но передумала. Есть огонь, который никогда не гаснет, подумала Мэл. Лу права: она вернется. И пусть эти дела будут старыми, забытыми, списанными в архив. Сейчас для нее главное не это. Главное – Питер.

И она решительно задула последнюю свечу.

* * *

Бун увидел в Инстаграме новый пост и улыбнулся.

На снимке была она – его лучший друг. Она выглядела здоровой, загорелой, очаровательной. Спокойной. Она выглядела как человек, который путешествует и получает от этого удовольствие. И главное – она была жива. Жива.

Бун вспомнил, как рассказывал сержанту ван Альст о том, что высадил Кит поблизости от «Стеклянного дома». Якобы именно тогда он заметил подозрительную машину. На самом деле второй «ауди» Бун видел раньше – примерно в половине двенадцатого, когда они с Кит в спешке уезжали от особняка, – но не придал этому большого значения. Только потом он понял, что это мог быть Джон...

Да, сержант была права – возвращаться в «Стеклянный дом» было небезопасно, и не только из-за соседей или вероятности столкнуться с прибывшей на вызов полицией, но и потому, что Джон Риттенберг все еще мог скрываться где-то поблизости. Но он не подумал об этом, да и Кит настаивала, что ей необходимо заменить в гостиной фотографию, о которой она совершенно забыла. Вместо снимка, на котором они с Буном были запечатлены в Никарагуа и который она повесила на видном месте, чтобы обмануть Дейзи, приезжавшую на обед к «Ванессе», Кит хотела снова повесить фото «настоящих» супругов Норт. И он уступил. Убедившись, что в окрестностях «Стеклянного дома» не происходит ничего подозрительного, Бун подвез Кит к самому дому и дождался, пока она проделает все необходимое. От особняка он повез ее прямо на вокзал, где в камере хранения лежали ее чемоданы. Паспорт и «одноразовый» телефон были у Кит с собой. На «Скайтрейне» она отправилась напрямик в Международный аэропорт

Ванкувера, а он отогнал арендованный «ауди» обратно в прокатную фирму.

Сердце Буна болезненно сжалось.

Кит знала, что он увидит ее новый пост, думал он. Она знала, что он ежедневно заходит в ее аккаунт в ожидании новостей. И она не сомневалась, что он сразу поймет, где она. Карма-бич... Это было место из списка ее «хотелок» – место, о котором она всегда мечтала. Мечтала как и о справедливости. Что ж, и то и другое из списка можно наконец вычеркнуть.

Среди хештегов оказалась подсказка, намекающая, куда Кит отправится дальше:

#поселокпапы.

Этот шифр предназначался только для Буна, и он сразу же его разгадал. Речь шла о маленькой тайской деревне, в которой родился его отец, где встретились и поженились его родители и где он сам появился на свет. Бун часто рассказывал Кит, как бы ему хотелось побывать там, и вот теперь она звала его к себе.

Жду в гости. Вода – сказка.

Глаза Буна наполнились слезами, но он улыбался. Кит – его единственный друг – простила его. Она сообщала, где ее можно найти, и приглашала к ней присоединиться. Если только он захочет...

Хочет ли он?..

Ответ на этот вопрос мог быть только один.

Об авторе

Канадская писательница Лорет Энн Уайт является автором бестселлеров, вошедших в чарты «Амазон», «Вашингтон пост» и «Билд». Ее перу принадлежат популярные книги в жанрах триллер, саспенс и детектив – такие как романы «Тайна пациента», «Мост дьявола», «Поглощенные сумраком», «Самые темные дороги», «Девушка в темной реке», «Приманка для моего убийцы» и другие. По всему миру было продано более трех миллионов экземпляров книг писательницы. Лорет Энн Уайт является трехкратной финалистка премии *RITA*, лауреатом премии *Daphne du Maurier Award* за лучший роман в жанрах триллер и романтический саспенс, финалистка премии *Arthur Ellis Award*, а также обладательницей нескольких профессиональных премий меньшего масштаба.

Свою карьеру Лорет Энн Уайт начинала журналисткой, работала в Южной Африке и Канаде, потом решила посвятить себя художественной литературе. В настоящее время живет в Канаде, на северо-западном побережье Тихого океана, деля свое время между лыжным курортом Виктория в Прибрежных горах и хижинкой на берегу озера в Карибу – межгорном районе в Британской Колумбии. Когда Лорет Энн Уайт не пишет и не сочиняет сюжеты новых романов, ее можно встретить на озере, на берегу океана или на лесных тропах, где она гуляет со своей собакой, тщетно пытаясь избежать встреч с медведями. Более подробная информация о ее книгах собрана на сайте автора по адресу www.lorethannwhite.com.

notes

Примечания

1

Силос – емкость цилиндрической формы для хранения зерна и других сыпучих материалов. *(Здесь и далее – прим. переводчика.)*

21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России – *Здесь и далее.*

Уистлер – небольшой городок к северу от Ванкувера. В нем находится один из крупнейших лыжных курортов Северной Америки.

4

Экспираторный брызг – брызг крови, выходящей через нос или рот.

Доула – обученные компаньон или компаньонка, которые, не являясь профессионалами в области медицины, поддерживают другого человека в значимых жизненных ситуациях, связанных со здоровьем, таких как, например, роды, выкидыш, искусственный аборт или смерть. Доула оказывает пациенту практическую, информационную и эмоциональную поддержку. В ряде клиник Европы и Америки существуют специальные программы сотрудничества с доулами.

Вагю (японская корова) – общее название мясных пород коров, отличающихся генетической предрасположенностью к интенсивной мраморности и высокому содержанию ненасыщенных жиров. Мясо таких коров отличается высоким качеством и стоит очень дорого.

Церматт – горнолыжный курорт на юге Швейцарии.

Сапбординг, сапсёрфинг, – водный вид спорта, разновидность сёрфинга, в котором серфер, стоя на доске, гребет веслом, а не руками, как в классическом сёрфинге.

Кетогенная диета, кетодиета – диета с высоким содержанием жиров и умеренным содержанием белков.

«Подземелья и драконы» – настольная ролевая игра в жанре фэнтези.

Стрип-молл – длинное, разделенное на секции одно- или двухэтажное здание вдоль автотрассы, в котором размещаются небольшие магазины, ларьки, офисы.

Кортизол – гормон, который образуется в коре надпочечников. С эволюционной точки зрения кортизол является гормоном стресса, в том числе долговременного.

«Скайтрейн» – система легкого метро в Ванкувере. Маршруты линий проложены преимущественно на наземных эстакадах.

Бохо, или бохо-шик – стиль, основанный на различных богемных влияниях и влияниях хиппи.

«Серебряная тревога» – общедоступная система оповещения в Соединенных Штатах, передающая информацию о пропавших без вести пожилых людях с болезнью Альцгеймера, деменцией или другими психическими расстройствами, чтобы помочь в их поиске. «Янтарная тревога», или «Тревога Эмбер» – система поиска пропавших детей.

Возможно, речь об Agricultural Development and Marketing Corporation. (*Прим. ред.*)

Холистическое здоровье – течение альтернативной медицины, сосредоточенное на лечении «человека в целом», а не только конкретной болезни.

Мортиша Аддамс – вымышленный персонаж во франшизе «Семейка Аддамс». Обычно изображается похожей на ведьму, с чрезвычайно бледной кожей и длинными распущенными прямыми черными волосами. Одевается в плотно облегающие черные платья с бахромой на нижней кромке.

Преэклампсия – поздний токсикоз беременных, характеризующийся головной болью, нарушением зрения, тошнотой, болями в животе и диареей.

«Тельма и Луиза» – фильм о двух подругах, которые мстят мужчинам за свою неудачную жизнь и предпочитают вместе погибнуть (съехать на машине с обрыва), но не сдаться настигшим их полицейским.

Газлайтинг – форма психологического насилия и социального паразитизма, главная задача которого – заставить человека мучиться и сомневаться в адекватности своего восприятия действительности через постоянные обесценивающие шутки, обвинения и запугивания.

Прогнозируемые (проектируемые) пятна крови – вид пятен, возникающих, если источнику кровоизлияния была сообщена некая энергия.